

Борис Алексин

НЕОБЫКНОВЕННАЯ  
ЖИЗНЬ  
ОБЫКНОВЕННОГО  
ЧЕЛОВЕКА

III

ТОМ 1  
1928–1934

**Борис Яковлевич Алексин**  
**Необыкновенная**  
**жизнь обыкновенного**  
**человека. Книга 3. Том 1**

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=69407320](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69407320)  
SelfPub; 2023*

**Аннотация**

Продолжение романа. Действие тома 1 книги третьей происходит в Приморье с 1928 по 1934 год. Главный герой создаёт семью, становится членом партии, служит в рядах Красной армии. Работая на рыбопромышленном предприятии, он стремительно растёт в должностях – от заведующего складом до заместителя директора управления снабжения Тралового треста, и это в 20 с небольшим лет! Автор знакомит читателя с историей освоения Дальнего Востока переселенцами из Центральной России, подробно рассказывает о поистине гигантских темпах развития рыбной промышленности в 1930-е годы. Героя романа ждёт ответственная работа, серьёзные испытания, наводнение, пожар, а также неожиданные неприятности в процессе партийной чистки.

# Содержание

Часть первая	5
Глава первая	5
Глава вторая	19
Глава третья	30
Глава четвёртая	51
Глава пятая	80
Глава шестая	87
Глава седьмая	112
Глава восьмая	130
Глава девятая	159
Глава десятая	171
Часть вторая	251
Глава первая	251
Глава вторая	298
Глава третья	350
Глава четвёртая	372
Глава пятая	416
Глава шестая	446
Часть третья	478
Глава первая	478
Глава вторая	510
Глава третья	556
Глава четвёртая	596

Глава пятая	638
Глава шестая	659
Глава седьмая	682

# **Борис Алексин**

## **Необыкновенная**

### **жизнь обыкновенного**

#### **человека. Книга 3. Том 1**

## **Часть первая**

### **Глава первая**

Уже много раз, повествуя о судьбе Бориса Алёшкина, нам приходилось отвлекаться, отходить в сторону, чтобы описать, хотя бы в кратких словах, жизнь разных людей, так или иначе связанных своими действиями и даже самым своим существованием с ним. Необходимо сделать это и сейчас. Нам предстоит рассказать о семье Кати Пашкевич, ведь в самом скором времени она превратится в Екатерину Петровну Алёшкину. Её жизнь, уже начавшая во всех своих явлениях переплетаться всё чаще и чаще с жизнью Бориса, в самом скором времени соединится с ним навсегда. В результате их союза появятся новые люди – их дети, а затем и внуки, по всей вероятности, и правнуки, в назидание которым мы и

пишем эту книгу. Именно поэтому нам следует рассказать всё, что удалось узнать об истории семьи, в которой родилась и выросла Катя.

После реформы 1861 года во многих губерниях крестьяне остались не только без барина, но и без земли. Помещики хорошую землю освобождённым крестьянам давать не хотели. Так было в Тамбовской, в Пензенской, в Черниговской, да и вообще, в целом ряде губерний среднерусской чернозёмной полосы, где земля ценилась дорого. Многие крестьяне, не понимая сущности царской милости, посчитали, что отнятие у них земли – самоуправство помещиков и стихийно восставали против этого произвола. Бунты, как обычно называли эти восстания, подавлялись с большой жестокостью, а уцелевших бунтовщиков вместе со всеми их чадами и домочадцами насильственно отправляли куда-нибудь подальше: в Сибирь и даже на Дальний Восток, необходимость заселения которого ощущалась очень остро. Сосланных привозили в Одессу, грузили вместе с имевшимся у них скотом, запасами фуража, продовольствия и кое-каким домашним скарбом прямо в трюмы небольших пароходов и отправляли в путь. Для порядка их сопровождала небольшая конвойная команда. Более двух месяцев длилось тяжёлое морское путешествие, но вот, наконец, сосланных доставили в военный пост, размещённый в бухте Ольга. После выгрузки на берег им было предложено следовать на все четыре стороны и выбирать себе место для поселения.

Очутившись в глухом, необжитом, неведомом, суровом краю, переселенцы растерялись: «Куда идти? Где поселиться?» Кругом дикая тайга, сопки, быстрые речки и так надоевшее за два месяца море. Посоветовавшись, решили временно встать табором в бухте Ольга, послать ходоков на юг, к Владивостоку. Хотя в то время это был тоже простой военный пост, но говорили, что там предполагается строительство города, а недалеко от него – места, пригодные для пашни, и удобные бухты. На небольшом каботажном паруснике ходоки добрались до Владивостока, собрали возможные сведения о его ближайших окрестностях, и вскоре по их возвращении несколько семей – Калягины, Пашкевичи, Комаровы и другие – тронулись в путь на юг по побережью. Настоящих дорог тогда там не было, пользовались охотничьими тропами, кое-где прокладывая проезжий путь топором, а иногда пользуясь лодками. Ранней весной 1862 года эти семьи, наконец, добрались до облюбованного ходоками места около бухты Шкотта. Это название было дано бухте в честь впервые описавшего побережье отважного мореплавателя и исследователя.

Как известно, Владивосток, основанный в 1861 году, в 1862 году представлял собой группу небольших домишек, раскиданных по каменистым склонам сопки, примитивных портовых сооружений, амбаров и складов. Переселенцы могли, конечно, поселиться и в городе, но все они были крестьянами, и им хотелось поскорее вновь осесть на земле. Район

бухты Шкотта им очень понравился. Спускавшиеся к морю сопки были покрыты густым, совсем непохожим на среднерусский, лесом. Неширокие долины двух рек, впадавших в бухту, заросли высокой густой травой, в которой было множество каких-то невиданно красивых цветов. Земля этих долин в будущем обещала богатые урожаи.

В месте остановки переселенцев находился небольшой корейский посёлок, там же жили в нескольких фанзах, запрятанных в глубине сопки, и китайцы. Кое-как объяснившись с местными жителями и обойдя ближайшие участки местности, переселенцы решили, что лучшего места для житья им не найти. Густой лес изобилует дичью, в речках и бухте в большом количестве водилась разнообразная рыба. Так что, помимо продуктов земледелия, можно было легко добыть и другие варианты пропитания.

В целях повышения интереса народа к далёким окраинам империи правительство царской России предоставляло некоторые льготы. Одной из них было право разделять под пашню любое количество земли, какое в состоянии поднять переселенец. Эти льготы распространялись и на ссыльных. А в долинах рек Майхэ и Цемухэ (как их называли китайцы и корейцы, жившие в этом районе) свободной земли было много. Всё это и обусловило то, что вновь прибывшие обосновались около бухты Шкотта, а своё поселение назвали по имени бухты – Шкотово. Среди первых семей, осевших в этом месте, были Пашкевичи, Калягины и Комаровы.

Немного позднее к ним присоединились Мамонтовы и другие. Они построили первые дома на склонах и у подножия сопок, спускавшихся к травянистому лугу на берегу бухты. Как всегда бывает в таких местах, уже в ближайший год к первым поселенцам присоединились другие группы таких же выходцев из средней полосы России, и через каких-нибудь два года село Шкотово имело около полусотни дворов и являлось, по тем временам, довольно крупным населённым пунктом.

Семья Пашкевичей, по национальности белорусов, прибывшая, как мы уже говорили, одной из первых, к концу 1866 года состояла из четырёх человек: кроме родителей, подрастало два сына. Старший, Михаил, родился в год приезда, ему было уже более двух лет, а на руках матери был младший, Василий. Через год, то есть в 1867 году, появился и третий ребёнок, Пётр.

Пётр Яковлевич Пашкевич и был отцом той самой Кати, которая, как мы уже знаем из предыдущих глав, много лет спустя собиралась связать свою судьбу с Борисом Алёшкиным, но об этом потом. Рассмотрим жизнь Пашкевичей на протяжении этих длинных лет. Судьба их семьи, как это, хотя и редко, но бывало в переселении, сложилась в значительной мере удачно, а началось всё, как ни странно, с ухода одного из её членов.

После рождения Петра, когда трое маленьких детей связали жену Якова Пашкевича по рукам и ногам, хорошей

работницей, настоящей помощницей мужу в хозяйстве она уже быть не могла. Приехавший в Шкотово из Владивостока дьячок для отправления каких-то необходимых церковных служб, остановившийся в доме Якова Пашкевича, уговорил их с женой отдать ему на воспитание одного из сыновей, Василия. Своих детей у него не было и не могло быть, а они с женой очень хотели иметь ребёнка. Дьячок обещал, что когда Василий вырастет, то он постарается его выучить, и впоследствии мальчик станет для семьи Якова полезным членом. Он предложил за ребёнка внести, хотя и небольшие, деньги. Для крестьянина-переселенца эта сумма оказалась значительным подспорьем. Кроме того, то, что их сын попал в духовную, почти благородную семью, Якову Пашкевичу и его жене даже льстило. Уговоры дьячка подействовали, и вскоре Василий уехал во Владивосток. Забегая вперёд, скажем, что он прижился у этого человека, впоследствии ставшего священником и переехавшего на жительство в г. Благовещенск. Юношей Василий несколько раз приезжал в гости к родным, а затем порвал с семьёй всякую связь, и о его судьбе никто из Пашкевичей так больше ничего и не узнал.

Родоначальник семьи Яков Пашкевич был оборотистым, старательным и ловким человеком. Получив денежную поддержку за одного из своих сыновей, он сумел быстро встать на ноги. Он начал заниматься не только сельским хозяйством, но и участвовать в различных побочных подсобных промыслах: лесозаготовках, рыболовстве и охоте. Сумел

Яков достаточно ловко эксплуатировать и корейцев в качестве батраков и исполщиков, отдавая им захваченную землю для возделывания риса, а поляны на участках тайги – китайцам для посева мака. Яков Пашкевич очень скоро понял выгоду охоты на маралов, с целью добычи пантов и, пожалуй, одним из первых в Шкотове стал содержать маралов на заимках как домашних животных. Между тем семья его продолжала расти. Через несколько лет после Петра появился сын, названный Иваном, а ещё через два года и последний, Леонтий.

К началу 1880 годов, когда старшему сыну Михаилу исполнилось 18 лет, его женили. В Шкотове тогда школы ещё не было, но Яков, желая сделать старшего сына, как это истари велось на Руси, в будущем хозяином семьи, своим преемником, при помощи местных грамотеев обучил его чтению, письму и началам арифметики. Василий, как мы знаем, жил в семье духовного лица и получил достаточно обширное, по тем временам, образование, но он был отрезанный ломоть, и, по существу, к семье Пашкевичей отношения не имел. Третий сын – Пётр, мальчик бойкий, сноровистый, спорый во всяких домашних делах и различном мастерстве, в свои тринадцать лет являлся хорошим помощником отцу, но оставался совсем неграмотным.

Старший сын, Михаил, оказался полной противоположностью Петру, и если второй был действительно крестьянином-земледельцем, то у первого уже с самых ранних лет

начали проявляться коммерческие и предпринимательские способности. В свои восемнадцать лет, он, по существу, в семье Пашкевичей был душой всех подсобных дел: лесозаготовок, рыболовства и арендных махинаций.

Яков и его старший сын видели, что их грамотности для ведения предпринимательских дел, а именно они сулили достаток и богатство, – мало, и потому решили младших детей тоже учить. Десятилетнего Ивана и семилетнего Леонтия отправили учиться во Владивосток. При помощи того же священника, который уже был им знаком, это удалось осуществить. Младшие сыновья получили достаточное образование и в будущем на коммерческом и предпринимательском поприще оказали немало услуг своему старшему брату, да и сами, как говорится, вышли в люди. Однако оба они связи с семьёй и родным селом не порывали.

Конечно, всё это происходило не так гладко и просто, как мы описываем, ведь в крае, в котором, по существу, русская власть существовала только номинально, всю хозяйничали китайские хунхузы. Семье Якова Пашкевича, как и другим переселенцам, не раз приходилось вести с этими заезжими бандитами настоящие бои, рискуя жизнью, иногда бросая значительную часть своего имущества, чтобы спастись самим под защитой военного поста г. Владивостока.

Как бы там ни было, а к концу восьмидесятых годов XIX столетия семья Пашкевичей, состоявшая, главным образом, из мужчин, была крепкой, зажиточной. Сыновья выросли:

Михаил уже был женат, младшие заканчивали учение, собирались женить и Петра. Как это велось в то время, вся семья жила вместе, и поэтому могла легко справляться со всякими невзгодами.

В начале девяностых годов в Приморье была проведена так называемая земельная реформа – были упорядочены земельные наделы сельских общин. Население Дальнего Востока росло, вокруг Шкота стали появляться новые посёлки и сёла: Майхэ, Романовка, Новонежино, Многоудобное и др. Земли, пригодной для посевов, стало не хватать, поэтому и пришлось делить её на душу, а душой считался только член семьи мужского пола. Тут Якову Пашкевичу, прямо скажем, повезло. В то время, как его многодетный сосед Калягин имел в основном дочерей и получал 5–7 десятин, он на своих сыновей получал почти в четыре раза больше. Такое количество земли обрабатывать своим семейством, даже при наличии батраков, было невозможно, и поэтому чуть ли не половину Яков сдавал в аренду. Кроме того, Пашкевичи вскоре увидели, что такие подсобные промыслы, как лесозаготовки и рыболовство, дают большую выгоду, чем земледелие, и стали заниматься ими интенсивнее.

По крестьянским понятиям, Пётр Яковлевич Пашкевич женился поздно, ему исполнилось уже 22 года. Отец и старший брат настаивали, но долгое время его сердце не лежало ни к кому, а когда оно, наконец, проснулось, выбор пал на красивую, стройную девушку из многочисленных сестёр Ка-

лягиных – Акулину. Выбор Петра не только не обрадовал, но даже рассердил старших членов семейства: как-никак Пашкевичи считали себя зажиточными хозяевами, а Калягины, семья которых состояла из дочерей, хотя и работали не покладая рук, всё ещё не могли выбраться если и не из полной бедности, то, во всяком случае, из постоянных недостатков и нехваток.

Был у Акулины Калягиной и другой недостаток – ей, как и Петру, тоже исполнилось 22 года. Для девушки того времени это было уже очень много, и за ней начинала ходить обидная кличка «перестарок». Кто знает, может быть, Пётр Пашкевич и выбрал её потому, что пожалел, а может быть, у них были и более глубокие чувства, которые, бывает, зарождаются между людьми самым непостижимым образом. Так или иначе, но Пётр, на удивление своим родным, знавшим его мягкий и покладистый характер, в этом решении был твёрд:

– Или Акулина Калягина, или никто! – даже сказал он как-то брату Михаилу.

Отцу, конечно, сказать такое он не решился бы. Михаил уговорил отца женить Петра по его выбору, конечно, преследуя в этом определённую выгоду. Дело в том, что жена Якова Пашкевича, мать этого семейства, в 1888 году умерла, и вся женская домашняя работа свалилась на плечи жены Михаила, а та работать-то особенно не любила, да и её мужу было неприятно, что жена одна вынуждена обслуживать большую семью. Поэтому он так и торопился со свадьбой брата: была

нужна ещё одна работница в доме.

Акулина Григорьевна Калягина, став женою Петра, войдя в большую мужнину семью, сразу же показала себя старательной и толковой хозяйкой, в её проворных руках так всё и горело. Она успевала управляться и в поле, и в огороде, и на дворе, и дома. Вскоре на неё, по существу, легла вся тяжесть крестьянской домашней работы. В это время остальные члены семьи всё более и более отрывались от сельского хозяйства и погружались в различные подрядные работы, а их в Шкотове появилось много.

Один из первых подрядов был связан с необходимостью удовлетворять потребность Владивостока в свежем мясе. В город приезжали всё новые и новые воинские части, а никакого промышленного скотоводства в окрестностях не было. Предприимчивый Михаил, используя простоту своего брата Петра, подрядился поставлять в город скот из Шкотова, скупая его по дешёвке у местных крестьян и перепродавая интендантским чиновникам с большим барышом. Пётр же исполнял обязанности гуртовщика, перегоняя скот из села в город.

После посещения наследником престола, будущим Николаем II Дальнего Востока правительство империи начало укреплять этот край, для чего стали строиться военные склады и казармы для размещения войск, направляемых сюда из центра России. Войска предполагалось разместить как в городах Владивостоке, Никольск-Уссурийске и Хабаровске,

так и в некоторых местах по побережью Приморья. В числе этих мест оказалось и село Шкотово. Там решили построить большой гарнизонный посёлок. Основной рабочей силой на стройке были каторжники, китайцы и даже сами солдаты, но поставку различного рода строительных вспомогательных материалов, а также продуктов питания, должны были взять на себя жители ближайших селений. К этому времени в долинах рек Майхэ и Цемухэ их возникло уже около десятка. Конечно, в первую очередь, в поставках принимали участие жители самого Шкотова. Одними из первых предпринимателей в этом деле оказались и братья Пашкевичи – Михаил, Иван и Леонтий. Вскоре Михаил у устья реки Цемухэ построил небольшой лесопильный завод, весь лес с которого шёл на строительство казарм. Иван вошёл в долю с другим предпринимателем, Пырковым, и стал поставлять строительству кирпич, изготавливаемый на заводе, построенном ими же у подножия той сопки, на которой возводили казармы. Все они пока действовали от имени своего отца, как бы по его поручению, фактически же каждый из них хозяйничал сам, заботясь лишь о своей выгоде.

С началом этого строительства село Шкотово быстро разрослось. В нём построили церковь, начальную школу и даже заложили фундамент для большой высшей начальной школы. Открывалось много лавок и лавчонок, главным образом, предприимчивыми торговцами-китайцами. Всё время увеличивалось количество русского населения, и к началу XX

века Шкотово можно было считать довольно крупным селом, даже в Дальневосточном масштабе.

Если братья целиком отдались всякого рода торгово-промышленным махинациям и делам, то Пётр Яковлевич, в свою очередь, увлёкся другим – он страстно полюбил охоту. Отдавая полевым работам лишь самое необходимое время, всё остальное он проводил в беспрестанном путешествии по тайге с ружьём за плечами. Охота, да, пожалуй, ещё и рыболовство, собственно, и были теми дополнительными источниками дохода, которыми он мог поддерживать свою всё более увеличивавшуюся семью.

Правда, первые дети: дочь Анна, родившаяся в 1890 году, сыновья – Миша, 1893 года рождения, и Володя, родившийся в 1895 году, к великому горю матери, умерли от различных детских болезней ещё в раннем возрасте. Но четвёртый ребенок, теперь старший сын Василий, родившийся в 1896 году, остался жить и сейчас уже был бойким и смышлёным мальчиком. Мать любила его и удивлялась на своего мужа, который, хотя и не обижал, а по-своему был даже и ласков с ребёнком, однако в то же время как-то безразличен. Не заметила Акулина Григорьевна и особого проявления его горя при смерти первых детей. Родившаяся вслед за Василием в 1898 году Люба прожила всего несколько недель. До 1901 года детей не было, а затем родился сын, названный Андреем, – крепкий, весёлый младенец. Много было сил у этой молодой энергичной крестьянки, чуть не каждый год рожав-

шей и часто хоронившей своих детей, безропотно выполнявшей огромную работу по обслуживанию большой крестьянской семьи. А с Петром Яковлевичем началось неладное. Познакомившись на охоте с бродягами-охотниками из русских ссыльных, китайцами и удэгейцами, он начал выпивать. Вначале это не бросалось в глаза, так как выпивки проходили, главным образом, на охоте, но такие вещи долго в тайне держать не удаётся. Его охотничья добыча становилась всё меньше и меньше, так как большую часть добытого он пропивал. По селу поползли нехорошие слухи.

## Глава вторая

К этому времени скончался глава семьи Яков Пашкевич. Его дети, уже и раньше глядевшие в разные стороны, сразу же после его смерти решили разделиться. Этот раздел состоялся в 1903 году. Все братья-предприниматели построили себе хорошие добротные большие дома, а Михаил – даже каменный. Во дворах у них имелось много хозяйственных построек и порядочно скота. Все они были женаты, но жёны их так же, как и они сами, никакого участия в общем хозяйстве не принимали – всё лежало на Петре, а главным образом, на его жене Акулине.

Согласно словесному предсмертному указанию отца, главным распорядителем по дележу имущества между братьями был назначен старший из них, Михаил. Он и поделил имущество сообразно своему разумению и выгоде, так что все предприниматели остались при своих капиталах, заводах и деньгах, а Пётр Яковлевич и его семья, на которых, по существу, до сих пор держалось всё хозяйство отца, получил в наследство старый отцовский дом, пару сараев, две лошади и корову. Из заработанных семьёй денег, а также и доходов действующих предприятий, Петру не было выделено ничего. Он-де, на них не работал, денег этих не наживал, а даже то, что добывал охотой, и то пропивал, – таково было резюме старшего брата. Таким образом, после смерти Якова Пашке-

вича, единственным по-настоящему обделённым из его семьи оказался Пётр.

Надо сказать, что Михаил Яковлевич основательно пощипал и остальных своих братьев, но, так как те ещё при жизни отца, тайком от него, сумели своими махинациями кое-что сколотить, то на их благополучии несправедливый делёж имущества не отразился. Только семья Петра Яковлевича Пашкевича испытывала, если не полную нужду, то, во всяком случае, значительные материальные трудности. В то время как братья Михаил, Иван и Леонтий богатели, Петру приходилось всё труднее и труднее.

Законченная в 1896 году Транссибирская магистраль позволила сравнительно легко беднякам из Центральной России переселяться на Дальний Восток, количество поселений во Владивостокском уезде увеличивалось с каждым годом, также росло и население. Это заставило сельские общины сократить земельные наделы до четверти десятины на душу, а в семье Петра Яковлевича, как назло, после рождения второго сына на свет появлялись одни девочки. Вслед за Любой в 1906 году родилась Людмила, в 1907 – Екатерина (уже известная нам Катя Пашкевич), в 1910 – Евгения, в 1912 году – Тамара. Затем в течение пяти лет детей не было и вдруг, к удивлению окружающих и некоторому стыду Акулины Григорьевны, в 1917 году, когда родителям уже стукнуло по пятидесяти лет, у них родилась ещё одна дочь, названная Верой. Образовалась, даже по тем временам, большая семья,

а землю давали всего только на трёх человек. Пришлось им пережить очень тяжёлый период, тем более что от братьев существенной помощи Пётр не получал. Всё это усилило пагубную привычку Петра, и он чаще стал уходить в запой. Во время запойных периодов он доходил уже до того, что был готов пропить всё что угодно не только с себя, но утащив для обмена на водку и любую вещь из дома. Но всё-таки семья Петра Пашкевича существовала и продолжала держаться в числе средних крестьян. Происходило это благодаря исключительному трудолюбию, неиссякаемой энергии и большой нравственной силе жены Петра, Акулины Григорьевны, которая вместе со своими материнскими обязанностями, год от года прибавлявшимися, по существу, приняла на себя обязанности главы семейства и все тяготы, и заботы, связанные с этим.

Вторым членом семьи, который являлся её опорой, был сын Андрей. Он, если и не заменял главу, то, во всяком случае, был основным работником и добытчиком. Старший из сыновей, Василий, успешно окончил шкотовскую церковно-приходскую школу, после чего с большим трудом, при помощи своего дяди – младшего брата Петра, был отправлен для продолжения учения во владивостокское Коммерческое училище. Решилась на это семья только потому, что Василий, по отзывам шкотовских учителей, выказал большие способности, не развивать которые было бы преступлением. На содержание сына в этом училище, на плату за обучение,

на расходы по одежде и питанию уходили почти все наличные деньги, которые могли появиться у Петра Яковлевича. А получал он их, прежде всего, сдавая в аренду дома. Один из полученных в наследство сараев Пётр при помощи Андрея перестроил, и его теперь занимала китайская лавчонка, она давала мизерную сумму. Для увеличения доходов Акулина Григорьевна и Андрей решили сдать в аренду и второй, основной дом, в котором когда-то жила вся семья Пашкевичей, тем более что и желающий снимать этот дом попался солидный, предлагавший вполне приличную плату.

Расширявшееся Шкотово, его растущее население и гарнизон, уже имевший кое-каких медиков, требовал лекарств. Больным приходилось ездить за ними в город или довольствоваться тем небольшим ассортиментом, который имелся у гарнизонных врачей. Между прочим, одним из них был фельдшер Михайлов, женатый на сестре Акулины Григорьевны – Матрёне. Через него и нашёлся наниматель дома, им оказался фармацевт Хлуднев, решивший открыть аптеку в бывшем доме Пашкевичей, и там же поселиться самому с семьёй.

Этот дом, срубленный из крепких толстых брёвен, был ещё в очень хорошем состоянии, подходил для целей фармацевта по размерам, а главное, по месторасположению – он находился в самом центре села, выходя фасадом на главную улицу, почти напротив заканчивавшегося строительства кирпичного двухэтажного здания высшего начального учи-

лица и уже построенной деревянной церкви. Посчитав, что от этой аренды семья будет иметь постоянный и верный доход, Акулина Григорьевна и Пётр Яковлевич согласились на предложение Хлудневых (следует заметить, что в трезвом состоянии глава семьи проявлял недюжинный разум и способности, он за эти годы даже сумел самостоятельно научиться читать).

Свою семью Пашкевичи задумали переселить в один из сараев, стоявший в глубине двора. Этот сарай-амбар, построенный из таких же крепких и крупных брёвен, как и дом, имел достаточно большие размеры и в своё время предназначался Яковом как дом для одного из пожелавших отделиться сыновей. Перестройка его заняла не очень много времени, тем более что, кроме нанятых рабочих, в ней принимали деятельное участие и сам хозяин, и оба его подростка-сына.

В межзапойный период Пётр Яковлевич Пашкевич во всём полностью подчинялся своей энергичной и довольно-таки властолюбивой супруге. Он беспрекословно выполнял все её требования и всегда соглашался с нею в домашних делах. Акулина Григорьевна была совершенно неграмотной, а он уже, как мы говорили, научился сносно читать и даже немного писать, но распоряжалась всем домом она. Следует заметить, что Пётр имел отличные руки и голову и, будучи трезвым, мог мастерить всё, был хорошим плотником, столяром, печником, штукатуром, и если бы не его страсть к бродяжничеству по тайге, да запои, он смог бы вполне обес-

печить свою семью.

На перестройку сарая пришлось истратить арендную плату за аптеку за год вперёд. В течение трёх летних месяцев 1911 года семья Петра Яковлевича переселилась в новый дом, а Хлудневы, после необходимого переустройства, заняли дом Якова Пашкевича и развернули бойкую аптечную торговлю.

В следующем, 1912 году Василий был торжественно отправлен в город Владивосток, где отлично сдал необходимые экзамены и начал учиться в Коммерческом училище. К этому времени семья Петра Яковлевича состояла из семи человек, а Акулина Григорьевна уже опять была на сносях.

Само собой разумеется, что затрачивая сравнительно большие средства на обучение старшего сына, Пашкевичи уже не могли дать образование следующему, и потому Андрей, окончив сельскую школу, целиком впрягся в крестьянскую работу.

В 1915 году в разгар Первой мировой войны, когда Андрею было всего 17 лет, он уже работал в поле и по дому, как настоящий мужчина, сняв основную тяжесть полевых работ с плеч матери. Конечно, нельзя сказать, что в это время Пётр Яковлевич Пашкевич не принимал в трудах семьи никакого участия. Нет, он работал и на пахоте, и на севе, и во время уборки урожая, но только, если эти дни не совпадали с днями его запоя. Он выполнял всё необходимое, но так безразлично и равнодушно, как будто бы делал это не для себя, не

для своей семьи, а так, вообще. Когда же наступал запойный период, на него, как на работника, рассчитывать было нельзя. Хотя, нужно отметить и то, что даже находясь в самой сильной степени опьянения, он не был буйным и шумливым и беспрекословно подчинялся жене.

Между прочим, в начале своей жизни с Петром молодая и бойкая Акулина пыталась лечить мужа от запоев: давала ему всякие наговорные травы, поила разными отварами. Пётр всё это послушно принимал, а через несколько дней после «лечения», при очередной встрече с друзьями напивался, что называется, до положения риз и находился в таком состоянии несколько дней, а затем являлся домой трезвый как стёклышко и как ни в чём не бывало принимался за какую-нибудь прерванную запоем работу.

В семье Пашкевичей сохранились воспоминания о двух курьёзных случаях, происшедших с Петром Яковлевичем, устно передаваемые последующим поколениям. Первый случай произошёл в начале 1900-х годов. Кто-то из родных или знакомых сказал Акулине Григорьевне, что от пьянства излечивают специальной конфетой «пастила». В то время в появившихся уже в Шкотове китайских лавчонках конфет не имелось, нужно было за ними ехать во Владивосток. Железной дороги, связывавшей Шкотово с городом, тогда ещё не было, но Акулину это не остановило. Верхом на лошади, взяв с собой вторую для выюков, она горными тропами за двое суток проскакала 60 вёрст, отделявших село от Влади-

востока. В только что открывшемся магазине «Кунста и Альберса» женщина приобрела два ящика бело-розовой пастилы – что-то около пуда, пользуясь случаем, купила кое-что нужное для хозяйства и благополучно вернулась в Шкотово. Само собой разумеется, что деньги для приобретения этого «лекарства» ей пришлось занять у аптекарши. Пётр Яковлевич любил сладкое и предложенную пастилу употреблял с большой охотой. В течение недели он покончил с конфетами, и действительно, пока их ел, он не пил, но зато, как только кончилась пастила, он напился с удвоенным старанием. Понятно, что кормить мужа всё время сравнительно дорогими конфетами Акулина Григорьевна не могла и, кажется, именно после этого махнула на его лечение рукой.

Второй случай произошёл гораздо позже, чуть ли не в 1914 году. Как-то в разгар одного из запоев Пётр был обнаружен кем-то из Калягиных спящим на задворках китайской фанзы в самом неприглядном виде. Кое-как растолкав пьяного, его довели до дома и сдали на руки жене. Рассерженная женщина, занимавшаяся в это время стиркой, отхлестала своего беспутного «владыку» мокрым бельём, затем раздела его догола, уложила в постель и заперла в спальне, а сама занялась приведением в порядок его испачканной одежды. Перенеся безропотно экзекуцию и последующее раздевание, Пётр заснул. Часа через три проснувшись и ощущая непреодолимое желание опохмелиться, он обнаружил, что лежит в постели совершенно голый, и никаких, даже самых

необходимых принадлежностей мужского туалета ни около него, ни вообще, в комнате нет, а дверь спальни заперта на замок. Желание выпить было так велико, что совладать с ним Пётр Яковлевич не мог. На стуле около кровати обнаружился капот жены. Недолго думая, он надел его, прыгнул в окно и уже через полчаса сидел в ближайшей китайской фанзе и с наслаждением угощался ханшой (ханшина – спиртной напиток, китайская пшеничная водка – прим. ред.), которую ему китайские приятели часто преподносили бесплатно. Кстати, о капоте: этим словом называлось такое домашнее, даже, скорее, интимное одеяние женщины, которое несколько походило на то, что теперь обыкновенно называют домашним халатом. У крестьян эта одежда не была в ходу, и появление её в доме Петра Яковлевича Пашкевича явилось следствием хороших отношений, почти дружбы, завязавшейся между хозяйкой аптеки Хлудневой и Акулиной Григорьевной. Они были примерно одного возраста и одинаково держали на своих плечах хозяйство. Если Акулине Григорьевне пришлось это делать из-за пагубной страсти своего мужа, то её приятельница была вынуждена взять на себя все заботы по дому и аптеке потому, что её муж, будучи старше супруги чуть ли не на десять лет, страдал какой-то тяжёлой хронической болезнью. Может быть, именно поэтому у них был всего один ребёнок – дочь Таня. Между прочим, эта девочка тоже сыграла роль в сближении их семей.

Таня была младше Кати на два года, дружила с нею, а пра-

вильнее сказать, Катя исполняла обязанности няньки. Благодаря дружбе Акулины Пашкевич с матерью Тани, женщиной из благородных, в семье Петра Яковлевича и появлялись капот и кое-какие другие вещи, привычки и даже кушанья, свойственные не простым крестьянам, а более интеллигентному кругу людей. Общение с семьёй Хлудневых, наблюдение за установленными в ней порядками известным образом отразилось на поведении, манерах и даже одежде детей Акулины Григорьевны. Больше всего влияние этой семьи испытала на себе Катя, бывавшая у них чаще других детей.

Дети подрастали, всё больше становилось от них не только шума и веселья, но и помощи в различных домашних делах. Старший сын отлично учился и многое обещал в будущем. Хорошо училась в высшем начальном училище и старшая дочь Людмила. Между прочим, на продолжении её образования, как, впрочем, впоследствии и всех остальных девочек, настоял Андрей. В то время образованию женщин, особенно крестьянок, придавали небольшое значение: читать-писать умеет, и слава Богу, а то и этого ещё много! Детей рожать, да в поле работать – вот её жизненный путь, для этого особой грамоты не требуется. Так рассуждали многие крестьяне в Шкотове, так говорили и думали и ближайшие родственники Пашкевичей, и лишь незначительная часть молодёжи была с этим мнением не согласна, но обычно с нею считались мало.

Однако в семье Петра Яковлевича мнение Андрея, и особенно Василия, имело большое значение. Когда Василий на-

стаивал на необходимости образования для сестёр, Андрей поддерживал:

– Пусть уж я один останусь необразованным, но буду работать так, чтобы все мои сёстры стали людьми грамотными. Василий выучится – поможет, может быть, потом и мне удастся поучиться. Да и сама Акулина Григорьевна не хотела, чтобы её дочери выросли такими же неграмотными, как она. Своим практическим умом мать хорошо понимала, что времена меняются, и грамотная девушка сумеет найти в жизни лучшую дорогу.

## Глава третья

Началась война с Германией, превратившаяся вскоре в Первую мировую войну. Однако семьи Петра Яковлевича Пашкевича она не коснулась: сыновья его были ещё молоды, а сам он, хотя и имел возраст, подлежащий мобилизации, в своё время действительную службу не проходил и содержал большую семью, поэтому мобилизован не был. Из всех братьев Пашкевичей был призван только младший, Леонтий, да и тот, благодаря имевшимся у него связям, на фронт не попал, а остался служить где-то во Владивостоке. С первых дней войны в армию был призван старший сын Михаила Яковлевича, Гавриил, или, как его звали в семье, Гаврик. К 1914 году он закончил владивостокскую гимназию и поэтому с началом войны был зачислен в школу прапорщиков. В 1915 году он её окончил и уехал на театр военных действий куда-то в Румынию.

Василий Пашкевич, хотя и не был особенно дружен со своим двоюродным братом, однако, находясь под воздействием того ура-патриотического настроения, которое господствовало в Коммерческом училище, в его кругах, остро завидовал Гаврику, уехавшему на фронт, и именно из-за этого, а может быть, под воздействием патриотической пропаганды одного из своих дядей, Ивана, вместе с одноклассником решил бежать в действующую армию. Они бросили

учение и, имея немного скопленных денег, уехали в центральную Россию, чтобы служить в армии. Со свойственной молодым людям романтичностью, свой побег они обставили таинственными деталями. В частности, свою форменную одежду (ученики Коммерческого училища носили специальную форму) они оставили возле колодца того дома, где Вася жил на квартире, надеясь создать видимость трагической гибели. Но о приготовлениях к побегу знали многие товарищи беглецов, и поэтому их тайна быстро раскрылась.

Надо сказать, что в то время среди гимназистов, реалистов, некоторой части студентов других училищ таких 14–18-летних патриотов, стремившихся «спасти Россию от германских тевтонов», было немало. Большинство из них – выходцы из помещичьих, дворянских семей интеллигентов, но встречались и дети крестьян. Как правило, всех этих беглецов полиция задерживала на ближайшей железнодорожной станции, или, во всяком случае, в пределах губернского города. Васе и его приятелю «повезло»: они сумели-таки добраться до действующей армии, и, так как им уже исполнилось по 18 лет, а внешне, благодаря хорошему росту и крепкому сложению, можно было дать и больше, их зачислили добровольцами, и около года они провели в окопах где-то в Галиции, служа рядовыми солдатами. В 1916 году, когда товарища Васи ранили, а он отличился в одном из боёв, командование части, установив, что он заканчивал Коммерческое училище, направило его в одну из школ прапорщиков.

Ранее мы уже упоминали, когда рассказывали про Якова Матвеевича Алёшкина, что в 1916 году нехватка младших офицерских кадров в действующей армии была так велика, что царское правительство готово было делать офицерами не только грамотных рабочих, но даже и крестьян. Поэтому направление в школу, а в дальнейшем и выпуск крестьянского сына Василия Петровича Пашкевича прапорщиком, было вполне объяснимым. Однако сам Василий, послужив год в действующей армии и испытав на собственном опыте тяготы солдатской жизни, быстро смывшие с него весь ложный патриотический угар, толкнувший его на фронт, был уже сыт войной. Направление в школу прапорщиков было воспринято им с удовольствием, во-первых, потому, что он получал передышку от окопов, а во-вторых, потому, что он понимал: выйдя прапорщиком, он будет избавлен от многих трудных, если не сказать непосильных, обязанностей рядового солдата. Учился он в школе прилежно и при своих хороших способностях окончил её с отличием. В начале 1917 года Василий Пашкевич получил назначение в часть. По прибытии в полк в одном из первых же боёв, в котором он участвовал, немцы применили газы. Василий вместе с тысячью других получил отравление и был направлен на излечение в госпиталь, размещённый в имении какой-то польской помещицы. Здесь его и застали сперва Февральская, а затем и Октябрьская революции.

Вскоре начался окончательный распад царской армии, а

затем и официальная демобилизация. Учитывая ранения и тяжёлое газовое отравление, прапорщика Пашкевича не взяли добровольцем в организуемую Красную армию. Весной 1918 года он получил возможность вернуться домой. Молодой польке, хозяйке того имения, где был развёрнут госпиталь, пришёлся по душе юный, красивый и статный российский офицер, и, вероятно, было немало пролито слёз при расставании. Её уговоры остаться с ней на Пашкевича не подействовали: стремление вернуться к семье и увидеть свои родные приморские сопки, победило. Нагруженный в дорогу различными, главным образом, продуктовыми подарками, летом 1918 года Василий приехал в родное Шкотово.

Бегство на фронт Василия нанесло тяжёлый удар семье Пашкевичей. Горестно переживала поступок старшего сына Акулина Григорьевна. Она не понимала сущности и необходимости этой войны. Какой-то неизвестный ей «германец» был так далеко от её Шкотова, что она даже представить его себе не могла. Не понимала она и того, как мог её Вася – такой разумный и толковый мальчик вдруг очертя голову отправиться за тридевять земель, чтобы там неизвестно за что и для чего, может быть, сложить свою молодую голову. Обижало её и то, что Васе было отдано всеми членами семьи и, прежде всего, ею самой всё, чтобы он получил образование и стал человеком. Пашкевичи считали, что, выучившись, Василий станет поддержкой, опорой многочисленной семье, а он вдруг одним ударом всё разрушил. Конечно, как всякая

мать, она старалась найти Васе какое-нибудь оправдание, и оно нашлось: братья её мужа – Михаил, Леонтий и в особенности Иван – не скрывали своей радости и гордости, когда пришло первое письмо от Василия, извещавшее, что он уже на фронте и участвует в боях. Иван, к великому огорчению и неудовольствию Акулины Григорьевны, прямо возликовал, когда узнал, что племянник сражается «за Веру, Царя и Отечество». Когда же пришло известие о том, что Василий окончил школу прапорщиков и стал офицером, тут уже не только его дядя, но и вся родня поздравляла и Петра Яковлевича, и Акулину Григорьевну с большим и радостным событием. Если Пётр относился к этим поздравлениям благодушно и даже не преминул по этому случаю устроить очередной запой, то его жена, хотя и гордилась успехами своего сына, в душе никакой радости от этого не испытывала. Настоящая радость в глазах матери вспыхнула лишь тогда, когда в июне 1918 года в дверях её скромного дома неожиданно появился старший и, что греха таить, любимый сын. Он возмужал, как будто ещё вырос, но после тяжёлой болезни, вызванной отравлением, а затем трудной длинной дороги, выглядел очень плохо. Радость от его возвращения была так велика, что с губ матери не сорвалось ни одного слова упрёка своему блудному сыну, принесшему своим бегством на фронт всей семье, а ей в особенности, такое большое огорчение. Радость омрачалась только тем, что сын выглядел очень плохо, и это вызывало по ночам её никем не виденные слёзы.

Однако теперь он был дома, и она надеялась своей заботой и домашними средствами быстро поправить его здоровье. Все его сестрёнки, ещё многого не понимавшие, боготворили своего старшего, самого умного, самого учёного и самого красивого брата и гордились им. Ведь он вернулся с войны в форме офицера и даже с Георгиевской медалью на груди. А на Дальнем Востоке за эти годы, как известно, произошёл ряд немаловажных событий. В ноябре 1917 года во Владивостоке, на Сучане и окружавших их сёлах, в том числе и в Шкотове, образовалась советская власть. Были организованы Советы депутатов рабочих, солдат и крестьян, а через две недели, 12 декабря 1917 года, советская власть организовалась и в Хабаровске.

Отразились эти изменения и на семье Петра Яковлевича Пашкевича. Почти сразу же после утверждения советской власти, младший его сын Андрей был призван на флот, назначен матросом на сторожевой корабль, базировавшийся в гавани Русского острова и курсировавший по заливу Петра Великого. На сторожевик № 7, на котором служил Андрей, была возложена почётная миссия: он должен был доставить в различные пункты Приморского побережья, Охотского моря и Камчатки представителей новой власти. Для охраны этих людей на корабль погрузили небольшой отряд красногвардейцев. Путешествие корабля заняло много времени. Осенне-зимне-весенний период для плавания по Татарскому проливу и Охотскому морю очень неблагоприятен.

тен, но стремление как можно быстрее утвердить советскую власть по всему побережью Дальнего Востока было понятно, поэтому, несмотря на тяжесть плавания, рейс корабля № 7 не прекращался. После многих остановок в пути – на острове Путятин, в бухте Находка, в бухте Ольга, в так называемой Императорской гавани, сразу же переименованной в Советскую гавань, в бухте Датта и многих других корабль, наконец, достиг Петропавловска-на-Камчатке и установил советскую власть и там. Это было 11 февраля 1918 года.

Произведя необходимый текущий ремонт, пополнение водой, топливом, продовольственными запасами, высадив перед этим в Петропавловске уполномоченных комиссаров советской Чукотки, куда они должны были добираться по суше, сторожевик отправился в обратный путь. В это время его настиг тяжёлый шторм, и лишь 18 марта 1918 года он достиг Александровска-на-Сахалине, где в этот же день была провозглашена советская власть. Надо сказать, что организация новой советской власти почти во всех местах, где побывал сторожевик № 7, произошла бескровно, и красногвардейскому отряду применять оружие не пришлось.

В маленьких населённых пунктах к перемене власти отнеслись безразлично, там пока ещё не представляли себе, какие коренные изменения в их жизнь может это принести. В более крупных городах рабочие, составлявшие большинство населения, уже были подготовлены к приходу советской власти, а кое-кто из её противников заблаговременно удрал, по-

этому и там перевороты происходили, как правило, бескровно. Задержавшись в г. Александровске до очистки Татарского пролива ото льда, то есть до июля 1918 года, корабль с красногвардейским отрядом отправился в обратный путь к Владивостоку. Зайдя в Совгавань, где в то время была советская власть, команда судна и красногвардейский отряд узнали, что во Владивостоке высадились японские, американские, английские и французские войска якобы для защиты чехословацкого корпуса, поднявшие вооружённое восстание против советской власти в России и захватившие всю Транссибирскую железную дорогу. Все крупные железнодорожные станции на этой магистрали, города и сёла, захваченные восставшими, были отданы в руки многочисленным контрреволюционным белогвардейским правительствам, а представители советской власти ликвидированы. Организовалось такое правительство и во Владивостоке во главе с генералом Розановым и другими. Оставшиеся представители советской власти и партии большевиков вынуждены были уйти в подполье и в партизаны.

Команде сторожевика № 7 так же, как и красногвардейскому отряду, от белогвардейского правительства ничего хорошего ждать не приходилось, поэтому большинство матросов и рабочих машинной команды решило во Владивосток не возвращаться, а остаться в распоряжении местного совета. Вместе со всеми остался и Андрей Пашкевич. Этот корабль до середины 1920 года совершал рейсы по северно-

му побережью Приморья, служа связью действовавшим там партизанским отрядам, и только после повторного выступления японцев в апреле 1920 года и отправки ими в район Татарского пролива специального миноносца, сторожевик № 7, последний раз пришвартовавшись к пирсу в Совгавани, был покинут своей командой. Между тем высадившиеся во Владивостоке войска Америки, Японии и других стран успели проникнуть в близлежащие от города населённые пункты, в том числе и в село Шкотово. Там обосновались японские и американские гарнизоны, а под их защитой, вернувшей старые царские порядки, начали свои бандитские действия и представители белогвардейских генералов, обосновавшихся во Владивостоке. Правда, действия этих белобандитских вояк были малоэффективны: они не знали местности, боялись отрываться от линии железной дороги, и потому партизанские отряды, организовавшиеся из рабочих Сучана и Кангауза, а также и крестьян местных сёл, держали под своим контролем большую часть Шкотовской волости. Мы забыли сказать, что с начала 1900-х годов Шкотово уже стало волостным селом.

Только одна группа белобандитов, возглавляемая сыном Михаила Пашкевича, Гавриком, который отлично знал все окрестные леса и сопки, принесла партизанам немало вреда и бед. Сам Гавриил Пашкевич отличался большой жестокостью, и от рук его бандитов погибли десятки партизан и членов их семей, было сожжено немало изб и продовольствия.

Немудрено поэтому, что фамилия офицера Пашкевича была на особой заметке у партизан. Попытки нападения на бандитствующего головореза совершались не раз. Всё это, в конце концов, заставило Михаила Пашкевича настоять на том, чтобы его сын убрался во Владивосток и пока в районе Шкота не показывался. Гаврик и сам, боясь ответственности за совершённые им злодеяния, был не прочь удрать из Шкота.

Семья же Петра Пашкевича, вновь пополнившаяся молодым работником, продолжала заниматься земледелием и рыболовством. В домашних условиях Василий быстро окреп и поправился. Он ещё на фронте успел познакомиться с солдатами, настроенными революционно, даже большевиками, и ни в какую Белую армию, несмотря на многочисленные приказы и призывы беспрестанно сменявшихся правителей Дальнего Востока, не шёл, прикрываясь документами о ранении и отравлении газами. Но не пошёл он и к партизанам.

Так пролетел год. В течение этого года сведений о втором сыне Пашкевичей, Андрее, не поступало. Доходили слухи, что корабль, на котором он служил, находился где-то в районе северного побережья, но что он там делал и долго ли ещё собирался стоять, никто толком не знал, ведь это были только слухи. Однако, за этот год в советской России, в Сибири и на Дальнем Востоке произошёл ряд существенных изменений. Несмотря на поддержку чехословацкого корпуса интервентами, он был разбит, и его незадачливые генералы с

остатками своего войска устремились во Владивосток, чтобы на судах интервентов покинуть Россию. Вместе с ними ушли из Владивостока так и не покидавшие пределов города французы, англичане и итальянцы. На Дальнем Востоке остались лишь войска американцев и японцев, державших свои гарнизоны в населённых пунктах Приморья. Как мы уже упоминали, находились такие гарнизоны и в Шкотове. Может быть, одновременное пребывание на Дальнем Востоке войск двух таких империалистических акул, какими были США и Япония, принесло известную пользу краю.

Дело в том, что обе эти капиталистические страны чрезвычайно опасались, как бы войска конкурента не сумели приобрести большего влияния на оккупированной территории, чем их собственные. Поэтому, стоило только японцами проявить большую активность в помощи различным атаманам и правителям, как представители Америки начинали им мешать, и наоборот. Так вот и «дрались» интервенты из-за Дальнего Востока, как собаки из-за лакомой кости. Глядели на неё, ворчали, а схватить ни одна не решалась, боясь нападения на себя в этот момент другой. Тем не менее и они, и представители Антанты организовали поход против советской России. На этот раз его возглавил «верховный правитель», наделённый диктаторскими правами, адмирал Колчак. Собрав остатки чехословацкого корпуса, захватив значительную часть русского золота, хранившегося в банках Сибири, произведя поголовную мобилизацию на-

селения Сибири и части Дальнего Востока, получив за золото от интервентов огромное количество вооружения, боеприпасов и снаряжения, Колчак сумел дойти до Урала и местами выйти к Волге. Его успехи позволили укрепить белогвардейцам Дальнего Востока, всякого рода мелким правителям и атаманам: Семёнову, Калмыкову, Пепеляеву, Розанову и другим. Все они, чиня зверские расправы над большевиками-подпольщиками, попавшими в их руки партизанами и просто местным населением, пытались выжечь калёным железом «красную заразу», но это им удавалось плохо. Наряду с победами Колчака количество партизан, влияние их на население и, главным образом, на крестьян, всё увеличивалось.

На Дальнем Востоке к этому времени партизанами контролировалось почти всё северное побережье, а в районе села Шкотова белобандиты могли находиться только там, где стояли гарнизоны США и Японии. Тогда, по мудрому указанию ЦК РКП(б) и советского правительства, всем партизанским отрядам было категорически запрещено вступать в боевые действия с вражескими войсками, чтобы лишить последних повода расширения интервенции. Партизаны напали и безнаказанно уничтожали только русских белогвардейцев, осмеливавшихся отправляться с карательной целью в какое-нибудь село, более или менее удалённое от Владивостока, Шкотова или Сучана. Да и в этом случае они стремились уничтожить в белобандитском отряде, прежде всего,

командиров-офицеров, зная, что насильно мобилизованные в Белую армию солдаты после потери офицеров или обратятся в бегство, или сдадутся в плен, а в некоторых случаях и присоединятся к партизанам.

Больше года Василий Пашкевич мирно трудился в своём крестьянском хозяйстве и не чаял, какая беда скоро разразится над его головой. Семье с появлением в доме молодого мужчины жить стало легче. Акулина Григорьевна, глядя на своего крепнувшего с каждым днём Васю, жалела только о том, что тот не собирался жениться, хотя невест в Шкотове было полно. Может быть, крепко запала ему в душу черноокая полячка, провожавшая его в Галиции, а, может быть, он предчувствовал свою близкую трагическую кончину, но так или иначе он жениться категорически отказывался. До сих пор от всяких мобилизаций Василию Пашкевичу удавалось уклоняться, но в начале октября 1919 года в дом Пашкевичей неожиданно явился белый офицер в сопровождении солдата, и не застав дома Василия, который был в это время где-то в лесу, остался его дожидаться. Поздней ночью, когда Василий вернулся из леса с дровами, этот офицер зачитал ему приказ о мобилизации. Не принимая во внимание никакие медицинские документы и справки, пришедший увёл Пашкевича в казарму, где размещался этот белобандитский отряд.

На следующий день Вася, уже в офицерской форме, зашёл домой и сообщил, что вскоре он должен будет выехать с бе-

лыми солдатами в район села Новороссия, чтобы отобрать оружие, имевшееся у крестьян, а в случае сопротивления сразиться с партизанами. Прощаясь с матерью, он шепнул ей, что воевать против своих он не будет и постарается при первом же удобном случае перейти к партизанам. Сказал он также, что его внезапная мобилизация произошла не случайно, а по доносу кого-то из шкотовских жителей, причём он намекнул, что, по всей вероятности, тут дело не обошлось без родного дядюшки Михаила. А последний ходил по селу туча тучей. Зверства его сына были известны жителям Шкотова и вызывали справедливое негодование и презрение у многих. Эти чувства невольно переносились и на ближайших родственников Гавриила и, прежде всего, на его отца. В свою очередь, Михаил Пашкевич, встречая укоризненные, а иногда и просто ненавидящие взгляды, бросаемые односельчанами, многие из которых в своё время работали на него, отвечал им враждебностью. Злило его также и то, что сын Гаврик вынужден был сидеть где-то во Владивостоке, боясь высунуть нос из города, в то время как племянник – сын его брата – такой же офицер, живёт дома около родителей и спокойно занимается своим хозяйством. Так что, вполне вероятно, что мобилизация Василия Пашкевича произошла без участия Михаила.

Ещё более странным явилось быстрое распространение слухов, которые немедленно пошли по Шкотову и, вероятно, в этот же день достигли ближайших партизанских отрядов.

Суть их была в том, что в самые ближайшие дни из Шкотова в Новороссию должен отправиться белогвардейский карательный отряд во главе с офицером Пашкевичем. Партизаны знали одного Пашкевича – белобандита Гавриила, сына Михаила. Помня его зверства, они решили устроить засаду и уничтожить ненавистного бандита.

Когда на следующий день два десятка солдат-кавалеристов под командованием Василия Пашкевича и ещё одного прапорщика спокойно ехали по дороге в Новороссию, на одном заросшем густыми кустами повороте дороги их поджидала партизанская группа. Первыми же выстрелами, раздавшимися из кустов, были убиты Василий Пашкевич и второй офицер. Солдаты, подхватив тела своих командиров, даже не пытаясь отстреливаться, во всю прыть поскакали обратно в Шкотово.

Трудно описать горе семьи и особенно матери, так неожиданно и безвременно потерявшей своего старшего сына, надежду и опору. Но, как ни странно, ни у неё, да, пожалуй, ни у кого-либо другого из домашних, несмотря на такую тяжёлую потерю, не возникло чувства ненависти и злобы к убившим Васю партизанам. Акулина Григорьевна верила, что эта нелепая смерть её сына – результат роковой ошибки, и виноваты в этой ошибке, прежде всего, те белобандиты, которые взяли его из дома, оторвали от мирного крестьянского труда и заставили надеть эту проклятую офицерскую форму. Между прочим, вскоре это и подтвердилось.

Ещё с осени 1919 года войска Колчака начали терпеть поражение. Красная армия наступала, освобождая на Урале, а затем и в Сибири, город за городом. Одновременно ширилось и росло партизанское движение. На Дальнем Востоке уже действовала целая партизанская армия, общая численность дальневосточных партизан превысила 150 тысяч человек. Увеличились и окрепли партизанские отряды Сучанского и Шкотовского районов. Белобандиты теперь уже не отваживались оставаться в Шкотове и увели свои подразделения во Владивосток. В Шкотово вступили партизаны. Торжественно и радостно встретило их население села. Японские и американские войска, многократно заявлявшие о своём нейтралитете (хотя на самом деле они беззастенчиво всячески помогали белогвардейцам), не решались нападать на отряды партизан, поэтому в казармах шкотовского гарнизона создалось странное соседство: одну из казарм занимали американские солдаты, другую японские, а третью большой партизанский отряд. Власть в Шкотове за всё это время не менялась ни разу. Правильнее сказать, безвластие, воцарившееся после ноября 1917 года, так и продолжало существовать.

Шкотово было волостным селом со своим правлением и старшиной. Установившаяся в ноябре 1917 года во Владивостоке советская власть была кратковременной, поменять волостное начальство не успела, так оно и продолжало держаться, впрочем, почти не проявляя себя. Такое странное

положение создалось не только в Шкотове, но и в других сёлах, и даже в самом Владивостоке. Наряду со штабами оккупационных войск США и Японии, а также и белогвардейцев, на той же самой Светланской улице помещался и штаб партизанских войск Приморья.

Прибытие партизан в Шкотово совпало с сороковым днём после смерти Василия Пашкевича. По обычаям православной Церкви, в этот день принято заказывать панихиду и собирать поминальный стол для ближайших родственников и знакомых. На поминки явились несколько партизан и их командиров. Они, выразив свои соболезнования семье Петра Пашкевича по поводу гибели его сына, рассказали, что им было заранее сообщено о выходе отряда белых во главе с офицером Пашкевичем. Партизаны предполагали, что этот офицер – Гавриил Михайлович Пашкевич, и поэтому устроили засаду. На Василия Пашкевича они нападать бы не стали, а вступив с ним в переговоры, может быть, привлекли бы его на свою сторону.

Между тем время шло. В феврале 1920 года стало известно, что войска Колчака окончательно разбиты Красной армией, а сам он расстрелян в Иркутске. Это упрочило положение партизан, тем более что после ликвидации Колчака американское правительство под давлением своего народа вынуждено было вывести отсюда войска. Таким образом, к весне 1920 года на Дальнем Востоке России из интервентов остались одни японцы. Под их прикрытием и при их под-

держке продолжали формироваться различные правительства во главе с генералами и атаманами. Эти правительства иногда существовали всего несколько дней, а затем сменялись новыми.

Ещё в конце 1919 года ЦК РКП(б), по предложению В. И. Ленина, приняло решение создать на Дальнем Востоке буферное государство, которое, постепенно освободившись от интервентов и белогвардейцев, помогло бы сделать Дальний Восток советским. Сама советская Россия, ведя в это время войну с панской Польшей и белогвардейцами Врангеля, ввязываться в войну с Японией не могла, поэтому 6 апреля 1920 года была провозглашена Дальневосточная республика. В её состав вошли области: Забайкальская, Амурская, Приморская, Сахалинская и Камчатская. Центром ДВР временно был избран сперва Верхнеудинск, а после изгнания банд атамана Семёнова город Чита. Поскольку в состав правительства ДВР, избранного на Учредительном собрании в апреле 1920 года в Верхнеудинске, вошли представители не только большевиков, но и других партий, было объявлено, что ДВР является республикой буржуазно-демократической, а созданная из партизанских отрядов армия – народно-революционной, у иностранных государств, в том числе и у Японии, не стало оснований для поддержки белогвардейских генералов, утверждавших свои правительства. Однако японские империалисты сделали ещё одну попытку разгромить вновь созданную ДВР и её вооруженные силы.

В ночь с 5 на 6 апреля 1920 года во всех населённых пунктах, где находились совместно японские войска и партизаны, японцы вероломно напали на партизан и, пользуясь внезапностью, сумели причинить немалый урон. Кроме того, они захватили владивостокский партизанский штаб, возглавляемый видными революционерами-большевиками: Лазо С. Г., Луцким А. И., Сибирцевым В. М и Цапко А. Т. Такое выступление произошло и в селе Шкотово. Вечером 5 апреля, по случаю праздника Пасхи партизаны устроили вечер, на который пригласили, кроме жителей села, и японских солдат. Глубокой ночью, когда все уже спали беспечным сном, японцы ворвались в казармы партизан и начали дикую резню. Те, не понимая со сна, что случилось, выскакивали на улицу в одном белье и падали, сражённые пулями интервентов. В этой бойне погибло более половины партизан, стоявших в Шкотове, спастись удалось немногим: некоторые убежали в сопки, другие спрятались в домах местных жителей.

Большинство сельчан ещё ночью, услышав стрельбу, крики раненых и дикие вопли на японском языке, поняли, что происходит и, не дожидаясь, пока явятся японцы в поисках бежавших от расправы партизан и «бурсуиков», запрягли телеги, оседлали лошадей и, похватав ребятишек, а также кое-что наиболее ценное из имущества, до рассвета умчались в ближайшие сопки.

Утром, с восходом солнца, японские солдаты и сопровождавшие их полицейские – предатели, большей частью из ко-

рейцев, бросились вылавливать и выискивать беглецов. Но большинству из бежавших от побоища в казарме удалось скрыться. С теми же, кого японцам всё-таки удалось поймать, они расправились самым зверским способом, надругавшись даже над трупами убитых. В числе погибших оказался двоюродный брат Акулины Григорьевны, Семён Калягин. Он был горбат, японцы ему разрубили горб и вырубili из туловища голову. Многие трупы были изуродованы штыками до неузнаваемости. У всех убитых и даже ещё живых тяжелораненых партизан японские солдаты отрезали уши. Вероятно, они учинили бы и более жестокую расправу над оставшимися и сильнее надругались бы над трупами погибших, но убежавшие партизаны и жители села донесли вести о вероломном нападении японцев в Шкотове до партизанских отрядов, находившихся поблизости. Эти отряды, размещённые в мелких селениях, где японских гарнизонов не было, соединились и быстро двинулись в Шкотово. Японцы натиска партизан не выдержали и, погрузившись на поезд, удрали во Владивосток, больше они в Шкотово не возвращались.

В течение последующих 3–4 дней партизаны и вернувшиеся жители села подбирали трупы погибших по склонам и кустам гарнизонной сопки и хоронили их в братской могиле, выкопанной в центре сельского кладбища. Удалось найти и спасти несколько человек раненых. Разгром отряда в Шкотове нанёс ощутимые потери партизанам Сучанского и Шкотовского районов, но в то же время пополнил их ряды

многими добровольцами-крестьянами, возмущёнными вероломством и зверством японцев.

Всю весну и начало лета 1920 года японские войска безуспешно пытались сломить сопротивление партизан в ДВР, не помогли им и такие приспешники, как атаман Семёнов и другие. В июле 1920 года Япония вынуждена была заключить с ДВР перемирие, по которому японцам пришлось вывести свои войска из Забайкалья, а части Народно-революционной армии, опираясь на поддержку РСФСР, немедленно ликвидировали семёновское белобандитское гнездо. Правительство ДВР переехало в г. Читу. В Амурской, Хабаровской и Приморской областях ДВР японцы ещё продолжали держать свои войска, хотя и сосредоточили их в крупных городах: Благовещенске, Хабаровске, Спасске, Никольск-Уссурийске и, конечно, во Владивостоке.

## Глава четвёртая

В конце лета 1920 года в Шкотово вернулся Андрей Пашкевич. Мы уже говорили о том, что команде сторожевика № 7 пришлось покинуть свой корабль и разойтись по домам, или уйти в партизанские отряды. Андрей, вероятно, тоже ушёл бы в какой-нибудь из отрядов, но решил прежде побывать дома, ведь около трёх лет никакой связи с домом он не имел и не знал, как живут его родные. Вместе с ним в Шкотово направились и два его товарища – матросы Сергей Игнатьевич Маркин и Иосиф Ильич Петров. Они были немного старше Андрея, но никакой родни не имели. Подружившись с Пашкевичем, эти два матроса решили поехать с ним, чтобы вместе навестить его семью, а затем податься в партизаны.

Когда Андрей и его друзья появились в Шкотове, то застали семью Петра Пашкевича в очень тяжёлом материальном положении. После трагической смерти Василия, о которой Андрей узнал только по возвращении домой, Пётр Яковлевич стал запивать чаще и продолжительнее и почти совсем забросил хозяйство. Акулина Григорьевна, связанная маленькой дочкой Верой, родившейся в конце 1917 года, отдаваться полевым работам в полную силу не могла, остальные члены семьи – девочки были ещё настолько малы, что ожидать от них серьёзной помощи в хозяйственных работах было нельзя. Старшая Людмила, с 1919 года учившаяся

в шкотовской учительской семинарии, крестьянскую работу не знала, делать её не умела и не любила.

Пришлось Андрею думать не о партизанском отряде, а о том, чтобы как-нибудь поскорее вновь наладить хозяйство: убрать посеянный ещё Васей урожай, заготовить корм для скота, начать готовиться к сельскохозяйственным работам на будущий год. Его друзья, видя бедственное положение этой семьи, а может быть, и прельстившись возможностью спокойно пожить в мирной крестьянской обстановке, остались с ним.

Акулина Григорьевна обрадовалась возвращению Андрея, но в то же время постоянно беспокоилась за него. Она боялась, как бы он не поддался на уговоры некоторых друзей-односельчан и не ушёл бы в партизаны. Боялась она этого отчасти потому, что положение её с семьёй «без мужика в доме» стало чрезвычайно трудным, но, главным образом, потому, что боялась потерять в каком-нибудь бою второго и последнего своего сына. Он же, работая по дому, также, как и его друзья, всё время опасался мобилизации какого-нибудь из белогвардейских правительств, постоянно появлявшихся в Приморье. Именно поэтому почти сразу же по возвращении Андрей и его друзья уехали в лес, поселились в зимовье и находились там почти всё время.

Акулина Григорьевна задумала привязать сына к дому и другим известным материнским способом, она решила его женить. В доме уже знали, что парню понравилась одна из

подруг её старшей дочери, тоже выпускница семинарии, уроженка села Романовки, Наталья Клименко. Андрея уговаривать не пришлось, и свадьба состоялась в начале 1921 года. Наташа Клименко стала Наташей Пашкевич, семья молодых заняла в доме бывшую Васину комнату.

Между тем многие из наиболее дальновидных городских и сельских богатеев всё больше и больше убеждались в непрочности существовавших властей: поддерживаемые японскими штыками правительства сменялись во Владивостоке и Хабаровске чуть ли не ежемесячно. Эти люди понимали, что вскоре японцы вынуждены будут уйти с ДВР во свояси, а с ними рассыплются, как карточные домики, все эти правительства. Из сопок придут партизаны, а с ними и их власть. Эта власть спросит с тех, кто наживался во время японского хозяйничанья, и придётся не только расстаться с несправедливо нажитым богатством, но тем, кто так или иначе боролся с партизанами, поплатиться свободой, а может быть, и жизнью.

Все эти крупные и мелкие хищники начали под любыми предлогами покидать насиженные обжитые места, удирать в разные стороны и, прежде всего, за границу. В числе этих людей находился и Михаил Яковлевич Пашкевич. В эти годы он сотрудничал с одним крупным лесопромышленником, хищнически вырубал приморский лес, при помощи своего компаньона, а вернее, шефа, сбывал его японцам, получая при этом солидную прибыль. Кроме того, его сын Гавриил

был активным карателем, белогвардейцем – надо было как-то спасти и его, да и самому избежать ответственности. В руках Михаила Пашкевича к тому времени собралась порядочная сумма, с ней можно было бы укатить в Харбин или в Японию, бросив всё шкотовское имущество на произвол судьбы. Но такие люди как Михаил, видимо, до самой последней минуты своего существования будут пытаться выколлотить дополнительную прибыль из того, что есть. Так с ним и произошло.

Компаньон Михаила Пашкевича соблазнил его новой, довольно крупной и как будто выгодной спекуляцией, позволявшей удвоить имевшийся у них капитал. Он рассказал, что японцы, чувствуя непрочность своего положения на Дальнем Востоке, будут стремиться как можно больше и быстрее ограбить лесные богатства края. Компаньон сказал также, что подобные предложения от отдельных японских лесопромышленников он уже получил, причём эти капиталисты предложили за новые партии леса почти двойную цену, и теперь умный человек может на этом деле озолотиться.

– Само собой, разумеется, – говорил этот пройдоха, – что заготавливать лес сейчас в Шкотовской волости, в лесах, кишящих партизанами, глупо, да и невозможно: они его и вывезти-то не дадут. Да и показываться в этих лесах тебе или членам твоей семьи, конечно, небезопасно. Нужно уехать по побережью куда-нибудь подальше к северу, в такую глушь, где нет партизан, заготовить там лес, сплавить его по реке к

морю и там же передать на подошедшие из Японии пароходы. На этом деле можно заработать очень много. Кроме того, пересидев в таком месте, можно дожидаться и новых перемен, ну а если власть захватят партизаны, то оттуда будет легче на любом японском судне выехать за границу. Надо только подобрать верных, работающих людей, суметь их уговорить и барыш будет большой!

– Дело это придумано не мной, – продолжал компаньон Михаила, – а одним очень крупным тузом, который на осуществление его даже даст денежный аванс, из этого можно будет кое-что дать и рабочим на обзаведение на новом месте. Этот предприниматель место уже подобрал – бухта Датта на реке Тумнин в районе Ульки, места совершенно дикие, лес нетронутый!

Михаил Яковлевич быстро оценил выгоды этого предложения и дал на него согласие. После этого он начал деятельно готовиться к переселению. Оказалось, что это дело непростое. В его семье, вместе с женой Гаврика и самим Гавриком, который обещал освободиться от службы в Белой армии, было всего десять человек, сумел Михаил нанять кое-кого из бродяг в городе Владивостоке числом до сорока человек, но забираться в такую глушь с незнакомыми, да, и по правде говоря, не очень-то надёжными людьми, Михаилу было страшно. Ему хотелось увести с собой и кого-нибудь из родственников. Иван и Леонтий от поездки на север категорически отказались, они не хотели бросать имевшиеся дома и дела

и не слишком боялись прихода новой партизанской власти, так как не были особенно скомпрометированы.

После отказа этих братьев Михаил решил уговорить Петра. К его удивлению, последний от поездки на север тоже отказался. Больше того, Пётр потребовал, чтобы всякие разговоры на эту тему Михаил с ним больше не заводил. Даже то, чем пытался Михаил испугать брата, что сын Петра Василий был убит партизанами как белый офицер, и что ему и семье придётся плохо, если власть переменится, тот продолжал твёрдо стоять на своём и от поездки отказался.

А семья Петра Яковлевича Михаилу была очень нужна: после возвращения Андрея с друзьями в ней стало четверо работоспособных мужчин, и это всё-таки были люди свои, родственники, которые в случае чего могут выручить. С другой стороны, можно предположить, что отъезд семьи Петра, которую Михаил, кстати сказать, никогда не любил, а Акулину Григорьевну просто ненавидел, ему был нужен и для того, чтобы в какой-то мере скомпрометировать её. Дескать, от приближающейся новой власти убежал не только Михаил, но и Пётр Пашкевич, значит, мол, они два сапога пара и младший брат тоже в чём-то виноват.

Не сумев уговорить брата, изворотливый Михаил начал атаку с другой стороны. Указывая на бедственное положение семьи Петра, на нехватку земли и на всё большие потребности подрастающих дочерей, он повёл переговоры с Акулиной Григорьевной и Андреем. Долго раздумывали и сомне-

вались и мать, и сын, но убедившись, что с мизерным наделом имевшейся у них земли из бедности им не вырваться, а у Андрея появилась и своя семья (Наташа должна была вот-вот родить), они, в конце концов, согласились на предложение Михаила. Бродячие друзья Андрея, не имея постоянного прибежища, потянулись за ними, надеясь на большие заработки, которые им всем обещал Михаил.

Сборы этой переселенческой экспедиции заняли почти всё лето, и лишь в конце сентября 1921 года оба семейства Пашкевичей, семейство Рубисов, семья фельдшера Гусева и около сорока человек бездомных бродяг рабочей артели погрузились во Владивостоке на пароход и отправились в бухту Датта.

Плыли они на старом, почти отслужившем свой век пароходе «Алеут», совершавшем каботажные рейсы по побережью. В пути попали в жестокий шторм и чуть живые добрались до рейда в Датте.

Выгрузка в этой бухте, где пассажиров и их багаж, как скот, сгружали сетками на стропах в болтающиеся около борта парохода кунгасы, с самого начала показала, какой трудной будет их жизнь. Когда же частью лодками, частью пешком прибывшие поднялись по реке Тумнин вёрст на 30 вверх и очутились в глухой дремучей тайге, на сотни вёрст удалённые от какого-либо культурного человеческого жилья, пожалуй, только тогда многие из них, в том числе Акулина Григорьевна и Андрей, начали понимать, в какую ло-

вушку их заманил Михаил.

Между тем, пока семья Пашкевичей готовилась к переезду за длинным рублём и, наконец, переехала на новое жильство, события в России и Дальневосточной республике шли своим чередом.

Ещё 26 мая 1921 года при неофициальной поддержке японцев, пока так и не эвакуировавшихся из Приморья, во Владивостоке совершился новый переворот. При помощи убежавших из-за Забайкалья недобитых семёновцев, оставшиеся в городе белогвардейцы свергли областное управление ДВР, в городе организовалось правительство Меркулова. Одновременно с этим на Забайкальскую область из Монголии напали банды японского наёмника барона Унгерна.

Для укрепления ДВР и её армии Центральный комитет РКП(б) направил на восток ряд видных коммунистов. Во главе Народно-революционной армии был поставлен известный командир Красной армии В. К. Блюхер, он же получил и пост военного министра ДВР.

Японцы спешно готовили остатки белогвардейских войск, сконцентрировавшихся в Приморье, к наступлению на западную часть ДВР. Со своей стороны, готовились к решающей схватке с врагом части Народно-революционной армии и партизаны Приморья. Весь Дальний Восток был похож на готовый взорваться вулкан.

К чему может привести этот взрыв, догадывались немногие. Однако капиталист-лесопромышленник, немец по наци-

ональности, соблазвивший Михаила Пашкевича на аферу и большие заработки, видимо, был достаточно дальновиден и потому торопился, пока ещё можно, урвать кусок пожирнее. Его помощники (Михаил Пашкевич с компаньоном), хотя по своим средствам были вынуждены довольствоваться кусками поменьше, однако, тоже надеялись их получить. Никто из этих хищников не думал о судьбе обманутых ими людей, завезённых в глухую тайгу, а их положение стало крайне тяжёлым. Кое-как преодолев расстояние в 30 километров от берега моря до места назначения по бездорожью, крутым, заросшим лесом сопкам к бурной горной реке, растеряв при этом добрую половину своего скудного имущества, первое, с чем столкнулись эти горе-переселенцы, явилась необходимость постройки хоть какого-нибудь жилья. На том месте, куда они прибыли, кроме нескольких шалашей ороченов (одна из китайских народностей), жилья не было.

Используя привезённых рабочих и многочисленных родственников на строительстве дома для себя и барака-зимовья для остальных, Михаил Пашкевич и не думал о том, как они справятся с этим делом, в том числе и семья его брата Петра.

Осознав, в какие невыносимо трудные условия попали, Акулина Григорьевна и Андрей в душе кляли себя за легкомыслие, за то, что поддались на уговоры бесовестного Михаила. Они были бы рады вернуться назад в Шкотово, где из всей их семьи осталась старшая дочь Людмила, продолжав-

шая учёбу в учительской семинарии, но, к сожалению, это желание стало неосуществимым: на обратную дорогу не было ни средств, ни времени. Приближалась зима, регулярное сообщение с Владивостоком из бухты Датта отсутствовало. Кроме того, перед отъездом Михаил Пашкевич выдал Андрею немного денег на дорогу и обзаведение – надо было их отработать. Одним словом, попали они в капкан и теперь не видели, как из него выбраться.

Пётр Яковлевич, приехавший с семьёй в бухту Датта, ни одного слова упрёка ни жене, ни сыну не сказал, только со своим старшим братом перестал разговаривать и даже здороваться.

Семья Петра Яковлевича приступила к строительству дома. Без помощи приехавших с ними Семёна Игнатьевича и Иосифа Ильича они бы с этой работой, конечно, не справились. Кроме Андрея и Петра Яковлевича, в семье имелись только женщины, собственно, скорее, девочки. На действительную физическую помощь в строительстве можно было рассчитывать, пожалуй, только одной Кати, которой уже почти исполнилось 15 лет и которая, несмотря на свою хрупкую, тонкую фигурку, была достаточно крепкой и выносливой девушкой.

Акулина Григорьевна и жена Андрея Наташа имели маленьких детей, а последняя даже грудного ребёнка, и могли заниматься только приготовлением пищи. Остальные девочки занялись сбором разных лесных продуктов и ягод, чтобы

иметь хоть что-нибудь на зиму.

Пока все жили в наскоро устроенных шалашах, с нетерпением ожидая конца строительства дома. К счастью, их окружала густая тайга – лес был рядом. На одном из берегов горного ручья, впадавшего в Тумнин, напротив добротного дома Михаила, поставившего его на противоположном берегу этого же ручья, наконец, был готов дом и для семьи Петра Яковлевича.

Собственно, название «дом» для этого сооружения было слишком громкое: этот почти квадратный сруб, с потолком и полом, сделанными из грубо отёсанных плах, и крышей из колотой дранки, скорее, походил на временное охотничье зимовье. В одном из углов этого сруба Пётр Яковлевич сложил из камней русскую печку. Никаких комнат в доме не было, впоследствии удалось пристроить небольшие сени и всё. В прорубленные три окна вставили рамы, привезённые с собой из Шкотава.

Вскоре все члены семьи Петра Яковлевича Пашкевича переселились в этот новый дом и вовремя – наступил октябрь. В бухте Датта, расположенной гораздо севернее Владивостока, начались по ночам довольно крепкие морозы. В этой избе нужно было разместиться самому Петру, его жене, их четырём дочерям, семье Андрея, состоявшей уже из трёх человек и, наконец, ещё одному из друзей Андрея, ставшего почему-то ближе к этой семье, Семёну Игнатьевичу.

Конечно, теснота была невероятная. Отделив кое-как за-

кутки для каждой группы жильцов занавесками из рядна, сколотив для спанья деревянные топчаны и полати, а для еды большой стол и лавки к нему, семья Петра Пашкевича начала заботиться о запасах продуктов на зиму. Мука, сахар и жиры были доставлены тем же «Алеутом», всё это принадлежало подрядчикам – Михаилу Пашкевичу и его компаньону. Продукты хранились в специально построенном сарае-складе и выдавались в счёт заработка рабочим, в том числе и семье Петра. Этих продуктов явно не хватало, нужно было заготавливать что-то и самим.

Первое, что частично сделали почти сразу, это набрали, насолили и насушили грибов, росших в изобилии почти рядом с домом, второе – недалеко нашли огромное количество брусники, её тоже заготовили впрок. Главными поставщиками ягоды были сам Пётр и его дочь Катерина. Конечно, все мужчины были хорошими охотниками и поэтому надеялись иметь достаточные запасы мяса.

Дичи в этой девственной тайге водилось много, но основной пищей жившим в маленьких посёлках ороченам, да и нашим переселенцам, служила рыба. В Тумнине, как и в других реках Приморья, лососевых пород рыбы осенью скапливалось много – это были кета, горбуша и сима. Выловленную рыбу солили прямо в ямах, выкопанных на берегу, вялили на жердях и даже коптили в самодельной печке, построенной Петром Яковлевичем.

Ещё жильё и заготовка продуктов не были закончены, а

Михаил уже требовал, чтобы все мужчины немедленно приступили к лесозаготовкам – рубке и подвозу брёвен к берегу реки. Весной лес следовало сплавить в устье к морю.

Пётр Яковлевич категорически отказался работать на брата и продолжал заниматься своим хозяйством. Андрею же, и его другу, и даже Кате пришлось отправляться в тайгу, где уже начали стучать топоры и звенеть пилы остальных рабочих.

Все новые жители этого заброшенного уголка Приморья, находясь целиком в зависимости от своих эксплуататоров-подрядчиков, были совершенно оторваны от мира. Они не знали, что в это время происходит не только в далёкой России, но даже и в сравнительно близком Владивостоке. Загруженные тяжёлой работой, стремясь сделать её как можно больше, чтобы заработать достаточно, все они с рассвета и до темноты проводили жизнь в лесу на рубке и вывозке отличного строевого леса.

Так прошла зима 1921–1922 года, наступила весна. Вскрылся Тумнин, лес сплавили и погрузили на подошедший японский пароход, однако, обещанных длинных рублей пока не получили. Михаил Пашкевич аккуратно подсчитывал заработки каждого рабочего, в том числе и членов семьи Петра. По его подсчётам выходило, что Андрей и его товарищи, и даже Катя, заработали уже огромные суммы, но, как заявил Михаил, лесопромышленник, купивший лес, окончательный расчёт произведёт только осенью, когда второй па-

роход заберёт оставшийся лес.

Кстати сказать, большую часть его ещё предстояло сплавить. Пока же, как опять-таки заверил Михаил, наниматель дал только небольшой аванс, который у всех рабочих, в том числе и у семьи Петра, даже не покрывал самых необходимых трат и стоимости тех продуктов, которые забирали зимой из лавки подрядчика.

Для того чтобы как-то улучшить своё существование в ожидании получения расчёта, всем переселенцам и, прежде всего, семейству Петра Пашкевича пришлось заняться сельским хозяйством. Разработав небольшой участок земли под огород, Андрей выяснил, что местное население страдает из-за отсутствия табака, а у ороченов курят все: мужчины, женщины и даже дети.

Раньше они выменивали табак на рыбу и меха у моряков пароходов, заходивших в бухту. Сейчас пароходов не стало, пропала и возможность обмена. Среди многочисленных запасов различных семян, предусмотрительно взятых с собою Акулиной Григорьевной, нашлись и семена табака. Посеянные в девственную почву, удобренную золой, появившейся от сжигания валежника и выкорчеванных пней на площадке, разработанной под огород, семена табака прекрасно взошли и к середине лета 1922 года дали большой урожай. Выменивая листья этого табака, прошедшего под руководством Петра Яковлевича некоторую обработку, на мясо, мех и даже на царские деньги у ороченов, семья Петра получила побочный

источник дохода.

Срубленный лес сплотили и подготовили к погрузке на пароход, но японцы так и не приехали. Зато с проходящего куда-то на север пассажирского судна на шлюпке Михаилу Пашкевичу доставили письмо о его компаньоне, который уехал на первом пароходе после погрузки леса. Получив это письмо, Михаил Яковлевич стал мрачнее тучи, и даже ближайшие домашние (жена и дети) боялись к нему подступиться. Содержанием полученного письма, да и то – больше по необходимости, так как сам был не очень грамотен и написанное разбирал плохо, он поделился только с сыном Гавриком. Последний после прочтения буквально впал в бешенство, причём кроме проклятий, невероятно грязных ругательств, направленных в никуда, Гаврик нашёл и конкретное применение своему гневу. В этом письме, по сведениям, полученным неизвестно из каких источников, наряду с прочими, предостаточно неприятными для Михаила Пашкевича и его белобандита-сына новостями, сообщалось и то, что старшая дочь его брата Петра, Людмила, вступила в какую-то безбожную и пакостную организацию, называемую «комсомол».

Ни сам Михаил, да, пожалуй, никто из семьи Петра Яковлевича, в то время даже и не представлял себе, что это такое за комсомол, хорошо знал это только бывший белый офицер Гаврик. Его бешенство нашло выход. В своём обычном пьяном состоянии он, схватив топор, бросился в дом к Петру,

чтобы зарубить Акулину Григорьевну, родившую и вырастившую такую дочь. К счастью, той дома не оказалось. Излив свой гнев на ни в чём не повинных скамьях и столе, Гавриил Пашкевич бросился искать Акулину Григорьевну во дворе, но та, уже предупреждённая рабочими, надёжно спряталась. Члены её семьи – мужчины Андрей, Семён Игнатьевич, да кое-кто из рабочих, приготовились её защитить (все они имели огнестрельное оружие). Протрезвевший от бешенства Гавриил, будучи порядочным трусом, счёл за лучшее исчезнуть из посёлка. Говорили, что он убежал куда-то в лес к белобандитам, у которых и скрывался.

А Михаилу Пашкевичу было от чего помрачнеть. Дело в том, что ещё осенью 1921 года, в ноябре, японцы двинули Белогвардейскую армию генерала Молчанова против правительства ДВР, но войска НРА, возглавляемые командармом Блюхером и комиссаром Постышевым, не только отразили этот удар, но и 10 февраля 1922 года сами перешли в наступление и к концу весны освободили от белогвардейцев почти весь Дальний Восток.

В руках белых, по существу, оставался только один Владивосток, где они организовали своё правительство во главе с генералом Дидерихсом, причём западной границей этого последнего белогвардейского «государства» в России была станция Угольная, в 30 километрах западнее города.

Тем временем под давлением общественности самой Японии, под дипломатическим нажимом советской России и в

связи с обострившимися противоречиями с США японское правительство вынуждено было свои войска с Дальнего Востока вывести. 25 октября 1922 года при отходе последнего парохода с японскими войсками остатки белых маленькими группами разбежались по Уссурийской тайге, к одной из групп и попал Гаврик. В этот день во Владивосток вошли войска Народно-революционной армии и части Красной армии под командованием И. П. Уборевича, завершив этим освобождение Приморья. 14 ноября 1922 года Народное собрание ДВР приняло решение о ликвидации республики и о вхождении Дальнего Востока в состав РСФСР.

Всё это, может быть, не так подробно и точно, было изложено в письме, полученном Михаилом Пашкевичем. Он понял, что заключивший с ним подряд лесопромышленник за лесом не вернётся; его компаньон тоже, вероятно, уже благополучно прибыл в Японию, и теперь ему, Михаилу, конечно, не удастся получить тех огромных прибылей, на которые он рассчитывал, и что самое главное – ему не удастся, ни одному, ни с семьёй в ближайшее время выбраться из бухты Датта, следовательно, он не сможет попасть за границу.

У Михаила Пашкевича имелись определённые накопления за лес, проданный весной, но продолжать дальнейшие разработки, а тем более кормить всю эту ораву, к которой он, не смущаясь, причислял и семью брата, совершенно не собирался.

Дня через два после получения письма Михаил Пашкевич

объявил всем рабочим, что лесопромышленник его надул, за лесом он больше не вернётся и денег от него ждать нельзя, а поэтому все заработки, подсчитанные на бумаге, так и останутся неоплаченными. Он не преминул заметить, что главной причиной, вызвавшей такое положение, является появление на Дальнем Востоке советской власти, которая разорила его и, конечно, принесла немалый ущерб и всем работавшим на него людям. Далее он сказал, что с этого дня все свои договорённости с рабочими он расторгает, каждый может делать что хочет и идти куда угодно. Выдача продуктов прекращается, и он согласен только кое-что продать за наличный расчёт.

Конечно, будь рабочие немного более организованными, они смогли бы справиться с этим бессовестным эксплуататором: растрясли бы его склады, да, может быть, основательно пощипали бы и его дом, но Михаил знал, кого набирал. Никто из этих полубродяг не сказал ни слова. Выслушав нерадостное сообщение, они стали разбредаться, куда глаза глядят. Большинство из них потянулось в Советскую гавань.

Однако семья Петра Яковлевича Пашкевича на такой поход решиться не могла: слишком многочисленной она была, обременённой большим количеством маленьких детей, чтобы вот так, без всяких средств и определённой цели куда-нибудь переселяться.

Если бы они могли вернуться в Шкотово, то это было бы самым лучшим исходом, но село находилось очень далеко,

добраться до него по берегу было невозможно, а пароходы в бухте Датта даже и не показывались. Да если бы и показались, то на проезд у семьи Петра Пашкевича не было денег.

После очищения Приморья от интервентов и белогвардейцев началось становление новой власти на местах: организация сельских и волостных советов. Организация новых учреждений происходила очень медленно, главным образом, потому, что отдельные глухие уголки Приморья были оторваны от губернского города Владивостока, удалены на сотни вёрст. Сообщение с ними, осуществляемое преимущественно по морю, было очень затруднено. Японцы и последние белогвардейцы, уходя из Владивостока, разграбили полностью порт, угнав все годные пароходы, оставив только те, которые требовали серьёзного ремонта.

Прошло почти полтора года, пока первый представитель советской власти проник в бухту Датта и добрался до Уськи. Всё это время семья Петра Пашкевича, как, впрочем, семьи и других шкотовцев, обманутых Михаилом, находилась в очень бедственном положении. С огромным трудом, расширяя клочки пригодной для посева земли, Акулина Григорьевна, Андрей при помощи Семёна Игнатьевича и подрастающих дочерей обеспечивали себя продуктами с огорода. Охотой и рыболовством добывали мясо и рыбу. Продавая ороченам табак, на вырученные средства покупали у Михаила Пашкевича жиры, сахар, соль, а иногда и немного муки. Сеять хлеб в районе Уськи было нельзя: он не вызревал. Ни-

каких предметов первой необходимости – одежды, сельхозинвентаря и прочего они приобрести не могли, их просто не было.

Заветной мечтой Андрея, его жены, Акулины Григорьевны, да и всех остальных членов этого семейства было возвращение в Шкотово. Они не боялись советской власти, хотя почти и не представляли её сущности. Тем не менее они считали, что крестьяне, честно занимавшиеся своим трудом, могут жить при любой власти.

Совсем по-другому думал Михаил Пашкевич и члены его семьи. Имея значительные запасы продовольствия, продолжая наживаться даже на самых близких людях, они думали не о возвращении в Шкотово, а о том, чтобы как-нибудь перебраться за границу, хотя бы на Южный Сахалин. Он, по слухам, продолжал оставаться японским, и до него можно было добраться на обыкновенной китайской шаланде. С этой целью сыновья Михаила, Ананий и Матвей, уже много раз ходили на побережье, надеясь встретить какую-нибудь китайскую шаланду.

Но совершенно неожиданно в Уську во главе небольшого вооружённого отряда явился некто Афиногенов, назвавший себя представителем советской власти, которому было поручено организовать органы этой власти на побережье. Вскоре выяснилось, что прибывший был близким другом Василия, учился вместе с ним в Коммерческом училище и, по его рассказам, знал всё о семействе Пашкевичей.

Узнав от Андрея и Акулины Григорьевны, что они спят и видят возвращение в родное Шкотово, Афиногенов обещал устроить их семью на тот пароход, который через некоторое время, возвращаясь во Владивосток, заберёт его отряд. Одновременно он сообщил, что кроме организации в Датте и Уське сельских советов, на нём лежит миссия помимки и ареста находившихся в этих местах белогвардейцев и, прежде всего, офицера Гавриила Пашкевича. Он заметил, что, очевидно, придётся арестовать и его отца, бывшего лесопромышленника, так как, по имеющимся материалам, Михаил Пашкевич сотрудничал с японцами, не только сбывая им, по существу, ворованный у государства лес, но и выдавая некоторых партизан и работников советской власти. Однако в этот раз Михаил Пашкевич и взрослые члены его семьи успели скрыться в тайге, где их найти было невозможно. Трогать детей и женщин Афиногенов не стал.

Впоследствии стало известно, что, в конце концов, Михаил был арестован и со всей семьёй выслан из Приморья куда-то вглубь Сибири. Всё его так нечестно нажитое имущество было конфисковано в пользу советского государства. Гавриил Пашкевич так и не был пойман – он успел убежать в Японию.

В конце августа 1924 года семья Петра Яковлевича благополучно вернулась в Шкотово. В районе Уськи остался Семён Игнатьевич, которого избрали председателем сельсовета. Ему понравился этот северный край.

Впрочем, в том, что Семён Игнатъевич остался в Уське, была и другая причина. Ещё с первых дней своей жизни в семье Пашкевичей, ему понравилась одна из дочек Петра, Катюша. Продолжительная жизнь на севере, когда они ежедневно бок о бок трудились в лесу, на рыбалке, в огороде, когда Катя на его глазах из бойкой весёлой девчонки превратилась в стройную красивую девушку, от которой он временами не мог отвести глаз, заставила его серьёзно думать о том, чтобы жениться на ней. Его смущало только то, что он был старше Кати более чем на десять лет, а также и то, что она или не замечала его чувств, или была ещё настолько наивна, что не понимала их.

Акулина Григорьевна, которой Семён Игнатъевич рассказал о своём чувстве к Кате и о намерении предложить ей выйти за него замуж, отнеслась к этому предложению положительно. Она считала, что Катя создана для крестьянской работы и что её жизнь с серьёзным и опытным человеком, каким показал себя Семён Игнатъевич, будет достаточно обеспеченной и счастливой. Однако она не хотела как-либо воздействовать на дочь и предложила ему договориться самому.

Вскоре для этого представилась и возможность. В то время как вся семья, навьючив лошадей, пробиралась по тропе вдоль берега реки Тумнин в бухту Датта, где на рейде стоял пароход, Семён Игнатъевич и Катя были посажены в ульмагу (так назывались местные лодки), куда сгрузили большую

часть имущества и продуктов. Плыть по реке пришлось почти сутки. Семён Игнатьевич смотрел на Катю, не отрываясь, и она, кажется, начала кое-что подозревать, однако виду не подавала, а наоборот, всё время вела разговор о предстоящем возвращении в Шкотово и об огромной радости, которую это ей доставляло, так как она получала возможность продолжать учение. Может быть, именно поэтому он так и не набрался смелости, чтобы рассказать ей о своём чувстве. Так ни о чём не договорившись, они и доплыли до устья реки. Вероятно, поэтому Семён Игнатьевич и не покинул Уську.

А если бы он открылся Кате Пашкевич? Кто знает, может быть, вся её жизнь, да и жизнь Бориса Алёшкина в дальнейшем пошла бы совсем другим путём.

Но ведь так можно предположить что угодно. Жизнь повернулась по-другому, значит, так было нужно.

Вернёмся к семье Пашкевичей. Приехавшие не без некоторой опаски в конце августа 1924 года в Шкотово, Пётр Яковлевич, его жена и сын увидели, что все страхи, так старательно раздуваемые членами семьи Михаила Пашкевича, оказались совершенно напрасными. В селе уже более года действовали советские учреждения. Была по-настоящему установлена советская власть, имелся не только волостной совет, но даже и военный комиссариат с солдатами-красноармейцами и командирами, одетыми в так удивившую их форму, в какую были одеты бойцы, вызволившие их из тисков далёкого севера.

Больше того, в селе Шкотово было даже ЧК и чекисты в кожаных куртках. Они не только не хватали каждого встречного-поперечного крестьянина, чтобы подвергнуть его зверским пыткам, как грозили Михаил и Гаврик, а вели себя совершенно спокойно и жили на квартирах у многих крестьян.

В селе торговали все магазины, регулярно действовала железная дорога, работали школы и, по сравнению с тем временем, когда Пашкевичи уезжали из села и когда в нём хозяйничали японцы, стало значительно больше порядка и спокойствия.

Горько пожалели тогда Акулина Григорьевна и Андрей о своём необдуманном поступке, о том, что поддались на уговоры Михаила Пашкевича и выехали из Шкотова. Погнавшись за длинным рублём, они в результате, если и не потеряли слишком много, то ничего и не приобрели. Им нужно было опять начинать с того же, что они бросили в 1921 году.

Расколотив забитые окна и двери своего дома и хозяйственных построек, убедившись, что всё оставленное ими имущество никем не тронуто, не реквизировано и что даже никаких попыток к этому никто и не предпринимал (как они узнали от аптекарши), Пашкевичи стали привыкать к новым порядкам, установленным советской властью.

Одним из первых поразивших их изменений, стало то, что уже более года как аптека стала государственной, но дом, в котором она находилась, продолжал считаться собственностью Петра Пашкевича. Хлуднева, продолжая служить в этой

аптеке, аккуратно вносила за дом арендную плату в сберегательную кассу, открывшуюся с первых дней прихода советской власти. Эти деньги Пётр Яковлевич или его жена могли в любое время получить, они были очень необходимы. Удалось, правда, с большим трудом и волокитой, получить деньги и с китайских лавочников, арендовавших другой дом. Вот эти-то, не такие уж маленькие, накопившиеся за несколько лет деньги, и оказались тем спасительным кругом, который выручил семью Пашкевичей. На них удалось приобрести двух лошадей, корову, кое-что из одежды, необходимые хозяйственные мелочи и главное в хозяйстве – семена для посева.

Второе, что очень удивило и обрадовало Акулину Григорьевну и Андрея, было известие, принесённое Петром Яковлевичем, когда он вернулся из сельсовета (так называлось теперь учреждение, управлявшее селом). Ему нужно было поставить власти в известность о своём возвращении и получить в обратное пользование свой земельный надел. В сельсовете он узнал, что при советской власти землю нарезают не по мужским душам, а по едокам. Едоком же считался любой член семьи, независимо от возраста и пола. Таким образом, сельсовет дал землю не только на него, сына и внука, но и на его жену, невестку и всех дочерей. Правда, величина надела на каждого человека была несколько меньше, чем ранее приходилось на мужскую душу, но, в общем-то, на семью Петра Яковлевича земли пришлось почти в четыре раза

больше, чем выделялось ранее.

Сам Пётр к этому известию отнёсся без особого восторга, но его жена и Андрей очень обрадовались, они сразу поняли, что при должной обработке этого количества земли, семья не будет бедствовать так, как это было до их отъезда на север. Теперь они смогут оправиться, окрепнуть и перед ними откроется дорога к действительно зажиточной жизни.

Купив семена и получив помощь со стороны родных матери, Андрей в эту же осень успел запахать такой порядочный клин земли, что после посева на нём и получения в будущем году даже среднего урожая, семья была бы обеспечена хлебом и даже могла бы кое-что и продать.

Было и третье радостное известие – про оставленную в Шкотове старшую дочь Людмилу. В своё время мы упомянули о письме, полученном Михаилом Пашкевичем, в котором сообщалось, что Людмила стала комсомолкой. Помимо гнева, вызванного этим обстоятельством у Гаврика, Михаил да и все остальные члены его семьи всё время корили Акулину Григорьевну за этот поступок её дочери. В своих разговорах они всячески судили и поносили Милочку, заявляя, что теперь она стала потерянной, гулящей девкой, что её не только в учительницы – ни в один порядочный дом не пустят! Позор, который она нанесла этим поступком, отразится и на всей семье Петра Пашкевича.

Если Андрей к этим наговорам относился немного насмешливо и недоверчиво, хотя в душе и не одобрял Милки-

ного вольнодумства, то Акулина Григорьевна им верила, и, возвращаясь в Шкотово, уже заранее готовилась к пощёлкам от всей родни за «беспутную» Милку, а саму её оплакивала, как покойницу.

Какова же была её радость, когда, приехав в Шкотово, она узнала, что Милочку не только никто не позорит и не корит, а, наоборот, все считают, что она хорошая, умная и порядочная девушка.

В самом деле, Людмила Пашкевич, несмотря на все передряги, происходившие в Приморье с 1921 по 1924 год, не только успешно окончила учительскую семинарию, но вот уже второй год учительствовала в школе большого села Угловка, расположенного рядом со станцией Угольная.

Через несколько дней после возвращения семьи Пашкевичей в Шкотово, приехала в гости и сама Людмила. Старшими она была встречена недоверчиво, настороженно – так они пока относились ко всем комсомольцам и большевикам. Прошло не менее года, пока мать, брат и его жена стали вести себя с Милой достаточно уважительно. Младшие же сестрёнки встретили её (комсомолку и учительницу) с нескрываемой радостью и интересом. Особенно много расспрашивала про комсомол старшая из вернувшихся сестёр – Катя.

Время летело быстро, наступил сентябрь, начались занятия в школах. Теперь, когда учение было совершенно бесплатным, Акулина Григорьевна и Андрей настояли, чтобы все девочки, которым это было положено по возрасту, взя-

лись за учение. Конечно, каждой из них пришлось пойти в тот класс новой школы, который соответствовал оставленному ими перед отъездом. Таким образом, Кате, которой уже исполнилось 16 лет, пришлось отправиться в седьмой класс, в котором учились ребята 13–14 лет. Ей это показалось стыдным, и она даже немного поупрямилась, но и мать, и Андрей, да и приехавшая Милочка категорически требовали продолжать образование.

В седьмом классе школы-девятилетки, куда она теперь пошла, уже имелось несколько комсомольцев, со многими из них Катя скоро подружилась. Школьники-комсомольцы собирались на комсомольские собрания и обсуждали различные вопросы. Это было заманчиво и интересно, Катя иногда бывала на таких собраниях. Однажды, возвращаясь из школы, она увидела и одного из первых шкотовских комсомольцев – Бориса Алёшкина. Ребята отзывались о нём с уважением и некоторой завистью, Милочка тоже хвалила, а кое-кто из знакомых её семьи и, прежде всего, Михайловы и Пыrkовы – наоборот, приписывали ему чуть ли не все семь смертных грехов. Может быть, именно это противоречие – осуждение одних и похвала других – заставило Катю заинтересоваться вихрастым парнишкой, который, чуть ли не с первой встречи стал её постоянным преследователем и поклонником. Повлияла и его настойчивость, с которой он добивался встреч с нею. Вероятно, немаловажную роль сыграли и его голубые глаза, смотревшие на девушку с такой мольбой и

лаской, что, встретившись с ним взглядом, Катя испытывала какую-то неловкость и поспешно отводила глаза.

## Глава пятая

Сближение с комсомольцами, частые посещения их собраний, дружба с отдельными ребятами, разговоры со старшей сестрой – всё это не могло пройти бесследно. В ноябре 1924 года Катя Пашкевич вступила в комсомол.

В то время все комсомолки ходили с короткими волосами. Стриженная под скобку голова являлась как бы одним из признаков, символом принадлежности к комсомолу. Как же могла миновать это Катя?

Необходимо, впрочем, рассказать и о том, как она вступала в комсомол. Перед тем, как подать заявление о приёме Катерина решила спросить разрешение у родителей. Мать, продолжавшая ещё относиться к этой организации с недоверием, сперва ответила категорическим отказом, но Катя упорно настаивала на своём. Милочка её поддерживала, у Андрея тоже не было особых возражений. Акулина Григорьевна, наслушавшись наговоров соседок, даже пугала дочь тем, что после вступления в комсомол её могут остричь и отправить в Китай. Хотя, откровенно говоря, сама она этой болтовне верила мало, ведь её старшая дочь уже давно была комсомолкой, давно носила короткие волосы, и никто её никуда не отправлял. Стремясь всё-таки как-то задержать вступление Кати, мать сказала ей:

– Поезжай к отцу и спроси его разрешения.

Пётр Яковлевич, как это пошло чуть ли не с первых дней его возвращения в Шкотово, продолжал выпивать. Катя знала, что он живёт где-то в зимовье, занимаясь охотой. Приказание матери её не испугало. Вернувшись из школы, она оседлала коня Яшку и немедленно отправилась искать отца. Найдя его и обратившись к нему с просьбой о разрешении вступить в комсомол, Катя ждала ответа с некоторым волнением и страхом. Она думала: «А вдруг тятя откажет? Тогда уже мама ни за что не позволит!»

Пётр Яковлевич несколько минут молчал, а затем как-то безучастно спросил:

– А как мать?

– Она позволит, – слукавила Катя.

– Ну, тогда и я.

Не помня себя от радости, Катя помчалась на своём хромоногом скакуне домой. Вернувшись, она радостно закричала:

– Мама, тятя разрешил!

Акулина Григорьевна, встретив дочь на крыльце, не сказала ничего, только покачала головой.

Теперь девушке понадобилось выполнить следующее необходимое дело – остричься. Не зная, как к этому подступиться, Катя в то же время чувствовала себя неловко: все комсомолки, окружавшие её, были пострижены, и только она одна ходила с косой. А ей ещё дали нагрузку работать с пионерами. Некоторые девочки даже спрашивали свою вожа-

тую, почему она ходит с косой.

Катя понимала, что даже малейший намёк на желание постричься со стороны матери встретит самый твёрдый отпор. Ведь из всех сестёр, имевших, хотя и густые, и даже курчавые, но плохо растущие волосы, только у неё была коса толщиной в руку и ниже колен. Акулина Григорьевна справедливо гордилась этим украшением своей дочери перед всеми родными и знакомыми.

Девушка решилась. Оставшись одна дома, она вооружилась большими портновскими ножницами и чуть ли не одним взмахом безжалостно оттяпала свою чудесную косу. Когда Акулина Григорьевна во время завтрака заметила, что из-под косынки у Кати торчит вихор волос, она не поверила своим глазам! Несколько секунд она ошеломлённо смотрела на дочь, а потом сорвала косынку с её головы и чуть не упала в обморок: вместо прекрасной Катиной косы она увидела копну торчавших в разные стороны плохо подстриженных волос.

Не стерпев такого, она схватила лежавшие у печки щипцы для углей, собираясь по-настоящему проучить эту сумасшедшую девчонку, но Катя не стала дожидаться расправы: с быстротой испуганного зайца она выскочила из-за стола, увернулась от матери, пытавшейся её задержать, и уже через минуту была за воротами своего двора.

Два дня она не являлась домой. Жила у знакомых – Румянцевых. Дольше она не вытерпела, на третий день пришла.

В это время жена Андрея Наташа в бане стирала бельё, Катя немедленно присоединилась к ней.

Гнев матери не может быть долговечным, и Акулина Григорьевна, вообще очень сдержанная женщина, вспылыв, отошла довольно быстро. Прошло около часа после возвращения Кати, когда её мать направилась в баню, чтобы помочь Наташе в стирке. Зайдя, она увидела там очень старательно работавшую дочь. Катя, подняв голову, вздохнула. Нельзя сказать, чтобы душа у неё была спокойна: внутренне она содрогнулась, ожидая, если не взбучки, то всё-таки самого сурового нагоняя. Но она была дочерью своей матери с таким же твёрдым характером, и поэтому ни одним жестом, ни одним движением не показала своего испуга, а продолжала так же усердно стирать.

Акулина Григорьевна не выдержала:

– Куда же ты, шалапутная, косу дела? – проговорила она, улыбнувшись.

Увидев материнскую улыбку, Катя несмело ответила, чуть ли не шёпотом:

– Под перину засунула...

Тут уж и Наташа не выдержала – громко рассмеялась. А мать проворчала:

– Нашла место! Наташа, ты хоть подравняй её немного, а то глядеть страшно. Да смотри, деду не покажись, он ведь всегда твоей косой любовался, убьёшь старика-то.

Так окончился этот немаловажный для того времени в

крестьянской семье эпизод со стрижкой Кати. Надо сказать, что новая причёска не только не испортила её лицо, а даже придала ему больше миловидности и задора.

Вы, вероятно, заметили, что мы почти ничего не говорим о Петре Яковлевиче Пашкевиче, и это неслучайно. Дело в том, что после возвращения с севера, получения им прав на новые наделы земли и проведения кое-каких ремонтных работ по дому и сельхозинвентарю, он как-то почти совсем оторвался от крестьянского хозяйства семьи. Если, находясь на севере, Пётр Пашкевич почти совсем не пил, то теперь запои участились и удлинились. Он опять начал пропадать неделями, возобновил дружбу с охотниками, а ещё больше – с китайцами-земледельцами, бесплатно поившими его. Бывали случаи, когда соседи подбирали опьяневшего Петра и приводили его домой.

Такое поведение в известной мере, может быть, явилось следствием того, что после возвращения вину за поездку на север жена и сын как-то незаметно переложили на него, хотя на самом-то деле он этой поездке сопротивлялся. Все семейные дела, вернувшись в Шкотово, мать с сыном стали решать, не советуясь с ним. А ему, вероятно, стало даже удобнее, и, выполняя между запоями те или иные домашние и полевые работы, он относился к ним так, как делал бы наёмный батрак.

Это не могло не обижать Акулину Григорьевну и, пользуясь предоставленными ей новой властью правами, она ре-

шила с мужем развестись.

К тому времени, о котором мы говорили в последней главе предыдущей части, к январю 1928 года произошло следующее. В семье Петра Яковлевича Пашкевича, ещё продолжавшего жить в Шкотове, хозяйничала Акулина Григорьевна Калягина, его бывшая жена, вернувшая себе девичью фамилию после развода. В этом же доме жили её дочери: Катя, окончившая школу в прошлом году и готовившаяся, как мы знаем, выйти замуж за Алёшкина; Женя, учившаяся в последнем классе девятилетки и собиравшаяся стать учительницей; Тамара, учившаяся в восьмом классе, и младшая – третьеклассница Вера. Вместе с ними жила жена Андрея Наташа с двумя сыновьями – Всеволодом восьми лет и Вадимом шести лет. Сам Андрей, как мы помним, убедившись в невозможности содержать свою семью и семью отца только одним крестьянским трудом, работал в Дальлесе и был направлен этой организацией на станцию Ин.

Старшая дочь Людмила вышла замуж за Дмитрия Сердеева и, родив в Шкотове своего первенца Руслана, последовала с ним в Хабаровск к месту службы мужа. Сопровождала её в этом путешествии сама Акулина Григорьевна. И вот, как раз перед самой посадкой в поезд она была огорошена Борисом Алёшкиным, его заявление о женитьбе застало её врасплох.

Может быть, оно и не было совсем неожиданным: о сближении дочери с Борисом своим материнским чутьём она уже знала. Но такое необычное сватовство её встревожило. Про-

водив Милочку до Хабаровска и оказав ей кое-какую самую необходимую в первые дни помощь, мать заторопилась домой в Шкотово, чтобы успеть хоть как-нибудь собрать и подготовить к замужеству свою следующую дочь. Она знала уже от Бориса, что Катя обещала на днях приехать к нему. Ей, к счастью, удалось уговорить будущего зятя, чтобы приезд Катерины был кратковременным, чтобы настоящая их совместная жизнь началась лишь после того, когда она Катю «собрёт».

Теперь, когда мы вкратце ознакомились с историей и жизнью этого семейства, один из членов которого скоро официально станет самым близким, самым дорогим человеком для нашего героя до конца жизни, можно продолжить прерванный рассказ.

## Глава шестая

Читатели, у которых хватило терпения дочитать до конца вторую книгу, без сомнения, помнят, что она закончилась, когда Борис Алёшкин, набравшись храбрости и, что скрывать, нахальства, посвятил Акулину Григорьевну Калягину в свои планы, причём сделал это в таком неподходящем месте, в такое неподходящее время и в такой, в сущности, безапелляционной форме, что все надежды бедной женщины на придание определённой пристойности и принятый порядок в сватовстве и замужестве, которые, как она надеялась, удастся соблюсти, хотя бы при выдаче замуж второй дочери, если уж не удалось это сделать с первой, рассыпались в прах.

Но молодёжь почти всегда своими действиями, словами, поступками нарушает установленные каноны и порядки. Особенно часто случалось это в то время. Тогда революционный дух молодёжи даже как бы требовал нарушения, разрушения существовавших ранее правил поведения в жизни.

Так что не будем удивляться поступку Бориса Алёшкина, а последуем за ним в квартиру, которой он очень гордился, но которая, мягко говоря, не годилась, пожалуй, не только для молодожёнов, но и для холостяка. Это была первая в его жизни квартира, арендованная им самостоятельно, притом не для себя лично, а для семейного человека, ожидавшего в скором времени приезда жены.

Зайдя в отведённый для него угол, он немного разочаровался. Хозяйка убрала оттуда двуспальную кровать, сославшись на то, что с ней угол занимает очень много места в комнате и ходить мимо неё будет затруднительно. Вместо кровати теперь стоял основательно подержанный диван.

В этот же вечер Борис написал, а на следующий день и отправил, письмо своей Катеринке, в котором извещал её, что о предстоящей женитьбе он Акулине Григорьевне сообщил и получил её согласие, что теперь он ждёт свою невесту в ближайшие же дни.

В письме он объяснил Кате, как найти квартиру, что ей лучше всего сойти с поезда на Первой Речке и со станции идти по направлению к кладбищу. Пройдя его, она сразу увидит дом, в котором они будут жить. Сам он её встретить, вероятно, не сможет, так как поезд из Шкотова приходил в то время, когда он должен быть на работе.

О том, чтобы уйти с работы для встречи приехавшей невесты, парень даже и не подумал. В то время работа для него, как, впрочем, и для многих других, была делом первостепенным, а всё остальное, даже женитьба, оказывалось уже на втором плане.

При последнем свидании молодые люди договорились, что если мама даст своё согласие на их брак, то Катя, получив письмо, приедет к Борису немедленно. По его расчётам, её можно было ожидать через три дня после отправления письма. Этот день приходился на 4 февраля 1928 года. Волнуясь,

что Катя не сможет найти квартиру по его описанию, перед уходом на работу Борис попросил свою квартирную хозяйку встретить жену, описав приблизительно её наружность.

Борис убежал с утра на свой склад, где количество поступающих лесоматериалов беспрерывно увеличивалось, и с самого утра до наступления темноты ему приходилось вертеться, как белке в колесе. Нужно было успеть проследить за разгрузкой прибывших с лесоматериалами вагонов, переноской и укладкой поступившего на склад, одновременно производить отпуск леса китайцам-бондарям и принимать поступавшие от них бочки. Кроме того, на всё поступившее и выданное следовало оформить соответствующие документы. В конце рабочего дня Борис должен был через старшинок артелей произвести расчёт с грузчиками за проделанную в этот день работу (тогда рабочие получали заработок ежедневно).

Он вспомнил о том, что сегодня к нему должна впервые, как к мужу, приехать Катеринка, и что она, может быть, уже приехала, лишь после того, как, заперев двери комнатухи, отведённой под контору и усадив у ворот склада старичка-сторожа, вышел на улицу. Борис чуть ли не бегом помчался на Ленинскую улицу, чтобы вскочить в трамвай, доехать до Китайской, там пересесть на другой и в Куперовской пади, выскочив на ходу, по узенькой улочке, извивавшейся вдоль кладбища, спешить в свою квартиру.

Хотя он и сообщил Кате, что, может быть, не сможет её встретить сам, сейчас в его голове бродили самые беспокой-

ные, самые мрачные мысли. Выйдя из вагона и не увидев его, она могла обидеться. «Дождётся обратного поезда и уедет назад, в Шкотово, – думал он, – а ведь она во второй раз ни за что не приедет, у неё такой характер!» – мрачно рассуждал Борис. Тогда прости-прощай все его мечты о Кате вообще, а ведь он без неё не может. Каждую свободную минуту он думает только о ней, она ему видится во всех проходящих девушках, только тогда, когда по горло занят работой, он может о ней на время забыть.

Эти тревожные мысли заставили Бориса всё замедлять и замедлять шаги, и когда он подходил к дому, то вообще еле передвигал ноги. Вдруг он услышал насмешливый голос:

– Вот это торопится домой муженёк! Жена изголодалась, дожидаясь его, можно сказать, уже все глаза проглядела, а он еле идёт! Устал, что ли, так?

Эти слова, а главное, голос, который их произнёс, заставили Бориса встрепенуться. Оставшиеся несколько десятков шагов он не шёл, не бежал, а мчался, как будто к его ногам приделали крылья. Ведь это был её голос, это говорила его Катя!

Она стояла на высоком крыльце, кутаясь в длинное пальто, накинутое на плечи, и смеялась. Взлетев на крыльцо так, что, кажется, он миновал все ступеньки за один прыжок, Борис обхватил Катю и принялся её целовать. Она отпихивала его руками и говорила:

– Да пусти ты, сумасшедший, люди увидят! Да и хозяе-

ва каждую минуту могут на крыльцо выйти. Нацелуешься ещё... Пойдём обедать.

Обедали они вдвоём. Хозяйка сумела найти в себе достаточно деликатности, чтобы, подав им обед, уйти из комнаты. За столом Катя сказала, что приехала без вещей на несколько дней погостить. Рассказала она и о том, как нашла его квартиру:

– Ну, пришёл поезд на Первую Речку. Вышла я со своим маленьким узелком из вагона, смотрю во все глаза – Борьки нигде не видно, ну, думаю, опоздал, наверно, на работе задержался. Постояла я немного. Народ со станции разошёлся, решила идти и я. Направилась к кладбищу по дороге, как ты мне написал. Хорошо, что я эти места немного знаю – я ведь, когда училась во Владивостоке, так тут недалеко у Тищенко-вых жила. Подымаюсь по узенькой дорожке вдоль кладбища, а сама думаю: не встречу Борьку, не найду его квартиры, зайду к Тищенковым, дождусь у них обратного поезда и вернусь в Шкотово. Уж тогда больше к нему ни за что не приеду, ведь и так стыда не оберёшься! Дома-то Наташе и сестрёнкам я сказала, что выхожу за тебя замуж и еду к тебе в гости на несколько дней, и вдруг – здрасьте, вернусь в этот же день! В это время мимо меня по направлению к станции бежит какая-то маленькая пожилая женщина, на ходу она спрашивает: «Не знаете, шкотовский пришёл?» Я не успела ответить, как она вдруг остановилась и спрашивает: «Скажите, пожалуйста, вы не Катя Алёшкина?»

Я, конечно, чуть сразу сгоряча не брякнула: какая ещё Алёшкина?! Да вовремя опомнилась, подумала: ведь он меня теперь за жену выдаёт, а значит, и фамилию мне свою приписывает. Вот ещё, не было печали! Звалась Пашкевич, а теперь какой-то Алёшкиной буду, однако промолчала, только головой кивнула. Женщина опять заговорила: «Ну вот, славу Богу, что я вас встретила, а то Борис Яковлевич очень бы обижался, уж он мне так крепко наказывал встретить вас у поезда, а я с обедом захопоталась и прозевала время-то. Уж, вы, пожалуйста, ему не рассказывайте!» Ты знаешь, я чуть в лицо ей не расхохоталась. Как, думаю, это Борьку-то Борисом Яковлевичем величают? Видать, ему вправду пора жениться! Ну, а мне, наверно, замуж ещё рановато – все меня Катей зовут. Да, ты ешь-ешь, не возражай! – остановила она Бориса, заметив, что тот пытается что-то сказать.

После обеда, когда молодые прошли за ширму, в свой уголок, и несколько минут посидели одни, дочери хозяйки и соседка-работница кондитерской фабрики позвали их играть в лото. Так, за игрой в лото, Борис и Катя Алёшкины провели свой первый семейный вечер.

Ночью, кое-как уместившись на довольно узком старом диване, предназначенном для их постели хозяйкой, они очень быстро убедились в неудобстве своего помещения. До приезда Кати Борис как-то не замечал этого. Кормила его хозяйка обильно и вкусно, постель была чистая – со свежими простынями, достаточно мягкая. После работы он шёл

на какое-нибудь собрание (он уже встал на партийный учёт трестовской ячейки), или на политзанятия, или даже просто в кино. Домой являлся часов в 9–10, ужинал на кухне, читал там что-нибудь, а часов в 11 ложился на свой диван, крепко засыпал, не обращая никакого внимания на ходивших мимо него взад и вперёд хозяев. Не то было сейчас!

Диван, на котором лежали молодожёны, был отгорожен от остальной комнаты ширмой. Малейшее движение в постели, вздох, как была уверена Катя, был слышен не только спящим без конца мимо них девчонкам хозяйки, но и всему дому. Более или менее свободно они вздохнули лишь немного позже 12 часов ночи, когда вся квартира погрузилась в сон. Борису нужно было на следующий день бежать на работу к восьми часам, а, следовательно, встать, по крайней мере, в половине седьмого.

В эту же ночь Катя категорически заявила, что дольше двух дней она такой пытки не выдержит, что ей утром будет стыдно взглянуть в глаза хозяйке и её дочерям:

– Ведь они всё, всё слышали! – твердила она, чуть не плача.

Тогда же она потребовала от Бориса, чтобы тот немедленно нашёл другую квартиру, где была бы отдельная изолированная комната, что только в этом случае она согласна приехать насовсем. Тот, конечно, обещал, но как выполнить это обещание, пока ещё себе не представлял.

Три дня, которые прогостила Катя в городе, несмотря на

все неприятности и неудобства, доставляемые жильём, и на огромное количество сил и времени, которые Боре именно в этот период пришлось отдавать своей новой работе, прошли как сплошной праздник, ведь как бы то ни было, а Катя стала его женой. Она сидела, стояла, лежала с ним рядом, он мог беспрепятственно обнимать её, целовать (что он, кажется, готов был делать беспрерывно), и, главное, она не сопротивлялась, не отталкивала его, не торопилась за эту проклятую калитку в своих воротах, которую Борис иногда был готов разломать в щепки, а покорно сносила все его ласки и иногда даже несмело отвечала на них.

Поезд в Шкотово уходил вечером, и Алёшкину удалось проводить свою жену на станцию. Прощаясь на перроне и, кажется, в первый раз поцеловавшись с ним на людях, Катя ещё раз заявила, что пока он не найдёт порядочной квартиры, она к нему не приедет.

После отъезда Кати Борису стало так пусто и грустно, что самой главной его мыслью стала квартира. Однако в то время как, впрочем, и впоследствии, во Владивостоке с жильём было чрезвычайно плохо: найти отдельную комнату, да ещё женатому человеку, без соответствующего знакомства или без солидных денег не представлялось возможным, а ни того, ни другого у Алёшкина не было.

Напрасно каждый день он бегал по разным адресам, в дальние и ближние уголки города – ничего отвечающего своим требованиям найти не мог. В некоторых местах ему от-

казывали сразу, только узнав, что он женат, в других предлагали жильё, ещё более тесно связанное с хозяевами, чем в той квартире, в которой он жил сейчас. Наконец, там, где имелась более или менее удобная комната, требовали оплаты, по крайней мере, за полгода вперёд, чего Борис при всём желании сделать не мог. Так прошло дней десять.

Конечно, неправильно было бы думать, что всё это время Борис только и делал, что искал квартиру. Поискам её он отдавал только свободное время, а его оставалось не так-то много.

Мы уже описывали, как был загружен рабочий день Алёшкина, но и вечера у него были также достаточно уплотнены. В Дальгосрыбтресте, насчитывавшем к тому времени только в своём центральном аппарате уже гораздо больше ста человек служащих, имелось всего пятеро членов ВКП(б) и один кандидат (сам Борис). Членами партии были председатель правления треста Беркович, начальник общего отдела Глебов, заместитель начальника производственного отдела Гусев и два выдвиженца из рабочих, занимавших небольшие должности в отделе кадров и в отделе сбыта и реализации продукции.

В коммерческом отделе, к которому относился склад Бориса Алёшкина, кроме него коммунистов не было. Начальник отдела (в прошлом коммерческий директор этого крупного частного торгового предприятия) первое время к молодому десятнику относился с большим недоверием, однако

после неоднократных бесед с Антоновым и после того, как он сам побывал на складе и лично убедился в образцовом порядке хранения и отпуска материалов, который этот мальчишка сумел установить, а также и в том, что Алёшкин относился к порученному делу с энтузиазмом и чувством ответственности, своё мнение о нём переменял.

На совещании коммерческого отдела в конце первого месяца работы Бориса, Черняховский хвалил его и ставил в пример заведующим другими складами.

Через некоторое время о Борисе Алёшкине, как о способном молодом работнике, узнал член правления треста, ведавший вопросами финансов и снабжения, а следовательно, и коммерческим отделом, некто Мерперт. Он пожелал увидеть Бориса. Побеседовав около часа и убедившись, что этот молодой человек достаточно грамотен, неплохо знает лесное дело и, по-видимому, обладает незаурядными организаторскими способностями, пообещал ему, что если он и дальше так будет работать, то на лесном складе надолго не задержится, а получит более высокую должность.

В партячейке Алёшкина, как единственного молодого из имевшихся коммунистов, прикрепили к комсомольской ячейке, вскоре избрали и секретарём этой ячейки. В то время она насчитывала всего 15 человек, её члены работали в основном учениками в бухгалтерии, в плановом, финансовом отделе, курьерами, и только двое делопроизводителями. Забегая вперёд, скажем, что, несмотря на состав комсо-

мольской ячейки треста почти полностью из служащих, занимавших незначительное положение, благодаря её активной работе она стала вскоре пользоваться большим авторитетом. Проводимые налёты её «лёгкой кавалерии» бросали в неприятную дрожь не одного из бывших хозяйчиков-рыбопромышленников, пригревшихся на той или иной должности в тресте и пытавшихся использовать своё служебное положение в корыстных целях.

Естественно, что вместе с ростом авторитета комсомольской ячейки поднимался авторитет и её вожака, секретаря Алёшкина. Но это было в недалёком будущем, пока же он исправно работал, активно выступал на собраниях ячейки, принимал участие в политучёбе при партячейке и всё глубже начинал понимать сущность переживаемого нашей страной периода.

В то же время он отчаянно скучал: не было Кати, его Кати! Жизнь без неё ему казалась пустой, серой, а иногда просто ненужной. Правда, на работе он мог шутить, смеяться и даже ухаживать за многочисленными девицами и дамами, служившими в аппарате треста, но оставшись наедине с собой, он немедленно впадал в чёрную меланхолию, иногда настолько глубокую, что был готов бросить всё и мчаться в Шкотово к своей милой Катеринке.

Однажды, вероятно, недели через две после Катиного отъезда, когда часов в восемь вечера, после очередной неудачи в поисках квартиры, Борис грустно шагал по Китайской ули-

це, решив оставшуюся часть пути до дома пройти пешком, он буквально нос к носу столкнулся с человеком, которого менее всего ожидал встретить во Владивостоке:

– Пся крев! Да ведь это же Борис Алёшкин, прошу пана! Цо ты тутай робишь? Цо конт идешь? – торопливо заговорил встреченный им человек, мешая в вопросах польские и русские слова.

Борис с изумлением узнал Томашевского – десятника, вместе с которым и Демирским он так отлично жил в маленьком домике в районе Стеклянухи.

А тот, заметив расстроенное Борисово лицо, продолжая держать его за плечи, расспрашивал:

– Да цо тебе стало? Цо таки смутны? Повьедзь ми, я же друг!

Поляк, полюбив Бориса, двинулся вместе с ним обратно, по направлению к Куперовской пади, откуда он только что шёл.

«Томашевский – человек в городе чужой, вероятно, находится здесь проездом. Ещё в Стеклянухе он говорил, что, как только заработает немного денег, сейчас же поедет на родину, в Польшу. По всей вероятности, он начал свой путь», – подумал Алёшкин.

Борису, совершенно разочаровавшемуся в поисках квартиры, было уже всё равно: он так тосковал без Кати, что даже этому чужому, в сущности, человеку рассказал и о своей женитьбе, и о квартире, и о том условии, которое ему поста-

вила молодая жена.

Из сбивчивого рассказа Бориса Томашевский, видимо, не всё понял – он не очень хорошо знал русский язык, а Борис в волнении забыл это и в основном говорил по-русски.

Томашевский некоторое время молчал, недоумённо поглядывая на собеседника, и соображал, что же собственно так огорчило его – то ли женитьба, то ли ещё что-нибудь? Однако он ясно видел, что у Бориса на самом деле на душе скверно, а так как испытывал к нему дружеские чувства, то решил попытаться лучше понять причину плохого настроения товарища и по возможности помочь ему, хотя, откровенно говоря, времени у него было в обрез. Он, как и предполагал Борис, действительно уже следовал в Варшаву. Отвезя ещё утром свой небольшой багаж на вокзал, Томашевский только что рассчитался с квартирной хозяйкой и сейчас направлялся к поезду.

– Почекай, почекай, – вновь заговорил он, – я что-то не разуме: цо то таке «проходная комната»?

Борис, используя свой небольшой запас польских слов, попытался ему объяснить, что это комната с двумя дверями, через которую проходят хозяева. Тут Томашевский вдруг расхохотался:

– Так то, значит, пшеходны покоик! Так-так, значит, ты, Борис, такой клеп, что надумал свою малженку в першую же ночь в пшеходном покоике уложить? Да як же ты её намувить смог? Напевно и она у тебе така же детско, яко и ты сам.

Ну и дзизак ты! И зарас ты, балван такой, ещё на неё обижаешься! Сам умудрился наброить як безразумный фафута, и сам же злишься. Эх, ты! Скажи ещё ей спасибо: друга тебе бы ланцухов надавала... Да, наробил ты глупств, цо ж с тобой зараз робить? А-а! Почекай я тоби допомогу! Моя хозяйка полячка, у неё моя избка свободна. Правда, она примет только поляков, но ты ведь разумеешь по-польску, а если не добже размавишь, то я скажу: длуго жил в России, забув. Ты только молчи, добже! Пуйдем прендзей, я мам мало часу! – и подхватив под руку ошеломлённого Бориса, Томашевский быстро зашагал с ним не в сторону кладбища, куда уже было начал сворачивать Борис, а влево и вниз, в самый центр Куперовской пади.

Через несколько минут они уже подходили к небольшому двухэтажному дому, стоявшему впритык к такому же другому, отделённому довольно ветхими воротами от крошечной китайской лавчонки, в которой горел свет. Они вошли в относительно чистый, но узенький маленький дворик, замощённый крупным булыжником. Здесь Бориса поразил какой-то странный, не особенно сильный, но неприятный запах. Всю заднюю часть двора занимали низенькие сарайчики и хлевушки, из которых доносился храп, повизгивание и хрюканье свиней. Услышав эти звуки, Борис сразу понял и причину «аромата»: это был запах корма, готовившегося свиньям, и запах от них самих. Ему сразу вспомнилось точно такое же зловоние, так ненавистное ему во время жизни

у дяди Мити, когда Боре приходилось чистить свиной хлев.

Пока его спутник осматривался и принюхивался, Томашевский взошёл на крыльцо и что было силы начал стучать в дверь ногой. Заметив недоумённый взгляд своего спутника, он объяснил:

– Хозяйка глуховата.

Тем временем дверь открылась, и на пороге появилась высокая, костлявая, рыжеватая женщина лет сорока пяти. Увидев Томашевского, она изумлённо воскликнула:

– Цо пан Томашевский! Цо пану сталося? Пан цось заставив?

– Пан спузница на потенг, пшепрашам, пани Ядвига, – очень вежливо сказал Томашевский, – у меня ниц не зробилось, я зараз на извозчике. Несчастье сталося вот с этим моим пшыятелем. Тилько вы едны можете ему помочь. Зараз я ушыско повем, – говорил торопливо Томашевский, следуя за хозяйкой, пригласившей его и Бориса пройти в дом.

Конец приведённой фразы он уже произносил в большой чистой кухне, однако, ещё более пропитанной тем же запахом несвежей картошки и чего-то другого, что варилось в большом котле. В нескольких словах Томашевский рассказал пани Ядвиге о бедственном положении Бориса Алёшкина и, усиленно напирая на то, что Борис – поляк, его лучший друг и что он целиком ручается за его добропорядочность, просил сдать ему ту комнату, которую он только что освободил.

Разумеется, разговор вёлся по-польски, но Борис всё отлично понимал, хотя сказать что-либо сам и не решался, боясь, что его варварское произношение, сразу же выдаст его не польскую национальность.

То ли красноречие пана Томашевского возымело своё действие, то ли несчастный вид Бориса, но после недолгого колебания хозяйка согласилась показать сдававшуюся комнату. Выйдя из кухни в тёмный узкий коридор, они почти сразу же уткнулись в небольшую дверь, это и была дверь сдаваемой комнаты.

Комната, длиною около четырёх метров и шириною не более двух, имела довольно большое окно, выходившее во двор. Около одной из стен стоял старенький комод, у окна небольшой стол, около него старый венский стул и такая же старая табуретка. Высоко под потолком висела электрическая лампочка, которую хозяйка зажгла, повернув выключатель, находившийся у двери. Рядом с дверью выступала из коридора полукруглая стенка голландской печи. Крашенные полы были обшарпаны, а в середине комнаты краска вообще сошла на нет. Стены, покрытые клеевой краской, имели пятна от потёков, особенно заметные в одном из углов. Одним словом, комната была далеко, далеко не первого сорта, но у Бориса другого выхода не было. Самое главное – эта комната оказалась совершенно изолированной от остальной квартиры. Хозяйка сказала, что в квартире живут ещё жильцы, тоже поляки – старики, муж и жена. Живут они уже 20 лет

и занимают две комнаты с окнами на улицу; сама она живёт в комнате, расположенной рядом с кухней, которой могут пользоваться все жильцы.

Единственное условие, которое она поставила, – чтобы не было маленьких детей, но Борис о детях пока ещё и не думал. Они с Катей были так недавно женаты, что появление детей ему представлялось где-то в далёком, туманном будущем.

За комнату хозяйка потребовала пять рублей в месяц, причём за два месяца вперёд. По существовавшей в то время во Владивостоке стоимости найма частных квартир, это было не слишком дорого. Борис Алёшкин немедленно выложил десять рублей.

Он предупредил, что переедет в комнату первого марта, примерно дней через десять, а пока должен дожить у старой хозяйки, так как заплатил ей вперёд. Такая разумная бережливость нового квартиранта понравилась пани Ядвиге, и она стала относиться к нему лучше. Она пообещала по возможности сделать в комнате за это время маленький ремонт. Узнав, что у Бориса нет никакой мебели, согласилась оставить всё находившееся в комнате и даже поставить кровать, которую он попросил, не взямая за это дополнительной платы.

Между прочим, с этой кроватью произошло некоторое недоразумение. Стремясь поддержать слова Томашевского, что он поляк, Борис во время разговора с хозяйкой вставлял краткие фразы на польском языке. Когда встал вопрос о

кровати, как назло, Борис забыл это слово по-польски, и он решил сказать по-русски. Когда хозяйка услышала это, она изумлённо подняла брови и развела руками:

– На цо пану кроват, цо пан мысли робить?

Томашевский усмехнулся и, понимая Борино затруднение, дёрнул его за рукав.

Дело в том, что по-польски «кровати» – значит «корова», а то, что мы называем «кроватью», произносится как «ложе». Томашевский сразу понял Борину ошибку и поспешил её исправить:

– Дрога пани, пану тшеба ложе, у него нема ложа!

Пани Ядвига рассмеялась. По всей вероятности, она поняла, какой «поляк» Борис, но этот парень ей чем-то понравился, да и рекомендация Томашевского для неё значила многое. Она ответила:

– Бенди пану ложе, нех не торбуется.

Между прочим, то, что Борис переезжал не сразу в эту комнату, объяснялось не столько его чувством бережливости, сколько совсем другим расчётом. Ранее чем через неделю Катя не успеет приехать из Шкотова, а без неё жить ему в этой комнате не хотелось.

Через полчаса переговоры о найме квартиры были закончены, друзья вышли на улицу. Борис горячо поблагодарил Томашевского, пожелал ему благополучно добраться до Варшавы, они обнялись. Томашевский обещал написать из Польши и, вскочив на проезжавшего мимо извозчика-китай-

ца, поехал на вокзал. До отхода поезда на Москву оставалось менее часа, ему следовало торопиться.

Борис, окрылённый достигнутым успехом, добежал до остановки трамвая, поехал на Светланку (как её всё ещё продолжали называть, хотя она уже давно была переименована в Ленинскую), дошёл до почтамта и уже собрался послать своей Кате телеграмму, но раздумал. Гораздо лучше, если бы он за ней съездил сам, это было бы и быстрее, и удобнее.

Следующий день – воскресенье. До сих пор Алёшкин как-то не обращал внимания на выходные и праздники, в том числе и на воскресенья – железная дорога работала без них, вагоны с лесом подавались ежедневно, и Борису приходилось организовывать их разгрузку, не пользуясь правом на отдых. В этот раз он решил в воскресенье не работать.

Было ещё не позднее девяти часов вечера, и он знал, что сумеет найти в тресте кого-то из начальства. Сесть на трамвай и доехать до ДГРТ, как называли теперь Дальгосрыбтрест, было делом нескольких минут. Как Борис и предполагал, в коммерческом отделе сидели и Антонов, и сам зав. отделом Черняховский. Борис обратился к ним с просьбой об отпуске на один-два дня для того, чтобы привезти жену. Он заверил, что его может заменить на складе на это время Соболев, с которым он договорится.

Против ожидания Черняховский оказался очень сговорчивым и своё разрешение на отпуск дал без разговоров. Советуя не оформлять отпуск через отдел кадров, он сказал:

– Вы, товарищ Алёшкин, и так работали, не считаясь со временем. Я доволен вашей работой. А за складом, кроме Соболева, присмотрит товарищ Антонов.

Таким образом, Борис получил возможность выехать в Шкотово и пробыть там два дня – воскресенье и понедельник.

С первым же утренним поездом 24 февраля 1928 года Борис приехал в село. Забежав на несколько минут домой, он наконец-таки нашёл время доложить отцу и мачехе о том, что женится на Кате Пашкевич и сейчас приехал за ней. Своим сообщением он не вызвал особого удивления, так как и Яков Матвеевич, и Анна Николаевна уже давно понимали, что это, в конце концов, случится, ведь слухи о том, что их сын проводит около Кати дни и вечера, давно достигли их ушей. Однако такая скоропалительность смутила их. Анна Николаевна не выдержала и сказала:

– Ты что же, Борис, думаешь, что Пашкевичи так вот сразу и отпустят с тобой Катю? Я, например, сомневаюсь: если даже они и согласятся отдать её за тебя, то потребуют времени на приготовления и сборы, ведь в крестьянских семьях к такому событию как свадьба дочери относятся серьёзно.

Борис, конечно, не стал рассказывать о своём разговоре с Акулиной Григорьевной, не посвятил родителей и в то, что Катя к нему приезжала, что в глазах владивостокских знакомых она уже была его женой. Он только упрямо тряхнул своими вечно рассыпавшимися густыми каштановыми волоса-

ми и пробурчал:

– Ничего, уговорю!

Затем он помчался к новым родственникам.

Его появление у Пашкевичей было совершенно неожиданным и вызвало настоящий переполох. Акулина Григорьевна, два дня тому назад вернувшаяся из Хабаровска, и слышать не хотела о том, чтобы Катя вот так, с бухты-баракхты, отправилась с Борисом во Владивосток. Её поддержал и приехавший за семьёй Андрей. После долгих переговоров решили сделать так.

На следующий день, 25 февраля 1928 года, Борис и Катя должны пойти в местный ЗАГС зарегистрироваться. Затем следует устроить небольшую встречу родителей Бориса с семьёй Пашкевичей. Ранним утром во вторник Борис уедет во Владивосток, а Катя приедет к нему в следующее воскресенье, за эти пять дней ей соберут самое необходимое приданое. Хотя Борис настойчиво твердил, что никакого приданого не нужно, Акулина Григорьевна возражала. Она заявила, что в этом деле он ничего не понимает, что девушке без постели и необходимого белья являться в дом к мужу недопустимо.

Пообедав у Пашкевичей, Борис вернулся домой и рассказал об этой договорённости Анне Николаевне и отцу. Те, посоветовавшись, решили, что какое-то участие в предстоящей свадьбе должны принять и они. Для этого мачеха отправилась к Пашкевичам и, о чём-то договорившись с Акулиной

Григорьевной, вечером принялась колдовать на кухне.

Ночевал в эту ночь Борис у Пашкевичей. Спали они с Катей, как и во Владивостоке, опять в проходной комнате, в столовой. Катя испытывала те же страхи и терзания, что и в городе.

На следующий день они явились в ЗАГС. Это учреждение в то время размещалось в небольшой комнатке одной из только что отремонтированных казарм гарнизона. На дверях комнаты на картонке было написано: «Запись актов гражданского состояния». Наши молодые, прочтя эту сложную по смыслу надпись, вначале даже немного растерялись, так как привыкли называть это учреждение просто ЗАГСом. Затем сообразили, что это всё-таки и есть то, что им нужно. Несмело открыв дверь, они зашли в комнату, где стояло два стола. За одним сидел пожилой мужчина, а за другим девушка. Увидев вошедших, которые переминались с ноги на ногу и не знали, что им делать, мужчина поднял голову и сиплым басом спросил:

– У вас что: смерть, рождение?

Борис ответил:

– Мы зарегистрироваться пришли.

– А, так это вон к ней.

Подойдя к столу, за которым сидела девушка, Борис и Катя остановились. Девушка взяла, лежавшую на краю стола большую книгу и спросила:

– Какие-нибудь документы у вас есть?

Ребята переглянулись: в то время никаких паспортов не было. Документом, удостоверяющим личность, могла быть любая бумажка: профсоюзный билет, справка из какого-нибудь учреждения или партийные документы. К счастью, Борис и Катя догадались захватить с собой комсомольские билеты. Они и послужили основанием для регистрации брака. Взяв билеты, девушка переписала с них всё, что полагалось, в книгу и спросила, обращаясь к Кате: – Какую фамилию будете носить?

Катя молчала, вмешался Борис:

– Алёшкина!

Катя кивнула головой. Девушка ещё что-то записала в книгу, затем достала из стола типографский бланк, заполнила его, подошла к мужчине, который поставил на бланке большую круглую печать, и, возвращаясь, подала документ Борису.

Взяв в руки эту бумажку и прочитав её, Борис спросил:

– Это всё?

– А что же ещё? Всё!

Когда молодожёны вышли из ЗАГСа, они дружно рассмеялись.

– А я-то думала!.. – проговорила Катя.

Откровенно говоря, и Борис был разочарован простотой такого важного для них события. На самом деле, тогда регистрация брака происходила так незамысловато и буднично потому, что очень многие граждане не придавали этому

акту почти никакого значения. Некоторые люди годами жили в фактическом браке и даже не думали ни о какой регистрации, а другие считали брак действительным только после венчания в церкви.

В тот же день состоялось и празднование. Конечно, это была совсем не та свадьба, какую справляли в своё время зажиточные крестьяне, интеллигенты или купцы, и о которой мы теперь имеем представление по рассказам Чехова, Лескова или Толстого. Но это была и не такая свадьба, какие мы часто видим теперь, когда молодые со свидетелями и кучей друзей торжественно едут на украшенных автомашинах в какой-нибудь ресторан или домой, где столы накрываются на сорок–пятьдесят гостей и где праздник длится не одни сутки.

Не было у них и комсомольской свадьбы, которую описывают советские авторы: в клубе, с речами, оркестром и подарками от организаций и родственников. Нет, времена тогда были не те, да и семьи жениха и невесты не имели достаточно средств, чтобы справить пышную свадьбу.

После возвращения Бориса и Кати из ЗАГСа был устроен обед, в котором главным организатором стала Акулина Григорьевна, приготовившая скромные, но очень вкусные блюда. Кое в чём ей помогла и мачеха Бориса. За столом, кроме семьи Пашкевичей и Алёшкиных, присутствовали несколько ближайших родственников. Не обошлось, конечно, и без выпивки, но ни жених, ни невеста к спиртному не притро-

нулись.

## Глава седьмая

Неделя заканчивалась. Борис выехал из своей старой квартиры, чем немного огорчил хозяйку: в проходную комнату найти квартиранта было непросто, Алёшкин обещал прожить год, а сам съезжал через месяц. Женщина, конечно, понимала, что жить в таких условиях, которые она могла предоставить семейному человеку, было неудобно, и поэтому, в общем-то, они расстались дружелюбно.

Забрав свои скромные пожитки, в том числе и медвежью шкуру, служившую ему матрацем в Шкотове и привезённую сюда в последнюю поездку, Борис явился на новую квартиру. Вручив ему ключ от комнаты, хозяйка познакомила его с соседями, они оказались симпатичными старичками, жившими, как он впоследствии узнал, неизвестно на какие средства. Муж в этой семье когда-то был чиновником в частном банке, дослужился до пенсии, но с приходом советской власти выплаты прекратилась, а банк был ликвидирован. Отдел социального обеспечения, обратиться в который его надумил Томашевский, обещал ему выплачивать что-то по старости, но пока он ничего не получал, и старички проедали небольшие сбережения, сохранившиеся от прежней жизни. В России, именно на Дальнем Востоке, они жили уже чуть ли не полвека и никуда уезжать не хотели.

Их хозяйка, пани Ядвига, тоже была давней жительницей

Владивостока. Ещё в прошлом столетии её свёкор построил этот дом, который они с мужем унаследовали. Муж хозяйки, мобилизованный каким-то белогвардейским правительством Приморья, погиб в бою. Она осталась одна, не имея никакой специальности. Доходы от сдачи внаём комнат были так малы, что на них существовать было нельзя. Предприимчивая женщина занялась разведением свиней. Этим делом, кстати сказать, начал заниматься ещё её покойный муж. Сейчас в хлевушках находилось штук десять свинок. Продажа их мясникам-китайцам приносила прибыль, хотя содержание животных и требовало немало труда.

Разумеется, всё это Борис узнал не сразу. В тот день, когда он явился со своими вещами, его только познакомили с соседями и повторили условия найма. Весь разговор, как с пани Ядвигой, так и с её жильцами вёлся по-польски. Алёшкин старался отвечать односложно или как можно более кратко, когда же ему приходилось произнести более длинную фразу, он говорил её по-русски, ссылаясь на то, что за время долгой жизни среди русских почти позабыл польский язык.

Хозяйка, как обещала, поставила в комнату железную кровать – с довольно вычурными спинками, на очень тонких ножках и заметно узкую. Уместиться на ней вдвоём было совершенно невозможно. Борис привёз со своего склада несколько досок, сколотил из них щит и уложил его сверху. Площадь постели расширилась, получилось некоторое подобие двуспальной кровати. Застелил он её шкурой медведя

и одеялом. В этом и заключались все его приготовления к приезду жены.

Наконец, наступил этот знаменательный день. Поезд из Шкотова приходил в 12 часов дня. Стоял ясный морозный день, было около пяти градусов мороза, выпавший несколько дней тому назад снежок хорошо покрыл улицы города, и извозчики перепрягли своих лошадей в маленькие изящные саночки. Вообще-то, по городу на санях ездили редко, и прокатиться в них было большим удовольствием.

Ещё утром Борис предупредил хозяйку о том, что сегодня приедет жена. По дороге на вокзал, выйдя на Китайскую улицу, он нанял извозчика, лошадь которого ему показалась особенно бойкой и ухоженной.

Оставив извозчика с санями на вокзальной площади и приказав ему дожидаться, Борис вышел через здание вокзала на перрон, чтобы встретить свою Катю, приезжавшую к нему теперь уже навсегда. Поезда пришлось ждать более получаса, и эти полчаса показались Борису целой вечностью. Но вот, наконец, показался пыхтящий паровоз, а за ним серо-зеленоватые вагоны дачного типа, которые теперь ходили по сучанской ветке. В окне одного из вагонов, медленно прокатившемся мимо Бориса, он заметил улыбающееся лицо Кати. Подбежав к этому вагону, он быстро забрался в него и, протискиваясь через толпу спешащих к выходу пассажиров, добрался до купе, в котором сидела, обложенная узлами, Катя. Он бросился к ней с поцелуями, но она, видимо, страш-

но смущаясь от любопытных взглядов, бросаемых пассажирами, торопила его:

– Ладно, ладно, Борька! Бери вон тот узел, там перина и подушки. А этот, с одеждой, и корзинку я сама понесу. Пойдём скорее, а то ещё в тупик увезут!

Взвалив на себя, хотя и лёгкий, но очень громоздкий узел, с трудом протискиваясь в проходе и дверях вагона, Борис облегчённо вздохнул, когда, наконец, очутился на перроне. Следом за ним вышла Катя. Через несколько минут, кое-как уместившись в крошечные узенькие извозчичьи санки, поставив корзинку в ноги и обложившись узлами, так что поверх этого добра были видны только их головы, они тронулись в путь.

Лошадка извозчика бежала резво, санки по обледеневшей мостовой катились, кренясь то в одну, то в другую сторону, грозя вытряхнуть своих пассажиров. Катя впервые в жизни ехала на таких санках на извозчике и, уцепившись обеими руками за свои узлы, видимо, основательно побаивалась, как бы не вылететь вместе с ними на землю. Поэтому, преодолев стеснение и робость, она прижалась к Борису, а тот, держась левой рукой за металлическую спинку саней, правой, обхватив любимую, всё крепче прижимал её к себе.

От быстрой езды, встречного ветра и морозца оба они покраснели и, войдя на крыльцо, поразили хозяйку, увидевшую их в окно, своей молодостью, свежестью, юностью, так и брызжущим счастьем.

Пани Ядвига не выдержала и, обняв Катю, поцеловала её:  
– Сердечне витам пан! Бардцо пшемно знать сем паней,  
проше, проше! – говорила она, силясь помочь растерявшейся  
Кате внести вещи.

Борис, протиснувшись вперёд, кое-как составил фразу:  
– Моя малженка по-польску не разуме, она россиянка.  
– Ниц, ниц, розуме! – продолжала говорить Ядвига, пока  
Борис открывал дверь своей комнаты.

Когда Борис и Катя остались одни, он схватил её, приподнял с пола и стал целовать в губы, глаза, щёки, лоб, волосы и во что придётся. Она, смеясь, отбивалась от него и говорила:  
– Да подожди ты, ненормальный! Вот дурак, дай хоть раздеться-то! Давай устраиваться, а потом, я есть хочу, где мы обедать будем?

От последнего вопроса Борис растерялся, о еде он не подумал вообще и сейчас невольно расстроился: «Ведь у меня ничего нет, придётся сейчас ехать в центр, или на базар, покупать продукты... А может быть, в ресторан? Но в ресторан Катя, наверно, не захочет. Ещё в прошлом году она сказала, что никогда по ресторанам ходить не будет. Что же делать?»

Обо всём этом он думал, помогая Кате развязывать её узлы, раскладывать в комод привезённое ею с собой бельё, развешивать на гвоздях, вбитых в одну из стен комнаты, пальто и платья и раскладывать на кровати широкую перину, которая, даже после сделанного Борисом усовершенствования, свешивалась чуть ли не до пола.

Наконец, с разборкой Катиных узлов и устройством постели было покончено. Молодые хозяева уселись около стола, и Катя получила возможность рассмотреть своё собственное жилище. Конечно, назвать его даже приличным, с современной точки зрения, да, пожалуй, и вообще, было бы нельзя: убогая, грязноватая, тёмная комната (окно-то выходило в узкий двор), обставленная донельзя бедной обстановкой. Но ведь это их жильё, их собственная квартира! Они могли, заперевшись на крючок или на замок, никого к себе не пускать и остаться одним. Они вдвоём – в целом мире! И это наполняло их сердца таким счастьем, что убогость комнаты не могла иметь значение.

И вот, когда они с сияющими глазами сидели около «своего» стола, на «своих» стульях (хозяйка заменила табуретку венским стулом), переглядываясь, готовые каждую секунду разразиться беспричинным радостным смехом, в дверь их комнаты кто-то тихонько постучал.

Катя наскоро, пригладив растрепавшиеся волосы, оглядев своё платье, вопросительно взглянула на Бориса, а тот важно, с достоинством произнёс:

– Войдите.

Дверь приоткрылась и в неё не прошёл, а как-то очень тихо и ловко, согнувшись в вежливом полупоклоне, проскользнул невысокий китаец, прижимавший к груди меховую шапку. Одет он был так, как обычно одеваются китайские лапочники: в длинный шёлковый ватный халат чёрного цвета,

с застёжками на боку, из-под которого выглядывала чистая шёлковая куртка и шаровары. Растительности на лице у него не было, а сзади по халату змеилась длинная и тонкая коса.

Борис и Катя недоумённо переглянулись. Потом, однако, чувство вежливости и гостеприимства, присущее русским людям, победило их изумление. Катя пересела на кровать, а Борис пододвинул к пришедшему китайцу её стул и предложил сесть, тот от приглашения отказался. Он согнулся в поклоне ещё ниже, затем выпрямился и произнёс тихим, еле слышным голосом:

– Здласте! Моя Ли Фу Чан. Моя магазина тута лядом во дволе стоит. Ваша капитана тепель тут живи. Тебе чиво-чиво нада, моя магазина покупай. Моя магазина шибко шанго есть. Его, – он указал пальцем на Катю, – мадама сама ходи, выбилай, чиво есть, чего нету – скажи, моя потом плинеси. Сама ничего неси не нада, всё бойка плинеси. Деньга плати не нада, тибе, капитана, запиши, моя книжка запиши: потом, когда хочу, деньга есть, отдавай. Холосо!

Борис и Катя переглянулись: они знали ещё по Шкотову, что китайские торговцы охотно дают товары в долг, чтобы привлечь к себе покупателей, но с тем, чтобы торговец вот так ловил покупателей на дому, они встретились впервые.

Борис поблагодарил за предложение и сказал, что они, вероятно, им воспользуются и, может быть, даже сегодня. На лице торговца появилась улыбка, он шагнул вперёд, достал из кармана тоненькую книжечку в светло-коричневой кар-

тонной обложке, положил её на стол и, указывая пальцем, сказал:

– Тебе чиво бели, эта книжка пиши, моя своя пиши. Моя магазина тебе, когда хочу ходи – утло, вечела, ночью, только на дволе маленькая двелка – стучи, моя откльвай. До свиданья, мадама, до свиданья, капитана.

После этих слов он также бесшумно, как и появился, выскользнул в дверь. А молодые хозяева несколько минут смотрели друг на друга, а затем расхохотались.

– Ну вот, я уже и мадама, а ты капитана! Здорово! Однако есть-то всё-таки хочется. Мама мне дала пирожков, но этого мало. Иди-ка, Борька, к этому Ли Фун Чану, посмотри, что у него взять можно, сообразим обед. Ехать куда-нибудь в большой магазин мне не хочется.

Не хотелось этого и Борису, он думал об одном – скорее бы остаться с Катей наедине, ведь завтра он с ней увидится только вечером, и так будет каждый день до следующего воскресенья. Надев шапку, он выскочил во двор.

Между прочим, ещё по дороге с вокзала, он узнал от Кати, что её мать, вернувшись из Хабаровска несколько дней тому назад, по мере возможностей, стала готовиться к свадьбе второй дочери. А возможности эти были очень ограничены: ни денег, ни каких-либо значительных запасов одежды у Пашкевичей не было. Акулине Григорьевне пришлось очень трудно. Только при помощи своих родственников и денег, заработанных Андреем, она сумела справиться для невесты

постель и самое необходимое нательное бельё, всё остальное у Кати оставалось старым. Но сама невеста и, тем более, жених о каком-либо приданом как-то даже и не помышляли. Может быть, потому, что оба они были ещё слишком молоды, а может быть, потому, что комсомольцы того времени ко всем этим старорежимным предрассудкам, «тряпкам» относились чуть ли не с презрением. Вероятно, поэтому молодые, поселяясь отдельной семьёй, даже и не вспомнили о посуде.

Когда Борис зашёл через чёрный ход в лавку Ли Фун Чана, то первое, что он увидел, это был сам хозяин её, сидевший около прилавка и, видимо, с наслаждением пивший из красивой фарфоровой пиалы горячий чай. Бориса словно что-то стукнуло: «Обедать? А как? Ну, пирожки мы так съедим, а если я принесу сейчас какой-нибудь еды, на чём и чем мы её есть будем? У нас ведь ни тарелок, ни вилок, ни чашек, да и вообще ничего из посуды нет», – подумал он.

Эти мысли заставили его обратиться к Ли Фун Чану не за продуктами, а именно за посудой. Тот сразу понял затруднение молодого, и, очевидно, совсем неопытного в хозяйственных делах «капитана». Он опять расплылся в улыбке, зашёл за прилавок, взял листочек бумаги, положил перед собой счёты (китайские, по размеру и по форме отличные от наших), обмакнул толстую кисточку в чашечку с тушью, взглянул на Бориса и быстро заговорил:

– Тебе чайника нада, мало-мало 4 чашки, талелка 6 – большой, маленький, ложка 6, ножика, вилка, ножика кухня,

маленькая чайника, – одновременно с этим он писал на бумаге какие-то иероглифы. Затем торговец немного задумался и продолжил:

– Ещё клеёнка нада, полотенца 3 штука, – взглянув на покупателя вопросительно, Ли-Фун-Чан спросил, – А чего тебе кушай хочю?

– Нам хлеба свежего надо, чёрного и белого, какой-нибудь колбасы, сыру, масла, сахару, чаю, ну а завтра «мадама» сама придёт, чего надо купит.

– Тебе, капитана, ходи домой. Один часа бойка всё плинеси. Его счёт плинеси, тебе своя книжка запиши, деньга потом сама мадама отдавай.

Вернувшись в свою комнату, Катю Борис застал за тем, что на постеленной на столе газете она раскладывала мамыны пирожки, холодные котлеты и кусок сала. В руках у неё был довольно большой нож. Около этой еды стояло два стакана, с налитым в них чаем, а на маленьком блюдечке лежало несколько кусочков сахара.

Увидев вошедшего, Катя засмеялась:

– Ну и дураки мы с тобой, Борька, где нам хозяйничать! Собрались жить, а ни о чём, даже самом необходимом, не подумали. Спасибо, хозяйка довольно доброй оказалась: когда узнала, что у нас никакой посуды нет, так налила чай в свои стаканы и сахару немножко дала, а то бы пришлось всухомятку пирожки с салом есть.

Борис, конечно, не мог не похвастаться, что о посуде ему

тоже пришла в голову мысль, и что Ли Фун Чан обещал всё, что нужно, через час доставить.

– Ну, пока твой Ли Фун Чан что-либо принесёт, давай-ка выпьем чаю. Наверно, долго мне не придётся маминых вкусных пирожков есть. Да и вообще, не знаю, что я в этом своём новом доме есть буду: муженёк ждал жену, готовился, а о том, что и на чём есть, даже и не подумал!

Борису было стыдно, но он понимал, что его Катя целиком права, и поэтому сконфуженно молчал. Заметив его смущение, молодая женщина сжалилась:

– Ну ладно-ладно, на первый раз прощаю. Садись-ка, пей чай.

Конечно, вместо того, чтобы сесть за стол, Борис подскокил к Кате, обхватил её, поднял, закружил и снова принялся целовать. Вырвавшись из объятий мужа, Катя опять посуровела:

– Не дури, хватит! Садись, пей чай!

Борис послушно уселся сбоку стола, Катя пододвинула стул и села рядом с ним на уголок.

Конечно, пошли в ход мамыны пирожки, и котлеты, и даже сало. Всё разложенное Катей исчезло со стола в течение нескольких минут. Аппетит у Бориса всегда был отличный, да и Катя основательно проголодалась. Съеденная пища, по существу, не утолила голод, а лишь сильнее возбудила их аппетит. Они с нетерпением, сидя рядом, полуобнявшись, стали ждать появления Ли Фун Чана.

Прошло не более получаса, как в их дверь снова постучали, и после разрешения вошёл небольшой китайский мальчонка. Он нёс перед собой огромную корзину, в которой лежало всё заказанное Борисом, аккуратно упакованное и перевязанное узенькими ленточками. Китайчонок выложил все свёрточки на стол, достал из кармана своей ватной курточки бумажку и положил её рядом с продуктами:

– Хозяина говори, тебе, капитана, своя книжка, пиши чиво на бумажки! Понимай? – сверкнул китайчонок своими чёрными блестящими глазами и, улыбнувшись Кате, начавшей разворачивать бумагу, быстро шмыгнул в дверь.

Катя, как, наверно, и всякая другая женщина, прежде чем продолжать затянувшийся обед (собственно, ужин), начала рассматривать посуду. Вынутые из корзины свёртки она переложила на стулья, убрала со стола газету, а вместо неё постелила новую клеёнку, которая была светло-зелёного цвета с узором из коричневых квадратиков и нравилась обоим.

Поставив на стол самый тяжёлый свёрток, в котором, как догадалась Катя, находилась посуда, и сняв упаковку, она обнаружила эмалированный чайник, маленький фаянсовый чайничек с розовыми цветочками и четыре чашки с блюдцами того же узора, шесть глубоких и столько же мелких тарелок с голубыми полосками по краям, а также ножи и вилки с деревянными ручками, три большие и три маленькие алюминиевые ложки, хороший кухонный нож. Рассматривая всю эту посуду, молодая хозяйка удовлетворённо кивала голо-

вой. Борис тем временем уселся на кровати, с удовольствием закурил папиросу из пачки, принесённой китайчонком, и наблюдал за хозяйничаньем своей жены.

Разобрав посуду, Катя вопросительно взглянула на мужа:

– Борис, всё это надо вымыть, а как, я не знаю. Где здесь берут воду? И потом мне... – она запнулась, слегка покраснев.

Борис понял, что речь идёт об «удобствах», которые теперь являются непременной частью каждой квартиры, а тогда находились далеко не в каждом доме. Он смутился: договариваясь с хозяйкой о комнате, он, конечно, ни о каких «удобствах» и не думал.

– Катя, ты уж поговори об этом с пани Ядвигой сама...

Как ни велико было смущение Кати, она поняла, что с женщиной, очевидно, вести переговоры об этом придётся ей. Махнув укоризненно на мужа рукой, она вышла на кухню. Через несколько минут вернулась:

– Знаешь, Борис, а в этом доме есть водопровод, и кран от него находится в кухне, почти рядом с нашей дверью, а мы и не заметили! Там можно брать воду, мыть посуду, там же будем и умываться.

Она снова слегка покраснела и продолжила:

– А всё остальное тоже недалеко. Вон, посмотри в окно, прямо напротив, рядом со свиным хлевом, – после этих слов она не выдержала и засмеялась.

Через полчаса, когда Катя перемыла свою собственную

посуду, вскипятила на постоянно топившейся в кухне плите свой собственный чайник, а Борис тем временем развернул и разложил на тарелки принесённые мальчишкой продукты, они продолжили свой прерванный обед.

В числе продуктов оказалось два сорта колбасы, сыр, сливочное масло, очень свежий чёрный и белый хлеб, сахар, какие-то конфеты и даже два пирожных. Когда Катя взглянула на всё это изобилие продуктов и вспомнила о том количестве посуды, которую она только что перемыла, у неё невольно мелькнула мысль, а сколько же это всё стоит. Она не замедлила спросить об этом Бориса, а тот даже и не подумал о стоимости. Он теперь считал себя таким богачом, получая 82 рубля в месяц, что был, кажется, готов закупить чуть не полмагазина Ли Фун Чана. Но он всё-таки взял положенный на окошко счёт и увидел, что покупки обошлись ему всего в 6 рублей с копейками.

Надо сразу сказать, что посуда и продукты стоили дороже, чем в других магазинах или у «Кунста и Альберса», но наценка была так невелика, а удобство от обслуживания так очевидно, что молодожёны были согласны жертвовать 25–30 копейками, которые им приходилось переплачивать, и всё время, пока они здесь жили, пользовались услугами этого лавочника. Тем более что продукты, доставляемые им, всегда были отличного качества, да и расчёты производились очень легко: он предоставлял неограниченный кредит.

Но мы немного забежали вперёд. В этот же день, с которо-

го началось описание самостоятельной жизни наших героев, произошло ещё одно непредвиденное событие.

Обед затянулся до вечера. Они решили никуда не ходить и пораньше лечь спать. Катя заставила Бориса отвернуться, разделась и забралась в постель. Погасив свет, разделся и Борис. Ещё при укладывании Кати старенькая кровать угрожающе закрипела, а когда в неё влез весивший 70 килограмм Борис, она с лёгким треском развалилась: ножки этой железной кровати, рассчитанной, вероятно, на подростка и пережившей уже не одно поколение, не выдержали и разъехались в разные стороны. Естественно, что всё находившееся на ней – доски, железные перекладины, перина, подушки, простынь, одеяло и, наконец, наши незадачливые супруги – с довольно сильным шумом повалилось на пол.

Кроме треска ломающейся кровати, стука от упавших на пол досок, происшествие вызвало гомерический хохот пострадавших. Этот шум взбудоражил весь дом. Через несколько минут в дверь комнаты застучала хозяйка, встревоженно спросившая, что случилось.

Полуодетый Борис открыл дверь и сквозь смех рассказал, что её кровать не выдержала испытания. Катя – красная, как пион, закутавшись в одеяло, сидя на развалившейся кровати, продолжая смеяться, дополнила его рассказ. Невольно рассмеялась и Ядвига. Она сказала, что таким двум здоровякам придётся дать солдатскую кровать, та-то, уж наверно, не развалится.

Условились, что новую кровать Борис установит на следующий день, когда вернётся с работы, а эту ночь они будут спать на полу.

Назавтра, получив в своё распоряжение подержанную, но очень крепкую солдатскую кровать, Борис укрепил на ней свой деревянный щит, а после того, как на нём разложили перину, получилась великолепная двуспальная кровать.

Прошла неделя, за это время молодожёны обзаводились хозяйством, приобретали кое-что из одежды и белья. Скрыть от внимательной хозяйки своей пока ещё полной непригодности к семейной жизни, им, конечно, не удалось, и она прозвала их невинентками, что в переводе означало «невинные младенцы».

Надо прямо сказать, что и Катя, и Борис очень скоро выдали себя и в том, что они оба русские. Хозяйка, однако, примирилась с этим обманом и чуть ли не с первых дней стала относиться к ним как к близким людям.

Между прочим, большая часть приобретений Алёшкиных делалась в магазине «Кунста и Альберса». Вероятно, современный читатель удивится, почему они делали покупки не в обыкновенном хозяйственном магазине, а у какого-то «Кунста и Альберса». Дело в том, что в то время на Дальнем Востоке вся розничная торговля находилась в руках частных торговцев (впрочем, это положение было и в других городах Советского Союза). Во Владивостоке её держали разнообразные китайские фирмы и отдельные мелкие торговцы вро-

де Ли Фун Чана. В руках китайских предпринимателей находились почти все портняжные и сапожные мастерские, они же содержали большинство бань и прачечных (только почему-то парикмахерскими владели японцы). Кроме китайцев, на Дальнем Востоке были широко известны две торговые фирмы. Одна из них, немецкая, своими магазинами охватила многие города Китая, Монголии и почти весь русский Дальний Восток. Особенного расцвета она достигла в период интервенции; благодаря отсутствию должной охраны границ фирма имела возможность пользоваться беспошлинным ввозом товаров и в Китай, и в Дальневосточную Республику. К описываемому нами времени обороты этой фирмы немного уменьшились, она сократила часть своих магазинов в более мелких населённых пунктах, однако во Владивостоке, Хабаровске и некоторых других крупных городах Приморья её магазины занимали лучшие помещения в городе, считались, да и были действительно, самыми солидными. Товары поступали из-за границы, от их продажи прибыль была значительной. Фирма называлась «Кунст и Альберс». Во Владивостоке её магазин находился в собственном, большом и самом красивом четырёхэтажном здании на главной улице города – Светланке (Ленинской). В магазине имелись всевозможные отделы, где можно было купить абсолютно всё: от самых лучших сортов колбасы или вина до масляной краски или гвоздя. Кое-что из хозяйственных вещей (кастрюли, сковородку) Катя и Борис купили именно там.

Во Владивостоке, кроме «Кунста», была ещё и другая большая торговая фирма, русская – «Чурин и компания», она конкурировала с первой, но подобного ей авторитета всё же не имела.

Обзаведясь некоторым хозяйством, молодым пришлось подумать и об одежде. За время жизни в Новонежине и Шкотове Борис порядочно обносился. Если в сёлах, где он до этого работал, никто не обращал внимания во что ты одет, то здесь, в городе, прийти в трест в полушубке (спецодежде) было неловко. Почти все старые специалисты, служившие там, носили не только пальто, шляпы и хорошие костюмы, но даже и галстуки. Борис до этого, конечно, не дошёл (галстук – мещанство, буржуазная привычка), но костюм шевитовый и новые рубашки (целых три!) с отложным воротником он себе купил. Приобрёл также и кепку.

Покупая кое-что из одежды для Бориса, Алёшкины не могли, конечно, оставить без обнов и Катю: ей купили туфли и материю на платье. Все эти траты привели к тому, что не только маленькие накопления, создавшиеся у Бориса за январь, но и всю зарплату (так стали тогда называть жалование) за февраль, он израсходовал полностью. Пришлось жить, пользуясь кредитом Ли Фун Чана, а это нашим молодым не очень нравилось.

## Глава восьмая

Прошло около двух недель, а Катя и Борис за всё это время сумели провести вместе только три вечера. Эти вечера они посвятили посещению кинематографа. Все остальные дни Борис был занят на различных собраниях и заседаниях, приходил домой в 10–11 часов вечера, оставляя молодую жену на целый день одну. Может быть, это, а может быть, и начавший ощущаться недостаток денег заставил Катю подумать о поиске работы. Она сказала о своём намерении мужу, тот принялся возражать. Ему было так приятно вспоминать во время работы или какого-нибудь собрания, что дома его ждут, волнуются и готовятся встретить; приятно было, придя домой, видеть приветливо встречающую его жену и есть приготовленную специально для него еду. Борис прекрасно понимал, что если Катя начнёт работать, то всё это исчезнет, и может быть, не ей, а ему придётся дожидаться жену и разогревать ей еду, как это было в семье отца. Однако, с другой стороны, он понимал и то, что его деятельной Кате замкнуться в мире кухни и рынка невозможно. Кроме того, её заработок, конечно, стал бы ощутимым подспорьем в их семье.

Как это впоследствии часто случалось, Катя сумела настоять на своём и убедить мужа в необходимости её поступления на службу. Встал вопрос, кем и куда пойти Кате рабо-

тать. Кое-кто из появившихся знакомых предлагал помочь в устройстве её на работу, но эти предложения им не нравились. Соседка по прежней квартире, работница фабрики Ткаченко, обещала туда устроить Борину жену, но ведь не для того же Катя окончила девятилетку, чтобы идти на фабрику, где в то время работали едва грамотные люди. Александр Александрович Глебов обещал устроить Катю конторщицей в одном из отделов треста, но Борис видел, что работавшие на этих должностях, по существу, превращались в курьеров, ребятах на побегушках. Кто его знает, когда из них при таком способе обучения могли выйти настоящие конторщики или счетоводы? Да эти должности и по своей зарплате и положению были не завидными. Учить детей Катя категорически не хотела, да в городе и не так-то просто было найти место для совсем неопытной учительницы.

Нет, решили они, надо Кате поучиться на каких-нибудь специальных курсах и, лишь получив определённую специальность и бумажку-диплом, уж потом хлопотать о поступлении в какое-нибудь учреждение.

Различных курсов к этому времени во Владивостоке появилось уже много, большинство из них организовывалось частными дельцами, но, тем не менее человек, окончивший их, при поступлении на службу пользовался определёнными преимуществами. Между прочим, Борис знал это и по себе: не будь у него свидетельства об окончании курсов десятников по лесозаготовкам, вряд ли бы его приняли на работу в

Дальгосрыбтрест, даже и при ходатайстве обкома ВКП(б).

Из всех курсов Катя выбрала курсы машинописи, как самые перспективные и сравнительно короткие. За шесть месяцев некая гражданка – организатор бралась подготовить из своих учениц квалифицированных машинисток, способных работать слепым методом по десятипальцевой системе. Плата за обучение была сравнительно невысокой – 15 руб. в месяц, зато работу выпускница могла получить сразу же по окончании курсов и даже в очень солидном учреждении. Дело в том, что к этому времени пишущая машинка из предмета, употребляемого в особо привилегированных учреждениях, всё больше и больше становилась неотъемлемой принадлежностью любой канцелярии. Надобность в обученных квалифицированных машинистках, да ещё имеющих полное среднее образование, была велика.

Алёшкины, приняв решение, торопились его исполнить (между прочим, так происходило и во всей их последующей жизни). Поэтому на следующий же день Катя явилась в небольшой дом на Китайской улице, где находились курсы. Пройдя через большую комнату, где неумолчно трещали различными тонами и темпами более десятка самых разнообразных систем пишущих машинок, она очутилась в узенькой комнатке – кабинете заведующей, а по существу, владелицы этих курсов.

Так как Катя имела свидетельство об окончании девятилетки, то её приняли на курсы без экзамена. Другие, не имев-

шие такого документа, проходили экзамен по русскому языку, а девицам (курсы были женские), писавшим неграмотно, в обучении отказывали. На следующий день, внеся плату за месяц вперёд и запомнив часы занятий, Катя уже считалась слушательницей этих курсов. Занималась она три раза в неделю по четыре часа.

Обучению Алёшкина отдалась с большой охотой и вскоре уже хвалилась перед Борисом определёнными достижениями. Её быстрым успехам способствовало то, что она с пишущей машинкой была немного знакома и раньше, ведь в райкоме ВЛКСМ в Шкотове они с Борисом часто печатали какую-нибудь пионерскую директиву или методическое письмо. Правда, их печатание отличалось от того, чему её теперь учили, как небо от земли и, может быть, даже не помогало, а мешало. Однако уже то, что она раньше видела машинку и имела представление, как с ней надо обращаться, давало ей известное преимущество.

К концу первого месяца учёбы Катя была в числе лучших учениц, и преподавательница обещала дать ей такую рекомендацию, которая позволила бы в будущем поступить в самое лучшее учреждение города, но... Как всегда, не всё сбывается так, как нам хочется, или как мы предполагаем.

Месяца через полтора после приезда Кати во Владивосток, Борис начал замечать, что с его женой происходит что-то странное: по утрам она отворачивалась, когда он завтракал, и совершенно перестала есть вместе с ним. Когда же

он возвращался с работы и садился обедать, Катя, подавая ему, видимо, наскоро приготовленный обед, сразу же бросала в рот кусочек лимона и выскакивала на улицу, стараясь не вдыхать запах, исходящий от свинячьего хозяйства пани Ядвиги и зажимая нос платком. Если же она этого сделать не успевала, то у неё случалась рвота, продолжавшаяся довольно долго. Вскоре она почти совсем перестала есть и не расставалась только с лимоном.

Борис, у которого ещё были свежи в памяти симптомы болезни бабуся, очень испугался. Он стал категорически настаивать, чтобы Катя сходила к какому-нибудь опытному врачу. В ответ на его просьбы Катя покраснела и, потупив глаза (что ей было очень несвойственно и ещё больше удивило мужа), сказала:

– Это не болезнь, Борька, просто у нас скоро будет ребёнок. Я, было, вначале и сама испугалась, но пани Ядвига мне всё объяснила. Да, теперь я уже и сама полностью убедилась, что беременна, только вот не знаю, смогу ли я доносить, уж очень мне плохо: всё время тошнит, а этот запах в кухне и во дворе просто сводит меня с ума...

– Тем больше оснований пойти как можно скорее к врачу, – сказал Борис, – сходи завтра же! К сожалению, я пойти с тобой никак не могу, у меня такая сейчас сумасшедшая работа! Началась путина, везде нужны бочки, лес идёт беспрерывным потоком, работы на складе невпроворот, да тут ещё в тресте с комсомольской ячейкой прямо совсем закру-

жился.

Катя вздохнула, грустно взглянула на мужа, но ничего не сказала. Она уже видела, что её Борька работает сверх всяких сил. За время своего общения с ним она успела узнать его и понять, что каждой работе он отдавался весь без остатка. Пропустить час или перенести какое-нибудь комсомольское мероприятие, чтобы выкроить время для неё, для их личной жизни, он, в силу своего характера, был просто не в состоянии. Она уже примирилась с тем, что о ней, да, по-видимому, и о будущем ребёнке ей придётся больше думать самой, чем полагаться на Бориса.

В то время ещё не было женских и детских консультаций, и Кате пришлось обратиться к частному врачу. Побывав у акушера, кабинет которого находился около кинотеатра «Художественный», Катя узнала, что она действительно на третьем месяце, что беременность у неё протекает нормально и что такие явления, как отвращение к пище, к различным запахам, вероятно, скоро пройдут. Ей были прописаны кое-какие лекарства и рекомендовано временно оставить занятия на курсах машинописи.

Вечером всё это Катя рассказала мужу, прибавив, однако, что пока она особого улучшения не испытывает и запахи от свиней и их корма во дворе и кухне её так мучают, что она просто не в состоянии оставаться в этой квартире. Хотя хозяйка относилась к ней очень хорошо и, видя трудное состояние молодой женщины, стремилась ей кое в чём помочь, а

благодаря лавке китайца можно было не ходить на базар и всё нужное получать каждое утро на дом, ей всё-таки жилось здесь очень трудно.

Шёл май месяц. Во Владивостоке в этом году наступила ранняя жара. Катя ослабела и одна не могла ходить далеко, поэтому была вынуждена все дни проводить или в душной комнате, или на вонючем дворе. Это не только угнетало её, но приносило серьёзный вред здоровью. Она бы с удовольствием уехала в Шкотово, чтобы пожить у мамы, но сама завести с Борисом об этом разговор не решалась, понимая, что без неё мужу будет нелегко. Он же со свойственной ему беспечностью и легкомыслием сам предложить ей это не догадывался.

Когда Борис обосновался в ДГРТ, то зашёл в губбюро компартии к Филке Дорохову, чтобы рассказать тому о своих делах. Их дружеское знакомство возобновилось, Филка познакомил Бориса со своей семьёй: отцом – старым рабочим Дальзавода, участником двух революций; старшим братом, работавшим в ФЗК Дальзавода, в прошлом подпольщика; матью – пожилой, очень доброй, душевной женщиной, нёсшей на себе тяготы домашней работы большой трудовой семьи, и молоденькой женой, служившей в каком-то учреждении счетоводом. Дорохов женился раньше Бориса больше чем на полгода.

Все первые месяцы жизни Бориса и Кати во Владивостоке Филка и его жена были, пожалуй, единственными более или

менее близкими их знакомыми, они не раз навещали Алёшкиных в их узкой комнатке и за скромной пирушкой, организованной при помощи всё того же Ли Фун Чана, весело коротали редкие свободные вечера за игрой в дурачка или в лото. Иногда они все вместе отправлялись смотреть какой-нибудь боевик в новый, недавно открывшийся, самый большой и красивый кинотеатр Владивостока «Уссури».

Дороховы очень скоро узнали о Катиной беременности, о том, что она плохо переносит атмосферу, существовавшую во дворе, кухне и самой их квартире. Они предложили свою помощь. У отца Филки, как и у многих рабочих Дальзавода, была в районе Седанки небольшая дача. Дороховы советовали Кате пожить там, а для того, чтобы оценить достоинства дачи, они пригласили Алёшкиных в одно из воскресений в гости.

Дача, расположенная на склоне сопки, обращённом к морю, вся утонула в густых зарослях полудикого винограда. На грядках зеленели ранние овощи, небольшие клумбы были покрыты яркими цветами. Конечно, там было хорошо. Но, кроме родителей Филки, там же постоянно жили его старший брат с женой и маленьким сыном, да и Филка с женой приезжали почти каждый день. Поместиться там ещё одной семье было бы попросту невозможно, и, хотя хозяева усиленно приглашали Катю приехать на лето, обещая оборудовать для них с Борисом небольшой чуланчик, Алёшкины от этого предложения отказались.

В дачном поезде, в котором Катя и Борис возвращались во Владивосток, и был решён вопрос о том, что она поживёт у мамы если не всё лето, то хотя бы то время, пока её не покинут эти неприятные и тяжёлые симптомы беременности. Предложение внёс сам Борис, и Катя ему за это была искренне благодарна, хотя, как и всегда, внешне своей радости не показала. Итак, они договорились, что через несколько дней Катя уезжает в Шкотово.

Принятию решения помог и совет Милочки Сердеевой, которая со своим маленьким Русланом провела у них один день. В начале мая она получила отпуск и две недели гостила у мамы в Шкотове, а возвращаясь в Хабаровск, должна была задержаться на день во Владивостоке. Узнав от мамы адрес сестры, она решила этот день провести у них.

Борис и Катя с интересом наблюдали, как Милочка обращается с младенцем и, наверно, каждый из них думал, вот также и мы будем пеленать своего сына, но, конечно, ни один из них вслух этого не сказал. Милочка настоятельно советовала Кате поехать в Шкотово, заверяя, что через месяц жизни у мамы все неприятные симптомы пройдут.

В первых числах июня, после получения Борисом очередного жалованья, уплатив часть долга Ли Фун Чану и купив дешёвенькие подарки для членов своей семьи, Катя выехала в Шкотово.

Надо сказать, что за прошедшие три месяца Алёшкины успели порядочно задолжать китайскому торговцу и, откоро-

венно говоря, даже не представляли себе, как бы они жили без его кредита. Кроме того, что они купили сразу после образования своей семьи, встал вопрос о необходимости приобретения ещё очень многих вещей: Кате нужно было осеннее пальто, платье, бельё и другое. Даже при сравнительно солидной зарплате, получаемой Борисом, всё это купить за короткий срок было невозможно. Им пришлось обратиться к Ли Фун Чану, тот уладил это дело неожиданно просто: помог приобрести и костюм Борису, и многие другие вещи сравнительно недорого. Самое главное, что за покупки не требовалось сразу платить полную стоимость, эту сумму китаец записывал в свою книжку. Таким же образом происходили расчёты и с теми китайцами, которые, по поручению всё того же Ли Фун Чана, приносили товары (возможно, и контрабандные) на дом. Так было куплено Кате осеннее пальто из какого-то заграничного тиснёного драпа, несколько отрезков ткани на платья и кое-что из белья. Большую часть платьев сшила портниха, рекомендованная Ядвигой, но один отрез из белого батиста с вытканными золотом большими цветами по краям Катя везла с собой, чтобы сшить платье в Шкотове.

Расчёты с Ли Фун Чаном производились просто: узнав, когда Борис получает жалованье, он на следующий день приходил к Алёшкиным, открывал свою книжечку и говорил Кате:

– Ваша мадама моя должна 70 лубли, сколько могу давай? – и без всяких возражений, даже как бы с удовольстви-

ем, принимал любую сумму, которую она в этот момент могла ему дать.

С Борисом денежных разговоров он никогда не вёл, считая неудобным беспокоить «капитана» по таким пустякам. Он, очевидно, был хорошо осведомлён о служебных делах Алёшкина и считал его вполне надёжным и кредитоспособным.

А Борис и на самом деле в своём служебном положении рос не по дням, а по часам. Очевидно, этому способствовало и бурное развитие того учреждения, где он служил.

Ещё год назад вновь организованный Дальгосрыбтрест был сравнительно малозаметной организацией в городе, но к лету 1928 года он стал известен всему Владивостоку, причём не только тем, что делал, но, главным образом, тем, что предполагал сделать в ближайшее время. Конъюнктура международного рынка складывалась так, что спрос на продукцию ДГРТ был неограничен, и его товары, приносявшие всей стране Советов чистое золото, пользовались большой популярностью. Такому быстрому развитию ДГРТ способствовало и то, что одна из ценных сельдевых пород рыб – иваси долгое время (столетие), шедшая весной основной своей массой в Японском море вдоль берегов Японии, после знаменитого землетрясения, происшедшего в 1923 году, вдруг пропала. Год назад она внезапно появилась, идущая такими же огромными косяками в пределах территориальных вод СССР.

Это очень нежная рыба, появляющаяся в сравнительно

тёплое время года, обработать её требовалось не позднее чем через шесть часов после вылова. При своевременной, даже простой засолке она давала продукцию высокого качества. Изготавливаемые из неё консервы не только не уступали по вкусу португальским или итальянским сардинам, но даже превосходили их. При изобилии этой рыбы, появившейся вдоль всего Приморского побережья, начиная от бухты Де-Кастри и до залива Посьет, такими консервами можно было бы завалить мировой рынок. Кроме того, опять-таки, в пределах этих вод, в районе Камчатки и Охотского моря имелись громадные скопления крабов, трески и камбалы, также пользующихся большим спросом на международном рынке. В районе залива Петра Великого и Посьета обнаружили большое количество трепангов и морских ежей, популярных на рынках Японии и Китая. Всё это требовало быстрого развития хозяйства Дальгосрыбтреста.

Советское правительство, не считаясь ни с какими валютными затратами, решило приобрести импортное оборудование и в ближайшие же годы на базе бывших частных рыбных промыслов построить и открыть не менее десяти консервных заводов во всех крупных бухтах побережья. Кроме того, было решено закупить несколько пароходов водоизмещением 10–15 тысяч тонн, специально оборудованных под плавучие крабовые заводы, чтобы уже весной 1929 года отправить их в промысловый рейс.

В 1928 году для ловли крабов ДГРТ за большие день-

ги фрахтовал такие суда у частных торговых фирм Японии. Несмотря на огромную арендную плату, даже это приносило государству прибыль. В виде опыта в этом же году решили приобрести для глубоководного лова трески и камбалы два траулера по 300 тонн (один в Германии, другой в Италии) и два дрифтера по 120 тонн. Для ловли сельди и иваси, кроме ставных береговых неводов, которыми пользовались издавна, стали применять новые, более продуктивные кошельковые невода. Для использования последних требовались специальные деревянные моторные суда водоизмещением 10–15 тонн, сейнеры. Эти суда нужно было строить во Владивостоке своими силами, и лишь моторы, специальное оборудование и сами невода покупать за границей. Одновременно необходимо было расширить лов дальневосточной красной рыбы – кеты, горбуши и симы, которая издавна пользовалась большим спросом на международном рынке.

Обо всех перспективах развития дальневосточного рыбного хозяйства Алёшкин знал потому, что правление ДГРТ прежде, чем принять какое-либо решение и выйти с ним в Совнарком РСФСР или Наркомат торговли, обсуждало его на собрании партячейки.

Мы уже, кажется, говорили, что в трестовской партячейке грамотных людей было всего двое, конечно, если не считать председателя правления, по образованию инженера, и заместителя начальника производственного отдела Гусева, юриста. Среднее образование имел секретарь партячейки – на-

чальник общего отдела и отдела кадров и новый десятник лесосклада Алёшкин. Естественно поэтому, что при распределении партийных нагрузок Борису была поручена работа технического секретаря ячейки. Конечно, на каждом собрании избирались председатель и секретарь, но представленные ими протоколы обрабатывал Алёшкин. Таким образом, он оказывался в курсе всех дел треста, хотя по служебной лестнице занимал и невысокую должность.

Если для развития работы ДГРТ требующийся большой флот и консервные линии закупались за границей, то весь мелкий – кунгасы «кавасаки» и сейнеры надо было строить самим. Всё это требовало большого количества лесоматериалов самого разнообразного характера. Увеличилась потребность и в таре – бочках, ящиках, консервных банках. Производительность китайских кустарных мастерских трест уже не удовлетворяла, потребовалось строительство более крупных бондарных, ящичных, баночных заводов. Эта работа была возложена на Антонова, она занимала всё его рабочее время, и поэтому все операции по лесозаготовкам, по заключению новых договоров с Дальлесом, по контролю за выполнением старых и по организации получения, хранения и выдачи лесоматериалов на второго работника лесного подотдела легла на Алёшкина. Ему же пришлось принять участие и в организации первой примитивной верфи для строительства мелких деревянных судов. Благодаря этим переменам должность Бориса стала называться «заведующий лесным скла-

дом», соответственно повысился и его оклад.

Кроме того, в конце весны 1928 года произошло и ещё одно событие, способствовавшее быстрому продвижению Бориса по служебной лестнице, но в то же время усложнившее его работу. В середине мая лесопромышленник Бородин, получивший вперёд полугодовую арендную плату за склад от ДГРТ и большой (около 200 тысяч рублей) аванс от Дальлеса на проведение осенних лесозаготовительных работ для обеспечения лесопильного завода, со всеми этими деньгами оказался в Китае. По слухам, он не задержался там надолго и переехал в Японию.

Мы неоднократно говорили, что при той слабой охране государственных границ на Дальнем Востоке, которая там была в это время, уйти за границу особого труда не составляло даже с наличием довольно солидного багажа, который имелся у Бородина. Он уехал со всей семьёй и увёз не только большие суммы в червонцах, высоко котировавшихся за границей, но и множество домашних вещей. Как это ему удалось сделать, сейчас судить трудно, только примерно дней через пять после отъезда Кати в Шкотово, в начале июня, придя утром на склад, Борис увидел своего соседа, старичка-бухгалтера Соболева, работавшего у Бородина, в очень растерянном и подавленном состоянии. От него он узнал о том, что его хозяин сбежал за границу, увёз много денег, и что люди, приходившие на склад из ГПУ, взяли с него подписку о невыезде. Теперь Соболев страшно боялся, как бы

ему не пришлось отвечать за дела Бородина, тем более что большую часть наличных денег из банка, по поручению хозяина, получал он.

Уже несколько недель Алёшкин чувствовал всё больше неудобств от нехватки места на арендуемом складе. Бочечную клёпку он уже давно начал складывать в большие бурты вне территории склада, чем вызывал недовольство работников железной дороги и порта. Кроме того, он был вынужден нести дополнительные расходы по охране этого материала. В то же время часть помещения склада пустовала, так как те несколько штабелей различных досок, сложенных Бородиным, занимали очень мало места. Наличие по соседству со своим лесом этих штабелей беспокоило Алёшкина и в другом отношении. Он постоянно боялся, что рабочие-китайцы по указанию Бородина или его десятника могут при продаже взять доски, принадлежащие ДГРТ, или при выгрузке из вагона положить доски Рыбтреста к Бородину.

Узнав о его бегстве, Борис медлить не стал, он сию же минуту отправился в трест. Антонова там не было, а заведующему коммерческим отделом Черняховскому он не очень доверял, так как подробно знал его биографию. Поэтому, пренебрегая субординацией, решил обратиться прямо к заместителю председателя правления треста товарищу Мерперту. Довольно просто попав к нему на приём, Алёшкин, волнуясь, рассказал о Бородине и предложил, пользуясь тем, что пока это обстоятельство известно очень немногим, за-

нять весь склад, конфисковать имеющийся там лес в счёт уплаченных сумм за аренду. Мерперт оценил выгоду этого предложения, и они немедленно направились к председателю правления треста Якову Михайловичу Берковичу. Тот, выслушав Алёшкина, по телефону связался с начальником областного отдела ГПУ и с председателем Владивостокского горсовета и добился их согласия.

В связи с тем, что ДГРТ получал теперь в своё распоряжение весь большой лесной склад, встал вопрос о том, кто им будет руководить. Яков Михайлович сказал:

– Мне кажется, что заведование этим складом можно поручить товарищу Алёшкину. Он, так сказать, был инициатором этого дела, пусть теперь там и руководит.

Мерперт с этим согласился, однако заметил, что решать этот вопрос без непосредственного начальника Бориса Яковлевича неудобно. Беркович вызвал Черняховского, тот явился немного взволнованным и беспокойным: его отдел курировал Мерперт и приглашение к самому председателю правления треста, видимо, было вызвано чем-то важным, может быть, каким-нибудь упущением по службе.

Войдя в кабинет председателя и увидев там Алёшкина, Черняховский разволновался ещё больше: «Неужели случилось что-нибудь на лесном складе? А я ещё вчера об Алёшкине так хорошо отзывался у Мерперта, да, по настоянию Антонова, по существу, передоверил ему все лесные дела и выдвинул на должность зав. лесным складом. Эх, кажется,

наломал я дров!» – подумал он.

Однако Беркович, видимо, настроен был довольно благодушно. Он вежливо предложил вошедшему сесть и сказал:

– Мне остаётся только поздравить вас, товарищ Черняховский с вашими кадрами, толковые у вас сотрудники! – Яков Михайлович коротко рассказал об известии, принесённом Борисом, а также о его предложении. В заключение он добавил:

– С соответствующими организациями вопрос передачи нам этого склада я уже полностью согласовал. Вам с товарищем Мерпертом предстоит теперь произвести необходимое оформление и подобрать заведующего и соответствующий штат. Мы посоветовались и решили, что несмотря на свою молодость, на должность зав. складом можно назначить товарища Алёшкина. Каково ваше мнение?

Помолчав около минуты, в которую он взвешивал все за и против назначения этого, кажется, способного, но всё-таки мальчишки, на такой ответственный пост (ведь теперь оборот склада мог превысить полтора миллиона рублей, а отвечать за работу придётся ему), Черняховский решил согласиться. По тону вопроса, по тому, что его задали в присутствии Алёшкина, было понятно: правление, по существу, уже приняло решение и его спрашивают, так сказать, для проформы, поэтому он произнёс:

– Я думаю, что можно назначить, только товарищ Алёшкин должен взвесить всю величину ответственности, кото-

рая теперь ляжет на него. Помимо новых обязанностей, нужно учитывать, что ему придётся руководить и работой судоверфи, так как товарищ Антонов загружен строительством бондарного и ящичного заводов, и от этих дел его отрывать нельзя.

– Ну, от судоверфи мы его скоро освободим: на днях к нам приедет специалист-инженер из Мурманска, который будет руководить строительством судов и полностью работой судоверфи. Ну а Антонову придётся продолжать заниматься строительством бондарного и ящичного заводов. Стройотдел треста сейчас строит сразу десять консервных заводов, а это не шутка! Кстати, имейте в виду, что бондарный завод должен дать продукцию к осенней путине. Товарищ Мерперт, вы это тоже учтите!

– Значит, вы против кандидатуры, выдвинутой нами на должность заведующего складом, не возражаете? Ну а сам товарищ Алёшкин как на это смотрит?

Борис был удивлён и обрадован. В первые моменты он даже не подумал о том, что с этим назначением его зарплата почти удвоится. Он был просто польщён тем, что ему в 21 год доверяют такое солидное дело, что он достиг этого положения за каких-нибудь пять месяцев работы. Не задумываясь, он ответил:

– Я согласен.

Произнёс он это с такой очевидной радостью, что Яков Михайлович и Мерперт засмеялись, и даже Черняховский

позволил себе улыбнуться, а Беркович сказал:

– Вот что значит молодость-то! Мы, можно сказать, на него ярмо надеваем, а он радуется. Ну что же, это хорошо! Иосиф Анатольевич, – обернулся он к Мерперту, – подготовьте постановление правления о приёме склада и назначении его заведующим Алёшкина. А вы, товарищ Черняховский, вместе с Алёшкиным составьте проект штатов склада и представьте его мне. На ближайшем заседании правления мы эти вопросы обсудим. Я думаю, что всё намеченное нами утвердим.

Однако Мерперт решил начать действовать, не дожидаясь постановления правления...

Через несколько часов Борис возвращался на свой склад с удостоверением заведующего и с предписанием бухгалтеру Бородина Соболеву передать все имевшиеся в конторе ценности и лесоматериал, принадлежавшие ранее Бородину, Дальгорыбтресту – его представителю Б. Я. Алёшкину.

Эту бумагу, выйдя от председателя правления, товарищ Мерперт поручил составить Глебову, расписался на ней и ему же поручил получить соответствующие визы от начальника ОГПУ и председателя Владивостокского горсовета. Сделать это нужно было в течение часа. Чтобы выполнить поручение, Александр Александрович Глебов на единственном имевшемся в тресте автомобиле (стареньком «Форде», доставшемся по наследству от интервентов) объехал необходимые учреждения и получил подписи.

Всё это время Борис находился в коммерческом отделе, где, воспользовавшись помощью подошедшего Антонова, составил штаты будущего склада. Черняховский утвердил их, не читая.

Поздно вечером Борис Яковлевич и Александр Васильевич закончили составление акта, в котором указали территорию склада, оставшийся непроданным лес, постройки (огромный деревянный сарай, здание конторы и крохотной сторожки), канцелярский инвентарь, мебель (шкафы, столы, стулья) и противопожарное оборудование. Подписав акт и получив в качестве третьей стороны подпись Антонова, Борис отправился домой. По дороге он раздумывал. Кроме перечисленного в акте, в кабинете Бородина находился большой книжный шкаф, забитый самыми разнообразными книгами, в том числе полной энциклопедией Брокгауза и Ефрона, огромный письменный стол из карельской березы, диван, большое мягкое кресло и два стула. Соболев сказал, что это имущество в книгах конторы не значит. Покупалось оно Бородиным лично для себя, и поэтому новый заведующий складом может им пользоваться и считать его как бы своим. Алёшкин с радостью согласился.

Мы забыли отметить, что среди принятого по акту числился и городской телефон. Сразу после подписания Борис позвонил на станцию и сообщил, что этот номер теперь принадлежит лесному складу ДГРТ, и что все расчёты за пользование телефоном будет вести он, как заведующий складом.

Теперь, когда на Бориса навалилась такая огромная работа, пользуясь тем, что он был один, без Кати, ему было удобнее ночевать в конторе.

Через два дня после принятия склада Алёшкин получил утвержденный правлением штат склада, в него входил заведующий, десятник, счетовод и четыре сторожа. Необходимо было как можно скорее подобрать на эти должности людей. Со сторожами вопрос решался легко: оставались те же, что работали у Бородина и раньше. Счетовода тоже искать не пришлось. За время своей работы рядом со служащими Бородина Борис успел понять, что Александр Васильевич Соболев, маленький старичок с широкой, окладистой, совершенно седой бородой, ласковыми голубыми глазками, прикрытыми очками в золотой оправе, – не только добрый человек, но и отлично знающий учёт специалист, неплохо разбиравшийся в лесе.

Десятнику Бородина Алёшкин не доверял и оставить его у себя отказался. Примерно через неделю Глебов прислал нового десятника, Ярыгина, который оказался квалифицированным работником и вскоре стал хорошим помощником Борису. Кроме того, и он, и Соболев отлично знали жаргон, при помощи которого тогда приходилось объясняться всем, имевшим дело с китайскими подрядчиками и рабочими.

В связи с бурным ростом объёма работ на складе количество рабочих-грузчиков увеличилось до ста человек. В то время в распоряжении Алёшкина никаких средств механи-

зации не было, все разгрузочные и погрузочные работы, а также сортировка леса внутри склада производились вручную.

Как показалось Борису, а впоследствии подтвердилось, Александр Васильевич был абсолютно честным человеком, ему можно было полностью доверять, а это было важно, ведь помимо приёмки, подсчёта, учёта, выдачи и организации хранения лесоматериалов, на Алёшкине лежала обязанность чуть ли не ежедневных расчётов с артелями грузчиков. После фактического устранения Николая Фёдоровича Антонова от работы на складе на Бориса навалились расчёты и с кустарями, изготавливавшими бочки и ящики. Расчёты эти производились наличными деньгами, для чего Алёшкину приходилось составлять множество разных ведомостей, счетов и расписок, получать деньги в банке и выплачивать их по этим документам. С появлением в штате склада Александра Васильевича эта работа целиком легла на него, принеся Борису существенное облегчение.

Второй работник, направленный трестом, десятник Ярыгин, тоже когда-то работал у Бородина, его посоветовал взять Соболев, утверждая, что это знающий и добросовестный человек. Ярыгин был грузным светловолосым мужчиной лет 42 с добродушным и покладистым характером. Он отлично разбирался в лесоматериалах, но, как и большинство десятников того времени, не отличался хорошей грамотностью.

Мы уже много раз употребляли слово «десятник», счи-

таем нужным немного пояснить, как с современной точки зрения его можно было бы охарактеризовать. По нашему мнению, десятник – это прораб. В настоящее время прораб имеет специальное образование, тогда же десятником становился более способный и расторопный рабочий. На курсах, пройденных Алёшкиным, впервые десятникам давалась специальная подготовка.

Ярыгин, воспитанный в суровых условиях труда у строгого хозяина, привык работать, не считаясь со временем. К тому же он был холост и мог являться на работу в любое время, в зависимости от потребности предприятия, это было очень важно: для обеспечения бесперебойной работы склада нужно было, чтобы сам заведующий, да и все его подчинённые работали почти целый день и, как правило, без всяких выходов.

У Бориса Яковлевича за последнее время появились кое-какие новые заботы, отрывавшие его всё чаще и чаще от непосредственной работы на складе. Человек, которому он мог бы полностью доверить отпуск и приём материалов на время своего отсутствия, был необходим. Ярыгин оказался именно таким неоценимым помощником.

Упомянем вскользь о тех дополнительных нагрузках, которые с апреля месяца прибавились у Бориса. Мы уже говорили, что он был секретарём комсомольской ячейки ДГРТ, и если в январе 1928 года в ней состояло 12 человек, то к июню насчитывалось уже более сорока комсомольцев. В мае

проходила конференция ВЛКСМ Ленинского района города Владивостока, Алёшкин был делегатом этой конференции, его избрали в состав бюро райкома, заседания которого ему теперь тоже приходилось посещать. Говорили мы и о том, что ему поручили работу технического секретаря партячейки. Оказалось, что, помимо объёмной канцелярской работы, Борису приходилось посещать райком партии для разрешения ряда вопросов.

Всё это требовало времени, и Алёшкин иногда часами отсутствовал на работе. Уйти домой, не побывав на складе и не ознакомившись с происшедшим за время его отсутствия, он не мог. Вот поэтому-то очень часто, зайдя на склад после какого-либо собрания или заседания и занявшись проверкой подсчётов подготовленных к отпуску материалов, произведённых в его отсутствие Ярыгиным, а также и ведомостей, оставляемых ему в сейфе Александром Васильевичем, Борис предпочитал не тратить на дорогу до дома полтора часа, а наскоро перекусив каким-нибудь бутербродом или булочкой, купленной по пути, выкурив не один десяток папирос, прикорнуть здесь же, в конторе, на диване.

Застав его как-то спящим на диване, Соболев сказал:

– Что же, Борис Яковлевич, вы так и не будете ходить домой? Да что же ваша жена-то скажет, когда вернётся? Может, вам лучше переселиться сюда насовсем?

Слова эти сказаны были в шутку, а на Алёшкина произвели серьёзное впечатление: «А что, если на самом деле пере-

селиться сюда жить?» Он внимательно осмотрел здание конторы и пришёл к выводу, что при их невзыскательных вкусах им с Катей это жилище вполне подойдёт. «Домик конторы окружён свежими, пахнущими лесом и смолой, досками, воздух здесь невозможно сравнить с той вонью, которая окутывает двор нашей квартиры, да и море в двух-трёх десятках шагов – бухта Золотой Рог, даже купаться можно будет! (тогда ещё в этой бухте купались)», – подумал он.

Вечером этого же дня Алёшкин, встретившись с Иосифом Антоновичем Мерпертом в здании треста после заседания бюро партячейки, доложил ему о своём проекте. Тот сразу оценил все выгоды пребывания завскладом на месте работы круглосуточно и разрешение дал.

На следующий день Борис сообщил о полученном разрешении своему непосредственному начальнику, заведующему коммерческим отделом Черняховскому, тот неожиданно воспротивился:

– Я не согласен, – заявил он, – представьте себе, что в один прекрасный день вам не понравится работа на складе или вы почему-либо не понравитесь нам, мы же выселить вас не сможем, как же быть тогда?..

Борис даже не допускал подобной мысли, его так увлекла работа на складе, что он был готов посвятить ей всю жизнь (так, по крайней мере, ему казалось), но Черняховский был неумолим. Он запретил Алёшкину переселяться, пока не обсудит этот вопрос с Мерпертом. Борис, скрепя сердце, под-

чинился.

Однако дня через два Черняховский вызвал его и сказал, что переспорить Мерперта не удалось и что, хотя он лично остаётся при своём мнении, переезд разрешён. Дважды повторять это Борису было не нужно. В тот же вечер, не позаботившись произвести хотя бы маленький ремонт или даже просто уборку в своей новой квартире, он забрал у пани Ядвиги вещички и переехал. Теперь его адрес стал таким: г. Владивосток, Корабельная набережная, дом № 7, бывший склад Бородина.

При помощи Ярыгина Борис приобрёл настоящую двуспальную кровать с металлическими шишечками. По совету Соболева, нанятый китаец побелил кухню, коридор, кладовую и бывший кабинет Бородина, который, собственно, и предназначался под жильё Алёшкиных. Александр Васильевич также поручил женщине, обычно мывшей полы в конторе, убраться и вымыть окна в квартире заведующего складом. После всех этих усовершенствований Борис расставил мебель, разложил свои вещи и почувствовал себя обладателем чуть ли не сказочного дворца.

Преимущество его новой квартиры, по сравнению со всеми предыдущими, было очевидным. После 6–7 часов вечера жизнь на складе и окружавшей его территории порта и железнодорожных путей затихала. С бухты, которая в то время в этой своей части была ещё совсем свободна от портовых сооружений, а следовательно, и от больших морских су-

дов, доносился небольшой ветерок, запах моря, морской капусты и других водорослей. К берегу бухты напротив склада приставали только одинокие шаланды, развозившие бочки и ящики по промыслам ДГРТ, и мелкие «шампуньки», служившие для перевозок пассажиров на мыс Чуркин.

Сидя у открытого окна своей комнаты, Борис был уверен, что здесь все Катины неприятности, связанные с беременностью, немедленно пройдут, и она будет чувствовать себя хорошо, ну а то, что около квартиры целыми днями толкались грузчики-китайцы, а по линии железной дороги взад и вперёд двигались вагоны с различными грузами или стояли составы, заполненные лесом, ему казалось незначительным неудобством.

Эта квартира была выгодна и тем, что она находилась в самом центре города: стоило пересечь склад и выйти через маленькую калитку в верхнем заборе, ключ от которой был теперь у Бориса Яковлевича, и ты сразу попадаешь на Ленинскую улицу (Светланку) рядом с кинотеатром «Художественный», почти напротив обкома ВКП(б). Да и по другой дороге, обогнув склад какой-то конторы металлоизделий, можно было сразу выйти на Комсомольскую пристань к кинотеатру «АРС» и к саду «Буфф». На Ленинской совсем недалеко открылась детская консультация, а кругом много магазинов.

Переезжая на новую квартиру, с Ли Фун Чаном, которому Борис оставался ещё порядочно должен, он связи терять не мог. Постепенно погашая долг, Борис время от времени

пользовался его услугами, однако это происходило всё реже и реже, и к концу 1928 года их взаимодействие прекратилось совсем.

## Глава девятая

Переехав, Борис немедленно написал Кате, уговаривая её скорее вернуться в город. Со дня на день ожидая возвращения жены или, по крайней мере, письма от неё, он был несказанно удивлён и испуган, когда вдруг в самый разгар дневной работы, ему принесли извещение о срочном вызове его на городскую телефонную станцию для переговоров со Шкотовым.

В то время междугородние переговоры были событием редким, и уж если решились его вызвать к телефону, то, очевидно, там случилось что-то особенно важное. С трудом Борис дождался назначенного часа, рисуя себе всякие ужасы. На телефонной станции в ожидании прошло ещё томительных полчаса, пока, наконец, его вызвали в кабину, и он услышал в телефонной трубке далёкий голос мамы.

Она звонила по поручению Акулины Григорьевны. Уговаривая его не беспокоиться, Анна Николаевна сообщила, что Катю укусила змея и что нужно ему немедленно приехать. Никаких подробностей она не рассказала: то ли не знала, то ли не хотела его расстраивать, но продолжала категорически настаивать на его приезде.

Выехать из города без разрешения начальства Алёшкин не мог, как не мог, никого не предупредив, бросить и склад, на котором хранились большие материальные ценности, но

пообещал маме приехать на следующий день.

С утра Борис предупредил своих помощников, что будет вынужден выехать дня на два в Шкотово. Он объяснил им причину своей поездки, и те, горячо выражая ему своё сочувствие, обещали, что на складе всё будет как надо и что он может ни о чём не беспокоиться.

Между прочим, за три недели, которые Александр Васильевич и Ярыгин проработали вместе с Алёшкиным, несмотря на то, что оба были более чем вдвое старше его, они как-то безоговорочно признали его авторитет и беспрекословно выполняли все распоряжения. Объяснить, очевидно, это можно тем, что Ярыгин сразу же стал уважать своего начальника за его значительно большую образованность, развитость и отличное знание лесного дела, а Соболев очень ценил в Борисе сообразительность, умение быстро и разумно организовать любую работу и отдаваться самому этой работе без остатка.

Черняховский, к которому Алёшкин обратился с просьбой о разрешении отпуска на два дня, узнав о несчастье, случившемся с его женой, своё разрешение дал немедленно, однако потребовал, чтобы за время отсутствия заведующего лесной склад продолжал работать бесперебойно. Легко согласился на поездку Бориса и секретарь партячейки Глебов.

В четыре часа вечера, купив кое-какие лакомства Катиным сестрёнкам и ребятам Алёшкиных, Борис сел в сучанский поезд и с нетерпением ждал его отправления. Хотя внешне, может быть, это и не было особенно заметно, он

очень сильно волновался. В его воображении рисовались картины одна ужаснее другой: то он представлял себе, что из-за укуса змеи Катя преждевременно родила и сейчас лежит при смерти, то ему казалось, что ей сделали какую-нибудь страшную операцию, и, может быть, даже отрезали ногу, – одним словом, мысли самого мрачного характера теснились в его голове. А тут ещё, как назло, поезд тащился ужасно медленно.

Но вот, наконец, его мучения кончились. Он был уже около своей родной Кати, которая лежала в постели – вставать ей было категорически запрещено, да и нога её, посиневшая и распухшая, при малейшем движении причиняла такую сильную боль, что она и сама подняться с постели не могла.

Но, по-видимому, на беременность эта травма не повлияла, да и общее самочувствие Кати было, видимо, не таким уж плохим, во всяком случае, о случившемся она рассказала достаточно бойко и даже с некоторым юмором.

Оказалось, что дня три тому назад Катя, вместе с младшими сестрёнками и их знакомыми девочками, отправилась на одну из близлежащих к Шкотову сопок за ландышами. Прогуляв полдня, на одной из полянок устроили привал. В этот момент, бродя по полянке, Катя почувствовала несильную боль в области лодыжки левой ноги, такую, как от укола колючкой шиповника или чёртова дерева. Поскольку боль не проходила, она подумала, что колючка застряла в ноге.

Катя нагнулась и, к своему ужасу, увидела, что вокруг её голени обвилась маленькая тёмно-коричневая змейка – дальневосточная гадюка. Свою голову змея спрятала в большом мамином шлепанце, пару которых Катя надела, идя на прогулку. Напуганная женщина сильно тряхнула ногой, отбросив шипящую гадюку в кусты, и, не удержавшись, громко вскрикнула:

– Змея! Меня укусила змея!

Сопровождавшие её девочки вместо того, чтобы чем-нибудь помочь ей, с перепугу бросились бежать в село, громко крича:

– Катю змея укусила! Катю змея укусила!

С этим криком Катины сестрёнки вбежали в дом, принеся эту страшную весть Акулине Григорьевне. Та, как и все старые дальневосточники, отлично знала, как опасны укусы гадюк. Наскоро расспросив девочек, где они оставили Катю, она бросилась к соседям, чтобы попросить подводу и поехать за дочерью. Своих лошадей дома не было, а она знала, что дорога каждая минута.

Между тем, растерявшаяся в первый момент Катя опомнилась, и видя, что юные спутницы её покинули и помощи, кроме как от себя, ей ждать пока не от кого, решила принять доступные ей меры. Поверх легонького ситцевого сарафана на ней была надета модная тогда у комсомольцев майка-тенниска с воротником и короткими рукавчиками. Ворот такой майки стягивался крепким, тонким и довольно длин-

ным шнурком. Катя слышала, что при укусе змеи надо высосать из ранки кровь и перетянуть ногу выше раны, чтобы яд не распространился по всему телу.

Хотя она и видела около щиколотки левой ноги две красные точки – след зубов змеи, но дотянуться до этого места, чтобы высосать кровь с ядом, она в силу своего положения не могла. Пришлось ограничиться только тем, чтобы выдавить из ранки кровь и применить вторую часть известного средства. Катя со всей доступной ей силой перетянула шнурком, выдернутым из майки, ногу чуть пониже колена. После этого она попыталась встать и двинуться к селу. Чувствовала она себя отвратительно: всё сильнее болела посиневшая и на глазах распухавшая нога, опираться на неё становилось трудно. Кроме того, стала кружиться голова – очевидно, сказывалось общее действие яда. Однако, цепляясь за кусты, Катя продолжала ковылять по тропинке и, в конце концов, всё-таки выбралась на проезжую дорогу, уже совсем недалеко от села. Это, собственно, и спасло её. Вряд ли Акулина Григорьевна, пользуясь весьма сбивчивыми рассказами девочек, сумела бы быстро найти дочь в густых зарослях орешника.

Превозмогая боль в ноге, делая остановки через каждые три-пять шагов, а иногда и присаживаясь на землю, Катя смогла добраться до дома. Как раз тогда, когда её мать привела во двор добытую у соседей лошадь с телегой, в воротах показалась бледная, покрытая холодным потом, с раздувшейся, как колода, ногой, Катя. Как её положили на телегу,

как довели до больницы, как врач, всё та же Степанова, лечившая в своё время и Бориса, прижгла ей место укуса и с большим трудом разрешила глубоко вдавившийся в мышцы шнурок, Катя уже не чувствовала. У неё поднялась температура до 39 градусов, она была почти без сознания.

Несмотря на заверения врача, что всё должно кончиться благополучно, хотя Кате и придётся недели две провести в постели, вид её внушал серьёзные опасения. На всякий случай, не вполне доверяя современной медицине, Акулина Григорьевна, конечно, тайком от Кати, да и от её сестёр (ведь они все были комсомолками, ни во что не верили), пригласила старушку, пользовавшуюся в Шкотове славою врачевательницы змеиных укусов. Уже потом Катя припоминала, что вечером того дня она смутно, в полузабытьи, видела женщину, что-то делавшую с её ногой.

На следующий день температура у Кати снизилась, но нога продолжала сильно болеть и оставалась синей и распухшей. Общее состояние по-прежнему беспокоило мать, поэтому она и попросила Анну Николаевну Алёшкину вызвать Бориса из города. Какой Борис увидел свою Катю, мы уже описали, а вскоре после его приезда больную навестила врач. Она вспомнила Бориса – своего старого пациента, а узнав, что теперь лечит его жену, шутливо заметила:

– Ну, значит, мне суждено быть вашим семейным врачом. Придётся, наверно, и ребятишек ваших лечить, а они, кажется, скоро будут!

Этой фразой она привела в смущение Бориса и, в особенности, Катю. Осмотрев пациентку, Степанова сказала, что Кате необходим полный покой, постельный режим не менее двух недель, и если этого дома обеспечить нельзя, то она возьмёт её в больницу. О перевозке Кати в город, о чём было заикнулся Борис, она пока запретила и думать.

Ах, как не хотелось Борису оставлять жену в Шкотове! Но сделать ничего было нельзя, и на следующий день он, скрепя сердце, уехал во Владивосток один. Перед отъездом он взял слово с мачехи и самой Кати, что они будут ему ежедневно писать, сообщая о состоянии её здоровья.

Нельзя сказать, чтобы и Катя с большой охотой оставалась у матери, ей тоже хотелось поскорее оказаться опять вместе со своим Борькой. От него она узнала о перемене в его служебном положении и, самое главное, о переезде их на новую квартиру. До этого она никогда не была в Бориной конторе и потому не представляла себе ни местоположение, ни вид их нового жилья. Но Борис расписал всё это так восторженно, обрисовал их новую квартиру такими яркими красками, что Катя, скинув определённый процент из описания на известную его привычку преувеличивать, всё-таки чувствовала, что их новая квартира не может идти ни в какое сравнение с той, из которой она была вынуждена сбежать.

Вернувшись во Владивосток, Алёшкин окунулся в свою беспокойную хлопотливую работу, отнимавшую у него всё время без остатка. К его заботам прибавилась ещё одна.

Вскоре после его возвращения, из Мурманска приехал инженер, специалист по строительству деревянных рыболовных судов, Терентий Иванович Крамаренко. С ним приехала жена, в прошлом опереточная артистка, и несколько человек – плотников и столяров высокой квалификации, которые должны были в будущем стать мастерами на судовой верфи.

Николай Фёдорович Антонов, развивший кипучую деятельность на отведённом ему участке мыса Чуркин, получил в своё распоряжение несколько больших, частью разрушенных казарм бывшего флотского экипажа. Во время интервенции в этих казармах жили японские моряки. Последние два года казармы были заброшены, и население мыса Чуркина, пользуясь тем, что здания никем не охранялись, за это время успело порядочно их разломать, сняв многие окна, двери, вытащив печные приборы, а кое-где захватив даже и полы.

Благодаря энергичной деятельности Антонова, часть зданий, предназначенных для размещения бондарного, ящичного цеха и общежития рабочих, были уже приведены в пригодное к эксплуатации состояние. В цехах начали устанавливать полученные из Японии станки, а в общежитии размещаться первые рабочие. Приехавшие с Крамаренко тоже поселились там. Но здание, предназначенное для судовой верфи, ещё продолжало иметь жалкий вид и требовало большой работы по восстановлению. Оборудование для него из Японии прибыло, но пока стояло нераспакованным в ящиках.

Если первые бочки и ящики своего производства можно было ожидать к середине или, в крайнем случае, к концу августа, то появление первых рыболовных судов с верфи ДГРТ, видимо, раньше будущего года увидеть не удастся. Это понимали все, в том числе и инженер Крамаренко.

Но не таков был этот невысокий, стройный, кареглазый, с копной вьющихся каштановых волос, энергичный тридцатилетний человек. Сидеть у моря и ждать погоды было не в его правилах. Ознакомившись со всем хозяйством треста, он предложил начать постройку первых деревянных судов на лесном складе, которым заведовал Алёшкин.

Для основной подготовки материала Крамаренко предложил использовать пустующий, доставшийся в наследство от Бородина сарай. Там он хотел установить несколько самых необходимых, простейших станков и циркулярную пилу, а сборку судов производить на улице, заняв для этого часть территории склада.

– Конечно, мы здесь не сможем строить сейнеры, места для них тут мало, но шлюпки, кунгасы и, может быть, «кава-саки» – вполне возможно и полезно во всех отношениях. Во-первых, за это время мы практически сможем обучить и выяснить квалификацию местных рабочих, а во-вторых, практически ознакомиться со строительством неизвестных для нас типов судов, – кунгасов, ведь на Северном море применяют совсем другие суда – карабасы, – так заявил Крамаренко.

Его доводы председателю правления треста Берковичу пришлись по душе и, несмотря на возражения Черняховского и даже Мерперта, считавших такой симбиоз на территории лесного склада недопустимым, в случае пожара грозящим опасностью всем запасам лесоматериалов треста, правление приняло положительное решение. На всякий случай, в штат лесного склада было введено четверо пожарных. Кроме того, заведующему складом Алёшкину было поручено приобрести противопожарный инвентарь, вплоть до мощного пожарного насоса, и к имевшимся на территории склада водоразборным колонкам присоединить шланги, которыми можно было бы воспользоваться немедленно, выявив очаг пожара.

Через неделю после этого решения, работа на судовой верфи ДГРТ № 1, как её окрестили, закипела. Часто сталкиваясь на работе с Крамаренко, видя, что этот человек, хотя и беспартийный, старый специалист, отдавался любимому делу с такой же беззаветностью, как и сам Борис, последний быстро с ним подружился. В свою очередь, и Крамаренко ответил на эту дружбу взаимностью. Вскоре в тресте лесной склад и судовой верфь стали считать одним целым и, хотя там было два начальника, между ними никаких трений не возникало.

Через месяц судовой верфь дала пробную продукцию: на воду спустили первую шлюпку – парусный вельбот, способный поднять не менее двадцати человек. Шлюпки такого типа на Дальнем Востоке не строили, и в бухте Золотой Рог она была

действительно первой. До сих пор жители города видели их только на больших океанских пароходах, укреплёнными на шлюпбалках, и обычно на воду в бухте не спускавшихся.

Поэтому первое плавание на ней, предпринятое Крамаренко и Алёшкиным, собрало толпу зрителей. Осматривать шлюпку пришло чуть ли не всё правление треста и весь производственный отдел. Некоторые из пришедших считали, что такие шлюпки в условиях побережья были неудобны, что с плоскодонными кунгасами рыбакам справляться было легче. Судоверфь № 1 сделала всего четыре шлюпки и переключилась на изготовление кунгасов. Строительство последних было делом более лёгким, мурманские специалисты его быстро освоили, а местным рабочим тут и учиться не пришлось. Поэтому к концу октября судоверфь выпустила два десятка кунгасов.

Между прочим, добившись специального разрешения от правления треста, Крамаренко за это же время построил одну прогулочную яхту типа швертбота с опускавшимся килем. Покрашенная ослепительно-белой краской с огромным парусом, она была очень красива. Кстати сказать, эта яхта была тоже одной из первых, появившихся во Владивостоке.

В конце октября помещения судоверфи на мысе Чуркин были готовы. Крамаренко со своими рабочими и большей частью оборудования переехал на мыс Чуркин. Там немедленно приступили к выпуску так необходимых тресту сейнеров для кошелькового лова. Импортные моторы для них уже

начали поступать. Предполагалось к весенней путине 1929 года выпустить шесть сейнеров. Лесной склад с отъездом судоверфи снова обрёл тишину и спокойствие, и Борису Алёшкину стало даже немного грустно. Он уже привык к неумолчному визгу пил, скрежету фрезерных станков, стуку молотков, топоров и другим звукам, сопутствующим работе судоверфи. Зато освободившаяся территория склада позволила рассортировать поступивший за это время лес и клёпку.

## Глава десятая

Ещё в середине июля из Шктова приехала Катя. Она почти совсем поправилась, хорошо ходила, болей в укушенной ноге не было, но небольшой отёк ещё держался. Новая квартира ей понравилась. Как бы шумно и сутолочно ни было здесь днём, вечером они, по существу, оставались одни полными хозяевами во всём доме. Только возле ворот в маленькой будке находился старичок-сторож. Была очень приятной и близость моря. Борис и Катя купались поздним вечером, плавая вокруг стоящих на якорях шаланд.

До кинотеатров тоже было близко и, хотя Катя с трудом высиживала сеанс, всё же они ходили в кинематограф часто, не пропуская ни одного нового фильма.

Катерина встала на учёт в одной из ближайших к их дому комсомольских ячеек, и очень скоро её назначили пионервожатой. Она часто проводила время со своими пионерами. Несмотря на то, что беременность её вступила уже во вторую половину, благодаря стройности, спортивной подтянутости и физической крепости фигуры, она была почти незаметной. И если бы не продолжавшиеся, хотя и в меньшей степени, чем ранее, явления токсикоза (Борис узнал потом, что так врачи называют это странное состояние), то о том, что она ждёт ребёнка, можно было бы и не догадаться.

Катя, однако, продолжала «капризничать»: то отказыва-

лась от хлеба, то вдруг испытывала отвращение к мясу, то её тошнило от одного запаха борща, так что Борису пришлось порядочно повоевать с ней, чтобы заставить жену есть хоть что-нибудь.

Между прочим, приехав из Шкотова на новую квартиру, Катя стала наблюдаться в консультации в центре города, и советы врачей ей оченьгодились.

Очень скоро Алёшкины познакомились с близлежащим китайским лавочником, и хотя эти взаимоотношения не были такими всеобъемлющими, как в своё время с Ли Фун Чаном, но, однако, и здесь многие продукты – хлеб, зелень, молоко, а иногда и мясо – доставлялись им на дом. Кроме того, так как их квартира находилась около берега бухты, то легко было приобретать привозимые китайскими рыбаками дары моря: крабов, креветок, свежую сельдь, иваси, кету и др. Всё это покупалось очень свежим, иногда даже живым.

В течение лета Борис много раз на «шампуньках» (небольших китайских лодках), а впоследствии и на собственных катерах ДГРТ, посещал начавший работать бондарный завод, строящийся ящичный цех и судоверфь. Совершали они с Катей прогулки на вельботе и на швертботе, правда, на последнем – в сопровождении Крамаренко, мастерски управлявшим парусами этих судёнышек.

Перед своим окончательным отъездом на Чуркин, Крамаренко оставил первый выстроенный вельбот, оснащённый мачтой, парусом и вёслами, в распоряжение заведующего

лесным складом, то есть Бориса. Шагах в двухстах от квартиры Алёшкиных находилась одна из городских лодочных станций. Борис договорился с её сторожем, что до наступления зимы он будет оставлять вельбот под его присмотром.

Время шло быстро. Поглощённые работой, общественными обязанностями и своим личным счастьем (а они были счастливы, что было заметно по улыбкам и сияющим взглядам, когда они оставались вдвоём), ни Борис, ни Катя не замечали, как летели дни, недели и даже месяцы. Поэтому для обоих оказалась совершенно неожиданным, когда в ночь на 31 октября Катя вдруг почувствовала сильные боли внизу живота.

Молодые супруги не имели ни малейшего представления о том, как начинаются роды. Хотя доктор в консультации объяснял кое-что Кате, но большинство этих объяснений из-за её смущения проходили мимо ушей. Пожалуй, только чисто животный инстинкт подсказал женщине, что настало время родить. Разбудив своего крепко спавшего муженька (а было три часа ночи), Катя, корчась от болезненных схваток, просила отвести её в больницу. Борис предлагал сбежать за извозчиком или подождать до утра, но боли были настолько сильными, что, боясь остаться одной даже на короткое время, Катя его от себя не отпускала. Кое-как с его помощью одевшись, она, сжимая руку мужа, вышла из дома.

Больница с родильным отделением от их квартиры находилась довольно далеко: нужно было пройти четыре кварта-

ла по улице Ленинской и семь по Алеутской, расстояние составляло примерно два километра. Борис согласился, чтобы они шли пешком, в надежде на то, что им попадётся извозчик и подвезёт их. Взяв под руку Катю и сообщив ночному сторожу склада, что они ушли, Борис направился к воротам. В этот момент схватки прекратились, боль исчезла, и Катя остановилась:

– Ой, Борька, кажется, мы зря идём, у меня всё прошло! Вернёмся домой?

Они вернулись, но лишь только вошли в коридор, как наступил новый приступ схваток. Цепляясь за Бориса и косяки дверей, Катя вновь вышла на улицу. После этого они решили больше не возвращаться. Поначалу, преодолевая боль, Катя ещё могла передвигаться, но затем идти получалось только в период между схватками. Когда же они начинались, Катя хватала Борину руку, прислонялась к стене ближайшего дома или садилась на каменную тумбу, отделявшую тротуар от мостовой и, глядя испуганными глазами на мужа, стонала, корчась от нестерпимой боли. С подобными остановками они шли до больницы почти два часа и появились в приёмном покое около пяти часов утра.

Принимал Катю молодой мужчина – дежурный фельдшер-акушер. Борис был этим очень возмущён: «Как это так! – думал он, – Катя, моя Катя сейчас будет раздеваться при этом парне, и тот увидит её совсем голой!»

Борис хорошо знал скромность и стыдливость своей жены

и поэтому представлял себе, как ей будет стыдно и страшно обнажаться перед этим чужим мужчиной. Но она, как потом говорила, была настолько поглощена происходящим внутри её организма, что даже и не обратила большого внимания на того, кто её осматривал. Да и схватки к этому времени сделались почти непрерывными и были так сильны, что Катя временами почти теряла сознание. Через 10–15 минут фельдшер вышел к Борису и сказал, что всё идёт нормально, роженицу они оставляют у себя, а муж может завтра справиться о ней по телефону (он написал на бумажке номер). После этого он выпроводил Бориса за дверь.

Алёшкин не помнил, как дошёл домой, как машинально вскипятил чайник, напился чаю, кое-как прибрал постель и отправился работать. Он опомнился, только когда в контору набрался народ, и Александр Васильевич, заметив растерянный вид своего начальника, зная о положении его жены и сообразив, в чём дело, спросил:

– Ну что, Борис Яковлевич, можно вас поздравить? Папашей стали?

– Да нет, что вы, ещё не знаю, только что отвёл её, – ответил растерянно Борис.

– Телефон у вас есть? Ну, так позвоните скорее и узнаете!

– А не рано?

– Что за «рано», там круглые сутки работают! Звоните, звоните!

Борис подошёл к телефону, стоявшему на столе Алек-

сандра Васильевича, снял трубку и неуверенно назвал цифры. Услышав через несколько мгновений ответ, он несвойственным ему робким голосом спросил о состоянии здоровья Кати Алёшкиной.

После паузы весёлый женский голос произнёс:

– Она молодец, в восемь часов родила отличную дочь! Поздравляем вас, папаша!

– Как, уже?! – недоверчиво вскрикнул Борис.

– Уже, уже! – смеясь, повторил тот же голос. – Приходите часов в 12, принесите жене покушать, мы вам через стекло дочку покажем, Фома вы неверующий!

Борис положил трубку телефона, машинально сел на один из стульев и вытер крупные капли пота, выступившие у него на лбу.

– Ну что? Как там? – бросились к нему с вопросами Александр Васильевич и Ярыгин.

Борис вздохнул, улыбнулся и, ещё не осмыслив до конца всю важность происшедшего события, как-то вяло произнёс:

– Дочь...

– Дочь? – хором воскликнули мужчины, – Поздравляем! Ну, а как Екатерина Петровна?

Между прочим, с тех пор, как Катя приехала к Борису, и они стали жить на складе, все служащие называли её Екатериной Петровной, отчего она очень смущалась, а Борис подсмеивался. Но теперь, став не только женой, но и матерью, с его точки зрения, она вполне заслуживала такое солидное

имя.

Ровно в 12 часов дня Борис стоял у двери родильного отделения, где толклись несколько человек, таких же глупо-счастливых или старавшихся казаться серьёзными и даже как будто безразличными к тому, что ожидалось или уже совершилось в их семье. Некоторые из них с такой же откровенно восторженной и даже вроде как хвастливой улыбкой, какая всё время блуждала на лице Бориса, оглядывались на остальных.

На двери висела небольшая бумажка со списком, в котором он увидел среди прочих и фамилию своей жены, а напротив неё было написано: «девочка, 4,5 кг». Борис прочёл эту строчку несколько раз, но так и не понял – хорошо это или плохо, тем более рядом ещё стояло совсем непонятное: «р. 50 см».

По дороге в больницу он забежал сперва в кондитерскую, где купил пирожных, булочек, печенья, затем в гастрономический отдел «Кунста и Альберса», где приобрёл несколько сортов колбас, сыра и сливочного масла. Всё это, завернутое в огромный кулёк, предназначалось для Кати. Толстая пожилая женщина, принимавшая передачу, внимательно осмотрела все покупки, взяла из них только печенье и сыр, а остальные продукты вернула, сказав, что роженицам это вредно:

- Кушайте это сами за здоровье жены и маленького.
- Да у меня дочь!

Женщина улыбнулась, взглянула на растерянного парня и сказала:

– Ну и хорошо, что дочь, за неё покушайте.

Борис вздохнул, забрал оставшиеся продукты, завернул их в какой-то неуклюжий кулёк и повернулся, чтобы уходить, но та же женщина остановила его:

– Да ты, милоч, не уходи! Я сейчас вернусь, от жены записочку принесу, может быть, ей ещё чего-нибудь нужно.

Борис даже не предполагал, что между ним и Катей может быть какая-нибудь письменная связь, поэтому и не догадался написать сам, и от неё не ожидал что-либо получить.

Через 15–20 минут санитарка, принимавшая передачи, вернулась и громко выкрикнула несколько фамилий, среди которых была и его. С внезапно замершим сердцем, Борис подошёл поближе.

– На, вот, папаша, письмо, читай.

Борис схватил крохотную, свёрнутую небрежным квадратиком бумажку, развернул её на ходу, сел на стул, стоявший около окна, и начал читать. На лице его была написана такая радость и счастье, что санитарка, провожавшая его взглядом, улыбнулась и сказала какой-то пожилой женщине, у которой принимала передачу:

– Ну и родители теперь пошли, прямо сами-то ещё дети! Он мальчишка, а жена-то – и совсем как девочка, тонюсенькая такая...

Между тем, Борис, не замечая ничего вокруг, читал и пе-

речитывал несколько строчек, написанных какой-то неуверенной робкой рукой, лишь отдалённо напоминавшей почерк его Катеринки. В письме было сказано: «Борька! У нас уже есть дочь! Она какая-то волосатая, вся чёрная, а глаза голубые. Меня уже не тошнит, принеси мне яиц, сгущённого молока и ещё печенья, больше ничего не нужно. Приходи завтра. Я устала... Целую. Катя». Видимо, действительно устала, потому что последние слова её письма были написаны так слабо, что Борис с трудом их разобрал.

Свернув записку, он помчался обратно на свой склад. Дочь-то дочерью, а работы у него на складе не убавлялось, и ему теперь совсем не хватало времени. Тем не менее, вернувшись в контору, он подробно рассказал Александру Васильевичу и Ярыгину о посещении родильного отделения и, наскоро вскипятив чайник, устроил с ними пир, стараясь употребить как можно больше не принятых в больнице продуктов. Ярыгин предлагал по случаю такого важного события выпить винца, и уже собрался было сбегать за ним в ближайшую лавочку, но ни Борис, ни Соболев его не поддержали и появление на свет члена семьи Алёшкиных – нового гражданина Советского Союза отмечалось только чаепитием, поеданием колбасы и пирожных.

Между прочим, на этом же торжестве оба приятеля дали Борису ряд практических советов о том, что ему нужно приобрести до возвращения Екатерины Петровны из больницы. Борис воспользовался этими советами и в течение следую-

щих двух-трёх дней купил на толкучке подержанную, но ещё вполне хорошую железную детскую кроватку с верёвочной сеткой по бокам. Кроватки такого вида давно уже устарели, и если бы он пошёл в какой-нибудь большой магазин, например, к «Кунсту», то, пожалуй, за ту же цену купил бы более современную кроватку, а может быть, даже и коляску, но эта его пленила тем, что она была до чрезвычайности похожа на его собственную в детстве. Купил он также оцинкованную ванночку, губку, кусок яичного мыла и термометр для измерения температуры воды.

Весть о рождении у заведующего складом дочери распространилась и среди сторожей, и среди китайских рабочих. Все эти на вид грубые и суровые люди при встрече с Борисом улыбались, и каждый по-своему выражал отношение к происшедшему. Некоторые из китайцев говорили:

– Девка шанго, палень пушанго. Палень канходи, тебе помогай... Девка чужой люди отдавай, только колми зля.

Борису и самому хотелось сына, но он так был рад, что всё уже кончилось, Катеринка чувствует себя хорошо и ребёнок здоров, что думал: «Чем плохо, что дочка? Ведь в нашей семье не китайские обычаи. Да у нас с Катей будет не один ребёнок, родим и сына!» Так он рассуждал, лёжа в кровати и считая дни, когда его жена вернётся домой.

А времени до этого оставалось уже не так много: чувствовала она себя хорошо, её молодой сильный организм быстро справился с перенесённым потрясением. Когда Борис при-

ходил в больницу и останавливался против окон её палаты, то даже видел жену. Только до сих пор он всё ещё не мог рассмотреть свою дочь.

О скором возвращении домой думала и Катя. Она подходила к окошку, приветливо махала рукой мужу, но о том, как они будут жить втроём с дочерью, беспокоилась всё больше и больше. Ведь до сих пор ни она, ни Борис с такими маленькими детьми дела не имели, а Катя как-то с детства не любила грудных ребят, держалась от них подальше. Теперь, став мамой, когда уход за новорожденной – не только необходимость, но и обязанность, она серьёзно задумалась. Здесь, в больнице, она видела свою дочку чистенько вымытую, завёрнутую в белоснежные пелёночки, и Кате нужно было только исправно кормить её грудью, а это труда не составляло. Её здоровое тело поставляло столько молока, что его хватило бы не на одну, а на двух таких крошек. Кормление было даже приятным и доставляло какую-то непонятную радость, а вот как её купать, пеленать – вообще, как ухаживать за ней, Катя абсолютно не знала. Она была уверена, что и её юный супруг в этом отношении так же беспомощен.

Конечно, было бы очень хорошо, если бы по приезде домой она там встретила маму, но этого чуда произойти не могло. Мама находилась в Хабаровске: недели три тому назад Милочка родила второго сына, чувствовала себя нездоровой, и Акулина Григорьевна была ей нужна, заполучить её было невозможно. Оставалось надеяться на себя.

В своих письмах, день ото дня становившихся всё более длинными и содержательными, Катя давала мужу массу советов и наставлений по приобретению разных предметов для дочки. Советы эти она сама получала от своих более опытных соседок по палате. Одновременно она настаивала на улучшении и утеплении их жилья.

Борис многие из её просьб и указаний уже предвосхитил. В их комнате (бывшем кабинете Бородина) ногами к стенке печки стояла детская кроватка с матрасом из морской травы и маленькой подушечкой. В противоположном углу комнаты был поставлен второй конторский шкаф, пожертвованный Александром Васильевичем. При помощи одного из столяров верфи в него вставили полочки, на которых Борис разложил всё заранее приготовленное Катей приданое их будущего ребёнка. Тут были пелёночки, одеяльца, распашонки и чепчики. При помощи того же столяра окна этой комнаты полностью застеклили, рамы тщательно проконопатили, подогнали входную дверь в комнату. Дверь из соседней комнаты, выходившую прямо на улицу, которой до этого они часто пользовались, забили наглухо.

Кроме приобретений и мелких поделок, Борис также, как и Катя, подумал о помощи опытного человека, хотя бы на самые первые дни. Он вызвал по телефону мачеху и, рассказав ей об их бедственном положении, попросил её приехать. Та согласилась побыть у них неделю: время совпадало с осенними каникулами. Кате он об этом ничего говорить не стал,

и когда в день выписки она была встречена свекровью, то очень удивилась и даже поначалу обиделась.

Вечером этого же дня Борис и Катя, обнявшись, сидели на кровати, глядели на свою темноволосую дочку и думали о том, как же её назвать. Они уже перебрали много имён, но всё это были обыкновенные, знакомые, много раз слышанные, которые можно было встретить на каждом шагу. Новые имена, появившиеся в последние годы, Октябрина, Тракторина, Сталина и тому подобные, как и старые дореволюционные, им тоже не слишком нравились.

Нет, их дочь – это же их ребёнок, она, наверно, будет совсем-совсем особенной, может быть, очень знаменитой, имя должно быть достойно её! Вдруг, почти одновременно, они это имя нашли.

Незадолго до отправления Кати в больницу Алёшкины ходили в кинематограф и смотрели только что появившийся советский боевик, поставленный по роману Алексея Толстого. Фильм назывался «Аэлита», так звали марсианку – главную героиню картины. Это имя было необычным, оно принадлежало гордой красавице, представительнице какого-то неизвестного мира. Оно очень подходило для их дочери, ведь она тоже будет красавицей и жительницей будущего, неизвестного им мира, в котором они сами-то, может быть, и жить не будут. А что она станет очень красивой, в этом ни отец, ни мать не сомневались ни минуты. Итак, решили – Аэлита!

Анна Николаевна немного посмеялась над их фантазией, однако имя своей необычностью и каким-то благозвучием ей тоже понравилось. На следующий день оно было закреплено за новым членом семьи Алёшкиных в документах ЗАГСа. С тех пор и стала расти маленькая девчушка с казавшимся многим странным и непонятым именем Аэлита. Скоро Катя придумала ей и уменьшительно-ласкательное имя – Эла.

Через несколько дней, преподав первые практические уроки по уходу за новорожденным, мачеха уехала, родителям дальше уже пришлось доходить до всего самим. Правда, без поддержки молодая мать не осталась. Консультация, в которую она ходила до родов, не забыла её. Наблюдавший их очень внимательный и чуткий врач вместе с прикреплённой акушеркой своими советами Кате очень помогали. Однако первое самостоятельное, без Анны Николаевны, купание Элочка проводил всё-таки отец, и лишь после нескольких совместных проб Катя решилась делать это сама.

Незаметно наступила зима, выпал первый снег. В маленьком семействе Алёшкиных пока всё обстояло благополучно: Элочка исправно сосала мамину грудь, всегда полную вкусного молока, подолгу спала и пока никаких особенных хлопот, кроме бесконечной стирки и сушки пелёнок, своим родителям не доставляла. Она начала понемногу ориентироваться в окружающей её обстановке и, во всяком случае, уже научилась узнавать свою маму, которая этим очень гордилась и иногда изводила папу, ведь его дочь пока совсем не

узнавала. Тем не менее он тоже гордился и радовался успехам Элочки. Когда она сердилась и плакала, что, вообще-то говоря, происходило очень редко, она так смешно болтала язычком, что в её плаче получалось слово, очень похожее на часто повторяемое «идол-идол», и даже этот плач умилял родителей. Одним словом, семейное счастье Бориса Яковлевича и Екатерины Петровны Алёшкиных было полным.

Но на небосклоне их спокойной жизни появились и некоторые тучки. Первая – это открытие филиала лесного склада. Дело в том, что бондарный, или, как его теперь стали чаще называть, тарный завод и начавшая работать судовой верфь требовали столько разнообразных лесоматериалов, что производить двойную перевалку было невозможно. До сих пор все доски и клёпка разгружались из вагонов на бородинском складе, отсюда на катерах и шаландах перевозились на мыс Чуркина – на бондарный завод и судовой верфь. Правлению треста удалось доказать городским властям нецелесообразность этих перевалок и получить территорию под филиал лесного склада на мысе Чуркина, недалеко от своих предприятий, рядом с лесоэкспортной базой Дальлеса. Материалы сюда доставлялись вагонами.

В то же время ликвидировать бородинский склад было нельзя, так как промыслы и строящиеся береговые рыбзаводы тоже требовали большого количества пиломатериалов, которые удобнее было отправлять с этого склада или на шаландах, или на рейсовых грузовых пароходах Совторгфло-

та. Шаланды приставали к берегу прямо напротив склада, а пароходы – к причальной линии порта, куда лес подвозили подводами. На мысе Чуркина, около территории лесного склада, причалов не было. Таким образом, Борису Алёшкину пришлось, собственно говоря, заведовать двумя складами, что требовало много сил и, главное, дополнительного времени. Правда, для работы на мысе Чуркина, он выделил своего помощника Ярыгина, который в скором времени волею судьбы стал там полновластным хозяином, лишь подотчётным Алёшкину.

По просьбе Бориса Яковлевича, после открытия филиала лесного склада на Чуркине, ему в штат ввели ещё одного десятника для работы на основном складе, на Корабельной набережной. Человек, занявший эту должность, носил странную фамилию – Комоза. Он был членом ВКП(б), недавно вернувшимся после службы в армии. До армии он жил в небольшом селе около станции Бикин и работал на лесозаготовках. В аппарат ДГРТ его направили, как выдвиженца-коммуниста. Образование Комозы ограничивалось тремя классами сельской школы, и поэтому вот уже около месяца его никуда не могли пристроить. Когда появилась необходимость во втором десятнике лесного склада, туда его и направили. Черняховский, определяя этого нового десятника, предупредил Алёшкина, что ему достанется неопытный работник, и что за возможные его ошибки будет отвечать Борис. Последний знал, что Комоза – член партии, и таким пре-

дупреждением не очень смутился, без разговоров согласился его взять.

Забегая вперёд, можно сказать, что новый сотрудник оказался способным учеником: разбираясь в лесе, он скоро освоил арифметические расчёты, необходимые для работы, а отличаясь хорошей сообразительностью и смекалкой, через два-три месяца уже вполне соответствовал той должности, которую занимал.

Второе событие, нарушившее мирную жизнь Бориса и Кати, было чисто семейного свойства. Комитет крестьянской взаимопомощи, в котором служил Яков Матвеевич Алёшкин, был ликвидирован. В это время начали создаваться первые колхозы, образовался такой и в Шкотове. Было принято решение все имевшиеся в Комитете сельхозмашины и орудия передать в колхоз. Яков Матвеевич, за последние четыре года сменивший уже три должности, вновь оказался без работы. Он прекрасно понимал, что найти подходящее дело в селе ему не удастся, а если что-нибудь и подвернётся, то это будет опять ненадолго. Ему уже перевалило за 45 и хотелось какой-то спокойной, прочной и постоянной работы. В поисках её он приехал в г. Владивосток, поселился в квартире сына, оборудовав себе угол в бывшей кладовой. Туда провели электричество, повесили лампочку.

Первое время своим присутствием он не только не стеснял, а даже облегчал положение молодых хозяев. Третий взрослый в доме давал возможность Борису и Кате, оставив

на деда спящую дочь, сбегать в ближайший кинематограф, а им этого так хотелось, они были ещё очень молоды.

Однако поиски службы у Якова Алёшкина успехом не увенчались. Возможно, в какой-то степени мешало и то, что при заполнении анкеты ему приходилось указывать, что он бывший офицер и даже какое-то время числился на службе у Колчака. Солгать он не мог, а более подробно объяснить свою историю в краткой анкете не представлялось возможным.

После нескольких бесплодных попыток, когда прошёл уже почти месяц его пребывания в городе, он впал в совершенное отчаяние. Как-то в разговоре с сыном, жалуясь на своё положение, он стал перечислять все специальности, которыми владел. В числе прочего он упомянул, что в юности обучался бондарному делу и работал в бондарной мастерской. Услышав это, Борис предложил отцу пойти на бондарный завод ДГРТ. Он надеялся, что благодаря хорошим отношениям с Николаем Фёдоровичем Антоновым, ставшим к этому времени директором завода, ему помогут устроить там на какую-нибудь работу отца.

Завод очень нуждался в самых разных специалистах, и поэтому Антонов, побеседовав со старшим Алёшкиным, зачислил его сменным мастером в бондарный цех. Зарплата мастера была почти в два раза выше той, которую до сих пор получал Яков Матвеевич, и это не могло не радовать. Как всегда, он отнёсся к делу с энтузиазмом, большой добросо-

вестностью и честностью. Через месяц его перевели на должность старшего мастера завода, освободив тем самым от изнурительных ночных смен. Первое время он продолжал ещё жить у сына, но ежедневные пешие путешествия через замёрзшую бухту отнимали более двух часов и были чрезвычайно утомительны. Вскоре он нашёл небольшую комнату в частной квартире на мысе Чуркина и переселился туда. Он уже выяснил, что в будущем году здесь откроется школа, а значит, сможет получить работу и его жена, и начал подыскивать подходящую квартиру для всей семьи.

Всё это время Яков Матвеевич работал с предельным напряжением. Впервые за время существования ДГРТ бондарный завод самостоятельно должен был обеспечить необходимой тарой все промыслы и рыбозаводы. Помощи ждать было неоткуда: энпманы, в том числе и владельцы бондарных кустарных мастерских, ликвидировались, правление треста должно было решить вопрос с тарой своими силами. Поэтому завод, ещё не полностью укомплектованный рабочей силой и оборудованием, вынужден был работать с предельной нагрузкой. Не хватало и помещений, часть работ проводилась во дворе. Старшему мастеру, постоянно контролировавшему работу всех цехов и подсобных мастерских, приходилось в течение всего рабочего дня, значительно превышающего восемь часов, то находиться в жарком помещении, где парилась клёпка, то выскакивать на мороз и крутиться на ветру около какой-нибудь внезапно остановившейся цирку-

лярки или другого станка. Такая работа, при слабом здоровье Алёшкина, сказалась на нём пагубно. К концу февраля 1929 года, простудившись, он заболел воспалением лёгких. В больницу лечь не захотел, остаться в квартире сына тоже, и поехал обратно в Шкотово. Проболе́л он почти месяц, естественно, был уволен и уже о возобновлении работы на бондарном заводе ДГРТ не помышлял.

Между прочим, за время своего пребывания во Владивостоке, в особенности, когда он находился в поисках работы, он научил Бориса и Катю основам карточной игры, которая впоследствии стала их постоянным развлечением, особенно в пожилые годы. Как-то вечером, когда сын и невестка сидели и играли в шестьдесят шесть – игру, которую среди прочих карточных игр они очень любили, Яков Матвеевич сказал:

– Что вы, ребята, в какую-то детскую игру играете? Давайте я научу вас серьёзной карточной игре – преферансу.

Любознательная молодёжь согласилась, вскоре пультка в их квартире стала довольно частым явлением. Конечно, играли они примитивно, многих правил ещё не усвоили и поэтому часто поднимали по поводу их несусветный спор.

После отъезда Якова Матвеевича игра в преферанс происходила реже, но всё-таки случалась. Один из помощников Крамаренко с фамилией Чумак, ещё во времена работы судоверфи на складе Бориса, подружился с Алёшкины-ми, впоследствии довольно часто захаживал к ним. Выясни-

лось, что, кроме шахмат, в которые они иногда играли с Борисом, Чумак знал преферанс. Он и составил молодым игрокам компанию. Через некоторое время Борис и Катя научили этой игре своих приятелей Дороховых. Те, хоть и реже, но навещали их и в новой квартире. Мир пополнился новой группой преферансистов.

Третье событие, имевшее значение для молодой семьи, произошло в семье Пашкевичей. Терпению Акулины Григорьевны пришёл-таки конец, и, пользуясь правами, предоставленными женщинам советской властью, она, несмотря на протесты и попреки ближайшей родни, официально оформила развод со своим незадачливым мужем и предложила ему убраться на все четыре стороны. После того как Андрей забрал свою семью и окончательно переехал на жительство в Ин, а старшие дочери Людмила и Катерина вышли замуж и оставили семью, Пётр Яковлевич, свалив всю работу по ведению хозяйства на жену и малолетних дочерей, находился почти постоянно в состоянии опьянения. Об этом знало всё Шкотово, и представители соответствующих органов оформили развод без всякой задержки.

В минуты протрезвления Пётр Пашкевич был очень покладистым и тихим человеком. При разводе он никаких протестов или требований о разделе имущества не предъявил, а молча собрал свою питузу (так назывался большой заплечный охотничий мешок) и уехал из Шкотова в неизвестном направлении. Между прочим, тогда разводы оформлялись

просто, без всякого суда: один из супругов приходил в ЗАГС, заявлял о желании развестись и получал на руки соответствующий документ. Через несколько лет, по сведениям, полученным от каких-то дальних родственников, стало известно, что Пётр Яковлевич Пашкевич жил где-то в Амурской области, работал в колхозе и, возможно, завёл там новую семью.

Следующая по старшинству дочь Пашкевичей Евгения, окончив девятилетку осенью 1928 года, избрала путь учительницы и получила назначение в начальную школу села Кролевец. Акулина Григорьевна осталась с заканчивающей учебу Тamarой и 11-летней Верой. Ей конечно, не под силу было вести сельское хозяйство самостоятельно, а бросить его она не могла, да и не хотела. Никаких других источников существования, кроме мизерного дохода от сдаваемых в аренду домов, у неё не было. Может быть, именно поэтому Акулина Григорьевна Калягина была одной из первых, записавшихся в организованный в селе Шкотово колхоз. Почти все её родственники крестьяне, более или менее зажиточные, или, во всяком случае, очень крепкие середняки, её поступок не одобряли, а некоторые из знакомых, вроде Пырковых, Мамонтовых и других, называли её предательницей. В колхоз записалась самая бедная часть жителей Шкотова. Вступление Акулины Григорьевны, семья которой по привычке всё ещё считалась довольно зажиточной, было встречено не очень приветливо. Бедная пожилая женщина (ведь

ей перевалило за 60) оказалась прямо-таки в безвыходном положении. «От своих отстала и к чужим не пристала, как белая ворона», – думала она иногда.

Правда, колхозники об Акулине Григорьевне своё мнение скоро переменили, и это произошло, во-первых, потому, что она безропотно отдала в колхоз не только весь свой скот, но даже и один из домов – именно тот, в котором до этого жила вся её семья. Сама же с двумя оставшимися дочерьми переселилась в старый ветхий домик, сдававшийся до этого в аренду китайским лавочникам, да и в нём заняла только часть, отдав остальную прибывающим в Шкотово служащим.

Надо сказать, что к началу 1929 года кооперативные лавки в селе (их было теперь уже две) начали вытеснять китайских торговцев. Как всегда в таких случаях, прогорали сперва более мелкие, так и в Шкотове закрылись все мелкие лавочки. В числе обанкротившихся оказался и купец, снимавший дом у Пашкевичей.

Во-вторых, Акулина Григорьевна завоевала авторитет среди колхозников и отношением к труду. Привыкнув с юных лет в полную силу работать в своём хозяйстве, чтобы прокормить и вырастить детей, она и в 60 лет в колхозе трудилась лучше и больше, чем многие молодые колхозницы.

И, наконец, за этот период времени произошло четвёртое событие, которое имело к Борису Алёшкину, пожалуй, самое непосредственное отношение, доставившее ему много неприятностей и хлопот. Но к этому событию надо подойти

немного со стороны.

Как известно, ещё с 1926 года подняла голову оппозиция внутри Коммунистической партии. 25 октября пленум Центрального комитета и ЦКК ВКП(б) вывели из своего состава Троцкого, Зиновьева и Каменева, которые своими антиленинскими выступлениями вносили раскол в действия политбюро и ЦК. На XV конференции ВКП(б), проходившей в ноябре 1926 года, снова выступил Троцкий с критикой Центрального комитета партии. Критика эта была необоснованной и противоречила решениям X съезда, принятым по предложению В. И. Ленина. В июне 1927 года новое усиление борьбы оппозиционеров – заявление так называемой платформы 83-х, в нём Троцкий обвинил партию в перерождении. В августе на пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) после рассмотрения вопроса о нарушении партийной дисциплины Троцким и Зиновьевым последние на словах признали свои ошибки и дали обещание исправиться. 3 сентября 1927 года они, однако, выступили с новой платформой – тринадцати, в ней, опять выдвигая обвинения ЦК ВКП(б), они требовали отмены монополии внешней торговли и немедленного внеочередного созыва съезда партии. В это же время была раскрыта подпольная типография троцкистов.

23 октября пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) вернулся снова к вопросу о Троцком и Зиновьеве и решил исключить их из состава ЦК за подпольную работу. Однако оппозиционеры сумели навязать партии дискуссию по выдвигаемым ими во-

просам. В этой дискуссии, прошедшей по всем партийным организациям и ячейкам ВЛКСМ, оппортунисты потерпели полное поражение.

Во время празднования 7 ноября 1927 года оппозиционеры открыто апеллировали к беспартийным массам, организуя свои демонстрации с антисоветскими выступлениями на улицах Москвы и Ленинграда. Эти демонстрации провалились, народные массы разогнали прихвостней оппозиционеров. 14 ноября 1927 года ЦК и ЦКК ВКП(б) постановили исключить Троцкого и Зиновьева из партии.

В середине декабря 1927 года проходил XV съезд ВКП(б), на нём оппозиционеры, поддерживавшие Троцкого (Раковский, Каменев, Муралов и другие), пытались выступить против генеральной линии партии. Однако съезд строго отмёл всякие попытки нападения на линию ЦК. Решение было таким: «XV съезд объявляет принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду её взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии».

18 декабря 1927 года, утвердив исключение Троцкого и Зиновьева, съезд исключил ещё 75 человек (последователей Троцкого) и 23 человека (группу Сафронова). Одновременно, при проработке решения съезда в низовых партийных организациях, были исключены или подверглись различного рода партийным взысканиям те члены партии, которые, так или иначе, поддерживали оппозиционеров. Многим из них пришлось оставить довольно высокие посты, которые

они занимали в центральных учреждениях Советского Союза. Вынужденные поменять Москву или Ленинград на периферию, иногда отдалённую, а свою высокую должность на какую-нибудь гораздо более скромную, эти люди сохранили в своём сердце ненависть к тем коммунистам, которые боролись с Троцким, и кто просто не разделял их взгляды. Они старались любыми способами опорочить этих коммунистов, во-первых, для того, чтобы отомстить членам партии, а во-вторых, чтобы реабилитировать себя, доказав свою высокую принципиальность и бдительность.

В апреле 1928 года на всю страну прогремело так называемое Шахтинское дело, вскрывшее огромное вредительство в угольной промышленности. После него решением пленума ЦК было принято постановление об усилении борьбы с недостатками в области строительства нового хозяйства страны. Во исполнение этого постановления осенью 1928 года при правлении ДГРТ был создан ревизорский отдел, состоял он из трёх человек, и эти люди – все члены ВКП(б) принесли немало пользы, своевременно вскрыв и предотвратив серьёзные хозяйственные упущения, без которых было немыслимо такое огромное дело, как организация рыбной промышленности Дальнего Востока, осуществляемое ДГРТ.

Два члена этого отдела – рабочие-выдвиженцы с Дальзавода, хотя и не имели специального образования и не были сильны во всякого рода бухгалтерских тонкостях, обладали достаточным политическим чутьём, здравым смыслом, уме-

нием привлечь себе в помощь квалифицированных специалистов и распутать довольно сложные дела.

Совсем другим оказался их начальник – толстый человек, с пенсне на горбатом носу, усами и бородкой «под Троцко-го», и большой лысиной, окружённой венчиком седеющих рыжеватых волос. Его фамилия была Подгребенников, он занимал при Троцком какой-то видный пост в ВСНХ и был одним из ярых его приверженцев. По счастливой случайности, за участие в оппозиции он отделался строгим выговором, снятием со своего высокого поста и откомандировани-ем на периферию. Приехав на Дальний Восток в середине 1928 года и получив назначение на должность заведующего ревизорским отделом ДГРТ, он разослал своих помощников на периферию по рыбзаводам и промыслам, где, собственно, и велось основное развёртывание деятельности треста, а сам остался во Владивостоке. Он заявил, что должен прощупать как следует центральный аппарат треста. Первым, за кого он взялся, был Борис Яковлевич Алёшкин. То ли это произошло случайно, то ли потому, что чуть ли не в день приезда Подгребенникова на партийном собрании, где обсуждалось письмо ЦК, сообщавшее о непрекращающейся вредитель-ской деятельности замаскировавшихся троцкистов, порвав-ших со своими лидерами только формально, Борис Алёш-кин, успевший внимательно проработать брошюру товарища Сталина по этому вопросу, выступил с горячей речью, до-вольно грамотно клеймя в ней Троцкого, его приспешников

и замаскировавшихся двурушников. Подгребенников решил начать свою ревизорскую деятельность именно с этого горячего коммуниста, т. е. с проверки работы лесного склада.

Правление треста на своём заседании, не видя в этом решении ничего предосудительного, разрешило её провести, тем более что члены правления Черняховский и зав. производственного отдела Гринер горячо поддержали предложение нового ревизора. Оба они знали за собой немало грешков, и даже грехов, и предпочитали, чтобы их деятельностью ревизоры не интересовались как можно дольше.

Правда, зам. председателя правления Мерперт удивился предложению ревизора и высказал мысль, что надо бы начинать ревизии с каких-либо более солидных отделов, чем лесной склад, тем более что на нём, по имеющимся в правлении сведениям, никаких злоупотреблений не предполагается, но председатель правления Беркович посчитал нужным проверить не только, и даже не столько деятельность лесного склада, как способности нового ревизора. О его прошлом он, как и Глебов, знал, поэтому в своём выступлении он сказал, что ревизия лесного склада будет как бы пробой пера товарища Подгребенникова и предложил согласиться с ревизором.

В свою очередь, последний, приняв согласие правления, как некий вызов его ревизорским сыщицким способностям, решил во что бы то ни стало найти на лесном складе преступление. Этим он предполагал доказать свою высокую принципиальность и одновременно нанести удар по слишком уж

горячему защитнику сталинской линии.

Начав анализ всех складских документов в сентябре, он закончил ревизию только к декабрю 1928 года, потратив на неё более трёх месяцев, чем доставил большое удовольствие и Черняховскому, и Гринеру, которые справедливо рассудили, что если ревизии будут проводиться такими темпами и дальше, то до проверки деятельности их отделов доберутся через несколько лет, а за это время много воды утечёт, многое может измениться. На это они и надеялись, ведь и тот, и другой в прошлом были солидными коммерсантами, и если Черняховский ранее возглавлял владивостокскую контору «Кунста и Альберса», то Гринер, окончив специальную школу в Англии, использовал полученные знания, имея на побережье большие рыбные промыслы, ставшие теперь собственностью ДГРТ. Он это упорно скрывал, объясняя, что был только управляющим этих промыслов, а принадлежали они японцу Накамури. На самом-то деле, как выяснилось впоследствии, Гринер был и управляющим, и компаньоном Никамуры, и хотя не успел удрать за границу, но имел в Токийском банке солидный счёт, который время от времени увеличивался от новых поступлений.

Кстати сказать, оба эти «специалиста» получали огромные по тем временам оклады: Черняховский – 700, а Гринер – 800 рублей в месяц. Следует помнить, что в то время для коммуниста существовал так называемый партмаксимум: кем бы он ни служил, какую бы ответственную долж-

ность ни занимал, более 225 рублей получать не мог. Следовательно, и Черняховский, и Гринер получали каждый чуть ли не вчетверо больше, чем председатель правления треста. А впоследствии стало известно, что путём некоторых махинаций они имели также солидные побочные доходы. Но вернёмся к акту ревизии лесного склада.

После самой тщательной проверки всех документов на поступивший и выданный складом лесоматериал, произведя кропотливую, трудоёмкую и дорогостоящую, в условиях зимы, инвентаризацию всех складских материалов, ревизор не сумел найти каких-либо отклонений от бухгалтерских записей: совпали не только количество и объём древесины, но и сортность основных материалов.

Увидев, что здесь преступления не найти, а оно ему было необходимо, Подгребенников принялся за самую тщательную ревизию всех ведомостей на выдачу денег грузчикам-китайцам.

Как известно, оплату рабочих-грузчиков до июня месяца производил сам Алёшкин, а с июля Соболев. Обычно оформлялось это так: Борис Яковлевич или Ярыгин договаривались со старшинками артелей о стоимости отдельной работы, а стандартную оплачивали по прейскуранту. Скажем, разгрузка вагона клёпки стоила десять рублей, а переноска и укладка её на складе в штабель – двенадцать рублей и т. д.

Сумма, причитавшаяся той или иной артели, делилась на всех рабочих по списку, предоставленному старшинкой ар-

тели, составлялась ведомость на оплату. Деньги вместе с ведомостью выдавались старшинке, а тот, раздав их, возвращал заведующему или бухгалтеру документ с подписями грузчиков. Так, между прочим, делалось во всех организациях Владивостока, пользовавшихся услугами китайских рабочих. Конечно, по правилам, следовало бы деньги выдавать каждому рабочему отдельно, но когда однажды Алёшкин попробовал это осуществить, то, во-первых, потратил неизменно много времени (китайцы-грузчики по-русски не понимали, писать не умели и ставили свои непонятные иероглифы по указанию старшинки), а во-вторых, он увидел совершенную бесполезность этого дела: рабочие, получив деньги, тут же на его глазах передавали их старшинке, а тот потом расплачивался с каждым, как находил нужным. Старшинка уменьшал или увеличивал заработок каждого рабочего против записанного в ведомости по каким-то ему одному известным правилам, руководствуясь, по-видимому, способностью грузчика и физической силой.

Подгребенников скрупулёзно сверял все ведомости и обнаружил, что против одних и тех же китайских фамилий стоят разные иероглифы. Он заявил, что это признак злоупотребления. Напрасно Алёшкин и Соболев доказывали ревизору, что это, в конечном счёте, не их дело: ведь они по-китайски не понимали, как, впрочем, и сам ревизор. Чтобы обнаружить эти расхождения Подгребенников пригласил специалиста из ГДУ, что обошлось ДГРТ почти в 1 000 рублей,

тот и установил разницу в иероглифах. Обвиняемые доказывали, что для треста было важным лишь совпадение стоимости произведённых работ и суммы выплаченных за них денег, а как они распределились между отдельными рабочими-китайцами – в основном, иностранными подданными, значения не имело.

Подгребенников знать ничего не хотел. В акте он сделал выводы, обвинив Алёшкина в преступлении, потребовал от правления треста привлечь его к уголовной ответственности и, разумеется, исключить из партии. Правление ДГРТ на своём заседании, рассмотрев предоставленный документ и заслушав доклад ревизора с последующими объяснениями Алёшкина, решило, что акт не обоснован, и никакого преступления заведующий складом не совершал, а потому привлекать его к партийной ответственности, а тем более к уголовной, нет оснований. Правление сделало и второй вывод, что новый ревизор, затратив на проведение проверки большие суммы (перевалка леса на складе при инвентаризации и оплата консультанта из ГДУ), только зря потерял время.

Однако Подгребенников был не таким человеком, который так легко бы сдался, он апеллировал в обком ВКП(б), обвинив руководство треста в том, что оно покрывает преступника. Получив его заявление, бюро обкома вынесло решение о проверке. Акт, а также и все сопутствующие документы, были переданы специально выделенному партследователю. Тот не только тщательно изучал материалы дела, но

и многократно беседовал с Алёшкиным. Конечно, вызовы Бориса Яковлевича к партследователю приносили ему много волнения и огорчений.

Забежав вперёд, скажем, что только к июню 1929 года, когда Алёшкин уже давно расстался с должностью заведующего лесным складом, партследователь смог вынести окончательное заключение, в котором указал, что состава преступления в действиях зав. складом не было. Единственное, что он поставил в вину Борису, это выдачу заработанных денег не самим работавшим китайцам, а старшинкам артелей, которые могли допускать злоупотребления. На основании этого следователь предлагал объявить Алёшкину выговор без занесения в учётную карточку. Обком ВКП(б) его предложение утвердил.

Кстати сказать, ко времени вынесения решения обкома, Подгребенникова ни в тресте, ни во Владивостоке уже не было.

\* \* \*

Как всегда, увлёкшись описанием одного из событий жизни нашего героя, мы пропустили значительный отрезок времени и теперь вынуждены возвратиться назад. Продолжим наш рассказ с того момента, как из Владивостока уехал в Шкотово заболевший Яков Матвеевич.

В семье Алёшкиных к этому времени особых изменений

не произошло: Анна Николаевна продолжала учительствовать, а дети учиться. 15-летняя Люся перешла в девятый класс, 11-летний Борис учился в пятом и только младший Женя ещё оставался дома, хотя при помощи старших он в свои шесть лет уже умел читать. В школу он должен был пойти в 1929 году.

После болезни Яков Матвеевич настолько ослаб, что некоторое время не мог работать, и семья существовала на скромное учительское жалование его жены.

Дочке Бориса и Кати Алёшкиных шёл четвёртый месяц, она отлично узнавала мать и отца: при появлении их у её кровати улыбалась, блестела своими синими глазками, морщила носик и тянулась к подошедшим ручонками. Этими движениями, каким-то особым воркованием, которым она выражала свою радость и удовольствие, а при какой-нибудь обиде своим сердитым «идол-идол», она умиляла обоих родителей. Оба они любили дочку. Если более сдержанная Катя свою любовь проявляла в повседневных заботах и уходе за ребёнком, то более экспансивный Борис, очутившись рядом с дочкой, тут же брал её на руки, прижимал к себе или качал на вытянутых руках. Элочка смеялась, махала ручонками, очевидно, такие качели ей нравились, и если Катя одёргивала мужа, боясь, что он уронит дочь, то последняя никакого страха не выражала.

Поздней осенью 1928 года в ДГРТ пришли купленные в Японии и Германии три больших судна-краболова (мы уже

описывали ранее, что они собой представляли), два траулера – «Сокол» из Гамбурга (Германия) и «Палтус» из Милана (Италия) и два дрефтера из Ростока (Германия). Эти суда, проделав своим ходом чуть ли не кругосветное путешествие, почти всю зиму стояли на ремонте. Ранней весной 1929 года оба тральщика и дрефтера вышли на промысел в район залива Петра Великого. В те годы в этой части Тихого океана ещё не ловили тралом и мало знали о местных рыбных породах. «Сокол» и «Палтус», по существу, занимались не столько ловом, сколько исследованием предполагаемых мест скопления придонных глубоководных пород рыб – в первую очередь, камбалы и трески. Эти тральщики занимались отысканием так называемых банок, т. е. сравнительно менее глубоких мест, на которых, как выяснилось, стояла рыба иногда в несколько слоёв.

К удивлению многих работников ДГРТ, траловый промысел, даже исключительно в районе залива, оказался весьма эффективным. Уже в первые месяцы весны 1929 года два тральщика наловили столько камбалы, что завалили ею Владивостокский рынок. Как известно, в то время русское население не очень охотно покупало камбалу: в продаже имелось много пород других, более высоких по вкусовым качествам рыб. Главными покупателями камбалы были китайцы. Первое время рыба эта попадала к потребителям через китайских лавочников, которые при появлении какого-нибудь из тральщиков с уловом в гавани Семёновского базара (в Амурском

заливе) толпой стекались на причал и, едва судно успевало пришвартоваться, как они шумным роем, словно пираты, кидались на палубу, бросались к ящикам, заполненным рыбой, стараясь схватить получше и побольше.

Обычно этой торговлей руководил старший помощник капитана, а справляться с толпой настырных перекупщиков удавалось только при помощи всей команды. Такой способ реализации продукции был и невыгоден, и несовершенен. Однако производственный отдел треста, занятый начавшейся путиной по лову сельди и иваси – основной продукции треста, на работу тральщиков смотрел, как на никому не нужную прихоть правления. Заведующий производственным отделом Гринер, например, говорил:

– Мы не справляемся с тем, чтобы вовремя выловить, а главное, обработать сельдь и иваси, а нам ещё приходится с этой вонючей камбалой возиться! Пускай само правление со своими тральщиками их добычей занимается!

Эти высказывания возмущали многих, особенно горячо возражал капитан «Сокола» Сергей Иванович Кострубов. Он видел в тральщиках будущее рыболовства, возможность уйти за рыбой от берега и вылавливать её в глубинах океана и, следовательно, получить возможность почти неограниченной добычи. Однако к его словам работники производственного отдела прислушивались мало, тем более что построенные инженером Крамаренко и спущенные на воду первые три сейнера, а также оба дрефтера, прикрепленные к

двум ближайшим, только что вступившим в строй консервным заводам (около бухты Находка и на острове Путятин), в результате своих первых уловов завалили их и сельдью, и иваси. Заводы, рассчитанные на поступление рыбы от ставных неводов, столкнувшись с новыми, усовершенствованными орудиями лова, дававшими одновременно значительное большее количество рыбы, захлебнулись сырьём. Не хватало соли и тары; консервные линии, работавшие только на одну четверть своей мощности, как и засольные чаны, в первые же дни оказались забитыми рыбой. Дело дошло до того, что с сейнера приходилось сгружать улов прямо на берег, где он, конечно, портился.

Вдобавок к этим неурядицам, на производственный отдел свалилась ещё и новая обязанность: надо было загрузить необходимыми материалами – сетями, солью, консервными банками, ящиками, продуктами питания и многим другим готовящиеся к выходу в рейс краболовы. Тут придётся рассказать о небольшой особенности крабового промысла.

До этого времени на Камчатке, на Сахалине и в Приморье тоже ловили крабов, и даже существовали береговые крабовые заводы. Этот промысел, как известно, производится особыми сетями в известных местах скопления крабов. Сети вывозятся в море специальными морскими судами, при помощи грузил опускаются на дно, где и стоят около суток, затем их поднимают и выбирают застрявших в них крабов. Сети снова опускаются на дно, а катерки «кавасаки», нагружен-

ные выловленными крабами, спешат к заводу.

Крабы обладают очень нежным мясом, и в жаркое летнее время, когда, собственно, и ведётся их улов, могут храниться всего несколько часов; если не поторопиться, их вкус ухудшится. Поэтому катер от завода может удаляться на очень небольшое расстояние, а, следовательно, и ставить свои сети всего в нескольких милях от берега. Так всегда и ловили крабов русские рыбопромышленники, частники.

Японцы уже более десяти лет назад перешли на активный лов крабов, используя мощные большие суда-краболовы. Такой пароход вёз на борту штук шесть-восемь «кавасаки», привозил их на место лова, становится на якорь. Затем «кавасаки» расходились от краболова на небольшие расстояния, ставили сетки и быстро доставляли пойманных крабов на борт судна. На пароходе в одном из трюмов имелся консервный завод – такой же, как и на берегу. Специальные рабочие обрабатывали, варили доставленных крабов, укладывали мясо в жестяные банки, закатывали их на специальных станках, автоклавировали, наклеивали этикетки и укладывали консервы в ящики.

Крабовые консервы в то время начали завоёвывать славу на международном рынке, их приобретали многие страны в неограниченном количестве. Крабовые консервы – это золото, валюта, которая была так необходима нашей стране, строящей свою индустриальную базу. Не использовать огромные богатства, находящиеся на дне моря, совсем неда-

леко от берегов Дальнего Востока было бы неразумно, поэтому советское правительство настаивало на расширении активного крабового промысла.

Гринер и компания, собравшаяся в производственном отделе ДГРТ, по своей классовой сущности, а некоторые просто по недопониманию, не видели необходимости в ловле крабов. Как следствие, к этому промыслу относились без должного внимания, тем более что он вызывал много хлопот. Во-первых, на краболове русской была только команда судна, а все рабочие на заводе, сами ловцы и старшины катеров, набирались из японцев, обученных этому делу русских рыбаков ещё не было. ДГРТ приходилось посылать в Японию специальных вербовщиков для набора рабочей силы. Желавших было мало, так как японские краболовные компании всячески препятствовали им. Необходимое количество рабочих удавалось набрать, только затратив большие суммы на авансы под их высокую заработную плату с гарантией выполнения их прямо-таки унижительных условий. Оборудование – сети и, главным образом, большие стеклянные шары, служившие поплавками, приобретались также, в Японии, по очень высоким ценам. Почти все продукты для японских рабочих, вплоть до печенья, по условиям договоров, приходилось тоже покупать в Японии. Всё это надо было приобрести заблаговременно, завезти во Владивосток и суметь сохранить на складах до начала путины. Наконец, ранней весной краболовы требовалось быстро загрузить всем необхо-

димым и отправить на промысел с таким расчётом, чтобы они, вовремя захватив рабочих из Японии, достигли бы крабовых полей, находящихся около Камчатки и в Охотском море, раньше, чем туда придут японские суда.

Дело в том, что, по неписаному рыбацкому закону, суда, первыми пришедшие на место скопления крабов (крабовое поле), становились его хозяевами на весь промысловый сезон. Опоздавшие вынуждены были следовать к другим известным полям или разыскивать новые.

В течение двух лет, до 1929 года, трест арендовал два краболова у японцев. Оборудование судов всем необходимым и обслуживание их лежали на представителях японских фирм, которые, как правило, приводили пароходы на поля, находящиеся в территориальных водах СССР. Фактически они добывали то, что могли бы выловить и береговые заводы. В этом году впервые собственные краболовы ДГРТ должны были выйти в нейтральные воды и проводить ловлю крабов на тех полях, на которых до сих пор японские рыбопромышленники считали себя полновластными хозяевами, оставив свои территориальные воды для береговых заводов.

Японские фирмы вначале надеялись, что у русских с таким громоздким и сложным в техническом отношении делом ничего не выйдет, поэтому относились к начинаниям ДГРТ спокойно. Однако их агенты (а в это время шпионов политических и промышленных, в особенности, японских, во Владивостоке имелось более чем достаточно) сообщили,

что ремонт судов закончен, всё оборудование – катера, сети и прочее – готово, что первый пароход уже приступил к погрузке и через несколько недель выйдет в рейс. Другие осведомители доносили, что, несмотря на все препоны, вербовка рабочих закончилась успешно, и тогда японские рыбопромышленники-капиталисты решили принять экстраординарные меры. Одной из таких мер явилось создание условий, которые заставили бы советские краболовы задержаться с выходом из порта, опоздать к началу промысла и явиться к известным полям после японских краболовов.

Рыбопромышленников-конкурентов беспокоило, что в распоряжении ДГРТ уже имелись новые пароходы, превосходящие по мощности, величине и скорости те суда, которыми пользовались японские фирмы. Они волновались, что советские суда могли прийти первыми. Японская агентура во Владивостоке получила приказ задержать выход советских краболовов в море во что бы то ни стало. День отправки их в рейс был известен всему городу (тогда не придавали серьёзного значения этому вопросу) – 23 марта. Японские агенты начали действовать, хотя и с опозданием, но их диверсии, несмотря на причинённый ДГРТ огромный ущерб, выхода краболовов в море не задержали. Расскажем об этом немного подробнее, тем более что это происшествие отразилось на судьбе Бориса Алёшкина.

В конце марта 1929 года, в среду проходило партийное собрание. На нём председатель правления Беркович докла-

дывал коммунистам о подготовке и начале весенней путины. Кроме сообщения о том, как береговые консервные заводы, промыслы и новые сейнеры готовились и начинали лов весенней сельди и иваси, Яков Михайлович остановился и на подготовке краболовов. В сущности, он доложил о них примерно то, что мы только что описали, подчеркнув, что их своевременный выход в море и захват лучших крабовых полей – дело не только коммерческое, но и политическое. Для ДГРТ выполнение этого задания советского правительства – вопрос первостепенной важности, а для партячейки треста – дело её чести.

Обсуждение доклада проходило очень горячо, выступавшие высказали много критических замечаний в адрес производственного и коммерческого отделов, досталось и правлению треста. Коммунистов в ДГРТ в то время было всего 18 человек, но большинство из них – люди с подпольным дореволюционным стажем, другая часть – бывшие бойцы и командиры Красной армии и партизаны. Молодёжи – всего четыре человека, но и они так же, как и более опытные большевики, выступая, не стеснялись и смело критиковали неповоротливость и громоздкость аппарата треста. Многие отмечали, что, по их наблюдениям, он засорён чуждыми людьми, а начальники основных отделов, не вылезая из своих кабинетов, не знают истинного положения дел на местах. Досталось и Александру Александровичу Глебову, как секретарю партячейки и, главное, как руководителю отдела кадров, за

то, что очень мало велось работы по подготовке кадров – рыбаков из своего народа, что ДГРТ вынужден на тральщиках держать тралмейстеров-англичан и платить им валютой, на дрейфтерах – дрейфтейместеров-немцев, тоже получавших валюту. А на краболовы, как мы уже отмечали, за валюту нанимали даже простых рабочих-японцев.

В резолюции собрания было требование провести срочную работу по проверке аппарата треста, как и предлагалось ЦК ВКП(б). Собрание затянулось: шёл уже одиннадцатый час ночи, начали разбирать второй вопрос – по жалобе одного из коммунистов на Гринера. Прения были в самом разгаре, как вдруг раздался телефонный звонок (собрание проходило в большом кабинете председателя правления треста), Яков Михайлович взял трубку. Выслушав сообщение, он страшно побледнел, медленно опустил трубку на рычаги и, откинувшись на спинку кресла, как-то вяло произнёс:

– Горят наши склады...

Все замерли в каком-то оцепенении. Чтобы понять ужас этого известия, надо представить себе следующее. Все рыбные промыслы, расположенные по Приморскому побережью от Посъета до Николаевска-на-Амуре и Александрова-на-Сахалине, а их было более 80, все двенадцать действующих береговых заводов, все рыболовецкие суда, абсолютно все товары – от муки, крупы, сахара и других продуктов до женского белья, от обыкновенного гвоздя до сложных закаточных станков, от импортной манильской пряжи до сложных

кошельковых неводо́в и тралов – всё это железнодорожным транспортом доставлялось к складам ДГРТ, расположенным в одном месте, и хранилось в огромных железных пакгаузах, построенных американскими интервентами. Склады занимали четыре пакгауза шириной 50 метров и длиной 120 м. Они стояли друг к другу вплотную и для удобства работы соединялись между собою внутренними дверями. К началу путины все эти помещения были до самого верха забиты разнообразными, большей частью, импортными товарами на сумму в несколько миллионов золотых рублей.

Оцепенение, охватившее присутствующих при сообщении о таком огромном несчастье, свалившемся на трест, прошло, пожалуй, быстрее, чем мы успели описать величину и значимость складов. Первым пришёл в себя председатель правления треста Беркович. Он быстро встал:

– Товарищи коммунисты, собрание надо прервать. Все коммунисты считаются мобилизованными, сейчас поедем на пожар и посмотрим, что нужно делать. Я полагаю, что здесь не обошлось без врагов нашего государства. Сейчас я сообщу об этом в ГПУ, – с этими словами он взял трубку и начал вызывать начальника областного отдела ГПУ.

В это время в кабинет вбежал бледный и встревоженный член правления Мерперт:

– Вы знаете? – ещё с порога крикнул он дрожащим голосом.

– Знаем, – ответил Яков Михайлович, а второй член прав-

ления, коммунист Завалишин только махнул рукой.

– Вы понимаете, – продолжал Мерперт, – ведь это всё сделано, чтобы сорвать выход наших краболовов!

– Возможно, – ответил Беркович, кладя трубку телефонного аппарата. – В ГПУ уже знают, они выслали своих людей. К пакгаузам направлены все пожарные команды города, поедет и мы. Да, товарищ Алёшкин, как бы ни случилось чего-нибудь с вашим складом! Немедленно отправляйтесь к себе, выясните обстановку и, если там всё благополучно, и ваше присутствие не будет необходимым, возвращайтесь к месту пожара и найдите меня. Ну а мы – быстро садимся в машины, в мою и Иосифа Антоновича, надеюсь, как-нибудь уместимся.

Когда коммунисты вышли на улицу, то увидели толпы народа, бегущие в направлении торгового порта, где были расположены склады и виднелось из-за высоких домов Алеутской улицы, отгораживавших её от порта, огромное багровое колеблющееся зарево.

Алёшкин и Комоза, прицепившись на крыльях больших легковых «Фордов», принадлежавших правлению треста, набитых битком членами партячейки и кое-кем из служащих, ежеминутно рискуя свалиться под колёса автомобилей, в течение нескольких минут домчались до территории расположения складов. Горели два крайних пакгауза. Огонь поднялся высоким столбом, и хотя из разговоров, которые слышались вокруг, выходило, что пожар начался не более полу-

часа тому назад, оба пакгауза были охвачены огнём целиком. Встретивший машины работник ОГПУ коротко бросил Берковичу:

– Поджог! Надо удалить толпу, я вызываю дежурную часть гарнизона. Пожарным и милиции не справиться! Где заведующий складом?

Конечно, председатель правления треста этого знать не мог. К счастью, этот вопрос слышал Глебов, случайно оказавшийся рядом:

– Оксёнов? Я знаю его адрес.

– Ну, вот и хорошо, – сказал чекист, – сейчас с двумя моими людьми поедете и привезёте его сюда. Горят его склады, а он и ухом не ведёт, это странно...

Дальнейшего разговора Алёшкин и Комоза не слышали, они бросились к лесному складу. Пожалуй, только теперь Борис понял, что его склад, а, следовательно, и его семья, могут сейчас находиться в таком же море огня, как и здесь. Эта мысль удвоила его силы, и он мчался, перепрыгивая железнодорожные пути и различные препятствия, попадавшие на дороге, так быстро, что Комоза едва за ним поспевал. Но, добравшись до Комсомольской пристани и увидев, что впереди всё погружено в темноту и освещается только слабыми огоньками редких электрических фонарей, оба они успокоились, перевели дух и сменили бег на быстрый шаг.

Через несколько минут, разбудив Катю и убедившись, что на складе и дома всё спокойно, Борис Яковлевич, оставив

Комозу дежурить в конторе у телефона и поручив ему и сторожу склада никого из посторонних до утра на склад не пускать, и даже не подпускать к воротам, надел кожаную тужурку и поспешил обратно, к месту пожара. Ко времени его прихода туда прибыла воинская часть, и красноармейцы, выстроившись цепью, стали оттеснять толпу любопытных с территории порта и причалов в сторону Светланки. Прибывшие пожарные команды, а к этому времени успели приехать пожарные всех частей города, приступили к более или менее планомерному тушению. За это же время краболов, стоявший у стенки причала метрах в тридцати от горевших складов, предназначенный к погрузке на следующий день, уступил своё место портовому пожарному катеру, снабжённому мощными моторами, подававшими забортную воду толстыми струями, которые, однако, доставали только до одного из центральных пакгаузов. Этот и соседний снаружи ещё не горели, что же делалось у них внутри, пока определить было невозможно. Боковые пакгаузы были объяты пламенем, их стенки и крыши раскалились докрасна, как стенки железной печки, а из щелей вырывались длинные языки пламени. Жар от огня был настолько силён, что пожарные не могли подойти к ним ближе, чем на 20–25 метров.

Борис довольно быстро нашёл Берковича, стоявшего в стороне и что-то горячо обсуждавшего с приунывшим Черняховским и горячившимися Мерпертом, Завалишиным и Гусевым. Около них, слушая разговор, похожий на пере-

бранку, стоял работник ОГПУ, видимо, высокого ранга: в петлицах его гимнастёрки был ромб. Он, наконец, не вытерпел и сказал:

– Вашего Оксёнова всё нет. Надо взламывать двери центральных пакгаузов и постараться вынести оттуда всё, что можно. Да и с огнём будет легче бороться, если пожарные смогут проникнуть внутрь, а то, смотрите, вода из их шлангов, падая на горящие пакгаузы, испаряется, как на сковороде, если будете тянуть, то не спасёте ничего! Давайте людей!

Только тут Борис заметил, что никаких людей-то и нет – всех коммунистов Яков Михайлович уже куда-то разослал и сейчас стоял в группе перечисленных товарищей и, видимо, соображал, что делать.

Взгляд его упал на Бориса:

– А, Алёшкин, ну как у вас? Всё хорошо? Тогда садитесь на катер, направляйтесь на судоверфь и бондарный завод, будьте всех рабочих, грузите их на все, какие только найдутся, плавсредства и везите сюда. Даю вам на всё полчаса. Пусть все подводы и обе грузовые машины тоже немедленно едут через Гнилой Угол сюда.

– Есть, – ответил Борис и, гордясь поручением, помчался к причалу. По дороге он был несколько раз облит струями воды, попадал в огромные лужи, стекающие в море, и в таком виде – мокрый и грязный, заскочив на катер, передал капитану распоряжение Берковича.

На Чуркине никого будить не пришлось. Жившие поблизости от своих объектов Антонов и Крамаренко, узнав, что горят склады ДГРТ, справедливо опасались за судьбу и своих предприятий. Они уже давно разбудили всех рабочих, расставили сторожей на всех направлениях, а сами вместе с большой толпой остальных рабочих стояли на берегу и всматривались в огромный костёр, полыхавший на противоположной стороне бухты. Собравшиеся на все лады обсуждали бедствие, а также и то, каким образом они могли бы оказать помощь. Увидев приближавшийся трестовский катер, люди бросились к нему. Едва он успел приткнуться к стенке причала, как на палубе появились Антонов, Крамаренко, а вместе с ними, несмотря на протесты капитана, человек двадцать рабочих.

Алёшкин передал распоряжение Берковича и, решив, что для защиты и наблюдения за порядком на судовой верфи и заводе хватит одного Антонова, согласился с тем, что Крамаренко может быть полезным на пожаре. Решили так, что катер, на котором приехал Алёшкин, возьмёт пять человек, больше брать капитан ни за что не соглашался, и сейчас же повернёт обратно, а Крамаренко, отправив подводы и автомашины, погрузит на стоявшие у причала шаланды ещё человек 60 и вместе с ними отправится на пожар.

С Антоновым оставалось человек пятнадцать, кроме ранее выставленных сторожей. Они выкатили пожарную машину и приготовились к тому, чтобы встретить огонь, если

он начнёт где-либо появляться, во всеоружии. Вероятно, эта бдительность и спасла судовой верфь и завод. Как впоследствии выяснилось, на этих объектах тоже предполагались диверсии.

Менее чем через полчаса Борис во главе своего маленького отряда, вооружённого топорами и ломками, стоял перед Берковичем. Тот поблагодарил Алёшкина за оперативность, а узнав, что вскоре прибывает ещё Крамаренко с полусотней людей, и за инициативу. Он сказал, что пожарным удалось немного сбить пламя, взломав замки дверей средних пакгаузов, чему, между прочим, противился Черняховский. Пожарные пробрались внутрь и сейчас вели борьбу с огнём из внутренних дверей, сообщавшихся с горящими отделами склада.

– Необходимо как можно скорее всё, что находится в средних пакгаузах, вынести на причал и сложить в определённом порядке. Оксёнова дома не оказалось, его разыскивают, а два кладовщика – его помощники уже здесь. Они будут указывать, что и в каком порядке выносить. Руководить действиями рабочих будете вы, а когда приедет Крамаренко, то и он. К счастью, вчера один из кладовщиков, руководивший погрузкой кранового, в порядке подготовки весь груз, предназначенный для этого судна (он кивнул головой на пароход, отошедший от причала), отобрал и сосредоточил в одном из средних пакгаузов у самых дверей. Груз не пострадал, его надо спасти в первую очередь. Через полчаса приедут матросы

с этого краболова, они тоже вам помогут. Я прикажу, чтобы все рабочие подчинялись вам: требуется единоначалие! Ну, идите, начинайте, утром, в 8. 00 я жду от вас доклад.

Борис объяснил задачу рабочим, вместе с кладовщиком они выбрали наиболее удобное для складирования место на стенке причала, и через несколько минут его 25 человек из всех сил, бегом начали выносить сети, продукты, буйки и прочие товары, предназначенные для краболова. Не отставал от своих подчинённых и сам Алёшкин. Скоро он весь был перепачкан в копоты, муке и ещё невесть в чём. Однако работая, как простой рабочий, он ни на минуту не забывал о своей руководящей роли, вовремя подсказывая новые места для склада и показывая то, что следует выносить в первую очередь.

Когда через час прибыл Крамаренко со своими людьми и человек 20 матросов с краболова, то и ему, и Алёшкину самим работать не пришлось: всё их внимание поглощало руководство деятельностью сотни людей, а это становилось всё трудней. По мере углубления в пакгаузы, возрастала опасность для работавших там: помещения наполнялись удушливым едким дымом, сквозь который почти ничего не было видно. Свет фонарей «летучая мышь» не пробивал эту сизую, тяжёлую мглу. Само собой разумеется, что электрическое освещение вышло из строя с началом пожара. Опасались, что кто-нибудь из рабочих, потеряв сознание, упадёт и задохнётся, и руководителям всё чаще и чаще приходилось

подхватывать выходящих из пакгаузов шатавшихся и кашлявших людей, вести их к морю, обливать водой и давать им передышку. Одновременно нужно было тщательно следить и за тем, все ли вошедшие на склад вышли.

Пожар достиг своего апогея. С грохотом свалилась внутрь крыша одного из боковых пакгаузов, в другом начали с ужасающим хлопаньем рваться бочки с кунжутным маслом, используемым при изготовлении консервов. При этом они взлетали на несколько десятков метров вверх, пробивали раскалённую крышу, с треском лопались в воздухе и обдавали всё вокруг брызгами кипящего масла. Уже несколько пожарных получили серьёзные ожоги, и две автомашины скорой помощи (совсем недавно появившиеся во Владивостоке) увезли их в больницу. Пострадали и некоторые из рабочих, но ни тушение огня, ни вынос уцелевших товаров не прекращались.

Скоро на причалах появились хаотично сложенные разнообразные грузы. Как ни старался кладовщик, ему удалось сделать только одно: отделить узким проходом от всего остального то, что предназначалось для последнего краболова, всё прочее складывалось кое-как, и это можно было понять.

Погасить горевшие пакгаузы пока не удавалось, более того, стенки ещё не загоревшихся, хотя и поливались мощными струями воды непрерывно, всё-таки настолько раскалились, что некоторые тюки товаров, лежавшие вблизи от них,

начали тлеть. Грузчики торопились вынести как можно больше и бросали вытащенное где и как попало, уже не заботясь ни о каком порядке. Последние спасённые товары в основном были уже попорчены, если не огнём, то морской водой, которой производилось тушение.

Благодаря самоотверженной работе, часам к семи утра удалось почти полностью очистить от товаров оба центральных пакгауза. К тому времени бушевавший огонь частично уничтожил всё наиболее легко воспламеняющееся и местами, поддавшись усилиям пожарных, начал ослабевать. Люди, работавшие всю ночь с предельным напряжением, к тому же постоянно отравлявшиеся угарным газом и дымом, были совершенно измождены. Приехавший на пожарище Беркович, выслушав доклад Алёшкина, приказал всем участвовавшим в спасении грузов немедленно отдыхать. Для продолжения выноса остатков полуобгоревшего имущества наняли артель портовых грузчиков-китайцев.

К стенке причала подошёл краболов, и другая группа грузчиков, явившаяся на работу, приступила к его погрузке, по существу, в запланированное время. Так как предназначенные для него грузы теперь лежали у самой стенки причала, расстояние по переноске их значительно сократилось, и погрузка парохода проводилась быстрее, чем обычно. Заменять грузы, предназначенные для краболова, почти не пришлось: они были извлечены первыми и практически не пострадали. Вследствие этого погрузка последнего краболова

была закончена в срок, и он в надлежащее время отправился на промысел.

Впервые за всю историю краболовного промысла на Дальнем Востоке в этом 1929 году краболовы Советского Союза захватили лучшие крабовые поля в районе Камчатки, оставив японских рыбопромышленников с носом. Не помогла последним и диверсия – поджог склада.

В том, что это был акт диверсии, собственно, не сомневался уже никто. Во-первых, исчез завскладом Оксёнов. Как говорили кладовщики, он ещё с утра прошлого дня ушёл со склада, ссылаясь на плохое самочувствие, и не знал, что в его отсутствие грузы, предназначенные для последнего краболова, по распоряжению одного из кладовщиков, были перенесены к дверям среднего пакгауза, хотя до этого лежали в крайних. Как показали опрошенные работниками ГПУ свидетели, Оксёнов зачем-то появлялся у складов в день пожара после окончания работы, около девяти часов вечера. Пожар заметили в 10 часов 30 минут. Как было установлено расследованием, он начался одновременно в пяти-шести местах, причём именно там, где ранее находились грузы краболова.

И, наконец, в одном из этих мест удалось найти покорёженные огнём бидоны из-под керосина, попавшие на склад неизвестно каким образом. Оба кладовщика категорически отрицали хранение горючего, в том числе и керосина, на складе и объяснить появление этих бидонов не смогли.

Да и сам Оксёнов, задержанный при попытке перейти гра-

ницу около станции Гродеково, признался, что поджог совершили три человека, присланные ему японским резидентом, который за участие в этом деле заплатил ему 20 тысяч рублей. Часть этих денег у Оксёнова при аресте обнаружили и изъяли. Своих сообщников, а также фамилию резидента на первом допросе он не назвал, а на следующий не явился: по недосмотру надзирателей он покончил жизнь самоубийством в тюрьме.

Вслед за Оксёновым арестовали заведующего коммерческим отделом Черняховского и одного из кладовщиков. Правда, за отсутствием каких-либо основательных улик о причастности их к преступлению они из-под ареста были освобождены, но, конечно, из треста уволены.

Всё это произошло потом, спустя две-три недели после пожара. Пока же, после кратковременного трёхчасового отдыха Алёшкин был снова вызван к председателю правления Берковичу, и получил приказ произвести разборку оставшегося на пожарище имущества и помочь временному заведующему складом. Последний, с помощью большого числа рабочих начал приводить в порядок уцелевшие пакгаузы, устанавливать стеллажи и раскладывать на них неповреждённые пожаром товары. Всё же пострадавшее от огня, пришедшее в относительную негодность и требовавшее или переработки, или значительного ремонта, Беркович приказал Алёшкину вывезти на свой склад. Впоследствии всё это было рассортировано и распродано мелким торговцам, чтобы в какой-то

степени покрыть огромные убытки, понесённые трестом.

Для выполнения этой работы Борис получил в своё распоряжение десять подвод, одну автомашину и человек сорок рабочих. Одновременно ему был вручён соответствующий мандат, дававший право вывозить с места пожарища всё, что он найдёт нужным. Место, где находились склады, было оцеплено воинскими частями.

Борис прибыл на пожарище часов в 12 дня. К этому времени от двух крайних пакгаузов осталась гряда обгоревших покорёженных листов железа, над которой курился вонючий дымок. Как уже говорилось, вся площадь пожарища и груды спасённых товаров были оцеплены красноармейцами, около пакгаузов дежурили две пожарные машины с командой. На причале шла интенсивная погрузка последнего краболова, из уцелевших пакгаузов доносился стук топоров.

Предъявив своё удостоверение начальнику охраны, Алёшкин прошёл в один из пакгаузов, где застал кладовщика, теперь уже – временно исполняющего обязанности заведующего складом. Рассказав ему о полученном поручении и дождавшись назначенных ему в помощь людей, Борис приступил к работе. Вооружившись пожарными баграми, ломami и лопатами, рабочие начали растаскивать огромные, ещё горячие листы гофрированного железа и разгребать местами тлевшие, а местами плавающие в воде, оставшиеся вещи. Мы уже говорили, что на этих складах хранилось всё, что могло понадобиться для жизни и работы на промыслах и заводах

побережья, и поэтому раскопки имели смысл.

Обутым в резиновые сапоги рабочим приходилось ходить по огромным лужам, образовавшимся из растопленного сахара и конфет, но иногда под грудой обгорелых головёшек попадался целый десяток ящичков карамели, упакованных в жестяные банки, и если не считать специфического запаха гари, то почти не пострадавших от огня. То же самое случилось с различными консервами, сырами, копчёностями и другими продуктами. Под грудой развалин и головёшек, например, в одном из углов склада удалось обнаружить целый штабель мешков с мукой и крупой, из которых испорченными оказались только наружные ряды, а всё, что лежало в середине, было пригодно к употреблению. Так же произошло и с различного рода спецодеждой, мануфактурой и прочими предметами. Однако в некоторых местах жар пламени был так силён, что, например, прутья металла, гвозди, шурупы сплавились в один слиток, который можно было использовать как металлолом, зато в других местах эти же предметы оказались только залиты водой и запачканы сажей.

Всё мало-мальски годное, извлечённое из-под остатков сгоревших складов, люди Алёшкина грузили на подводы и в сопровождении одного-двух человек направляли на лесной склад. Там под руководством Комозы привезённое рассортировывалось по видам товаров и степени повреждения и раскладывалось в возможном порядке на наскоро сооружённые стеллажи в большом сарае.

Работы по расчистке пожарища заняли более недели. В эти дни Борис буквально не показывался дома: дневал и ночевал на месте работ, стараясь вытащить и спасти от дальнейшей порчи возможно больше товаров. Конечно, вообще-то, удалось подобрать так мало, что это не покрывало и десятой доли убытков. Самым большим счастьем оказалось то, что из двух средних складов спасли почти всё, что предназначалось для краболова.

После сортировки и приведения в относительный порядок, спасённое по специальным нарядам Алёшкин отправлял на промыслы. Это, до получения вновь закупленных товаров, помогло как-то выйти из положения. Для определения качества подпорченного имущества была создана комиссия под председательством Мерперта, она и определила судьбу спасённого. В результате около 50 % груза, вывезенного Алёшкиным с пожарища, подлежало очистке, мойке, мелкому ремонту и возвращению на склады для дальнейшего использования; около 30 % подлежало реализации по сниженным ценам местному населению: предполагалось устроить своего рода аукцион, чтобы продать эти товары как можно выгоднее; наконец, около 20 % подлежало реализации на любых условиях: предметы этой группы фактически считались негодными. Весь металлолом, вывезенный после расчистки пожарища, в том числе железные стены и крышу передали на переплавку Дальзаводу. Несколько китайских торговцев купили право собрать расплавленный, пере-

мешанный с землёй и золой сахар, рассыпанную крупу, муку и т. п.

Правление ДГРТ торопилось расчистить площадь, чтобы начать строительство новых складов. Неожиданно в дело вмешались органы ГПУ и предложили новые склады строить в другом месте, и даже не в городе, а за его пределами. Своё предложение начальник ГПУ мотивировал тем, что в случае новой диверсии склады не будут так сосредоточены в центре, а с другой стороны, вынесение их за черту города даст возможность организовать для них лучшую охрану. Для этого требовались дополнительные средства, больше складских работников, но польза перевешивала, и поэтому вопрос был решён.

Мерперт, докладывая о работе комиссии по ликвидации последствий пожара, заметил, что энергичная спасательная работа, толковое проведение расчистки пожарища, а также умелая ликвидация попорченных огнём товаров, организованные Алёшкиным, показали, что у этого парня золотая голова, крепкая хватка в работе и умение руководить людьми. Основываясь на этом, он выдвинул предложение перевести Бориса Яковлевича на работу в коммерческий отдел, на должность заместителя начальника отдела, утверждая, что этот молодой человек с работой справится. Правление треста с ним согласилось.

Как мы уже знаем, заведующего коммерческим отделом Черняховского арестовали по подозрению в причастности к

диверсии. На его место назначили бывшего старшего коммерческого корреспондента – Николая Ивановича Игнатова, а заместителем к нему – Алёшкина.

Игнатов – толстенький, светловолосый, добродушный человек, ещё до войны окончивший какое-то специальное училище в Москве, приехал на Дальний Восток до революции и работал в одном из акционерных обществ Приморья. При организации ДГРТ его приняли в коммерческий отдел. Он знал своё дело, но был робким человеком и очень быстро поддавался влиянию лиц с более сильным характером. Служа вместе с Черняховским, он подчинялся ему беспрекословно и не мог сказать против ни одного слова. Когда его поставили во главе отдела, то ему пришлось очень трудно. Он умел хорошо работать сам, но заставить работать других, как это делал Черняховский, не мог. В то время в аппарате отдела числилось 12 человек исполнителей, и для того, чтобы отдел справлялся со своими задачами, каждый должен был работать во всю меру своих сил и способностей. По мнению Мерперта, Игнатов не смог бы заставить сотрудников отдела работать с должным напряжением, для этого и был нужен Алёшкин, который, хотя и не разбирался в коммерческих делах, но сумел бы поддерживать дисциплину в отделе и стать, таким образом, организующим подспорьем заведующему.

Председатель правления треста Беркович в этом вопросе соглашался с Мерпертом, единственное, что его смущало,

это молодость Алёшкина, ведь ему шёл только 22-й год. Когда Яков Михайлович вызвал Бориса к себе и сообщил ему о решении правления треста, то Борис даже испугался: менее чем полгода назад он был скромным десятником, затем заведующим обыкновенным лесным складом, а тут вдруг сразу такой скачок – заместитель заведующего отдела треста, было чего испугаться! Он, конечно, начал отказываться, ссылаясь на свою неосведомлённость в сложной работе коммерческого отдела и, наконец, на молодость. Вот это его последнее возражение, кажется, и решило дело.

Яков Михайлович и Иосиф Антонович переглянулись, и Беркович сказал:

– Вот о молодости-то мы тоже думали, но раз ты сам понимаешь этот свой «недостаток», то всё будет хорошо! Делу научишься со временем. Не зарывайся, прислушивайся к голосу старших, более опытных товарищей, но и не теряй своей принципиальности и задиристости, свойственной молодости. А потом, ты же ведь большевик – ищи помощи в партячейке. Конечно, от комсомольской работы тебя придётся освободить. Как вы на это смотрите? – обратился Яков Михайлович к секретарю партячейки Глебову, присутствовавшему при этом разговоре.

Тот молча кивнул головой. Ему тоже впервые пришлось стать свидетелем такого быстрого продвижения по службе.

Через 10–15 дней, закончив распродажу имущества, спасённого при пожаре, и передав лесной склад на Корабель-

ной набережной Комозе, а чуркинский – Ярыгину, дружески распростившись со всеми работниками и, в особенности, с Александром Васильевичем Соболевым, Алёшкин приступил к исполнению новых обязанностей.

Надо прямо сказать, что работниками отдела встречен он был весьма недружелюбно. Во-первых, потому что на эту должность многие метили сами, а во-вторых, как сказал один из работников отдела (еврей, бывший торговец, ведавший вопросами снабжения треста метизами, некто Роземблум):

– Мы до сих пор были чистенькими, а теперь и нам большевика воткнули!

Пожалуй, Борису пришлось бы плохо, тем более что дела-то он вовсе не знал, и до всего надо было доходить своим умом. Но в первый же день член правления треста Мерперт провёл совещание с работниками коммерческого отдела, на котором расхвалил Алёшкина и заявил, что он, Мерперт, будет во всём этого молодого человека поддерживать, поэтому лучше палок в колёса новичку не вставлять, а делаясь с ним своими знаниями, в то же время беспрекословно исполнять его распоряжения.

Мерперта в тресте уважали и боялись, его предупреждение подействовало, кроме того, Алёшкин обладал какой-то специфической особенностью быстро находить контакт с людьми. Через месяц-полтора все работники отдела и сам Игнатов относились к Борису с большим дружелюбием, а Роземблум, который с первого дня смотрел на молодого боль-

шевика косо, скоро с ним по-настоящему подружился. Для него слова «так сказал Борис Яковлевич» вскоре стали законом в работе.

Это происходило в разгар лета 1929 года. В ДГРТ уже начали помаленьку забывать катастрофу со складами, тем более что, несмотря на неё, промысел крабов шёл успешно. Большой добычей сельди и иваси ознаменовалась весенняя путина. Открывающиеся консервные заводы приступили к пробному выпуску консервов. Борис Алёшкин начал осваиваться на новом месте работы и, хотя плавал ещё в очень многих специфических вопросах отдела, но с каждым днём узнавал и от своих подчинённых, и от начальства всё новые и новые вещи, которые, благодаря отличной памяти, накрепко откладывались в его голове. При случае он уже мог ими пользоваться, и со своими обязанностями справляться. А обязанностей было много, как и у всего коммерческого отдела.

Дело в том, что организаторы ДГРТ в начале его создания совсем не представляли той многообразной деятельности, которая сразу же выпала на его долю, поэтому по типичной схеме созданные отделы очень скоро столкнулись с таким обширным кругом разных дел, что все, даже самые опытные специалисты, оказывались в крайне затруднительном положении. Правда, через два-три года существования ДГРТ Наркомат торговли и руководители в Главрыбе поняли, что в рыбном деле нужна более узкая и конкретная спе-

циализация, но в 1929 году до этого было ещё далеко.

Коммерческий отдел ДГРТ обязан был организовать снабжение промыслов, заводов и флота всеми разнообразными видами товаров, необходимых рабочим и их семьям, причём многие из этих товаров приходилось покупать за границей в ряде стран. Этот же отдел приобретал и обеспечивал поставку на места лесоматериалов и всех строительных материалов, необходимых для строительства жилых, производственных и складских помещений на промыслах побережья, а также и для строительства разнообразных плавучих средств. Коммерческий отдел приобретал и распределял все орудия лова, а их ассортимент с развитием деятельности треста расширялся не по дням, а по часам. На отдел была возложена обязанность изготовления и обеспечения промыслов необходимой тарой: бочками, ящиками, консервными банками. Последние, как правило, пока завозились из-за границы, покупка их всегда шла с большими трудностями. Наконец, этот же отдел занимался и сбытом готовой продукции.

Вся эта огромная работа проводилась аппаратом, насчитывавшим вместе с заведующим и его заместителем 15 человек. Естественно, что каждому служащему отдела приходилось работать за троих и находиться в конторе не 6–7 часов, а иногда 10–12 и более. Рабочий день заведующего и его заместителя длился ежедневно не менее 12 часов. В отделе увеличивались объёмы переписки. Очень много документов поступало на иностранных языках, чаще всего на английском,

которого, кроме Игнатова и одного из сотрудников, не знал никто. Вскоре этому исполнителю пришлось вменить в обязанность лишь работу по переводу получаемых писем и составлению ответов с русских черновиков, написанных другими служащими.

В трест являлись представители различных иностранных фирм, некоторые из них не знали русского языка, но, как правило, знали английский, при переговорах с ними приходилось прибегать к услугам переводчика. С этим Борис Алёшкин примириться не мог, он очень жалел, что его познания в английском языке, полученные в средней школе, так скудны, но, тем не менее, старался использовать их, где и как только мог. Он поставил перед собой задачу овладеть знанием этого языка в самое ближайшее время, хотя бы настолько, чтобы самому понимать написанные письма и слова собеседников.

Занятый сверх головы своими новыми обязанностями, он ещё с раздражением должен был без конца давать многочисленные письменные и устные объяснения ревизовавшему его складскую деятельность Погребняку, а затем и партийному следователю. Это отнимало много времени и сил, и когда, наконец, дело было закончено, и парткомиссией Владивостокского обкома ВКП(б) ему был вынесен выговор, апелляцию он, несмотря на советы Берковича и Глебова, подавать не стал, рассудив по молодости, что и с выговором люди живут.

Все недолгие часы отдыха, выпадавшие Борису, он про-

водил со своей Катей и дочуркой Элочкой. Девочке исполнилось семь месяцев, она хорошо сидела, что-то бормотала на своём непонятном языке, весело смеялась и тянулась ручонками к папе. Одним из любимых развлечений Алёшкиных в то время было катание на вельботе, оставленном лесному складу начальником судоверфи Крамаренко. В воскресенье, а иногда вечером после работы, Борис ставил на вельботе мачту, усаживал на носу в самом уютном месте жену и маленькую дочку, выгребал из толпы лодочек и «шампунек» поближе к середине бухты Золотой Рог и, подняв парус, скользил по тихой воде зигзагами от мыса Чуркина до мыса Эгершельд, лавируя между стоявшими на рейде торговыми пароходами и шныряющими буксирами.

Иногда они огибали мыс Чуркина, выходили в пролив между ним и Русским островом и направлялись к видневшемуся вдали острову Аскольд. Тогда их качало на волнах открытого океана. При неудачном манёвре волны заплёскивались внутрь лодки, и, спасаясь от справедливого гнева супруги, Борис поворачивал назад, в Золотой Рог или в соседнюю пустынную бухту Диомид.

Пожалуй, катание на вельботе было одним из самых приятных удовольствий, которое могли себе позволить в то время Борис и Катя Алёшкины. К сожалению, эти прогулки так же, как и вообще свободное время у Бориса, были редки и не очень продолжительны. Кроме огромной служебной работы, ему приходилось выполнять и не мало общественной.

Его освободили от работы секретаря комсомольской ячейки, но он оставался членом бюро Ленинского райкома ВЛКСМ г. Владивостока и в качестве общественной нагрузки был назначен военруком молодёжи в ДГРТ. К тому времени в тресте сотрудников комсомольского возраста было уже человек шестьдесят. Такое назначение Борис Алёшкин получил благодаря тому, что в его карточке значилась служба в ЧОНе и в отряде по борьбе с бандитизмом в ГПУ. А это лето выдалось беспокойным. На международной арене атмосфера по отношению к СССР накалялась. После того как ЦК ВКП(б), его генеральный секретарь Сталин и большинство коммунистов, поддерживавших линию ЦК, справились с троцкизмом и успешно разгромили правый уклон, международный империализм всё больше и больше склонялся к мысли попробовать крепость советской власти путём вооружённого нападения. Не была исключена возможность того, что объектом этой пробы могут стать не только западные границы страны, но и дальневосточные. Всё население, и в особенности молодёжь, должны были готовиться к отражению внезапного военного нападения.

Борис Алёшкин, военрук ДГРТ, как и военруки других предприятий, по специальной программе проводил занятия по задержанию и истреблению диверсионных групп, по ликвидации последствий воздушного нападения и тому подобное. Вскоре Борис узнал, что делал это он очень неумело, подилетантски, но тогда и ему, и руководимым им товарищам

казалось, что он отличный командир. Военные занятия отнимали немало времени.

Читая в газетах и специальных брошюрах доклады Сталина, речи Калинина, Молотова и других, читая приобретённую им стенограмму XV съезда ВКП(б), Алёшкин понял, что он ещё, в сущности, политически совершенно малограмотен и, несмотря на свою работу в райкоме ВЛКСМ, во многих теоретических вопросах, лежавших в основе деятельности коммунистической партии, разбирается слабо. Того, что изучали в кружке под руководством Берковича, ему казалось мало, и он принял решение начать знакомство с сочинениями В. И. Ленина. Причём его не удовлетворяли произведения вождя революции, изданные отдельными брошюрами, ему хотелось приобрести полное собрание сочинений. Тогда вышло первое, далеко не полное издание, но и его купить в книжных магазинах было невозможно. Поэтому Алёшкин, при помощи всех знакомых, занялся поисками у частных лиц. Как ни странно, в этом деле помог ему Подгребняк, продавший имевшиеся у него сочинения Ленина за двойную цену. Как уже говорилось, это собрание было неполным, кроме того, в его издании принимали участие уже выявленные теперь оппортунисты, например, Бухарин. Естественно, что в комментариях и в подборе самих произведений имелась определённая тенденциозность. Конечно, тогда всего этого Борис не знал, он радовался тому, что читает написанное Лениным, и хотя ещё очень многое не поддавалось

его пониманию, а комментарии и вовсе казались неважными, всё-таки это чтение расширило его политический кругозор.

Со второй половины июня началась чистка советского аппарата, конечно, проходил такую чистку и аппарат ДГРТ. Чистились пока только беспартийные служащие. Борис Алёшкин был включён в комиссию как представитель комсомола. Чистка проходила в самом большом помещении конторы треста – производственном отделе. Присутствовало множество народа: все служащие конторы, представители с промыслов и заводов, рабочие судоверфи и бондарного завода. В процессе чистки выяснилось, что в центральном аппарате треста есть не только бывшие хозяева рыбных промыслов и заводов, но и бывшие белогвардейцы. Некоторые из них пытались скрыть своё прошлое, но, как правило, это им не удавалось.

Председатель комиссии по чистке, механик одного из дрейфтеров, большевик с дореволюционным стажем Захаров был очень принципиальным человеком, и умело выводил на чистую воду всех, пытавшихся изворачиваться и лгать. Комиссия вычистила людей, не имеющих права работать в советских учреждениях – зав. производственным отделом Гринера, одного из его заместителей и целый ряд других специалистов. Кое-кто решением комиссии переводился на низшие должности, преимущественно на периферию. В чистке принимали активное участие все присутствующие. Многие выступали, разоблачая того или иного человека, пытавшегося

скрыть своё прошлое, нерадивые, недобросовестные работники серьёзно критиковались.

В начале июля, обсуждая на собрании партячейки итоги чистки аппарата треста, все коммунисты единогласно пришли к выводу, что это ответственное мероприятие прошло хорошо и принесло большую пользу. Гласный разбор деятельности каждого сотрудника, серьёзная критика его работы и его самого действовали гораздо сильнее любых административных взысканий и заставили всех подтянуться, пересмотреть своё отношение к работе и контролировать собственное поведение. Теперь все ждали чистки партии.

1 июля 1929 года в газетах было опубликовано постановление ЦК о начале чистки ВКП(б), проводимой согласно решению XVI партконференции. Конечно, начало работы комиссии по чистке партии в ДГРТ многими коммунистами ожидалось с некоторым страхом и волнением, ведь как бы ни был чист человек, всё равно в его деятельности, в его жизни можно найти что-то такое, чего он стыдится, или что им было совершено не совсем так, как следовало бы сделать истинному коммунисту. Волновался, конечно, и Борис Алёшкин. Он завидовал старым большевикам – Берковичу, Гусеву, Глебову, которых считал безупречными коммунистами, ведь у него, кандидата ВКП(б), уже имелся выговор.

Но вот началась чистка ячейки ВКП(б) при ДГРТ. Председателем комиссии был какой-то пожилой рабочий с Дальзавода, членами – большевик из рабочих судоверфи и уже

упоминавшийся нами Захаров. После краткого вступительного слова, произнесённого председателем, в котором он рассказал о задачах чистки и правах всех присутствующих коммунистов, комсомольцев и беспартийных задавать самые разнообразные вопросы тому, кого чистят, в прениях критиковать его, высказывать своё мнение о нём. Комиссия выслушает всё, что будет высказано, но вопрос о дальнейшем пребывании того или иного человека в партии или наложении на него партийного взыскания будет решать самостоятельно. Члены этой комиссии, как и в других местах, заранее прошли свою чистку в комиссии обкома ВКП(б).

Как и в предыдущий раз, в комнате производственного отдела, где проходила чистка, было негде упасть яблоку. Все предполагали, что начнут с коммунистов-руководителей, но председатель после выступления вдруг сказал:

– В вашей ячейке всего один кандидат, Алёшкин, вот с него мы и начнём. Товарищ Алёшкин, пожалуйста к столу, расскажите нам свою биографию.

Борис, никак не ожидавший этого вызова, очень смутился и пока протискивался к столу, за которым заседала комиссия, покраснел и вспотел. Некоторое время он вообще не знал, что говорить. Захаров, с которым он работал по чистке аппарата, видя его смущение, подбодрил товарища:

– Ну же, Борис, что ты растерялся? Расскажи, где и когда ты родился, где учился, кто твои родители, кем и где ты работал. Не тушуйся!

Затем он нагнулся к председателю и что-то ему зашептал.

Борис и сам уже оправился, довольно связно поведал свою коротенькую биографию, перечислил работу в комсомоле, затем сообщил о полученном выговоре. Рассказал он и о том, что его отец – прапорщик царской армии, в течение трёх месяцев числился на службе в армии Колчака, хотя фактически там и не служил, а с 1922 г. находился в Красной армии, работал в военкомате начальником моботдела.

Ему задали несколько вопросов, часть из них были политические. Его спрашивали: «Какая разница между правым и левым уклоном?», «Что говорил Ленин о крестьянах?», «Каковы решения XVI партконференции?» На все эти вопросы Борис сумел ответить достаточно толково и грамотно, ну а о его жизни вопросов почти не было, только председатель спросил:

– Почему вы не сказали, что служили в оперативном отряде ГПУ по борьбе с бандитизмом и хунхузничеством?

Борис замялся. В самом деле, он об этом как-то забыл и сейчас не нашёлся что ответить. Смутившись, буркнул: «Забыл», чем вызвал смех всего зала. Председатель тоже рассмеялся:

– О выговоре не забыл, а о том, что служил и даже был ранен в этом отряде, забыл? Хорошо, что не наоборот!

Выступавшие в прениях Беркович, Мерперт, Игнатов и Комоза так хвалили Бориса, что ему стало не по себе. После выступления Комозы председатель заметил:

– Ладно, мы знаем, какой он хороший... Если никто ничего порочащего товарища Алёшкина сказать не может, то мы прения прекращаем... Непонятно только, как это такой хороший человек получил партийное взыскание! Ну, да как-нибудь разберёмся. Решение комиссии объявим на следующем заседании. Список партийцев, которые будут проверяться в ближайшие дни, мы вывесим, а сейчас открытое заседание по чистке закрывается.

Все разошлись, а члены комиссии перешли в маленькую комнату ревизионного отдела, где продолжили своё заседание.

Через два дня, которые Борис провел в большом волнении, на очередном заседании комиссии председатель объявил результаты чистки Алёшкина. Проверив все имевшиеся компрометирующие Бориса Яковлевича Алёшкина материалы, комиссия пришла к заключению, что они не могут служить основанием для вынесения ему партийного взыскания, и потому наложенный ранее выговор с него снимается. Комиссия считает его проверенным. Однако кандидатский стаж его истёк, и теперь Борису требуются рекомендации для вступления в члены ВКП(б). Слова председателя комиссии были встречены аплодисментами, после чего он заметил:

– Я очень рад, что наше мнение не расходится с мнением масс.

Он подозвал к столу Алёшкина, вернул ему кандидатскую карточку и негромко сказал:

– Комиссия считает возможным доверить вам работу технического секретаря, с сегодняшнего дня вы будете вести протоколы комиссии по чистке.

Около трёх недель, пока проходила чистка ячейки ВКП(б) ДГРТ, Алёшкин был вынужден совершенно забросить работу в коммерческом отделе: обязанности технического секретаря оказались непростыми. Чистка некоторых членов ячейки, например, Берковича, члена правления Завалишина и некоторых других продолжалась по два и даже по три вечера. Проверяемым задавали множество вопросов, выступавшие сурово критиковали их работу. Но несмотря на все волнения и переживания, из партячейки ДГРТ оказался исключённым только один человек – член правления Завалишин. В прошлом он был меньшевиком, как-то взаимодействовал с правительством Колчака и вступил в РКП(б) после падения последнего. В своё время он поддерживал и троцкистов, выступая на собраниях ячейки с соответствующими речами. После суровой отповеди, данной ему большинством коммунистов, признал свои ошибки, подал соответствующее заявление. Завалишин руководил строительством новых заводов и промыслов, не выходя из своего кабинета, бюрократически, поэтому в его работе выявилось множество недостатков. Ко всем работникам треста он относился высокомерно и пренебрежительно. Всё это, часто в очень резких выражениях, и высказали ему выступавшие в прениях на открытых заседаниях комиссии. На закрытом заседании решение по

исключению Завалишина приняли единогласно, объявление об этом перед народом было встречено молчанием, только сам Завалишин не выдержал, вскочил и грубо крикнул:

– Ну, меня не так-то просто исключить, я буду жаловаться в ЦК! Вы взвалили на меня чужие грехи! Это не чистка, а издевательство!

На что председатель спокойно ответил:

– Это ваше право.

Особенно волновался по поводу чистки председатель правления треста Беркович, он имел для этого серьёзные основания. Как оказалось, в своё время он был членом БУН-Да. Вступил в РСДРП в 1905 году и первое время придерживался взглядов Плеханова, лишь в октябре 1917 года примкнул, а затем и вступил в партию большевиков. В работе треста имелось немало упущений в ряде производственных вопросов. Кроме того, совсем недавно произошло большое, принёсшее миллионные убытки и чуть не сорвавшее промысел событие – пожар главного склада. Естественно поэтому, что при обсуждении Якову Михайловичу задавали много вопросов, высказалось чуть ли не 25 человек. Нужно отметить, что наряду с серьёзными упреками в его адрес, звучали выступления и в его защиту. Беркович считался неплохим организатором, по существу, в течение двух лет почти на пустом месте создавшим огромное промышленное хозяйство, уже приносившее государству валюту. Характеризовало его с положительной стороны и то, что он ни разу не примыкал

ни к каким оппортунистическим течениям и группировкам. Чистка Берковича продолжалась четыре дня.

Бурно происходило и закрытое заседание комиссии при разборе его вопроса. Долгое время члены комиссии не могли найти единогласного решения и уже были готовы направить материал о нём в городскую комиссию, но, в конце концов, всё-таки постановили: «Товарища Берковича в рядах ВКП(б) оставить. За выявленные в работе недостатки объявить ему строгий выговор с занесением в учётную карточку». Решение это должно было быть объявлено на следующем открытом заседании комиссии, то есть через два дня. Конечно, Борис его знал и не вытерпел.

На другой день после заседания комиссии, встретив Алёшкина в коридоре треста, Беркович, глядя измученными глазами, тихонько спросил:

– Исключили?

Борис отрицательно покачал головой. Взглянув на усталый вид, осунувшееся лицо, ввалившиеся глаза этого уже не молодого руководителя, Борис, пожалуй, впервые понял, насколько может человек дорожить партией. Как мы знаем, он ему ничего не сказал, а лишь показал знаком «нет», но увидев, что глаза Берковича блеснули радостью, а на бледных губах его появилась улыбка, почувствовал, что сделал доброе дело.

Большинство остальных коммунистов ячейки чистку прошли без каких-либо замечаний, лишь Гусеву дали выговор

за то, что, работая заместителем Гринера в течение двух лет, не сумел разглядеть в нём врага, да Комоза получил замечание, не сумев ответить ни на один политический вопрос.

Чистка партиячейки ДГРТ закончилась к 1 августа 1929 года. Решение комиссии было утверждено городской комиссией без поправок и замечаний. Казалось, теперь всё должно было войти в нормальную колею, сотрудники спокойно могли продолжать работать на своих должностях. Однако, не прошло и двух недель после чистки, как мир, Советский Союз и, в особенности, Дальний Восток потрясло новое, чрезвычайное событие, отодвинувшее на задний план все только что перенесённые личные переживания.

Китайское гоминдановское правительство вероломно захватило КВЖД. Как известно, Китайская Восточная железная дорога, построенная русским правительством на территории Маньчжурии в конце XIX столетия, по условиям, заключённым между Россией и Китаем, пользовалась правами экстерриториальности. Сама дорога, весь имевшийся на ней подвижной состав (паровозы и вагоны) и все железнодорожные строения – вокзалы, станции, депо – считались собственностью России на 99 лет с начала постройки, а затем переходили в собственность Китая.

Постройка этой дороги была выгодна царскому правительству России, она служила стратегическим целям, позволяя перебрасывать войска из Центральной России на Дальний Восток, используя две дороги. Одна из них, внутренняя,

шла вдоль границы с Китаем, вторая – КВЖД. Имело значение ещё и ускорение пути следования поездов из России на Дальний Восток, так как КВЖД давало более прямой, а, следовательно, и более короткий путь. В период интервенции на Дальнем Востоке на КВЖД хозяйничали различные китайские генералы, растаскивая её имущество. В 1924 году советское правительство заключило с Гоминданом договор, по которому СССР, сохраняя за собой преимущественное право владения этой дорогой, в то же время допускал к участию в её эксплуатации, в управлении и получении прибылей от неё на равных правах и китайское правительство.

Таким образом, правление этой дороги состояло из одинакового числа членов – русских и китайцев, также равномерно были заняты и должности служащих. Получили права работы на КВЖД в качестве машинистов, работников станции и т. п. и китайские граждане наравне с русскими (при царском правительстве России весь аппарат дороги и все её служащие могли быть только русскими).

Подогреваемые японскими и английскими империалистами (как известно, с 1927 года Англия разорвала с СССР дипломатические отношения), китайские генералы арестовали всех русских служащих дороги, задержали все грузы и поезда, принадлежавшие СССР. По существу, они полностью захватили эту дорогу и двинули наёмные войска к нашим границам. Советское правительство в ответ на эту провокацию, после безуспешных попыток организовать переговоры,

приняло постановление о разрыве дипломатических отношений с Китаем. Вслед за этим оно начало спешно принимать меры по усилению обороноспособности Дальневосточного края, увеличению военных сил и оснащению их необходимым вооружением. Из разрозненных гарнизонов, размещённых в различных городах ДВР, создали единую Особую Дальневосточную армию, поставив во главе её испытанного командира – первого командира Красной армии, награждённого орденом Красного Знамени, В. К. Блюхера.

Отразилось это событие и на личной жизни Бориса Алёшкина. 30 августа 1929 года он был призван в ряды Красной армии. Правда, в военкомате ему, как имеющему на своём иждивении жену и грудного ребёнка, были предложены льготы – отсрочка. Но какой же коммунист, комсомолец в тот момент, когда китайские генералы могли отрезать весь Дальний Восток от остальной страны, стал бы пользоваться этой льготой? Конечно, не воспользовался ею и Борис Алёшкин.

Благодаря Александру Александровичу Глебову и секретарю комсомольской ячейки Катя устроилась на работу в общий отдел недавно организованного Акционерного Камчатского общества (АКО) на должность конторщицы с окладом в 60 рублей. Она предполагала поместить дочку в ясли, но после обсуждения этого вопроса с матерью, Катя, обратившаяся к ней за советом, решила отвезти Элу на время службы Бориса в армии (примерно на год) в Шкотово.

Дело в том, что сразу же после разрыва дипломатических

отношений с Китаем в Дальневосточном крае было объявлено военное положение. По требованию военных властей во Владивостоке закрылись все китайские частные лавки, а они составляли 90 % розничной торговли. Из пределов города так же, как и из других населённых пунктов Дальнего Востока, были немедленно выселены все бродячие торговцы-китайцы, а также население корейских и китайских слободок. Не имея опыта в проведении этих мероприятий, местные органы власти допустили много ошибок, дав возможность некоторым действительно опасным людям беспрепятственно улизнуть в Китай, а сравнительно безобидных увезти куда-то в Среднюю Азию. Всё это привело к тому, что снабжение продовольствием во Владивостоке резко ухудшилось: исчезли многие продовольственные товары. Обеспечение города продуктами стало строго нормироваться – ввели продовольственные хлебные карточки, но Борис всего этого уже не застал.

# Часть вторая

## Глава первая

Служба в Красной армии началась для Бориса Алёшкина, как, впрочем, и для многих его товарищей, совсем не так, как он это себе представлял. Он надеялся, что после призыва ему дадут оружие и, может быть, как военрука целого треста, коммуниста, даже назначат командиром какой-нибудь группы таких же, как он, умеющих обращаться с оружием, и отправят, если не в разведку, то уж, во всяком случае, куда-нибудь на передовую позицию, например, под Лахасусу, где, по слухам, шли бои. Но ничего подобного не произошло.

В призывной комиссии военкомата после беглого медицинского осмотра Борис получил повестку, в которой его обязывали явиться через три дня в распределительный пункт на Второй Речке, где он и получит дальнейшее назначение. Три дня ему давалось на устройство семейных и служебных дел. За эти дни Борис и Катя отвезли Элочку в Шкотово, он попрощался с Акулиной Григорьевной и Катиными сестрёнками, хотел попрощаться с родителями и своими братьями (Люся в это время уже работала в Кролевце), но не смог. За несколько дней до этого Яков Матвеевич и Анна Николаевна Алёшкины переехали в село Новонежино,

где Анна Николаевна получила должность учительницы, а её муж был назначен завхозом этой же школы-девятилетки (начальная пятилетняя школа в Новонежине преобразовалась в девятилетку). На поездку в Новонежино у Бориса не оставалось времени.

Во Владивостоке Алёшкин рассчитался с ДГРТ, снялся со всех учётов, распростился с молодой женой и в назначенный срок явился к воротам военного городка на Второй Речке, где уже толпилась небольшая очередь таких же призывников. Красноармеец с двумя треуголками в петличках неторопливо и, видимо, не очень споро проверявший явившихся по списку, направлял всех в казарму № 2. В нижнем этаже этой казармы в большом зале, как на вокзале, находилась целая толпа таких же молодых людей, как и Борис, с узелками и чемоданчиками в руках. Все они чувствовали себя неловко и поэтому выглядели растерянными. Около одной пятой части зала было отгорожено фанерной перегородкой, за ней работала комиссия по распределению.

Как впоследствии узнали призывники, начатая китайскими войсками и примкнувшими к ним остатками семёновских и унгеровских банд провокация на КВЖД застала вооружённые силы Дальнего Востока врасплох. Числящиеся в гарнизонах городов части были укомплектованы по штатам мирного времени, то есть менее одной трети того, что положено для наличия личного состава в военное время. Более или менее полностью были укомплектованы лишь спе-

циальные части: артиллеристы, связисты, сапёры. Для отражения первых попыток прорыва советско-китайской границы, предпринятых белокитайцами, был брошен весь личный состав пехотных полков, и потому в момент призыва всех направляли в пехоту, состоявшую из двух Дальневосточных дивизий, которые, в сущности, и являлись основой Особой Дальневосточной армии.

Мечта многих призывников попасть на флот, в воздушные или танковые войска не осуществилась. Распределяющая комиссия всех направляла в тот или иной пехотный полк. Перед окончательным распределением за этой же фанерной перегородкой всех призывников, раздетых догола, тщательно осматривала комиссия из нескольких врачей и некоторых, наверно, страдающих какими-нибудь болезнями, направляла в хозяйственные части и во вспомогательные войска.

Борис, как и парни, с которыми он успел подружиться во время толкотни среди новобранцев в ожидании своей очереди, попал в пехоту беспрепятственно. После того, как они оделись, а голыми они стояли не только перед врачами, но и перед всеми остальными членами комиссии, довольно бесцеремонно разглядывавшими их и выяснявшими их социальное положение, партийность, образование, специальность (записывая всё это в анкету), молоденький красноармеец вывел их группу из казармы, пересёк довольно широкий мощёный двор и, приведя их в стоявшую в углу такую

же двухэтажную большую казарму, сдал с рук на руки новому красноармейцу. При этом он сказал:

– Эти опять к вам!

Одновременно он вручил и стопку анкет, на которых председатель комиссии делал какие-то пометки красным карандашом. У входа в эту казарму стоял часовой с винтовкой. Новый провожатый ввёл вновь прибывших в такой же зал, как и в первой казарме, только заставленный во всю свою длину трёхъярусными нарами, расположенными в четыре ряда так, что между ними оставался проход шириной около двух шагов. Многие из нар были уже заняты сидевшими и лежавшими на них призывниками. Провожавший группу, в которой был Борис, сказал:

– Ну, вам повезло, здесь места ещё много, размещайтесь! Уборная у противоположного входа. Выходить из казармы нельзя, курить можно только в уборной. Ну а остальное вам вечером политрук расскажет.

При виде довольно скучной картины – голые нары, и уныло сидящие на них парни – у Бориса Алёшкина и его товарищей невольно вытянулись лица, они решили держаться вместе. В их группе, кроме Бориса, был Пашка Колбин – журналист, работавший до призыва в газете «Красное Знамя», Яков Штоффер – художник-декоратор, москвич, Костя Ротов – тоже москвич, карикатурист, Генка Шадрин – учитель откуда-то из-под Иркутска и Петька Беляков – машинист со станции Сковородино. Впоследствии мы познакомимся со

всеми этими ребятами более подробно, сейчас же попытаемся объяснить, почему даже в этой группе, как, впрочем, и среди остальных, образовался такой географический, я бы осмелился сказать, винегрет. Дело в том, что до конфликта на КВЖД части, стоявшие в городах Дальнего Востока, обычно пополнялись москвичами и вообще выходцами из средней России. Одновременно жители Дальнего Востока попадали почему-то для службы в красноармейские части, расквартированные в Центральной России. Чем объяснить такой порядок распределения призывников, нам неизвестно, но он существовал. После начала событий на КВЖД и необходимости срочного пополнения местных воинских частей, всех призывников-дальневосточников оставляли в войсках, находящихся на Дальнем Востоке, а военкоматы Центральной России продолжали направлять своих призывников сюда же. В результате и получилось такое смешение «языков и народов».

Так или иначе, а перечисленная нами группа, как-то сразу сдружившись, решила держаться друг за друга. Первыми их совместными действиями было стремление найти себе подходящее место для устройства на ночь. Они облюбовали участок нар второго яруса около одного из больших окон, выходившего в сторону лесистой сопки. Правда, на этом месте уже расположились какие-то деревенские пареньки, с аппетитом уплетавшие бело-розовое сало с чёрным хлебом, но Петька Беляков, огромный и физически сильный парень,

быстро «уговорил» их уступить это место нашей компании. Через несколько минут, уложив в головы свои чемоданчики, а Борис – вещевой мешок, все они сидели на облюбованном месте и обсуждали создавшееся положение.

Путешествуя по казарме, где на нарах и в проходах собралось более четырёхсот человек, некоторые из которых находились здесь уже дольше суток, наши друзья узнали, что это место называется «карантин», что отсюда нельзя писать, нельзя никуда выходить, кроме прогулки во дворе в течение часа, а всё остальное время придётся сидеть здесь, что в первые сутки надо есть свои продукты, а потом уже кормят красноармейским пайком: хлеб на весь день выдают с утра вместе с завтраком, в час дня – обед, в шесть часов вечера – чай с сахаром. Еду и посуду привозят на лошади, миски и ложки после еды отбирают. Если в первый день с собой еды нет, разрешают одному от нескольких человек сходить в лавку – тут же, во дворе, по-военному – на плацу, и купить еды.

После всех перенесённых процедур, а мы забыли сказать, что каждый из призывников после осмотра медкомиссии получил ещё какой-то укол в спину, группа, о которой мы рассказываем, очень хотела есть. Все они были люди городские, и, кроме запасливого Штоффера, еды ни у кого не было. Единогласно избрав Белякова своим представителем, собрали имевшиеся при них капиталы и отправили его за продуктами. Вскоре с большим аппетитом съели принесённый им хлеб, колбасу и запили всё это водой из стоявшего в одном

из углов казармы бачка. Подзакусив, ребята разостлали свои пиджаки и куртки и вскоре сладко захрапели. Однако спать им пришлось недолго, в шесть часов явился какой-то командир с двумя кубиками в петлицах и золотой звёздочкой на левом рукаве гимнастёрки.

К этому времени форма одежды в Красной армии изменилась, и вместо красных, оранжевых или синих галунов-застёжек, ранее пересекавших гимнастёрку, была обыкновенная рубаха из зелёной материи с отложным воротником, на котором находились петлицы, имевшие свой цвет для каждого рода войск. У пехоты петлицы были малиновые. Такие же петлицы были и у пришедшего в казарму командира, как впоследствии выяснилось, политрука. При его появлении один из дежурных красноармейцев, стоявший у двери, потребовал, чтобы все новобранцы слезли с нар и построились в одном из проходов. Когда это распоряжение выполнилось, а на это потребовалось около десяти минут, и поднятые с нар новобранцы, наконец-то встали в две неровные шеренги, политрук вышел на середину и обратился к ним со следующей речью:

– Поздравляю вас, товарищи! Вы будете служить в 5-м Амурском стрелковом полку 2-й Приамурской стрелковой дивизии. Здесь в карантине вы будете находиться в течение двенадцати-пятнадцати дней. Утром и вечером вот этот командир отделения, – при этом он указал на красноармейца с двумя треугольниками в петлицах, вошедшего вместе с

ним, – будет производить поимённую переключку, каждый при вызове его фамилии должен громко и чётко отвечать «я», никаким другим словом откликаться не разрешается. Отзываться за других тоже нельзя. Кроме того, каждый вечер этот же командир будет назначать из вас наряд – группу людей, которые убирают казарму и другую, которая получает и привозит еду. Спать и валяться днём на нарах до отбоя не разрешается. Курить можно только в уборной. Утром подыматься всем в одно время, будить вас будет тот же командир. После умывания и туалета – переключка, а затем завтрак. После завтрака я буду проводить политбеседы, а потом будете изучать два самых важных устава РККА – внутренний и дисциплинарный. Каждый из более грамотных соберёт группу малограмотных и неграмотных и будет им читать вслух устав. После обеда – час отдыха. Вечером будем выводить вас в клуб, в кино. Начальником вашей команды назначен командир Розанов. Мы вместе с младшими командирами, которых вы уже видели, должны после карантина доставить вас в полк в целости и сохранности, – закончил он, смеясь. – Ну а теперь – у кого есть вопросы?

Вопросов оказалось много. Спрашивали о положении на КВДЖД, о том, скоро ли они примут участие в боях, почему и зачем устраивают карантин, почему в это время нельзя видеться с семьями и многое, многое другое. Разговор затянулся до позднего вечера.

Пребывание в карантине было, пожалуй, одним из самых

неприятных моментов в течение службы Бориса в Красной армии. Было жёстко и неудобно спать на голых нарах, умываться приходилось кое-как – умывальников не хватало, взятые из дома полотенца вскоре превратились в настоящие портянки. Народ всё прибывал и прибывал, и скоро казарму набили так, что на нарах не было ни одного свободного места. Днём стояла духота, ночами она увеличивалась, но в то же время из окон немилосердно дуло. Ежедневное чтение уставов надоело до того, что на них уже и глядеть не хотелось, одним словом, было худо! Но всему приходит конец. Кончилось и это нудное пребывание в карантине.

Однажды, после переклички, которая теперь длилась около часа, так как в казарме собралось более пятисот человек, начальник команды, политрук Розанов объявил:

– Выходите, стройтесь по четыре на плацу. Сейчас пойдём садиться на поезд и отправимся в наш полк.

Где находится этот 5-й Амурский полк, никто из призывников не знал. Сколько времени придётся ехать, тоже было неизвестно. Но все были рады уже и тому, что наконец-то покинут это ненавистное здание карантина.

После того, как колонна по четыре усилиями трёх командиров отделений и нескольких красноармейцев была, наконец, построена, Розанов встал во главе её, и она тронулась в путь. Несмотря на все старания шедших по сторонам красноармейцев, новобранцы беспрестанно сбивались с шага, путали ряды, и их толпу колонной можно было назвать только

условно. Вид они имели довольно плачевный: обутые кто во что горазд, в помятой грязной одежде, давно не стриженные, а кое-кому нужна была и бритва, они очень мало походили на славных красноармейцев, не раз виденных ими в кинофильмах, на парадах или просто на марше. Это было понятно и так, а ещё более – по жалостливым взглядам встреченных прохожих, которые сразу же отворачивались и старались пройти побыстрее.

Но вот, наконец, и поезд. Он состоял из вагонов четвёртого класса и, хотя в каждый вагон погрузили предельное число людей, всё же они, по сравнению с карантинной казармой, показались им дворцами. Сразу же после погрузки эшелон тронулся в путь. Алёшкин и его друзья успели залезть первыми и занять верхние полки. Эшелон состоял из 15 вагонов, и в него были погружены ещё две таких же колонны, пришедшие из других казарм. Поезд проследовал станцию Хабаровск и направился далее на запад. Все терялись в догадках, куда же их везут, но и начальник эшелона, и красноармейцы, сопровождавшие новобранцев и на каждой станции оцеплявшие эшелон, хранили по этому поводу упорное молчание.

Проехали Биробиджан – маленькую станцию, около которой, как говорили, начинала образовываться какая-то еврейская не то республика, не то область. Поздно ночью проехали станцию Завитая. Наши друзья после этого решили, что их везут на станцию Манчжурия, откуда, по слухам, по китай-

ским войскам ожидался решительный удар. Но утром следующего дня эшелон подошёл к городу Благовещенску, расположенному на слиянии рек Зея и Амур, причём последняя являлась естественной границей с Китаем. Эшелон поставили на один из запасных путей в стороне от здания вокзала, где его прибытия ждала группа командиров и красноармейцев.

Когда прибывшие выгрузились из вагонов, их построили – каждую колонну отдельно, как они жили в карантине. Оказалось, что колонны предназначены для определённых полков, расквартированных в Благовещенске. Та, в которой находился Борис со своими товарищами, предназначалась на пополнение 5-го Амурского стрелкового полка, средняя – на пополнение 6-го Хабаровского стрелкового полка, а самая маленькая – для 2-го артполка. Все эти полки входили в состав 2-й Приамурской ОКЗ и ОТЗ дивизии. В неё входил и ещё один – 4-й Волочаевский полк, находившийся в г. Хабаровске.

После построения новобранцев и доклада начальников команд о благополучном прибытии стоявшие на перроне командиры посовещались, разделились и направились к колоннам. У каждого из них находился список новобранцев, они выкликали обозначенных в списках, строили их по четыре человека в ряд, а по окончании уводили куда-то в город.

Через некоторое время командир, читавший список, в который попали Борис Алёшкин и его друзья, построив ото-

бранную группу, повёл их через весь город к видневшимся вдалеке казармам. Большая часть пути проходила по главной улице города, и командир, ведший колонну, в которой было немногим более ста человек, видимо, очень смущался как довольно-таки неопрятным и разношёрстным видом своих подчиненных, так и их неумением ходить в строю. Вероятно, именно поэтому он старался идти как можно быстрее, а шедшие во главе и в хвосте колонны командиры отделений всячески побуждали новобранцев не отставать. Однако новобранцы были обременены чемоданами и другими вещами, да к тому же быстро шагать строем не умели. Когда они пришли на плац, чрезвычайно похожий на тот, который они ежедневно видели на Второй Речке, то почти все были мокрыми от пота и покрытыми слоем пыли. Командир, приведя и остановив колонну около казармы, сказал:

– Товарищи, вы прибыли в расположение 5-го Амурского стрелкового полка. Вот в этой казарме на втором этаже вы будете жить и нести службу. Все вы, как имеющие среднее и высшее образование, зачислены в роту одногодичников, то есть будете служить в Красной армии один год, после чего сдадите экзамены на звание командира взвода и будете или уволены в запас, или зачислены в кадры командного состава Красной армии. Рота одногодичников, которую вы сменяете, успешно закончила обучение, досрочно сдала экзамены и сейчас в качестве командиров взводов и даже помощников командиров рот вместе с основным кадровым составом пол-

ка доблестно сражается и громит белокитайцев во всех пунктах, где им приходится сталкиваться, среди них есть люди, которые проявили себя как герои. Я надеюсь, что вы будете на них похожи и не посрамите традиций нашего славного 5-го Амурского полка. Я командир первого взвода вашей роты Новиков, с остальными командирами взводов, командиром роты товарищем Константиновым и политруком Серебряковым вы познакомитесь позднее. Сейчас вами займётся старшина роты и младшие командиры. Пока до свидания, – после этих слов командир приложил руку к фуражке, повернулся и ушёл.

К выстроенной группе новобранцев подошёл худенький, среднего роста, с рыжеватыми волосами, веснушчатый младший командир, у которого в петлицах была целая «пила» из четырёх треугольников. Он сказал неожиданно резким и как будто сердитым голосом, с сильным украинским акцентом:

– Я старшина первой роты Белобородько. У меня щоб был усегда полный порядок, понятно? Стоишь у строю – не шевелись, руками не болтай, смотри на командира и слухай его команду. Вот вы, длинный, чернявый, – обратился он к Штофферу, – я усем говорю, а у том числе и вам! Не вертитесь, не качайтесь, як верба на ветру... – и, заметив попытки Штоффера что-то сказать, ещё более сердито и резко добавил, – А у строю разговаривать не положено! Стой, мовчи и слухай, понятно?! Зараз я зачитаю списки по взводам, а затим помощники командиров взводов разберут свои взводы

и займутся с вами дальше, от так!

И он начал своим резким голосом выкликать список первого взвода, куда по счастливой случайности попали почти все наши друзья. Названные должны были отходить в сторону, где стоял их помкомвзвода – младший командир с тремя треугольниками в петлицах, и снова становиться в колонну по четыре. Таким же образом были отобраны и два других взвода.

Рядом с помкомвзвода Никитиным – спокойным, высоким, ладно скроенным и, очевидно, физически сильным, с внимательными голубыми глазами, доброй улыбкой и чуть вьющимися, коротко остриженными каштановыми волосами стояло четыре младших командира, каждый с двумя треугольниками в петлицах. Никитин представил их новобранцам:

– Вот это ваши самые главные непосредственные начальники – командиры отделений. Они первые будут вас обучать нелёгкой службе красноармейца и не только словами, но и своим личным примером и показом. Они не имеют такого образования, как вы, но все они с отличием окончили полковую школу и обязанности красноармейца знают хорошо. Вам многому у них придётся научиться, – сказал Никитин приятным грудным голосом.

Затем каждый командир зачитал список своего отделения. Вместе с Борисом попали Беляков и Шадрин, остальные из их товарищей распределились в другие отделения.

Командиром первого отделения оказался светловолосый, сероглазый крепыш Евстафьев. По-видимому, он был ярым и старательным службистом. Одной из его привычек, как это сразу же заметил Борис, было стремление постоянно поправлять свою гимнастёрку и уничтожать на ней малейшие складки, возникавшие при движении около туго затянутого ремня. Для этого Евстафьев то и дело засовывал большие пальцы под ремень, и, проводя ими спереди назад, убирал складки.

Отозвав своё отделение в сторону и построив его в шеренгу, Евстафьев сказал:

– Сейчас пойдём набивать матрасы и подушки, затем зашьём их и сложим в коридоре. После этого пойдём в баню, получим обмундирование, помоемся и пострижёмся, – и совсем другим голосом добавил, – не расходиться! Стоять вольно!

Взяв с собой Шадрина, стоявшего на левом фланге шеренги, Евстафьев зашёл с ним в казарму. Они вернулись минут через десять, нагруженные сшитыми из ряда мешками под матрацы и подушки, кроме того, Евстафьев нёс большой клубок толстых суровых ниток, из которого торчало несколько иголок. Подойдя к строю отделения, в котором кроме Шадрина было ещё восемь человек, Евстафьев раздал каждому по большому мешку для матраца и по маленькому – для подушки.

– Сейчас пойдём вон к той скирде соломы и набьём мат-

расы и подушки... Стойте, стойте! – закричал он, заметив, что кое-кто из его отделения уже направился было к скирде. – Теперь, товарищи бойцы, ходить вы будете только по команде, когда вам разрешат. Становись! – громко крикнул он, и вытянул руку.

Как-то интуитивно все поняли, что встать надо в одну шеренгу по направлению вытянутой руки командира. Когда шеренга построилась, Евстафьев оглядел её, затем переставил кое-кого так, чтобы все стояли строго по росту. Правофланговым оказался самый высокий – Беляков. Шадрин, как самый низкий, встал на левый фланг, а Алёшкин очутился где-то в середине.

Закончив установку по росту, Евстафьев сказал:

– Вот так всегда и будете становиться. Каждый внимательно запомните своё место, – затем он снова зачем-то закричал, – Равняйся! Смирно! Направо-о!

Его подчинённые довольно нескладно и, во всяком случае, не одновременно повернулись направо, и шеренга превратилась в колонну по одному, как тут же объяснил Евстафьев.

– Шагом марш! – снова крикнул он, становясь впереди, и тише добавил, – За мной.

После этого отделение, наконец, отправилось к скирде, где уже копошились новобранцы других взводов и отделений, старательно набивая, как вскоре выяснилось, свежей соломой постельные принадлежности.

Около часа было затрачено на набивку, зашивание и переноску матрасов в коридор у входа казармы. Всё это время личные вещи новобранцев лежали кучками на плацу. После того как отделение управилось с этим делом, Евстафьев вновь построил его, приказав предварительно забрать свои вещи. Затем, опять по его же команде, новобранцы направились к приземистому кирпичному зданию, стоявшему немного в стороне от выстроенных ровными рядами двухэтажных казарм. Как оказалось, это была гарнизонная баня. К тому моменту, когда отделение Евстафьева подошло к бане, около неё стояло уже два отделения разных взводов. Разрешив своим бойцам стоять «вольно», Евстафьев подошёл к другим «отделенным», стоявшим в стороне небольшой группой, с ними же стоял и старшина роты. Поговорив с ними, Евстафьев вернулся к своим и сказал:

– Мы опоздали – долго прокопались с матрацами. Баню заняла рота одногодичников 6-го полка, теперь будем ждать, пока помогутся они. Вот, запоминайте: если будем копать, всегда придётся ждать или неприятности получать! Ну, да вы у меня ещё молодцы, хотя и не первые управились, а большинство всё ещё копается...

И странное дело, Борис и его товарищи почувствовали, что эта скупая похвала из уст какого-то Евстафьева наполнила их приятной гордостью, и они признали, что командир отделения хорош. Но их благостные размышления прервал внезапный окрик Евстафьева:

– Отделение, смирно! Равняйся! Вольно, разойдись, можно курить.

Борис и Беляков медленно отошли от строя, который как-то нехотя разбрехался в стороны. Остальные отделения получили такую же команду. Вскоре около бани образовалось много кучек людей, обсуждавших свои впечатления от первых минут пребывания в 5-м Амурском полку. Пока эти впечатления были не очень отрадными, по крайней мере, в группе, которую образовали знакомые нам ребята: Алёшкин, Беляков, Шадрин, Штоффер, Ротов и Колбин. Пашка Колбин возмущался:

– Что это они на нас всё время кричат: «становись, разойдись, равняйся»? Слова какие-то дурацкие! Неужели нельзя сказать это попонятнее, спокойно, без крика? Как будто мы не люди, а какие-то животные!

Его перебил Петька Беляков. Он, как успели заметить его друзья, отличался прямоотой и какой-то рациональностью суждений:

– А ты, Павлин, что думал, тебе тут все «пожалуйста», да «будьте любезны» говорить будут? Это армия, здесь главное – приказ. А приказ – он и есть приказ, его криком подавать надо, чтобы всем слышно было. Запомни, Павлин, теперь на весь этот год ты не штатский человек, а боец, красноармеец, значит. Вот так-то!

Конечно, такое объяснение Колбина удовлетворить не могло, и он пустился в спор, доказывая что-то об уважении

личности и т. п. Между тем рядом Яков Штоффер с обидой говорил Ротову и Шадрину:

– Ничего я в этой службе понять не могу... Ну, повернулся я, чтобы посмотреть на тебя, а он кричит: «Не вертись!» Я ему объяснить хочу, что я не верчусь, а только посмотреть хотел, он кричит: «Молчать! В строю не разговаривать!» Я опять хочу объяснить, что я не разговариваю, а только ответить хочу, и для убедительности рукой показываю, а он ещё пуще рассвирепел и совсем уж заорал: «Вы где – в строю или на гулянке? Что вы руками, как мельница крыльями, машете? Смирно! И никаких разговоров!» Нет, братцы, боюсь, что год я не выдержу...

Сетования Штоффера вызвали смех у его слушателей, хотя в душе эти первые часы их службы и им показались непонятными и трудными. Борис, не принимавший участия в этих беседах и куривший уже подряд вторую папиросу, сосредоточенно думал: «И долго у нас будет тянуться такая волянка? Я-то думал, с китайцами пойдём сразу воевать. Эх, поскорее бы эти формальности кончились, а там уж, наверно, отправят нас на позицию – туда, где находится основная часть полка».

Тем временем к бане подходили всё новые и новые отделения, и вскоре собралась вся рота. В этот момент отворились двери бани, и из неё вышли нестройной толпой красноармейцы. Алёшкин и его товарищи догадались, что это и была рота одногодичников 6-го полка. Все они были одеты в

новые х/б гимнастёрки, такие же штаны, кирзовые сапоги и фуражки. У многих обмундирование явно не соответствовало росту, топорщилось во все стороны и сидело на молодых людях так, что они никак не походили на своих ловких командиров отделений, а выглядели как будто нарочно нелепо переодетыми артистами самодеятельности. Колбин не удержался и довольно громко произнёс:

– Ну и чучела! Неужели и мы такими же будем?! Это не красноармейцы, а какой-то хор братьев Зайцевых (тогда на эстраде подвизались артисты, одетые бродягами, выглядевшие вообще очень нелепо, они пели хором злободневные куплеты и назывались «хор братьев Зайцевых»).

Вышедшие из бани по команде старшины построились в колонну по четыре и зашагали к своей казарме, находившейся на противоположном конце двора. И странное дело – как только рота построилась, и её бойцы, стараясь идти в ногу, зашагали, вся разрозненная мешковатость и неуклюжесть каждого из них, стоявшего отдельно, так бросавшаяся в глаза, куда-то исчезла, и все вместе они выглядели довольно стройной колонной, мало чем отличавшейся от красноармейцев, виденных ребятами раньше.

– Вот что значит строй, – глубокомысленно сказал Беляков, но развить свою мысль ему не удалось, так как теперь уже их старшина Белобородько крикнул:

– Становись по отделениям в колонну по два!

С некоторой суетой и толкотнёй, которая, однако, уже бы-

ла меньше, чем при первом построении, каждый встал за своим командиром отделения в том порядке, какой им был указан ранее. Конечно, не обошлось и без недоразумений: Яков Штоффер забыл, где стоит, и несколько мгновений тыкался в разные места, пытаясь втиснуться хоть куда-нибудь, чем, конечно, опять вызвал окрик старшины, и лишь после этого нашёл своё место. По новой команде старшины все вошли в большой предбанник и разместились на длинных широких скамейках, расположенных вдоль стен. Командиры отделений, посадив своих людей, вышли, а старшина встал посреди предбанника:

– Товарищи красноармейцы, сейчас разденьтесь, усе свои вещи аккуратненько уверните и положите в свои чемоданы или свяжите в узлы. К каждому узлу приложите записку, у ней пишите: первая рота, взвод, отделение, хвамилию, имя, отчество. Вещи пойдут у камеру дезинхвекции, потом на склад. С собой оставьте зубную щётку, порошок, мыло, кружку и ложку.

Когда все разделись и сделали со своими вещами всё, что было приказано старшиной (с записками, конечно, произошла кутерьма: у одних не было карандашей, у других бумаги, и пока все раздобыли необходимое, старшина ходил и сердито поторапливал задержавшихся), он отдал следующую команду:

– Все постриженные могут идти мыться, а у кого волосы длинные, подходите к парикмахерам.

В одном углу предбанника стояло пятеро красноармейцев, одетых в белые халаты и вооружённых машинками для стрижки. Перед каждым из них стояла табуретка, вокруг которой уже громоздились кучи волос самых разнообразных оттенков. Алёшкин, Беляков и некоторые другие, в преддверии службы в армии ещё во Владивостоке постриглись наголо. За время карантина их волосы немного отросли, однако, не превышали установленной (неизвестно кем) нормы в 1 см, зато у Колбина, Штоффера и многих других имелись настоящие причёски, которыми они гордились. Кое-кто из них обратился к старшине с просьбой, чтобы он разрешил постричься завтра в настоящей парикмахерской, и не совсем наголо, но Белобородько даже удивился подобным просьбам, его ответ был таков:

– Ну, чистая антиллегенция! Да вы шо, не понимаете, что вы не к теще у гости приехали, чи що? Тут армия, понятно? Усё должно быть по хворме! Усе красноармейцы должны быть пострижены. Вот будете командирами, аль бо хотя бы сверхсрочниками, от як я, тогда носите себе причёску, а зараз стричься, и без разговоров! Швидче, а то ведь нас друга рота жде! Ну, антиллегенция, ни якого понятия! – продолжал возмущаться старшина.

Не прошёл номер и у тех, которые думали избежать стрижки без разрешения и тайком проскользнуть. Перед мыльной стоял один из помкомвзводов и внимательно осматривал каждого проходящего, и если, на его взгляд, во-

лосы на голове выглядели длиннее установленной нормы, он немедленно возвращал его к парикмахерам.

В мыльной полуголый красноармеец раздавал каждому входящему по маленькому куску серого, неприятно пахнувшего мыла и новой мочалке, сделанной из рогожи. При этом он говорил:

– Мыло трать всё, если останется обмылок, бросай в ящик при выходе, а мочалку вымой, возьми с собой, будешь потом в баню брать. Подходи к душу!

Возле стен мыльной было установлено штук 60 душевых сосков, из которых беспрерывно лилась вода. Температура воды была одинаковая во всех душах, и если одним она казалась слишком горячей, а другим прохладной, исправить её по своему желанию было невозможно, приходилось приспособливаться. Борису это мытьё далось с трудом – он не любил горячей воды, а из душа лилась такая, что от неё шёл пар. Он не мог стоять под душем, а лишь запрыгивал под него на короткое время, затем выскакивал, мылился, тёрся мочалкой, затем снова заскакивал и наскоро смывал мыло, так повторил несколько раз. Зато находившийся рядом с ним Петька Беляков мылся с настоящим блаженством. Он не вылезал из-под душа и лишь временами восклицал:

– Ух, хорошо! Вот ладно! Маленько бы погорячее!

Но, оказывается, и в мытьё был свой порядок. Едва Борис успел намылиться второй раз, как послышалась команда. Резкий голос старшины прозвучал очередным криком:

– Кончай мыться! Через две минуты воду отключаю!

Все заторопились смывать мыло с головы и тела, но кое-кто сделать этого так и не успел, а души, словно по мановению волшебной палочки, вдруг одновременно перестали давать воду.

В противоположных дверях мыльной показался один из помкомвзводов и скомандовал:

– Выходи одеваться!

Он внимательно осматривал каждого выходящего, и если замечал на нём следы мыла, то оставлял его в мыльной. Таких набралось человек десять, и, как потом стало известно, старшина им всем устроил основательный разнос.

Выйдя в чистый предбанник (уже потом Борис узнал, что в армейской бане всегда должны быть два предбанника – грязный, где раздеваются, и чистый, где одеваются), как и другие бойцы, он получил кусок бязевой ткани – полотенце, которым должен был вытереть тело. После использования полотенце бросали в большую бельевую корзину, стоявшую в углу предбанника. Вытершись, все подходили к небольшому прилавку, становились в очередь и под руководством появившихся командиров отделений получали бельё, обмундирование и сапоги.

Борис удивился, насколько точно определял размеры их командир отделения. Окинув беглым взглядом подчинённого, Евстафьев говорил кладовщику не совсем понятные нашим новичкам слова. Например, взглянув на Алёшкина, он

объявил:

– Этому бельё – третий, гимнастёрку – третий, шаровары – четвёртый, фуражку – 56, сапоги – четвёртый полный.

По мере того, как он говорил, кладовщик доставал из различных связок, лежавших на полках, названные предметы и довольно небрежно бросал их на прилавок. Когда ворох одежды был собран, кладовщик – старшина, услышав размер обуви, недоверчиво поглядел на Евстафьева, затем на Бориса, перегнулся через прилавок и зачем-то посмотрел на ноги Алёшкина. Слегка присвистнув, одобрительно хмыкнул, обращаясь к Евстафьеву и, отвернувшись куда-то в угол, долго перебирал кирзовые сапоги, пока, наконец, нашёл, как показалось Борису, самую огромную пару. Поставив её на прилавок, он оторвал два куска бязи и два куска фланели, примерно в пол-аршина ширины и в аршин длиной, и бросил их всё на ту же кучу одежды, затем около неё он положил два ремня: узенький, матерчатый – брючный и широкий кожаный. Кроме того, он принёс откуда-то из-за полка и положил рядом с одеждой шинель. Евстафьев обернулся к Алёшкину и сказал:

– Одевайтесь! Я подойду, посмотрю потом, – и занялся подбором одежды и обуви для Белякова, стоявшего в очереди за Борисом.

С трудом забрав огромную охапку одежды и сапоги, Борис начал одеваться. Надев бельё, он ещё раз удивился глазмеру Евстафьева – всё оказалось ему точно впору, лишь брю-

ки были немного длинны. Однако он со временем оценил предусмотрительность командира: после первого же проливного дождя, под который ему пришлось попасть, брюки сели, и если бы они были взяты точно по росту, то стали бы малы.

Борис заканчивал одеваться, когда к нему снова подошёл Евстафьев:

– Портянки завёртывать умеете?

Когда Борис кивнул головой, он продолжил:

– Ну, обувайтесь.

Борис давно носил сапоги, завёртывать ногу портянкой его научил ещё папа, но здесь, под пристальным взглядом Евстафьева, ему это дело показалось необычайно трудным. Но, очевидно, он с ним справился неплохо, так как Евстафьев удовлетворённо сказал:

– В общем, ничего, скоро совсем научитесь.

Однако у многих товарищей Бориса дело с портянками обстояло совсем плохо. И если Беляков и Шадрин обернули ноги портянками не хуже, а, может быть, даже и лучше его, то другие – в большинстве своём жители городов, не носившие сапог, а тем более с портянками, провозились с этим предметом одежды чуть ли не полчаса и, так и не сумев овладеть техникой «этой проклятой обувки», кое-как обмотав ноги, засунули их в сапоги.

С Яковом Штоффером дело дошло до того, что его командир отделения, всюю ругая этих никуда не годных интеллигентов, заматывал ему портянки собственноручно. Нетерпе-

ние этого отделенного было понятно: уже давно пришло время обеда, а солдатские желудки так привыкают к еде по часам, что не дают покоя своим хозяевам, когда пора завтракать, обедать или ужинать.

Наконец, все были готовы, по команде старшины вышли на улицу, держа под мышками чистое полотенце, вторую пару белья, тёплые портянки и шинель. Старшина вновь построил роту в две шеренги, прошёлся вдоль них и, очевидно, оставшись довольным происшедшими с новобранцами переменами, благодушно разрешил одному из помкомвзводов отвести роту обедать.

Каждый красноармеец держал в руке взятую из дому кружку, а ложка, по указанию опытных отделенных, была заткнута за голенище сапога. Правда, последнее врачами полка запрещалось, но обычай носить ложку за голенищем так прочно укоренился в армии, что уничтожить его было непросто, тем более что и младшие командиры его поддерживали.

Перестроившись по четыре, рота направилась к большому одноэтажному зданию, расположенному в середине казарм, занимаемых полком, это была столовая с кухней (в отличие от бани столовая в каждом полку была своя). Перед входом в помещение роту снова перестроили по два. Когда бойцы вошли внутрь, то увидели перед собой большой зал («как в шкотовском клубе», – подумал Борис), уставленный длинными узкими столами, около которых стояли такие же длинные скамейки. Столы были некрашеные и, видимо, только

что вытертые после предыдущей партии обедающих, лоснились от жира. Свободных столов оказалось 12 – как раз для роты. Остальные столы были заняты красноармейцами, старательно уплетавшими свои порции.

На свободных столах горкой стояли миски, на огромном деревянном блюде лежал нарезанный пайками ржаной хлеб. Хлеб, очевидно, предварительно взвешивался, потому что в некоторых порциях, кроме больших, были ещё и маленькие кусочки, прикреплённые к большим лучинками. Посредине стола стояла деревянная солонка с крупной солью.

Приведший роту помкомвзвода рассадил всех за столы по отделениям. К этому времени в столовую вошли командиры отделений, забежавшие в казарму за кружками и ложками, и старшина Белобородько. Командиры сели каждый к своему отделению. Раздали миски и разрешили разобрать хлеб. К этому времени рабочие кухни, тоже красноармейцы, разнесли большие кастрюли с аппетитно пахнувшим борщом, и расставили их по столам. В каждой бачке (так назывались эти кастрюли) торчала большая разливательная ложка. Командир отделения сам разлил борщ по мискам. Старшина, наблюдавший всю эту процедуру, как только бойцы приступили к еде, заговорил своим резким голосом:

– Так увот, есть треба по команде. Самим без разрешения на столах ничего не брать. Вперёд знайте – садиться на скамью до команды отделенного нельзя. Во время приёму пищи не разговаривать, добавку получать тихо, ложками не

стучать. Когда будет дадена команда «встать», вставать, забирать свои ложки и кружки. Успел или не успел съесть – это нас не касается, хороший боец должен успеть! Плохой – пусть ходит голодный, ясно?

Пока старшина говорил, Алёшкин, умевший есть быстро, уже справился со своей порцией, не отставал от него и Беляков. Евстафьев, заметив, что они уже управились, ухмыльнулся и тихо спросил:

– Добавки дать?

Они оба молча кивнули головами и протянули свои миски: борщ был очень вкусным и ни в какое сравнение не шёл с теми жидкими и холодными супами, которыми их потчевали в карантине.

Ещё не все покончили с первым, как те же «рабочие» появились с новой, почти такой же по размеру кастрюлей, наполненной гречневой кашей, и маленькой кастрюлькой, в которой лежали куски мяса, покрытые каким-то коричневым соусом. Несмотря на добавку, Борис и Пашка были опять в числе первых. Евстафьев положил воткнутой в кашу ложкой каждому из них солидную порцию каши, а другой ложкой из маленькой кастрюли достал по куску мяса и полил всё это соусом. Было непривычно управляться с довольно большой порцией мяса без вилки и ножа, но пришлось приспособливаться. Тем временем на каждый стол поставили медный чайник с крепким чаем, но без сахара. Чай наливал каждый себе сам, однако большинство его выпить не успели: раз-

далась команда старшины:

– Встать, выйти из-за столов! В колонну по два. К выходу шагом марш!

Тем, кто чай допить не успел, пришлось спешно вылить его в пустые миски.

От столовой до казармы, в которой размещалась рота одногодичников, было всего около ста шагов. Когда строй вошёл в коридор, поднялся по лестнице и оказался внутри казармы, новобранцы были приятно поражены. Многие из них, в том числе и Борис, полагали увидеть казарму такой же мрачной, с теми же нарами, как в карантине. Но всё оказалось не так. Помещение было чисто убрано, стены и потолок побелены известью, шесть чёрных, круглых, обшитых железом печей предназначались для отопления. Большие окна были распахнуты настежь, всё помещение залито солнцем. На стенах висели плакаты и портреты Ленина, Маркса, Энгельса и, тогда мало ещё кому известное изображение Сталина.

В середине казармы находился широкий – шагов шесть – проход, а по периметру стояли солдатские койки по две в ряд с каждой стороны, головами друг к другу. Место между койками занимали тёмно-коричневые тумбочки. Когда рота, возглавляемая старшиной, остановилась, он скомандовал, чтобы все повернулись, и тогда из колонны образовались две неровные шеренги. Старшина укоризненно посмотрел на своих подчинённых, покачал головой и скомандовал:

– Командирам отделений развести бойцов по койкам, принести матрасы и заправить койки, остальные постельные принадлежности получить у меня и раздать бойцам. Сейчас 15:00, управиться к 16:00, пойдём получать снаряжение.

После этого каждый командир отделения повёл своих бойцов к назначенному им месту и показал каждому его койку. Алёшкин был в первом отделении первого взвода, и поэтому его койка и койка Белякова оказались самыми крайними к противоположной от входа стороне. Далее размещались койки их товарищей.

Пока бойцы со смехом и гомоном (молодость брала своё) тащили наверх матрацы и подушки, похожие у некоторых на какие-то бесформенные колбасы, командиры отделений получили в каптёрке старшины наволочки, простыни и одеяла. Всё это раздали бойцам, и каждый командир отделения, заправляя свою койку с таким же соломенным матрацем и подушкой, объяснял, как это нужно делать. Оказалось, что заправка койки – дело сложное, требующее умения, старания и ловкости. Многим оно далось не сразу, в том числе порядочно помучился и Борис Алёшкин, который, как известно, в этом отношении аккуратностью не отличался. А тут требовалось, чтобы нижняя простыня, аккуратно обхватив соломенный тюфяк, закрывала его так, чтобы ни с одной стороны не была видна мешковина. Вторая простыня, которая служила пододеяльником, должна была складываться, чтобы в ногах каждой койки поверх одеяла выступали совер-

шенно одинаковые её концы шириной 15 см. Само одеяло должно было покрывать койку так, чтобы свешиваться ровно на 20 см от пола с каждой стороны, а посередине койки из него образовывалась бы ровная прямая складка. Естественно, что никаких поперечных морщин на одеяле не допускалось. Положенная в головах подушка уголками своей наволочки должна была образовывать идеальный квадрат и лежать совершенно ровно.

Долго пыхтели бедолаги-новобранцы, стремясь привести свою койку к такому же совершенному виду, какой имели койки командиров отделений, но в первый день это им так и не удалось. Пришедший в 16:00 старшина, посмотрев на их работу, только головой покачал, а когда по его команде рота построилась, сказал:

– Эх, антилигенция, койку заправить – и то не умеете! Що я з вами только делать буду? Получим снаряжение, и до ужина будем тренироваться в заправке коек. Напра-во! Шагом марш!

На складе на каждого бойца уже завели ведомость. Алёшкин по алфавиту был первым, первым и получил два новеньких кожаных подсумка, противогаз, медный котелок, вещевой мешок, стеклянную флягу, обшитую суконным футляром с лямкой для надевания через плечо, маленькую лопатку в кожаном футляре, красную звёздочку с золотыми серпом и молотом, которую он должен был укрепить на фуражке. То же самое получили и все остальные.

Вернувшись в казарму, по распоряжению командиров отделений все положили звёздочку, подсумки, мешок, флягу и котелок в тумбочку у кровати. Противогазы повесили в специальный шкаф, предварительно написав на внутренней стороне клапана сумки свою фамилию и инициалы, а лопатки засунули рукоятками в специальную стойку, тоже написав свою фамилию на чехле. После этого снова принялись за порядком-таки осточертевшую работу по застиланию коек.

Некоторым, в том числе и Борису, пришлось перестилать не менее 12 раз, пока командир отделения решил показать его койку старшине. Конечно, тот остался недоволен: нашёл какую-то еле заметную складочку, и заставил вновь перестилать.

Наконец, к ужину удалось добиться в этом деле относительного порядка, но все измучились так, как будто перепилили воз дров. Поужинав кашей, которую запили всё тем же несладким чаем, после возвращения в казарму новобранцы, наконец-то, получили небольшую возможность отдохнуть. Старшина объявил, что до вечерней поверки (до 21 часа) все свободны и могут заниматься кто чем хочет. Помкомвзвода и командиры отделений были им собраны в его комнате, а измученные бойцы собрались в «солдатском клубе» – уборной. Вдоволь накурившись там, пользуясь свободным временем, бойцы разошлись по казарме – выходить из неё было запрещено. Вместе с другими стали осматривать достопримечательности своего нового жилья и наши знакомые.

Между прочим, в будущем четыре друга – Алёшкин, Беляков, Колбин и Шадрин в течение всей последующей службы были постоянно вместе, тем более что при распределении они попали не только в один взвод, но трое из них и в одно отделение.

Конечно, в процессе этого осмотра, знакомясь с ленинской комнатой, библиотекой, классными комнатами и вообще всем тем, что мы постарались изобразить на прилагаемых схемах, наши друзья обменивались впечатлениями не только об увиденном, но и об испытанном в первый день своего пребывания в полку. Прежде всего, они обменялись мнениями о своём внешнем виде. Все нашли, что Колбин и Шадрин в новом обмундировании выглядят как нельзя лучше, и что по виду их нельзя отличить от старых красноармейцев, встречавшихся во дворе. Немного посмеялись над довольно нескладной фигурой Белякова, которому гимнастёрки по росту так и не удалось подобрать, и поэтому рукава той, которую ему выдали, едва закрывали руки ниже локтя. В отношении Алёшкина пришли к выводу, что хотя он не отличался такой стройностью и подтянутостью, как Колбин или Шадрин, но всё же выглядел в военной форме сносно. Невольно вспомнили совершенно нелепый вид многих из так называемых антилигентов, в особенности Яшку Штоффера, на котором форма висела как на вешалке, тонкие ноги болтались в широких голенищах сапог, а пряжка ремня всё время сползала куда-то вниз, чуть ли не на ширинку брюк.

Затем Колбин, как самый бойкий и острый на язык, сказал:

– Знаете, друзья, ведь это только один день нашей службы проходит, впереди ещё целый год. Ни о каких боях с китайцами пока и разговора нет... Это что же? Нас так и будут каждый день муштровать: пойди туда, пойди сюда, стой, повернись, разойдись? Я, братцы, наверно, не выдержу...

Все ему сочувственно поддакивали, но Беляков, как более взрослый (он был старше других лет на пять, имея отсрочку как железнодорожник) заметил, что в армии, в том числе и в Красной, нужны порядок и дисциплина, а потому приходится выполнять все эти бездельные, на первый взгляд, команды. Колбин, выслушав это замечание, только недовольно фыркнул. Но ни он, ни остальные из этой компании и вообще из всей роты одногодичников даже и не представляли, что всё, что им довелось испытать в этот первый день, – только первые и, пожалуй, самые маленькие цветочки, а ягодки – весьма невкусные – ещё впереди. Пока настоящая муштра ими не испытана.

За разговорами, разглядыванием различных плакатов и картин, развешанных на стенах комнат, время прошло незаметно. Для всех оказался неожиданным громкий голос какого-то отделенного, скомандовавший:

– На вечернюю поверку становись!

Командиры отделений, будто её и ждали, бегом прибежали на свои места, недовольно поглядывая на медленно под-

ходивших и неторопливо встававших в строй бойцов. Никто из красноармейцев не заметил, что в момент подачи команды рядом с дежурным стоял старшина с большими карманными часами в руке. Когда все, наконец, построились (последним опять был Штоффер, всё ещё не умеющий находить своё место в строю), дежурный вновь скомандовал:

– Направо, равняйся, смирно! – затем подошёл к старшине, приложил руку к козырьку фуражки (у него и у дневальных, несмотря на то, что они находились в помещении, были на голове фуражки) и громко отрапортовал:

– Товарищ старшина! Первая рота на вечернюю поверку построена, докладывает дежурный, командир Петров.

Старшина, тоже в фуражке, как-то небрежно козырнул и громко сказал:

– Вольно!

Дежурный повернулся к строю и повторил эту команду. Старшина неторопливым, но очень красивым пружинистым шагом прошёл к середине строя. Рота была построена в две шеренги и занимала в длину почти всё пространство жилой части казармы. Повернувшись лицом к строю, слегка расставив ноги, старшина стал держать речь. В течение года таких речей и Борис, и его сослуживцы наслушались очень много, но эта, первая, ему особенно запомнилась.

– Вот што, товарищи антилигенты. Вы свои антилигентские привычки давайте заховаем. Тут вам не институт и не верситет, тут армия. Красная (он говорил Храсная) армия!

И потому всякие там штучки-дрючки делать не позволено. Во-первых, каждый боец должен иметь вид бравого красноармейца.

Кстати сказать, старшина, несмотря на свои 30–32 года, был строен, подтянут и ловок во всех движениях, как какой-нибудь цирковой артист – это сравнение не наше, а Бориса Алёшкина, поэтому мы за него не отвечаем.

– Ремень надо затянуть так, чтоб под него нельзя было и пальца подоткнуть, складки гимнастёрки все сдвинуть назад. Сапоги всегда должны быть начищены, усе пуговицы застёгнуты. Во-вторых, команды надо исполнять быстро, чётко, без раздумий, а вы что?! На вечернюю поверку становились пять минут, а должны встать за полминуты, ясно? И я от вас этого, хоть вы и антилигенция, а добьюсь! По команде «равняйся» смотри в грудь четвёртого человека, голову не нагибай, живот не выпячивай, на месте не топчись. По команде «смирно» замри, как неживой, не шевелись! Ну вот, пока усё.

Старшина говорил довольно спокойным, даже монотонным голосом, как будто читал вслух давно надоевшую, удивительно простую и совершенно понятную каждому, даже самому глупому человеку, книгу, которую, ввиду полного незнания её подчинёнными, ему всё-таки приходится вновь и вновь повторять. И, вдруг, совершенно неожиданно, Белобородько рявкнул таким громким голосом, что все вздрогнули:

– Равняйся!

Он прошёл к правофланговому командиру первого отделения Евстафьеву и, глядя вдоль строя, уже более спокойным тоном стал говорить:

– Васильев, в вашем отделении кто-то завалился назад. Так, вперёд, хорошо. Петров, кто у вас там брюхо выпятил, убрать! Штоффер, а вы куда на полшага вперёд выползли? Не шевелись, руками не болтать!

Затем он таким же образом выровнял вторую шеренгу. На это ушло около пяти минут и, пожалуй, только тут, впервые в жизни, Борис понял, как трудно стоять в строю. Эти минуты напряжённого неподвижного стояния, с головой, повернутой направо, казались вечностью. Потом он узнал, что то же самое испытали и его товарищи.

Старшина же, закончив равнение строя, неторопливо вернулся к его середине и вдруг вновь рявкнул:

– Смир-р-на! И не шевелись!

Продержав в этом положении строй пару минут, он опять-таки неожиданно крикнул:

– Разойдись!

Многие даже и не поняли эту команду и отупело стояли на месте, и лишь подталкиваемые своими командирами отделения, они, наконец, уяснили, что надо куда-нибудь уйти. Когда все разбрелись по казарме, надеясь, что всё уже закончено, вдруг вновь загредел голос старшины:

– Ста-а-новись!

На этот раз построение роты заняло минуты две-три. Старшина снова покачал головой, взглянув на часы, но, видимо, понимая, что надо поторопиться, лишь скомандовал:  
– По порядку номеров рассчитайсь!

Когда был закончен расчёт, старшина по имевшемуся у него списку начал поимённую переключку. Наученные ещё в карантине новобранцы, услышав свою фамилию, чётко отвечали «я», и лишь один Колбин решил схулиганить и ответил «есть».

Старшина поднял голову, взглянул на ответившего и ничего не сказал. Только окончилась переключка, как отворились входные двери, и в казарму вошла группа командиров. Впереди шёл высокий брюнет, с небольшими чёрными усами и строгим, но очень красивым лицом. Командирская форма сидела на нём как влитая, сапоги блестели как зеркала и, вообще, всё снаряжение: португепя, кобура, ремень, полевая сумка, – имели такой опрятный и изящный вид, что как будто бы он только что вышел из какой-то специальной чистки. В петлицах у него блестела «шпала» (так красноармейцы называли прямоугольник, отличавший командиров батальонов). Все поняли, что это командир их роты Константинов. Почти рядом с ним шёл низенький, рыжеватый, веснушчатый, круглолицый, голубоглазый, видимо, очень весёлый человек. Его обмундирование и снаряжение было также опрятно и хорошо пригнано, но до своего щеголеватого соседа ему было далеко. В петлицах у него имелись три куби-

ка, а на рукаве звездочка – стало понятно, что это политрук роты Савельев.

Следом за ними стояло три командира с двумя кубиками каждый, один из них – Новиков принимал роту на вокзале; все поняли, что и остальные двое тоже командиры взводов. Фамилии всех этих командиров бойцы узнали от отделенных во время знакомства с ними. Завидев вошедших, старшина снова подал соответствующие команды, строй замер, а он, подтянувшись ещё больше, если это было только возможно, чеканящим шагом направился к вошедшим. Остановившись в трёх шагах от командира роты, Белобородько, приложив руку к козырьку фуражки, чётко отрапортовал:

– Товарищ командир роты, первая рота одногодичников закончила вечернюю поверку. По списочному составу в роте 120 человек и 18 младших командиров. На поверке присутствуют все, за исключением младшего командира Веселова, отправленного в штаб дивизии с донесением. В роте никаких происшествий не случилось. Докладывает старшина роты Белобородько.

Константинов красиво поднял руку к козырьку фуражки, затем опустил её и, сопровождаемый остальными командирами, прошёл к середине строя. Остановившись, он негромко сказал:

– Здравствуйтесь, товарищи!

Не ожидавшие такого приветствия, да и не умевшие на него как следует отвечать, все вразброд загалдели:

– Здравствуйте, здравствуйте, – и только несколько человек командиров отделений и бойцов, имевших небольшое понятие о военной службе, довольно дружно крикнули:

– Здрасьте, товарищ командир роты! – но их крик смешался с общим галдежом и поэтому был почти не слышен.

Константинов скомандовал «вольно» и, слегка улыбнувшись, сказал:

– Ну, вот, видите, товарищи, как многому вам предстоит научиться! Не говоря уже ни о чём другом, вы даже поздороваться с пришедшим к вам командиром не умеете. Ну, да ничего... Всему этому и многому другому мы вас обучим. Товарищи, учившиеся здесь перед вами, не подвели нас: они сейчас храбро командуют доверенными им подразделениями и ведут успешные бои против зарвавшихся белокитайцев. Я не сомневаюсь, что и вы окажетесь достойными своих предшественников. А теперь разрешите представить вам командный состав нашей роты. Политрук роты – товарищ Савельев. После окончания поверки он с вами побеседует. Командиры взводов: первого взвода – Новиков, второго взвода – Степанов, третьего – Васильев. С завтрашнего дня они начнут с вами заниматься, и вы их хорошо узнаете. С младшим командным составом, надеюсь, вы уже познакомились. У меня всё. Старшина, наряд на завтра назначили? Нет ещё? Ну, тогда продолжайте, – с этими словами Константинов и сопровождавшие его прошли через казарму, придиричиво поглядывая на койки бойцов, и скрылись за дверью, ведущей в

коридор административной части казармы.

Когда командиры вышли, старшина достал из висевшего через плечо планшета список и, сделав в нём какие-то пометки, начал читать:

– Слушай наряд на завтра! Дежурный по роте – помкомвзвода Петров, дневальные – командиры отделений Евстафьев и Суматошин. Уборка помещения – Алёшкин, Беляков, Шадрин, Бунчиков. Пыль, плевательницы – Колбин, вне очереди: будет помнить, как надо на поверке отвечать.

После этого старшина назначил ещё двоих на кухню, троих на уборку вокруг казармы. Таким образом, всё первое отделение первого взвода оказалось в наряде с самого начала своей службы.

После зачтения списка старшина несколько раз скомандовал «равняйся, смирно, вольно», затем, увидев выглянувшего в дверь политрука, сказал:

– После команды «разойдись» можно сходить оправиться, покурить и через пять минут быть в ленинской комнате, будет беседовать политрук.

Наконец, раздалась долгожданная команда «разойдись». Кажется, не успели выкурить и по папиросе, не успели высказать даже самых поверхностных суждений о командире роты и его помощниках, как в «солдатский клуб» вбежал дневальный и торопливо крикнул:

– Старшина ругается, политрук в ленкомнате ждёт!

Все уже успели понять, что если старшина ругается, то

могут быть неприятности. Кажется, сильнее его командира здесь нет. Наскоро погасив и бросив где попало свои окурки, протискиваясь через довольно узкие двери, все стремглав понеслись через жилую часть казармы и довольно шумно ворвались в ленинскую комнату. В ней за столом сидел уже политрук, а около него человек 20 бойцов. Политрук о чём-то беседовал с самым пожилым из бойцов роты, в прошлом, как потом узнал Борис, железнодорожником – тихим и спокойным человеком, Хоменко. При виде ворвавшейся ватаги, в которой был Борис и все наши знакомые, Савельев улыбнулся, однако своей беседы с Хоменко не прервал. Когда все прибежавшие расселись на скамейках, и вслед за ними вошёл старшина, сердито и неодобрительно поглядывая на шушукавшихся бойцов, политрук встал и, обращаясь к нему, спросил:

– Все?

– Так точно, усе, – отрапортовал, вытягиваясь, тот.

– Хорошо. Вы и младшие командиры можете быть свободны, закройте двери.

Командиры отделений, помкомвзводы и старшина вышли. Политрук сел и как будто устало сказал:

– Товарищи, я не буду сейчас с вами говорить о той чести, которой вы удостоились, попав на службу в Красную армию и в наш славный пятый Амурский полк. Обо всём этом, вам, вероятно, уже не раз говорили и ещё не один раз скажут. Я хочу немного предупредить вас о тех трудностях

красноармейской службы, о тех особенностях вашего положения образованных людей, в которое вы попали. Хочу напомнить вам, что служба в Красной армии – это не только определённая честь, но и важный долг каждого гражданина нашей страны. Выполнить этот долг как можно лучше каждый из вас обязан. Надеюсь, вы понимаете, что в настоящий момент, когда Особая армия, как и большая часть нашего полка, участвует в кровавых боях с белокитайцами, защищая священные границы нашего государства, нас, командиров, оставили здесь в тылу для того, чтобы мы подготовили хорошее пополнение. Вы должны знать, что в прошедших боях уже погибло несколько человек из выпускников нашей роты. Чем скорее и прилежнее вы овладеете военной наукой, тем скорее сможете их заменить, для этого вам придётся многому научиться. Вы обратили внимание на вывешенный на доске распорядок дня? Нет? Я так и думал. Завтра же внимательно ознакомьтесь с ним, соблюдать его самым точным образом – ваша обязанность. Запомните также и следующее: мы, средние командиры (командир роты, я, командиры взводов) будем учить вас политическому и военному делу пехотинцев, основам специальных дисциплин вас будут учить командиры специальных подразделений. Всё это будет происходить здесь – в классных комнатах, на плацу и в поле. Но имейте в виду, что постоянными вашими учителями будут младшие командиры: командиры отделений, помощники командиров взводов и старшина роты.

– Среди вас много очень образованных людей, – продолжал он, – есть инженеры, учителя, разные административные работники. Одним словом, все вы имеете среднее и даже высшее образование, а ни один из ваших младших командиров не имеет даже и семилетнего. Это в большинстве своём простые деревенские парни, окончившие нашу же полковую школу, и своим прилежанием, старанием и способностями добившиеся отличных успехов в изучении военного дела и сложных порядков, введённых в нашей армии. Кое-кому из вас, возможно, режет слух нескладная, не совсем грамотная речь этих людей, но я советую запомнить, что мы будем строго наказывать тех, кто вместо улавливания нужного смысла этой речи станет насмехаться над её оборотами. Советую твёрдо запомнить: приказы этих командиров для вас являются совершенно обязательными, не подлежащими никакому обсуждению и требующими беспрекословного и немедленного исполнения!

После этого Савельев ещё довольно долго говорил о значении сознательной военной дисциплины, о необходимости повседневной политучёбы, отличного поведения и постоянно опрятного вида курсантов. Так, он объявил, что, согласно приказу командующего ОДВА командарма Блюхера, с этого года красноармейцы роты одногодичников, которые через год должны стать командирами, будут называться «курсанты», все командиры об этом уже знают.

В конце своей речи Савельев подчеркнул, что служба

в Красной армии основывается на выполнении ряда уставов, которые после изучения необходимо строго выполнять. Речь политрука была выслушана с большим и неослабевающим вниманием. Напоследок он спросил, есть ли к нему какие-нибудь вопросы. Все уже были приучены, что, задавая вопрос, нужно поднять руку, как в школе. Но желающих спросить оказалось слишком много. Когда Савельев увидел лес поднятых рук, он невольно засмеялся:

– Нет, товарищи курсанты, так у нас дело не пойдёт! Чтобы ответить на столько вопросов, мне не хватит и всей ночи, а время уже близится к отбою... Я уверен, что старшина уже там себе места не находит! Условимся так: я отвечу, сколько успею, а когда прозвучит сигнал отбоя (он у нас подаётся гарнизонным горнистом), мы нашу беседу прекратим. Мы ещё с вами много раз будем встречаться. А потом, после нескольких дней службы большинство вопросов, которые сейчас кажутся вам важными, отпадут сами собой. Ну, начнём по порядку с тех, кто сидит ближе ко мне.

Савельев успел ответить на три или четыре вопроса, как вдруг за окном на плацу раздался длинный заунывный звук трубы горна – «тра-а-а, та-та», своим ритмом он немного напоминал такое выражение «спа-а-ть пора, спа-а-ть пора».

От политрука курсанты, однако, успели узнать, что винтовки им выдадут только тогда, когда они закончат первичную подготовку бойца и дадут присягу. Обычно это происходило месяца через два-два с половиной, но в теперь темпы

учёбы ожидалась более напряжёнными; присяга, а следовательно, и выдача оружия, предполагались, вероятно, через месяц-полтора. На вопрос, когда же их отправят для участия в боях с белокитайцами, он ответил очень кратко:

– Когда выучат!

Как только политрук услышал звук горна, он скомандовал «встать!» и предложил всем идти ложиться спать. Одновременно он объявил, что завтра в промежуток между ужином и отбоем будут проведены партийное и комсомольское организационные собрания, точное время будет указано в объявлении на доске.

Через десять минут Борис и все его товарищи уже лежали на своих жёстких соломенных матрацах. Так прошёл первый день красноармейской службы нашего героя. Уже засыпая, он мысленно переживал его. Этот день казался ему бесконечно длинным, тяжёлым, но в то же время очень интересным. До сих пор он и его друзья совсем не так представляли себе службу в армии, и этот первый день показал им много неизвестного, нового и, по-видимому, очень трудного. Много дней было впереди, часть из них оказались гораздо более трудными, но этот его первый армейский день запомнился Борису Алёшкину на всю жизнь, поэтому мы и уделили так много времени на его описание. Молодость и усталость, однако, взяли своё, и вскоре все курсанты роты, сопя, вздыхая и похрапывая на самые разные лады и голоса, спали крепким сном.

## Глава вторая

Борису казалось, что он не успел закрыть как следует глаза, как над его ухом раздался громкий крик:

– Подымайсь! Подъём!

Правда, подобный крик ему уже приходилось слышать в карантине, но там он звучал гораздо тише, так как дневальный кричал, сидя у своей тумбочки у входа в казарму. Здесь же, повинувшись приказу старшины, дневальные бегали между койками и кричали действительно над самым ухом каждого. Некоторые, не понимая в чём дело, находясь ещё во власти сна, сидя на кровати, отупело смотрели по сторонам, протирали глаза и потягивались, но на это им не было отпущено времени. Между кроватями ходили командиры отделений, неизвестно когда успевшие одеться и торопили:

– Быстро одеваться, обуваться, гимнастёрки не надевать, оправиться (то есть сбегать в туалет), застелить постель! Быстрее, быстрее, – подгоняли они тех, кто, по их мнению, копался.

Не прошло и пяти минут после подъёма, как старшина уже зычно кричал «становись». После построения роты в две шеренги на том же промежутке, в центре жилой части казармы, Белобородько скомандовал:

– Наряду выйти из строя, два шага вперёд, марш! Остальным подравняться, направо! Шагом марш!

Когда последний курсант вышел из помещения, Евстафьев, уже принявший дежурство, разбил оставшийся наряд на пары, отвёл их в умывальную и раздал орудия производства. Борис и Беляков получили по мягкому венику, насаженному на палку: им предстояло вымести все помещения классов, кабинетов командира, политрука и ленинской комнаты (впоследствии все узнали, что это была самая чистая и, пожалуй, самая лёгкая работа). На них же лежали заботы о поддержании чистоты в этих помещениях в течение всех суток их дежурства. Двум другим досталось подметание жилой части казармы – это уже было потруднее. А следующим двум были вручены тряпки на палках (швабры), им надлежало произвести уборку в умывальной и уборной, это уже было совсем неприятно, тем более что в этих помещениях, как потом выяснилось, убирать приходилось не только утром, не только после каждого умывания, но и каждый раз, когда дежурный или старшина, зайдя туда, обнаруживал там сырость, окурок или даже спичку, валяющуюся на полу. И, наконец, последний из наряда, Павлин Колбин, получил самое «приятное» дело, называлось оно в наряде кратко – пыль, плевательницы. Практически же эта работа заключалась в следующем: получивший наряд должен был специальной тряпкой обтереть все подоконники жилого помещения казармы, все печки, столы, тумбочки и спинки кроватей, все шкафы и вешалки. Затем он должен был собрать плевательницы, а их было двенадцать, вытряхнуть в отдельную

корзину из них весь мусор (бумажки, спички и т. п.) и под специальным краном тщательно вымыть их (плевательницы были эмалированные). Последняя работа была, пожалуй, самой противной. Обработать плевательницы нужно было два раза в день. Колбин, выполняя эту работу, едва удержался от рвоты и поклялся, что за этот наряд отомстит старшине при первом же удобном случае.

На всю утреннюю уборку отводилось полчаса, то есть то время, пока рота была на прогулке. Работавшим в умывальной приходилось ещё затрачивать время на уборку и после умывания, которое происходило по окончании прогулки.

Уборка в целом имела большое воспитательное значение: за чистотой казармы, благодаря этому, приучались следить все: младший командный состав – по служебной обязанности, а находившиеся в наряде потому, что им не хотелось лишний раз убирать. Через несколько дней стоило только кому-нибудь не попасть окурком в урну, как на него набрасывались все и заставляли поднять окурочек с пола.

Первый наряд, в котором принимал участие Борис, был для всех его товарищей и для него самого самым трудным, тем не менее, беспрестанно подгоняемые Евстафьевым, младшими командирами и дневальными (последние даже помогали кое-кому), они справились вовремя, и когда рота входила, возвращаясь с прогулки, всё было уже закончено.

После умывания курсантам приказали надеть гимнастёр-

ки и построиться для утреннего осмотра. Едва рота выстроилась в две шеренги, старшина приказал первой шеренге сделать два шага вперёд и повернуться кругом. Затем он вошёл внутрь образовавшегося коридора, скомандовал «руки вперёд» и медленно двинулся по строю, внимательно осматривая руки каждого. Хотя Белобородько и ничего не говорил при осмотре, но многие смутились, так как их руки были далеко не в должном порядке. За время карантина, проживания на голых нарах и поездки в грязных вагонах кое-кто перестал следить за своими руками. Ногти, конечно, отросли, под ними, несмотря на вчерашний банный день, были порядочные залежи чернозёма. Они уж никак не ожидали, что в армии старшина будет пальцы осматривать! Среди таких оказался и Борис Алёшкин.

Закончив осмотр, старшина вернул первую шеренгу на место, повернул бойцов к себе лицом, вышел на середину и начал речь:

– Ну, что ж, товарищи курсанты, так и будем ногти отращивать? Так и будем под ними грязюку разводить, а? Эх вы, а ещё антилигенция! После завтрака щоб мне все постригли ногти и больше не отращивали! Проверю и, если ещё раз такое безобразие найду, внеочередной наряд влеплю бесприменно! Второе: одежду складывать не умеете, в мёртвый час командирам отделений – научить! Сейчас взять кружки, ложки, построиться для завтрака. Помковзвода Семёнов, отведёте роту. Разойдись!

С этих пор, ежедневно за всё время службы, каждое утро Алёшкин, как и все другие, подвергались какой-либо проверке и очередному разгону старшины. То проверялась посуда, и, взяв какую-либо неприглядную кружку, старшина режюмировал своё выступление фразой:

– Такую кружку не в столовую брать, а в очко немедленно выбросить, антилигенция! Щобы к завтрашнему дню все кружки блестели, як солнышко!

То он обнаруживал оторванную пуговицу у гимнастёрки или – ещё того хуже, на брюках, и тогда он заявлял:

– А расстёгнутую мотню-то для продувания товарищ курсант Павлов держит? Вот вам, за вашу антилигентскую ширинку два наряда вне очереди!

То он обнаруживал беспорядок в тумбочке, то в вещевом мешке, – одним словом, не было ни одного утреннего осмотра, чтобы старшина Белобородько не сумел найти какого-либо изъяна, и не звучало ни одной его разгневанной речи, где он не употреблял бы это презрительное, насмешливое слово «антилигенция». Напрасно за это делал ему замечание командир роты, пробовал разъяснить значение этого слова политрук – старшина без него обойтись не мог. И само это слово, по своему значению ничего обидного не имеющее, произнесённое в том виде, в котором он его употреблял, всем курсантам казалось таким оскорбительным и неприятным, что они были готовы сквозь землю провалиться, только чтобы не быть этими «антилигентами», которые, видимо, в по-

нятии старшины ни на что путное не были способны.

Мы уже упоминали, что день в казарме начинался с утренней прогулки. В первый день Борис на эту прогулку не попал, зато в последующие сумел оценить её «прелесть» в полном объёме. Подъём происходил в пять часов 30 минут утра. Быстро одевшись, но без гимнастёрок (в любую погоду), побывав в туалете, вся рота под командованием старшины быстрым шагом выходила на улицу. Делали один-два круга вокруг плаца шагом, затем переходили на бег. Обычно старшина бежал впереди. Несмотря на свой возраст, видимо, благодаря большой натренированности, он бежал лёгкими, пружинистыми шагами, громко отсчитывая: «Ать-два, ать-два». Иногда, оборачиваясь, покрикивал:

– Шире шаг, не отставать! Подтянуться!

Бежали круга два-три и, когда казалось, что вот-вот лопнет сердце, что ноги уже больше не в состоянии слушаться (а остановиться было невозможно, так как сзади бежали командиры отделений, всё время подгоняя отстающих), старшина, точно почувствовав, что большинство уже на пределе, командовал «шагом марш!» и сам переходил на шаг. После одного-двух кругов бег повторялся, и так – в течение 30 минут всей утренней прогулки.

Никто из курсантов не понимал пользы столь изнурительного бега, все считали, что это самодурство старшины, и лишь гораздо позже, когда пришлось совершать длительные переходы и стремительные марш-броски, они поняли, ка-

кую большую услугу оказал им старшина Белобородько, заставляя их в течение первых двух месяцев службы во время утренней прогулки бегать до изнеможения, как говорил Павлин Колбин.

После завтрака, в 8:00 начинались классные занятия. Как правило, первые два часа были посвящены или уставам, или политзанятиям. Изучение уставов – дисциплинарного, внутренней службы, боевого устава пехоты, а также и «Наставления по стрелковому оружию», обычно происходило по отделениям. Взводы, у которых по расписанию были эти занятия, рассаживались группами в отдельных углах казармы, кто-нибудь читал вслух подлежащие изучению параграфы устава. Вначале читать пробовали сами командиры отделений, но потом, убедившись, что все курсанты читать могут лучше их, поручали чтение курсантам по очереди.

Кстати сказать, в обычных ротах читали только командиры отделений, из рядовых красноармейцев почти половина были совсем неграмотны, а остальные могли читать только по складам. После чтения производился разбор прочитанного параграфа, причём пояснение, вернее, толкование этого параграфа давал кто-нибудь из курсантов, а командир отделения лишь изредка поправлял. Заканчивалось изучение параграфа повторением его содержания.

К немалому удивлению Бориса и его друзей, командир отделения Евстафьев не допускал ни малейшего отступления от формулировки изучаемого параграфа, написанного

в уставе. Сам он был в состоянии любой из них изложить слово в слово так, как тот был написан. Он требовал этого же и от курсантов. Иногда на этих занятиях, обходя отделения по очереди, присутствовали и старшина, и помкомвзвода, при них командиры отделений в своих требованиях были ещё более придирчивы и суровы.

Нужно сказать, что многие умудрялись, притаившись за спинами соседей, во время этих занятий даже вздремнуть. И, будучи подняты командиром отделения, попадали своими ответами впросак и впоследствии долго подвергались довольно едким насмешкам.

Обычно уставами занималась половина роты, у второй половины в это время проходили политические занятия – по специальной программе, по учебникам, изданным ПУРКК. Пожалуй, только благодаря им, Алёшкин, как, впрочем, и многие из его товарищей, сумел систематизировать и осмыслить целый ряд политических вопросов и событий, которые ранее знал поверхностно. Политзанятия проводил или кто-либо из помкомвзводов (член партии), или командир взвода Новиков. Один раз в неделю политзанятия со всей ротой проводил сам политрук Савельев. Они обычно начинались с обсуждения какого-либо важного политического события, происшедшего в нашей стране или за рубежом. Затем около часа Савельев опрашивал курсантов по тому материалу, который они изучили за неделю. После небольшого 10–15-минутного перерыва все собирались на плацу – начинались

строевые занятия: курсанты учились принимать правильное положение тела по командам «равняйся», «смирно», поворачиваться в разные стороны на месте и на ходу приветствовать друг друга прикладыванием руки к козырьку фуражки. Затем учились маршировать – сперва поодиночке, затем отделениями и, наконец, целыми взводами.

Хуже всего эта наука давалась Якову Штофферу: он беспрестанно сбивался с ноги, путал стороны. Его приветствие было всегда настолько неуклюже, что, глядя на него, многие покатывались от хохота. Обучавший его командир отделения до того с ним измучился, что чуть ли не плакал. Часто в обучении Штоффера строевому делу на помощь приходил старшина.

Время от времени строевые занятия, по очереди у каждого взвода, заменялись так называемой физзарядкой в гимнастическом городке. Тут уж бедному Штофферу приходилось совсем плохо. Правда, первое время и всем-то эти занятия давались нелегко: мало того, что надо было выучиться особым образом подходить к каждому снаряду, следовало выполнить на нём, может быть, и несложные, но требующие значительной физической подготовки упражнения. Например, надо было по лестнице, приставленной наклонно к гимнастическим воротам, забраться до самого верха, подтягиваясь на руках, преодолев 22 ступеньки на высоту четырёх метров, и также спуститься вниз.

Руководивший физкультурой Евстафьев проделывал это

упражнение довольно свободно, старшина демонстрировал его артистически. Большинство курсантов в первое время, если и умудрялись добраться до середины лестницы, то никак не напоминали собой стройных, подтянутых спортсменов, как старшина, а походили скорее на каких-то раскоряченных лягушек. Не надо забывать, что почти все однодичники до призыва выполняли умственную работу и физической подготовкой почти не занимались. Кроме того, эти упражнения, как, впрочем, и другие, выполнялись в полном красноармейском обмундировании: в гимнастёрках, шароварах и тяжёлых кирзовых сапогах. Единственным послаблением во время этих занятий было снятие поясного ремня.

На воротах находились и ещё два предмета – тонкий, почему-то удивительно скользкий, отполированный тысячами рук, шест и толстый канат. По ним также надо было забраться до самого верха на одних руках. Наконец, последним гимнастическим снарядом была так называемая стенка – забор, сделанный из толстых досок, около двух метров длины и такой же высоты. Полагалось с разбега уцепиться руками за верхнюю доску, сильно оттолкнуться одной ногой от земли, а другой от стенки, получившимся от этих толчков размахом тела перенестись через забор и спрыгнуть на землю.

Занятия физкультурой, как и строем, начались с самых первых дней службы. Если на большинстве снарядов Борис был в числе середняков, то на стенке попал в число отличников. Он с детства хорошо прыгал, и это помогло ему быст-

ро овладеть стенкой, но некоторые, в том числе и Штоффер, очень долго не только не могли перескочить через неё, но даже забраться наверх и просто перелезть на другую сторону.

Вообще, эта физкультура имела весьма отдалённое сходство с той, которую мы знаем и видим сейчас. Командиры отделений и старшина не делали никакого различия среди порученных им бойцов. Не считаясь ни с ростом, ни с возрастом, ни с предварительной физической подготовкой, их требования были одинаковы для всех, скидок не делалось никому. Поэтому, если некоторые выполняли заданные упражнения сравнительно легко, другим для этого приходилось вкладывать все свои силы, да и тогда они справиться удовлетворительно не могли. Но как это ни странно, при всей кажущейся несообразности, методической и научной непродуманности такой физкультуры, пользу она принесла. Через два-два с половиной месяца снаряды покорились всем курсантам, они научились выполнять задаваемые упражнения, если и не совсем чётко и красиво, как это делал старшина или кто-нибудь из помощников командиров взводов, то всё-таки достаточно правильно.

Теоретические занятия проводились в течение четырёх часов после строевой или физической подготовки. Они включали в себя изучение материальной части личного оружия, его тактических и боевых свойств, основ тактики ведения современного боя отдельным пехотинцем, изучения противогаза и других предметов, входивших в программу

одиначного бойца.

После обеда и мёртвого часа, в течение которого все обязаны были раздеваться и ложиться в постель, до ужина оставалось 3–4 часа. В это время занимались самоподготовкой, повторением пройденного за день и выполнением заданий, данных командирами на уроках. После ужина все собирались в свободной части жилой казармы и часа полтора занимались разучиванием походных песен. Между ротами в полку шло соревнование на лучшее исполнение песен на марше. Первое место всегда занимала первая рота, то есть курсанты-одногодичники. Старшина заявил, что нельзя допустить, чтобы в этом году первенство досталось кому-нибудь другому.

Вскоре рота уже неплохо исполняла все имевшиеся в распоряжении старшины песни. В основном это были песни революционные, песни Гражданской войны: «Слушай, товарищ», «Ты, моряк», «Белая армия, чёрный барон», «Как родная меня мать провожала» и т. п.

Тут неожиданно проявился талант Петьки Беякова, обладавшего красивым баритоном. Он предложил разучить новые, никогда ранее не слыханные в полку песни, гарантируя, что так они добьются получения первого места. Старшина его поддержал, и вскоре курсанты довольно сносно пели эти песни, хотя и не походные, но удачно приспособленные под шаг. Они так понравились всем, что Борису, например, врезались в память на всю жизнь. Одна из них – «Песня комму-

наров» начиналась так:

Слушай, мальчик: в городе Париже  
Есть заветная стена,  
В ней дыханьем жизни камни дышат,  
Странной силой эта жизнь полна...

Особенно всем нравился припев:

Это идут коммунары в семьдесят первом году;  
В небе пылают пожары всем богачам на беду;  
Это идут коммунары, это они идут!..

Вторая песня – «Марш испанских коммунаров»:

Встаньте, братья, встаньте, сёстры!  
В строй бойцов стальной колонны,  
Пусть восстанут миллионы,  
Пусть зажжётся солнца свет!  
В кабале и в униженьи,  
Кто привык бороться смело,  
Средь борцов за наше дело  
Для измены места нет! Места нет!

Обе эти песни, спетые ротой во время первого марша по городу, привлекли к себе внимание не только командования

полка и дивизии, но и жителей города, стоявших по сторонам улицы и глазевших на проходящий полк.

За час-полтора до сигнала отбоя, звучавшего ровно в 23 часа, каждый курсант получал так называемое свободное время. Можно было почитать газету, книгу, написать письмо домой, починить обмундирование, постирать носовой платок, поиграть в шахматы, просто поболтать с товарищем. Иногда в это же время проводили и какие-либо собрания, готовились к выступлению в самодеятельном концерте и подготавливали выпуск боевого листка.

Кстати сказать, первое партийное собрание роты состоялось на следующий же день после прибытия пополнения в полк именно в это время, комсомольское проходило в часы самоподготовки. Борис участвовал в обоих, ведь он был комсомольцем и кандидатом в члены партии.

Комсомольцев в роте оказалось много – человек сорок, а партийцев – всего девять человек, из них два кандидата – Алёшкин и Колбин. Оказалось, что среди командного состава роты коммунистов было двое – политрук Савельев и командир Новиков, из младшего комсостава – два помком-взвода. Курсантов-коммунистов было пять человек. С нашей современной точки зрения такая партийная прослойка, вероятно, показалась бы чрезвычайно низкой, но в то время она была высока. В полку были роты, в которых вместе с командным составом находилось всего один-два коммуниста. Роты, имевшие свои партячейки, были наперечёт, в боль-

шинстве случаев ячейка создавалась одна на батальон.

На первом собрании после того, как каждый из коммунистов коротко рассказал свою биографию, секретарём ячейки был единогласно избран курсант третьего взвода Хоменко, рекомендованный политруком. Он был, пожалуй, самым пожилым из курсантов, в партии состоял уже пять лет, и перед призывом был секретарём ячейки депо. Впоследствии оказалось, что лучшей кандидатуры подобрать было невозможно. Хоменко показал себя очень уравновешенным, дисциплинированным, спокойным, но в то же время и чрезвычайно принципиальным человеком.

Полной противоположностью ему был секретарь комсомольской ячейки Павлин Колбин. Этот умел отлично говорить и воодушевлять окружающих, был всегда возбуждён, криклив, готов совершить самый отчаянный поступок – как хороший, так и плохой. Ему не раз доставалось от командования, от политрука и от Хоменко. Вместе с тем он отлично руководил буйной ватагой комсомольцев, среди которых, возможно, благодаря своей немного бесшабашной удали, пользовался большим авторитетом.

Когда на собрании партячейки выслушали биографию Бориса и узнали, что на гражданке он был техническим секретарём бюро ячейки, приняли решение о поручении этой же нагрузки ему и здесь. Следовательно, Алёшкину пришлось оформлять протоколы собраний, собирать членские взносы, оповещать о собраниях и т. п.

Мы описали два первых дня жизни Бориса и его товарищей в 5-м Амурском стрелковом полку. Последующие дни были так загружены разнообразной учёбой и другими занятиями, так походили и в то же время так отличались один от другого, мчались с такой быстротой, что никто из курсантов, кажется, не успел и опомниться, как прошло полтора месяца их пребывания в части. Они закончили курс обучения бойца, и им предстояло принять присягу. Это произошло в ноябре 1929 года.

К тому времени события на КВЖД и Дальневосточной границе шли своим чередом: одновременно с ведением всякого рода дипломатических переговоров части ОДВА и прибывшие пополнения из центральных районов страны при каждой попытке китайских вояк перейти советскую границу давали им решительный отпор. Отгоняли их вглубь китайской территории, занимали отдельные пограничные города: Лахасусу, Санчагоу, Фугдин, а затем по приказу реввоенсовета РККА, к своей немалой досаде, возвращались обратно.

Многие, в том числе и курсанты первой роты, с нетерпением ожидавшие своего участия в боях, не понимали причин такого поведения наших войск. А между тем, они были, как уже гораздо позднее стало известно всем, весьма важными. Дело в том, что империалистические державы всего мира только и ждали предлога, чтобы своими вооружёнными силами прийти на помощь гоминдановскому Китаю, ввергнуть молодую Советскую республику в новую тяжёлую войну, а

повода-то пока и не было. Никак нельзя было броситься помогать хулигану, который набрасывался с ножом на мирных людей и получал за это по зубам; мирные люди, дав сдачи, вновь продолжали заниматься своим делом. Это было ясно дипломатам и политикам всего мира. Многократные попытки белокитайцев спровоцировать советские войска на вторжение вглубь Китая так ни к чему и не привели.

Между прочим, наши горячие головы – курсанты поняли, наконец, что для участия в боях одного желания и энтузиазма мало, нужно также и большое умение. Поняли они и то, что умение это достаётся немалым трудом, поэтому вся первая рота занималась с таким старанием и желанием, что вскоре усилия её командиров и самих курсантов получили соответствующую награду. Перед принятием присяги командование полка объявило роте благодарность. Такую же благодарность получила и полковая школа, готовившая младших командиров. Она помещалась в той же казарме, в которой и рота одностаничников, только на первом этаже.

Принятие присяги Алёшкину, как, вероятно, и всем остальным курсантам, запомнилось навсегда. Незадолго до этого они впервые надели шинели и сменили фуражки на шлемы. Шинели сидели мешковато, и пришлось кое-как при помощи одного из помкомвзвода, обладавшего знаниями портняжного дела, перешивать крючки (на которые тогда застёгивались шинели) и хлястики. Лучшей подгонки своими силами курсанты сделать не могли.

Накануне присяги командиры отделений и старшина настолько тщательно осмотрели обмундирование каждого курсанта, столько раз заставляли перешивать крючки и пуговицы, перечищать сапоги, что многие, в том числе и Борис, готовы были отказаться от всякой присяги, лишь бы их оставили в покое, но сделать этого было нельзя. Вечером повторяли исполнение своих песен, пели тоже чуть ли не до хрипоты, тщательно отшлифовывая исполнение.

На следующий день утром на прогулке одновременно впервые участвовал весь полк. Вышли все не только в гимнастёрках, но и в шинелях. Хотя личный состав полка (старослужащие) находился где-то около села Михайловского в окопах, а на плацу собралось только новое пополнение, всё же образовалась порядочная колонна человек в восемьсот. Командовал ею помощник командира полка Петровский, замещавший командира, отбывшего с остальной частью полка на границу. Говорили, что на приёме присяги будет присутствовать командир дивизии комбриг Ануфриев, приехавший для этого с границы.

После завтрака все были построены на плацу и, по команде Петровского, во главе со своими командирами, стройными колоннами, с песнями, направились к центральной площади Благовещенска. Поглядывая по сторонам, Борис успел заметить восхищённые взгляды многочисленных прохожих, стоявших на тротуарах и смотревших на колонну. Да он и сам видел, что восхищаться было чем. Как непохожа была

эта колонна, с её ровными шеренгами, чётко печатающая шаг по чуть подмёрзшей земле улицы, на ту нестройную толпу, которая двигалась менее двух месяцев тому назад с вокзала. Дни напряжённой учёбы, старание командиров и подчинённых даром не прошли. В проходящих красноармейцах уже чувствовалась воинская выучка.

На площади, кроме подразделений 5-го Амурского стрелкового полка, были собраны также и части 6-го стрелкового, 2-го артполка и спецслужб. Текст присяги огласил комиссар дивизии Щёлоков. Оказалось, приехал не командир дивизии, а он. Комиссар дивизии, имевший в петлицах по одному ромбу, был невысокий подвижный человек. Он обладал звонким высоким голосом, читал очень отчётливо и так громко, что звук его голоса достигал самых дальних углов площади, заполненных красноармейцами (ведь тогда никаких микрофонов не было). После прочтения каждой фразы Щёлоков останавливался, а все красноармейцы повторяли её, и, хотя этим повторением пытались руководить находившиеся на площади командиры, толку от этого получалось мало: фразы присяги, произносимые громко каждым из присутствовавших, создавали громкий, но малоразборчивый шум. Но это было неважно. Повторяя слова присяги, каждый невольно вдумывался в значение произносимых им слов, стараясь высказать их от души, и искренне переживал всю важность происходившего события.

По окончании присяги и короткого поздравительного сло-

ва, сказанного комиссаром дивизии, всех охватило такое приподнятое чувство, как будто бы они участвовали в каком-то очень радостном и торжественном празднике. Это праздничное настроение не покидало курсантов и по возвращении в казарму, тем более что, как было объявлено, по случаю принятия присяги, занятия в этот день отменили. Все могли заниматься кто чем хочет. Это было настолько необычно и непривычно, что многие даже заскучали, вот ведь как быстро люди привыкают к определённому распорядку!

Для Бориса этот день оказался знаменательным и тем, что он получил первое письмо от Кати, если не считать той записочки, которая была ещё в карантине. Борис писал Кате не реже, чем раз в две недели, он довольно подробно описывал свою жизнь, но, главным образом, насыщал письма разнообразными излияниями своих чувств.

Катино письмо, как и обычное её поведение, было довольно сухим и сдержанным. Она коротко описывала свою работу, жизнь дочки в Шкотове, сообщала, что с продовольствием во Владивостоке становится всё хуже, и лишь в самом конце своего письма вставила одну ласковую фразу, показывавшую, что под её напускной сухостью и сдержанностью таится горячее чувство к своему Борьке.

Так прошёл этот день. Мы не говорим о том, что, несмотря на большую загруженность учёбой, захватывавшей иногда и часть воскресных дней, в полковом клубе каждую неде-

лю показывали какую-нибудь кинокартину маленьким передвижным киноаппаратом. Картины были старые, рваные, но всё равно, на оба сеанса зал был заполнен до отказа. Постоянного механика в клубе не было. Беляков, как оказалось, немного разбирался в этом деле и в течение первого же сеанса обучил и своего приятеля Алёшкина. С тех пор они, как правило, и крутили аппарат, а его действительно надо было крутить. В то время киноаппараты приводились в движение электромоторами только в больших городских кинотеатрах, в клубах же и на сельских передвижках киномеханики крутили проекционные киноаппараты с помощью специальной ручки, поэтому скорость движения происходящего на экране зависела исключительно от настроения киномеханика, и если он, задумавшись, вертел ручку слишком быстро, то даже похоронная процессия неслась бегом, что не раз и случалось. Это вызывало топот и громкие крики в зале: «сапожник!» и тому подобное.

Кроме того, на сцене клуба за эти полтора месяца состоялся и концерт самодеятельности полка. Руководителем был один из политруков полковой школы младших командиров. Участие принимали и некоторые курсанты-одногодичники, прежде всего, конечно, Штоффер, который, кроме своих незаурядных способностей художника-декоратора (ведь до призыва он работал декоратором в театре Мейерхольда в Москве), оказался ещё и хорошим музыкантом. Он всегда обеспечивал музыкальное сопровождение кинокартин-

ны, шедшей в клубе (кино-то было немое!), и в самодеятельности стал главным музыкантом. В клубе стоял старенький, довольно разбитый рояль, вот на нём и подвизался Штоффер.

Участвовали в самодеятельности и Борис с Павлином, выступая, главным образом, с юмористическими рассказами, сценками и стихотворениями. Однако ни тому, ни другому эта самодеятельность не нравилась: слишком уж как-то было сухо, по-казённому. Хор исполнял те же песни, что были вообще в полку; пели их, переступая с ноги на ногу для слаженности, как будто шли в строю. Выступал один плясун, весьма посредственно исполнявший «Барыню». Кто-то, тоже из одногодичников, играл на балалайке. Вместо концерансье выступал сам руководитель, объявляя номера сухим скучным голосом. Делал это он так неумело, что даже неискушённые зрители-красноармейцы, и те считали нужным после этого концерта серьёзно его покритиковать. Борис и Павлин решили в дальнейшем покинуть самодеятельность, хотя она и давала некоторые преимущества: участники уходили в клуб на репетиции, и тем самым фактически на несколько часов один-два раза в неделю вырывались из-под бдительного, постоянного и довольно-таки надоевшего надзора со стороны своих младших командиров. Не мог, да и не хотел покидать свой музыкальный пост только Штоффер. Для него самодеятельность оказалась прямо-таки спасительным кругом, который и помог ему, вероятно, благо-

получно отслужить свой срок до конца. Мы уже отмечали, что благодаря нескладности своей фигуры, чрезвычайно слабому физическому развитию и какой-то неприспособленности к строю и прочим бытовым солдатским делам, он с первых же дней стал служить мишенью для насмешек и проявления своей власти всех младших командиров и в особенности старшины. Уходя в клуб, он мог хоть немного отдохнуть от их бесконечных придирок, в которых эти командиры проявляли иногда прямо-таки неистощимую изобретательность. Командир отделения заставлял Штоффера раз десять перепоясываться, с каждым разом находя в его заправке всё новые изъяны, старшина приказывал ему по нескольку раз в день перестилать койку, помкомвзвода считал, что на строевой подготовке Штоффер допустил очень много ошибок, и в часы самоподготовки устраивал ему индивидуальные занятия, то есть гонял его по казарме, поворачивая во все стороны, и заставлял снова ходить.

Все эти вещи проделывались в присутствии остальных курсантов, многие из которых, хотя и не имели права смеяться громко, так как в этом случае могли сами попасть в подобное положение, однако, улыбаясь, шёпотом высказывали друг другу свои, конечно, ехидные замечания, а уж после очередного «урока» в своём «солдатском клубе» давали полную волю остроумию. Их шутки могли вывести из себя кого угодно, и даже такой, в общем-то, добродушный человек, как Яша Штоффер, и тот взрывался. Однако он скоро

нашёл себе защитника, им оказался Беляков. Петька, отличаясь большой физической силой, был очень добр, и однажды, не выдержав того глумления, которое ротные остряки устроили вокруг только что перенёсшего очередную экзекуцию Штоффера, медленно подошёл к их кучке, поднял за шиворот одного из наиболее рьяных и так его потрянул, что пуговицы с гимнастёрки посыпались на пол, как горох, а когда отпустил его, тот со страха не мог устоять на ногах, а сел прямо на влажный асфальт. Петька взял онемевшего от удивления Штоффера под руку и сказал:

– Пойдём, Яша, в казарму. А вы запомните: если хоть раз кто-либо над ним будет насмехаться, то тряхну ещё и не так! А ты, – обернулся он ко всё ещё сидевшему курсанту, – собери поскорее пуговицы и пришей их на место, а то вдобавок от старшины наряд заработаешь!

С тех пор насмешки над Штоффером, если и не прекратились совсем, то, во всяком случае, значительно ослабли. Однако Яшка Штоффер с не меньшим рвением продолжал использовать клуб и самодеятельность для ухода от ненавистных ему, как он говорил, отделенных и старшины.

Буквально с первых же дней существования роты, в ней, по инициативе политрука Савельева, появился боевой листок. Назывался он по примеру всех, издававшихся ранее в роте, «Одногодичник». Судьба послала ему хорошего редактора, им оказался Костя Ротов. Он был не только талантливым художником-карикатуристом (известно, что по-

том он длительное время сотрудничал с «Крокодилом»), но и прекрасным организатором-редактором. «Одногодичник» отличался красочностью, блистал разнообразием, количеством и злободневностью заметок весь 1929–1930 год. Он всегда занимал первое место не только среди стенгазет полка, но и во всей дивизии.

Дня через два после принятия присяги в роте произошло новое большое событие. Под командованием старшины рота проследовала на оружейный склад, и каждый курсант получил новенькую, всю в густой смазке трёхлинейную винтовку образца 1895 года. Командиры взводов говорили, что эта винтовка модернизируется и, очевидно, со следующего года начнётся перевооружение армии, но пока и эта «старушка» действует хорошо и безотказно. Вернувшись в казарму, каждый получил по брезентовому ремню для ношения винтовки. Оружие вручал старшина Белобородько. На столе, стоявшем у входа в склад, лежал список роты. Старшина брал винтовку из рук кладовщика, достававшего её из длинного ящика, куском пакли обтирал казённую часть ствола, и тогда становился отчётливо виден царский герб, а под ним – шестизначный номер. Белобородько вписывал этот номер против фамилии стоявшего перед ним курсанта, вручал винтовку, показывал, где нужно расписаться и говорил:

– Товарищ Алёшкин, номер вашей винтовки 385423, запомните его на всю жизнь. Берегите это оружие! Следующий.

Курсант, получивший винтовку, осторожно опускал её прикладом вниз и, стараясь не испачкать смазкой свою новенькую шинель, повернувшись кругом, отходил от стола и занимал своё место в строю.

Вечером этого дня все прочие дела и занятия были забыты: нужно было привести личное оружие в боевое состояние, как выразился старшина. Получив от командиров отделения специальный прибор для чистки винтовки, уложенный в маленькую брезентовую сумочку и состоявший из маслёнки с двумя отделениями, отвёртки, наконечника для шомпола, клочка пакли и небольшой бязевой тряпки из старого белья, каждый курсант занялся делом. До этого все уже неоднократно разбирали имевшуюся в каждом взводе учебную винтовку, и потому успели достаточно хорошо запомнить названия всех её частей, определить их взаимодействие и назначение. Для грамотных людей это оказалось несложным, и курсанты за полтора месяца изучили «Наставление о личном стрелковом оружии», тогда как обычно красноармейцы тратили на это до пяти месяцев.

Разборка и протирка своих винтовок особого труда для них не составляла, но, однако, это была не учебная, а настоящая боевая винтовка – с ней, может быть, придётся идти в бой, из неё нужно будет стрелять по врагу, и первая очистка своего оружия для каждого курсанта вылилась в какое-то священнодействие. Все отнеслись к этому делу с большим вниманием и серьёзностью. Видимо, так же серьёзно отнес-

лись к первому знакомству курсантов с боевым оружием и командиры: на этой первой чистке присутствовали не только младшие командиры, но и все комвзводов. Они самым внимательным и придирчивым образом осматривали каждую вычищенную деталь и давали указания, как следует смазывать винтовку.

Многим, в том числе и Борису, пришлось не один раз повторять чистку канала в стволе, пока проверивший его командир взвода Новиков лично разрешил-таки, наконец, смазать чистый ствол тонким слоем оружейного масла.

Как потом стало известно, ночью этого дня в роту приходил командир роты Константинов и лично осматривал каждую винтовку, при этом присутствовал старшина Белобородько, не умевший скрыть своего волнения и беспокойства из-за проверки. Потом дневальные (уже около месяца назначившиеся из курсантов) говорили, что они в первый раз видели, как их грозный начальник (старшина) дрожал, как осинный лист, потел, как в парной, когда стоял около командира роты и наблюдал за его действиями. Однако Константинов, видимо, остался доволен результатом, так как, осмотрев последнюю винтовку, повернулся к старшине и негромко произнёс:

– Хорошо! Молодец, Белобородько!

– Как будто бы старшина все винтовки чистил, – обиженно замечали рассказывавшие об этом случае дневальные.

Но и они, и все курсанты прекрасно понимали, что, если

старшина и не чистил сам винтовки, то его заслуга в том, что они были вычищены хорошо, была немалая.

Все надеялись, что теперь, после получения оружия, начнутся занятия по стрельбе, а там уж недалеко и до боя, на деле оказалось не так. Полученные винтовки пока не только не принесли радости в жизнь курсантов, а, наоборот, прибавили много новых трудностей и хлопот. Полученные старшиной боевые патроны мирно лежали под замком в специальном ящике, их пока ещё никто и не видел.

Стрелковые занятия, проводимые почти каждый день, заключались по-прежнему в наводке учебных винтовок со станка по бумажной мишени со специальными указками. Для тех, кто не знает этот способ изучения стрельбы, можем вкратце сообщить, в чём он заключается. Винтовка, укреплённая на специальном станке кем-либо из командиров, регулируется так, что при правильном положении головы и правильной линии прицеливания от глаза через прорезь прицела на мушку, противоположный конец её должен упираться в центр мишени. В занятиях участвовали двое: один подходил к винтовке и, приложив голову к ложу, глядя через прицел на мушку, командовал второму, державшему в руках палочку с маленьким кружком на конце, двигать эту «указку» в разных направлениях до тех пор, пока, по его мнению, центр этого кружка не окажется в центре мишени. Когда такое положение было достигнуто, он командовал: «Точку!» – и его помощник остро отточенным карандашом, через от-

верстие, имевшееся в кружке, ставил точку на мишени. Так повторялось пять-десять раз, затем «стрелявший» подходил к мишени и смотрел, насколько его точки отступали от поставленной командиром цели. Первое время у многих такие расхождения составляли несколько сантиметров, изредка совпадали.

В первом отделении первого взвода, а потом, как оказалось, и во всей роте, наиболее успешно это упражнение выполняли Беляков, Алёшкин, Хоменко и Шадрин, хуже всех обстояло дело у Штоффера. Это, как будто бы простое упражнение, проводилось чуть ли не ежедневно и порядочно всем надоело. Между прочим, среди неудачников оказался и Колбин, который очень возмущался.

Вскоре после получения оружия перед Беляковым и Алёшкиным, вследствие хороших показателей по наводке из учебной винтовки, а также и потому, что оба они до призыва уже имели дело с огнестрельным оружием, была поставлена новая задача, которая, отняв у них много времени, избавила их и от ряда неприятных обязанностей и, прежде всего, от нарядов, связанных с уборкой помещений. Дело в том, что полученные ротой, как, впрочем, и всеми воинскими частями ОДВА, винтовки поступали на дивизионные и полковые склады из арсенала, находившегося на Русском острове около Владивостока. Ещё в самом начале XX столетия, когда царское правительство России приступило к военизации Дальнего Востока (строительство казарм, береговых

батарей, завоз воинских частей и оружия), Русский остров, расположенный перед входом в бухту Золотой Рог, самим своим положением как бы являлся некоторой естественной крепостью, первой линией обороны Владивостока с моря. Естественно поэтому, что военные специалисты царской армии первым делом воздвигли на нём солидные укрепления, а в скалах, окружавших глубокую внутреннюю бухту острова, построили огромные, глубокие склады для хранения оружия и боеприпасов.

Во время империалистической войны 1914–1918 годов русская промышленность не могла обеспечить нужды своей огромной армии в оружии и боеприпасах. Уже с 1915 года царское правительство начало закупку во Франции и других странах боеприпасов и винтовок. Однако требовалось, чтобы на винтовках штамповался герб Российской империи. Безопаснее всего доставлять в Россию это оружие было через порт Владивосток. Из-за неповоротливости бюрократической царской администрации полученные во Владивостоке винтовки и патроны так Германского фронта и не увидели, и в значительном большинстве были законсервированы на складах Русского острова. Впоследствии на эти склады добавилось оружие, поставленное интервентами Колчаку и прочим белогвардейцам, которые израсходовать его не успели. Не успели вывезти или уничтожить его и поспешно отступившие из Приморья под ударами Красной армии и Народной армии Дальневосточной республики и интервенты.

Таким образом, в первые годы существования советской власти на Дальнем Востоке это оружие пригодилось для вооружения частей ОДВА.

Изготовление винтовок за границей, как видно, происходило в большой спешке, и потому ни одна из них на заводе не была пристрелена. Каждая воинская часть должна была, получив новые винтовки, произвести их пристрелку самостоятельно. Обычно эту работу выполняли оружейные мастера и наиболее меткие стрелки из числа младших командиров, выделяемые для этой цели командованием полка. В этом же году полк фактически был разделён на две части: старослужащие на границе вели бои с белокитайцами, там же находились почти все оружейники, а прибывшее пополнение готовилось ускоренным порядком, благодаря чему все младшие командиры были загружены по уши, поэтому подразделения не могли выделить для пристрелки оружия ни одного из младших командиров.

Командир полка, ознакомившись с материалами подготовки к стрелковому делу курсантов различных рот из нового пополнения, решил поручить пристрелку винтовок им. В тире, находившемся в расположении казарм, провели пробу: отобрали десять человек, давших наилучшие результаты по наводке, в одно из воскресений выдали им по пять патронов и на всех одну, ранее отлично пристрелянную винтовку из мастерской. В тире на расстоянии ста метров установили мишени, и отобранные по очереди произвели стрельбу лёжа с

упора. Беляков выбил 48 из 50 возможных очков, Алёшкин – 45, Хоменко и Шадрин – по 43, остальные – 40 и 39.

Командир роты Константинов, которому поручили руководство этой работой, выбрал первых четверых, им он поручил каждый день не менее двух часов заниматься пристрелкой винтовок – сперва для своей роты, а затем и для полковой школы. Таким образом предстояло пристрелять более трёхсот винтовок. Константинов разбил стрелков на пары с таким расчётом, чтобы каждая пара стреляла через день, в помощь им выделялся один ружейный мастер. Борис попал в пару с Беляковым.

Отобранные очень гордились этим доверием, хотя пока ещё и не представляли себе трудности этого дела. Как оказалось, двухчасовая пристрелка требовала большого физического напряжения, и если Беляков и Хоменко, привыкшие к тяжёлой физической работе, эти два часа выдерживали хорошо, то Борис и Шадрин к концу пристрелки уставали чрезвычайно, а правое плечо от многократных отдач потом ныло всю ночь. Естественно, что если в начале стрельбы они все давали приличные результаты, то к концу уже начинали мазать. Это привело к тому, что некоторые винтовки приходилось пристреливать повторно. На пристрелку одной винтовки давалось 5–6 патронов. После каждой пары выстрелов стрелявшие вместе с ружейным мастером шли к мишеням и определяли отклонения выстрела от центра. В соответствии с этим мастер подвигал, подпиливал мушку или подтягивал

опорный винт. Затем стрельбу повторяли, снова проверялось и снова исправлялось прицельное приспособление.

Были винтовки, не требовавшие почти никакой регулировки – они давали сразу отличные показатели, но были и такие, что, промучившись с ними полчаса, их начисто браковали. Конечно, работу пристрелочников, как их стали звать в роте, проверяли. Проверку проводил командир взвода Новиков, имевший отличные показатели по стрельбе, и старшина Белобородько, тоже метко стрелявший. Оба они были, как тогда говорили, ворошиловскими стрелками.

По окончании пристрелки винтовки составлялись в специальную пирамиду, и вечером с 17 до 18 часов Новиков или Белобородько делали из каждой из них по одному-два выстрела. Если результаты их удовлетворяли, оружие считалось пристрелянным. На каждую винтовку составлялась стрелковая карточка, в которой после окончательной пристрелки были указаны точками места попадания в мишень. Каждый красноармеец должен был изучить эту карточку своей винтовки, чтобы знать тонкости прицеливания.

Ежедневно, сразу же после получения винтовок, вне зависимости, подвергалась она стрельбе или нет, винтовку приходилось чистить и смазывать. В строевой подготовке винтовки участвовали непременно. Тщательно отрабатывались команды «на ремень», «к ноге». В те годы на плече (как было принято в царской армии, а затем – в торжественных случаях и в советской) винтовку не носили, обычное походное поло-

жение её было «на ремне». Ремень набрасывался на правое плечо, а винтовка висела за этим плечом прикладом вниз. В особо торжественных случаях винтовку несли, держа её перед собой штыком вперёд по команде «на руку». При небольшом передвижении и стоянии на месте винтовка находилась у правой ноги прикладом на земле. Такое положение принималось по команде «к ноге». Евстафьев почему-то командовал «к ноги!»

Кроме этих строевых положений оружия, отработывалось и много боевых: многочисленные приёмы штыкового боя, производившиеся с чучелами, удары прикладом, толчком вперёд и сверху, как дубиной. Эти приёмы требовали большой ловкости в исполнении и достигались длительной тренировкой. Отработывались все положения винтовки для стрельбы: лёжа, с колена, стоя и даже сидя.

Кроме того, старшина очень часто по утрам после прогулки устраивал физкультуру с винтовками, как он говорил, для выработки крепости руки. Белобородько приказывал соответствующими командами приложить винтовку к плечу, как для выстрела, а затем «отнять левую руку» – по этой команде приходилось держать тяжёлую винтовку у плеча только одной рукой, причём в таком положении нужно было находиться несколько минут. Такое упражнение для всех было трудным: правая рука уже через минуту начинала невыносимо болеть, затем дрожать и, наконец, когда она, кажется, совсем была готова отвалиться, слышалась спасительная ко-

манда «к ноге». После минутного отдыха – новое упражнение: «отнять правую руку», и всё повторялось сначала. Спустя пару недель таких занятий, однако, все могли уже довольно свободно держать одной рукой винтовку у плеча не менее 30 минут.

Вскоре старшина ввёл новое упражнение, велел снять штык и взять винтовку за конец дула, поднять её перед собой вытянутой рукой и держать таким образом тоже не менее 2–3 минут. Надо сказать, что это упражнение с первого раза, кроме Петьки Беякова, не осилил никто, а уже через месяц его выполняли почти все.

Когда ко дню Красной армии рота разучивала специальные гимнастические упражнения с винтовками, натренированные старшиной курсанты выполнили их блестяще. Винтовка летала в их руках, как перышко, и их согласованные повороты, перехватывание оружия, подбрасывание его и чередование различных приёмов штыкового боя представляли приятное зрелище.

Вернувшиеся к этому времени в гарнизон командир дивизии Ануфриев и командир полка Родионов высказали своё одобрение. Рота получила благодарность перед строем полка, но всё это пришло потом. А пока же каждый курсант, обливаясь потом, выполнял ненавистные команды старшины и думал, что злее зверя, чем этот Белобородько, на свете нет.

В ноябре 1929 года белокитайцы попытались вновь нарушить советскую границу. Собрав значительные силы около

станции Манчжурия, они начали наступление, но к этому времени части ОДВА были уже подготовлены к боям, пополнены вооружением и новыми войсковыми соединениями и поэтому сумели ответить таким мощным контрударом, что разбили наступающие китайские части в пух и прах. Уничтожили много вражеских солдат и примкнувших к ним белых из банд Семёнова. Захватили в плен более десятка тысяч солдат и офицеров, в том числе пленили чуть ли не всех генералов, руководивших наступлением. Это поражение окончательно сорвало всю китайскую авантюру, и правительство Гоминдана запросило перемирия. В результате на переговорах Китай признал неправильность своего поведения и восстановил статус-кво на КВЖД.

Соглашение по ликвидации конфликта на КВЖД было подписано в Хабаровске 20 декабря 1929 года. Немного раньше в гарнизон начали возвращаться с границы части, участвовавшие в боях, вернулась и соответствующая часть 5-го Амурского стрелкового полка. Правда, вернулись далеко не все: из состава первой роты, курсанты которой воевали в качестве командиров взводов, погибло 14 человек. Их список на большом куске красной материи вывесили в ленинском уголке, там же на специальном щите поместили и их фотографии. Сразу же по возвращении началась демобилизация красноармейцев, отслуживших положенный срок – два года (фактически им пришлось служить более двух с половиной лет), и тех средних командиров, получившихся

из одногодичников, которые не захотели остаться в кадрах Красной армии.

К концу декабря 1929 года 5-й Амурский полк принял свой нормальный вид, все подразделения и командиры находились уже в Благовещенске. Учение и выполнение всех обязанностей стало проходить обычным порядком. То же произошло со всеми остальными частями, расквартированными в Благовещенске. В гарнизоне стало шумно и людно. Части ещё не были сокращены до штатов мирного времени, каждый полк состоял, по крайней мере, из полутора тысяч человек. Такое многолюдье сразу облегчило положение нового пополнения, в особенности курсантов-одногодичников и полковой школы, ведь до прибытия частей с границы всю гарнизонную службу приходилось нести им, поэтому чуть ли не каждую неделю какой-нибудь из взводов первой роты попадал в гарнизонный караул и отправлялся на сутки или к артиллерийским, или к химическим складам, или ещё куда-нибудь. Много времени отнимали полковые наряды у продовольственных и вещевых складов. Если наши герои, попав в пристрелочники, тяжесть нарядов почти не чувствовали, то всем остальным досталось порядочно. Теперь в наряды рота одногодичников стала попадать гораздо реже, и курсанты смогли больше времени уделять учёбе.

Учиться, между тем, становилось всё сложнее. Если в первые месяцы службы всех изматывала строевая подготовка и зубрёжка уставов, то позднее об этом времени вспоминали,

как о счастливом и незагруженном. Теперь преподаватели ежедневно читали лекции по самым разнообразным предметам, давая только основные, совершенно необходимые знания, подробности нужно было разыскивать и выучивать самим по многочисленным наставлениям, уставам и учебникам. Достаточно только перечислить названия предметов, чтобы понять, как загружено было время курсантов.

Прежде всего, изучалась тактика пехоты по боевому уставу в двух частях, по тактическому уставу – тоже в двух частях и по специальному учебнику; затем топография, сапёрное дело, химическая защита и нападение, артиллерия, взаимодействие пехоты с танками и авиацией, изучение пулемёта «Максим» – теоретическое и практическое, пулемёта Дегтярёва (только что появившегося на вооружении, сборку и взаимодействие частей которого командиры взводов сами плохо знали), изучение гранат – русской и Мильса, револьвера наган и только что появившегося пистолета ТТ. Кроме этого, курсанты изучали иностранное оружие: японское, американское, немецкое. Усложнились и политзанятия. Довольно часто ротам одногодичников обоих стрелковых полков одновременно читал лекции комиссар дивизии. Помимо всего этого не уменьшалась нагрузка и по строевой подготовке, и по физкультуре. В последнюю, в связи с наступлением зимнего времени, были введены некоторые изменения: например, на утреннюю прогулку и бег теперь старшина выводил роту в шинелях, и после четырёх кругов пробежки

по плацу от курсантов валил пар, как от загнанных лошадей. Однако со временем такой бег стал привычным, и рота уже могла пробежать без отстающих пять и даже шесть кругов.

Конечно, все курсанты сетовали на бесчеловечность старшины, но, во-первых, жаловаться на требовательность начальства было нельзя, в чём один из курсантов, некто Николай Паршин, убедился на собственном опыте, а во-вторых, вскоре все поняли, что старшина мучает их не зря, а в предвидении больших трудов, которые им предстояли. Нам хочется рассказать про некоторые случаи, происшедшие во время физкультуры.

Паршин, в прошлом ученик Московского театрального училища, участник полковой самодеятельности, обладал отличным умением читать всевозможные, главным образом, героические, прочувствованные стихи, чем очень нравился старшине Белобородько, который, при всей своей суровости, видимо, в душе был довольно сентиментален. Пользуясь благоволением старшины, не раз хвалившего его чтение, Паршин попробовал манкировать утренними прогулками. Физически развитый не очень хорошо, он выдыхался в беге уже на 2–3 круге. Однажды, пробежав всего половину установленной дистанции, он самовольно перешёл на шаг и не только отстал от роты, но даже вышел с протоптанной дорожки и медленно брёл по её краю. По окончании прогулки старшина вызвал его из строя и спросил, чем вызвано такое нарушение дисциплины. Паршин ответил, что он устал.

– Вы что, нездоровы? – спросил старшина.

– Да, что-то горло и голова болит, – ответил Паршин, поняв, что дело может закончиться плохо. Белобородько, хотя и не показал вида, но, наверное, встревожился. Он поручил одному из помкомвзводов отвести роту в казарму, а сам вместе с Паршиным направился в «околоток» – так почему-то называли полковой медпункт. После осмотра Паршина врачом, кстати сказать, тоже из одногодичников этой же роты, старшина отправил «больного» в казарму. О чём говорил старшина с врачом, было неизвестно, но вечером на поверке он вызвал Паршина из строя и объявил ему, что за обман командира и невыполнение приказа на утренней прогулке на него накладывается взыскание – три наряда вне очереди (это был максимум того, что мог дать старшина). Такого строгого наказания в роте ещё никто не получал. Паршин возмутился и на следующий день отправился с жалобой на старшину к командиру роты Константинову. Тот его внимательно выслушал, затем, встав из-за стола, отчётливо произнёс:

– Курсант Паршин, за незнание дисциплинарного устава, за то, что вы осмелились обратиться с жалобой на старшину, минуя определённые уставные инстанции, за то, что вы жалуетесь на строгость командира, считаю нужным наказание, наложенное старшиной Белобородько отменить. Вместо него вы будете подвергнуты аресту на гауптвахте на пять суток.

Затем он повернулся к находившемуся в кабинете коман-

диру взвода, в котором служил Паршин, и сказал:

– Товарищ Васильев, объявляю вам замечание за недостаточную подготовку курсантов и слабое знание ими дисциплинарного устава. Немедленно отправьте курсанта Паршина на гарнизонную гауптвахту.

Это было первое серьёзное наказание в роте, и потому оно произвело на всех бойцов ошеломляющее впечатление. Кроме того, все знали, что Паршин вообще-то, дисциплинированный комсомолец, хорошо успевающий курсант, и были удивлены строгостью командира роты.

Павлин Колбин поднял этот вопрос на комсомольском собрании, и политруку Савельеву немало пришлось потратить времени, чтобы суметь разъяснить, что действия командиров в Красной армии на комсомольских и партийных собраниях обсуждению не подлежат. Они проверяются, если необходимо – отменяются, только высшими служебными и партийными инстанциями.

Очевидно, такая суровость наказания с первого же раза была необходима, чтобы впредь всякие сетования на несправедливость или строгость того или иного командира ограничивались пределами «солдатского клуба». Во-вторых, как мы говорили уже, вскоре все поняли необходимость такой утренней тренировки.

С середины декабря 1929 года рота, иногда одна, а иногда в составе первого батальона, а затем и всего полка, по крайней мере, раз в неделю совершала поход. Первое время эти

походы имели длительность 4–5 километров, но с каждым разом расстояние удлинялось и к весне достигало уже 15 километров. Поход проводился с полной выкладкой – бралось оружие, всё снаряжение: противогаз, лопата, фляга, подсумки и вещевой мешок, в который помимо котелка, кружки, ложки, полотенца и пары белья, командиры отделений вкладывали по одному, а затем и по два кирпича. Мало того, что со всем этим нужно было пройти довольно большое расстояние, следовало ещё уложиться в строго определённое время. Оно, кстати сказать, от похода к походу сокращалось, и, чтобы не опоздать, часть пути приходилось бежать.

Кроме того, между взводами и ротами велось соревнование. Всем хотелось быть первыми, и командиры взводов и рот прикладывали много усилий для того, чтобы перегнать друг друга. Вот, во время этих походов курсанты и вспомнили с благодарностью требовательность своего старшины, так безжалостно гонявшего их на утренних прогулках.

Занятия по физкультуре проходили теперь в специальном классе, где были установлены разнообразные гимнастические снаряды. Борису удалось достичь самых высоких показателей по прыжкам через козла и кобылу – видимо, помогли упражнения, проводившиеся в школе в Кинешме. Все же остальные снаряды вызывали у него если не настоящее отвращение, то довольно сильную неприязнь, и на них он справлялся с заданными упражнениями с трудом.

Самым лучшим гимнастом в роте был курсант третьего

взвода Николай Бочинский, но и он был не в состоянии показать своё истинное искусство. Дело в том, что в то время все красноармейцы, в том числе и курсанты, занимались на снарядах в обмундировании и в тяжёлых сапогах, разрешалось снять только поясной ремень. Следует заметить, что у Алёшкина физкультура являлась единственным предметом, по которому он вытягивал только на «хорошо», по всем остальным, а их было пятнадцать, оценки были отличные, поэтому к годовщине Красной армии (23 февраля 1930 г.) он был в числе немногих курсантов, получивших благодарность в приказе по дивизии.

Сразу же по окончании конфликта на КВЖД Дальневосточная армия была награждена орденом Красного Знамени и стала называться ОКДВА – Особая Краснознамённая Дальневосточная армия.

Время шло, а вместе с ним быстрыми шагами двигалось вперёд и обучение курсантов, ведь в течение года им надлежало пройти ту же программу (кроме общеобразовательных предметов), которую проходили выпускники военно-пехотных школ за три года, значит, занятия ожидалось более напряжённые.

Наряду с теорией, необходимо было познавать и практику, и, к немалой радости командиров отделений и помкомвзводов, на командные должности младших командиров в караулах (разводящих, начальников смен и даже начальников караулов) стали назначать наиболее успевающих курсан-

тов. Курсанты теперь выполняли и обязанности дежурных по роте. С одним из них, опять-таки с Колькой Паршиным, произошёл любопытный случай, послуживший основанием для довольно едких и длительных насмешек.

Как известно, дежурный по роте, а при его отсутствии дневальный, видя какого-либо начальника, входящего в казарму, был обязан подать громкую команду «смирно» и доложить вошедшему командиру о том, что происходит в казарме. За день сюда заходило порядочно командиров, и поэтому команда «смирно» звучала не так уж редко (она не подавалась только во время сна). Обычно первым, кто её заслуживал, был дежурный командир взвода, являвшийся утром раньше всех. Другим командирам взводов эта команда уже не подавалась. Следующим, для кого она звучала, был политрук, и последним её выслушивал командир роты Константинов. Конечно, эта команда подавалась и для командира полка, командира дивизии, комиссара, когда они заходили в помещение роты. В этот день дело обстояло так.

Командарм ОКДВА Блюхер в конце декабря 1929 г. и начале января 1930 г. объезжал все гарнизоны, чтобы ознакомиться с зимним размещением частей и одновременно вручить отличившимся в боях с белокитайцами правительственные награды. Обходя Благовещенский гарнизон, он зашёл в первую (лучшую) роту 5-го Амурского стрелкового полка. В этот день в ротном наряде дневальным был Паршин. Когда в помещение роты вошёл Блюхер, то Паршин от-

сутствовал, второй дневальный отдыхал, и рапорт командарму отдавал дежурный. Это было время самоподготовки, все занимались в классах. Алёшкин и его ближайшие друзья находились в ленинской комнате.

Внезапно появившийся командарм (командир с четырьмя ромбами), хотя и привёл в смущение дежурного, но он сумел отрапортовать достаточно толково. Блюхер похвалил его, пожал ему руку и в сопровождении целой свиты командиров, прибывших с ним как из Хабаровска, так и из штаба дивизии и полка, медленно двинулся по казарме, классам. Он разговаривал с курсантами, интересовался их бытом, питанием, успехами. Дежурный по роте его сопровождал. Когда командарм зашёл в ленинскую комнату, то вдруг внезапно раздалась снова громкая команда «смирно», произнесённая взволнованным голосом Паршина. Все приняли соответствующие положение, в том числе и Блюхер. Каждый подумал (может, так подумал и он), если командарм в казарме, и звучит новая команда «смирно», значит, сюда пожаловал, по крайней мере, член Военного совета РКК, а может быть, и сам нарком Ворошилов. Усомнился в этом только один старшина роты и, бочком выскочив из комнаты, бросился к посту дежурного, но навстречу ему уже звучала новая команда, «вольно», поданная тем же Паршиным, но уже каким-то иным, отчаянным, чуть ли не плачущим голосом.

Вернувшийся в казарму Паршин, заметив, что около поста дежурного никого нет, и не зная о том, что дежурный со-

провождает командарма, занял пост, и когда в казарму вошёл командир роты, в этот день в ней ещё не бывавший, обрадовался случаю и, подав соответствующую команду счастливым голосом, чётко отрапортовал Константинову о том, что в роте никаких происшествий не случилось. Константинов, зная, что в роте находится Блюхер, посмотрел на Паршина звериными глазами, сквозь зубы произнёс «вольно» и чуть ли не бегом бросился в классы. Навстречу ему мчался разъярённый старшина, а вслед звенел отчаянный голос Паршина, вопившего «вольно».

Когда командир роты вошёл в ленинскую комнату, где после этой команды Блюхер продолжил беседу с курсантами и командирами, и представился командарму, тот спросил:

– Какой начальник прибыл в расположение роты?

Краснея и запинаясь, Константинов ответил:

– Товарищ командарм, это был я...

Блюхер весело расхохотался, а перед уходом шутливо спросил:

– А ну-ка, покажите мне того молодца, который перед своим командиром роты командарма по стойке смирно поставил!

Понятно, что стоявший перед ним Паршин был готов провалиться сквозь землю. Но именно потому, что командарм отнёсся к этому происшествию шутливо, оно прошло для Паршина сравнительно безболезненно. Он отделался словесным внушением старшины и, конечно, довольно длительными

ми насмешками курсантов.

Мы не упомянули ещё об одном занятии, которое в последнее время всё чаще и чаще донимало бойцов, это тревоги. Началось всё, конечно, со старшины. В один «прекрасный» вечер, когда только что прозвучал сигнал отбоя, и некоторые замешкавшиеся курсанты даже не успели полностью раздеться, к дежурному подошёл старшина, что-то шепнул ему, и, вдруг тот поднял истошный крик:

– В ружьё! Тревога! Становись в две шеренги в казарме!

Что тут началось!.. Подъём совершился быстро, так как большинство ещё не спало. Все взволновались и испугались. Эта первая тревога проводилась ещё до окончания конфликта на КВЖД. Многие подумали, что вот сейчас их пошлют в бой, но они уже успели понять, насколько они ещё не обучены, и потому о боевых действиях невольно думали со страхом.

Наконец, все оделись, взяли винтовки, противогазы и построились в середине казармы. Подошёл старшина, как всегда с большими карманными наградными часами в руках и начал:

– Эт-то що же такое? А? Эт-то хто же так-то по тревоге подыматься будет? Это же позор на усю дивизию! Восемь минут копались! Да вы, товарищи курсанты, хто? Красноармейцы, будущие командиры или барышни, хоторые у театр собираются? Нет, товарищи курсанты, эти антилигентские привычки придётся отставить! Будем тренироваться! Р-а-а-

а-зойдись! Ложись спать!

Все, немного смущённые только что испытанным волнением и переживаниями, поставили на место винтовки и всё остальное, повесили шинели и понуро побрели к своим койкам. Но, оказывается, тревожная тренировка только началась. Едва все успели раздеться и лечь в постель, причём некоторых сразу начал охватывать сон, прозвучала новая команда старшины:

– Внимание! Одевайсь!

Все, конечно, бросились одеваться, а в это время раздалась новая команда:

– Всем одетым оставаться у своих коек, командирам отделений проверить правильность одевания, имеющих нарушения записать!

Как оказалось, эта команда была не напрасной: более десятка курсантов торопясь одеться, ведь посреди казармы стоял старшина с часами в руках, сунули ноги в сапоги без портянок, не застегнули брюки, гимнастёрки и т. п. Всем им в будущем пришлось нести дополнительные наряды. В числе таких был, конечно, Яшка Штоффер и ещё несколько человек, в том числе и Павлин Колбин – он спрятал портянки под подушку и сунул в сапоги босые ноги. Когда командиры отделений после проверки и исправления всех недочётов доложили старшине о готовности их отделений, вновь раздалась команда:

– Раздевайсь! Ложись спать!

В эту ночь старшина таким образом одевал и раздевал курсантов раза четыре, чем, кажется, довёл их до такого состояния, что они были готовы его растерзать. Лишь последний раз скорость и качество одевания его удовлетворили. Он уже более добродушно сказал:

– Ну, кажись, немного натренировались: за 45 секунд оделись, а нужно за 30, учтите!

После этого ещё не раз старшина устраивал репетиции с одеванием и раздеванием, а когда добился-таки скорости в 30 секунд, добавил к этому надевание шинели, взятие противогазов, лопаток, вещевых мешков и винтовок. Недели через две к этому добавился выход на улицу и построение на плацу.

Как ни кляли курсанты старшину в душе и вслух в своём «солдатском клубе», а эти многократные тренировки пошли на пользу. Они, конечно, были не прихотью старшины, как многие, не подумав, говорили, а запланированным обучением. Одна из последних таких тревог, проведённая часа в два ночи, закончилась тем, что на плацу, куда выбежали и торопливо построились курсанты, их ожидали командиры взводов, политрук и командир роты. Когда старшина после обычных команд «равняйся», «смирно» подбежал к командиру роты и доложил ему о полной боевой готовности подразделения, тот взглянул на часы, улыбнулся и, выйдя на середину между вытянувшихся и замерших по команде курсантов, сказал:

– По тревоге вышли из казармы за полторы минуты! От лица службы объявляю роте благодарность.

Надо было присутствовать при этом, чтобы увидеть и понять, с какой неподдельной радостью и гордостью сотня молодых ребят, уже наученная отвечать на всякие приветствия, согласованно и дружно гаркнула:

– Служим трудовому народу!

После этого Константинов сам скомандовал «вольно» и громко сказал старшине:

– Хорошо постарались, товарищ Белобородько, отведите роту в казарму. Завтра подъём в восемь часов.

Долго ещё после этой тревоги курсанты перешёптывались, лёжа в постелях, и на все лады хвалили своего настыр-ного старшину.

Тревога, о которой мы только что рассказали, происходила уже после возвращения части полка, находившейся в боях на границе. В марте 1930 года, когда снег кое-где начал подтаивать и образовывать большие лужи, за ночь покрывавшиеся довольно прочным ледком, произошла общая полковая тревога, причём на этот раз она проходила по всем боевым правилам. Заранее о ней не знали не только курсанты-красноармейцы, но даже все средние командиры до командира роты включительно.

Как и в предыдущие разы, подъём по тревоге происходил почти в полной темноте, горела только одна маленькая лампочка на столе у дежурного. Дежурные всех рот были связа-

ны телефоном со штабом полка, сигнал тревоги передавался специальным звонком, и дежурный без какой-либо команды обязан был немедленно поднять всех людей по тревоге. Средние командиры жили в специальном городке, расположенном несколько в стороне от казарм, около штаба дивизии. К каждому командиру был прикреплен связной, который по тревоге должен был одеться быстрее всех, добежать до квартиры командира, разбудить его, вернуться и встать в строй. Естественно, что на роль связных старшина назначал тех, кто занимал первые места в соревнованиях по сбору по тревоге. Среди таких оказался и Алёшкин, он был назначен связным к командиру взвода Новикову.

В эту тревогу, одевшись, Борис чуть ли не первым выскок из казармы и помчался к дому, где жил комвзвода. Рядом с ним, впереди и сзади бежали связные других рот и взводов. Достаточно было лёгкого стука в окно, чтобы разбудить Новикова. Увидев освещённое луной лицо Алёшкина, Новиков махнул ему рукой, и Борис помчался обратно. Он успел приблизиться к строящейся роте в тот момент, когда из казармы выбежал последний курсант. А почти следом за ним прибежал и командир взвода Новиков, он выглядел так, как будто бы и не ложился спать. Осмотрев бойцов своего взвода, он подошёл к появившемуся на плацу командиру роты и что-то тихо доложил ему. Почти сейчас же к Константинову вышли с докладом командиры второго и третьего взводов, после чего тот подбежал к командиру полка Ро-

дионову, стоявшему посреди плаца.

Потом оказалось, что рота одногодичников на этой первой полковой тревоге по скорости явки оказалась второй: первое место заняла полковая школа. Но это случилось только единственный раз, во всех последующих полковых и дивизионных тревогах, а они происходили довольно часто, первая рота 5-го Амурского полка всегда занимала первое место. В этот раз после сбора по тревоге командир полка заставил несколько раз промаршировать полк вокруг плаца.

В дальнейшем были и такие тревоги, когда полк и даже дивизия целиком совершали трёх-пяти, а затем и 10-километровые марши, осуществляли погрузку и выгрузку в вагоны, направлялись на стрельбище, где проводили стрельбу и т. п.

## Глава третья

Надо сказать, что дивизия, её части и штаб возвращались в Благовещенск с границы не все сразу. Первым прибыл политотдел дивизии во главе с комиссаром Щёлоковым. Ознакомившись с находившимся в казармах пополнением и проведя дивизионное партийное собрание, он подробно рассказал на нём о событиях на КВЖД и о той роли, которую в этих событиях сыграла 2-я Приамурская дивизия, удостоенная второго ордена Красного Знамени.

Щёлоков занялся и самодеятельностью. Посмотрев номера, которые готовили в обоих полках, он остался ими доволен и предложил создать одну эстрадную группу из обоих полков (пятого и шестого) с тем, чтобы она выступала с действительно интересными, злободневными постановками типа «Синей блузы». Руководителем он рекомендовал курсанта-одногодичника из шестого стрелкового полка, некоего Сафронова, который до армии служил артистом какого-то московского театра. Предложил Сафронову самому подобрать необходимый коллектив из числа курсантов-одногодичников обоих полков. Нечего и говорить, что в числе желающих были такие старые синеблузники, как Борис Алёшкин, Павлин Колбин и Николай Першин. Яков Штоффер стал штатным художником и декоратором, музыкантом назначили курсанта шестого полка, учившегося до призыва в

консерватории и игравшего на рояле. Он мог моментально, по одному намёку мелодии подобрать не только весь мотив, но и аранжировать его, сопроводив аккомпанементом любой сложности. К сожалению, неизвестна его фамилия – в воспоминаниях Бориса, которыми мы пользуемся, она не сохранилась. Предположительно, его звали Рязанов, в дальнейшем мы так и условимся его называть.

В пятом Амурском полку Колбин, до призыва работавший в газете «Красное знамя», отличался удивительной бойкостью пера, он был в состоянии моментально по любому поводу сложить весьма складные и содержательные стихи. Кроме того, он умел отлично компоновать, вставляя в свои сочинения отрывки из произведений известных авторов. Наличие этих сил позволило вновь созданной труппе уже к 21 января, к шестой годовщине смерти В. И. Ленина, подготовить хорошую программу, состоявшую из большой оратории, красочно оформленной, включавшей в себя отрывки стихотворений всех известных авторов, писавших на смерть Ильича: Маяковского, Бедного, Жарова, Безымянского и других, и, наконец, самого автора композиции. Часть этих отрывков выполнялась в виде хоровых или сольных песен, часть – в виде декламаций, тоже коллективных или сольных. Всё действие сопровождалось музыкой – аккомпанементом на рояле. Для этой постановки Сафронов сумел взять напрокат из благовещенского театра необходимые костюмы. Кроме того, он получил разрешение от командования привлечь

к постановке, организуемой «Красноармейской эстрадой», как вначале называлась эта самодеятельность, несколько девушек из медицинского техникума г. Благовещенска.

Девушки лет 16–18 были отобраны Сафроновым из числа лучших, отличались довольно незаурядными артистическими способностями, имели слух и недурные голоса, репетировали с большой охотой. Все они участвовали и в различных акробатических номерах, которыми Сафронов считал необходимым разнообразить каждую программу.

Основной состав этой труппы состоял из 20 человек, в том числе восьми девушек. В это число, конечно, не входил музыкант, художник, автор интермедий и композиций и сам Сафронов. В их репертуаре, кроме самостоятельных сочинений, были также различные сценки и скетчи, публиковавшиеся в только что начавшем выходить московском журнале «Красноармейская эстрада», получаемом политотделом дивизии.

Понятно, что комиссар Щёлоков внимательно следил за своим детищем – первым эстрадным красноармейским коллективом не только в дивизии, но и во всей ОКДВА. По его совету было придумано и название эстрадной группы: с февраля 1930 года она стала называться «Весёлый дальневосточник».

Первое представление, состоявшееся, как мы уже говорили, 21 января 1930 года, посвящённое целиком В. И. Ленину, своей необычностью и незаурядным исполнением номеров

так понравилось, что после того, как его посмотрели все части дивизии, находившиеся в Благовещенске, было решено показать его гражданским зрителям в городском театре. Там показывали постановку за деньги, а вырученные суммы использовали на костюмы и реквизит. В гортеатре это выступление имело большой успех, и поэтому, когда была готова новая, посвящённая 12 годовщине Красной армии программа, все билеты на неё раскупили за два дня.

Сейчас многие из номеров выступления «Весёлого дальневосточника» покажутся примитивными, наивными и далеко не высокохудожественными, но в то время такие постановки были редкими, и они помогали в деле политвоспитания бойцов. Между прочим, именно такой отзыв дал об этом коллективе и его представлении приехавший на гастроли и посетивший части ОКДВА, расположенные в г. Благовещенске, знаменитый Александр Васильевич Александров, руководивший красноармейским хором ЦДКА (так тогда назывался ансамбль песни и пляски Советской Армии). В его коллективе было около сорока человек. Он приехал в гарнизон 23 февраля 1930 года. Когда Александров узнал, что в этот вечер в клубе будет выступать собственная самодеятельность со специальной программой, объединённой общим названием «Особая Краснознамённая», то заявил, что вместе со своими хористами с удовольствием денёк отдохнёт, посмотрит представление, а хор будет выступать 24 февраля (этот день был тоже праздничным).

Надо было видеть, с каким волнением и трепетом участники «Весёлого дальневосточника» представляли свои номера, зная, что на них смотрят столь известные артисты, не раз выступавшие перед самим Сталиным, Ворошиловым и Калининным. Несмотря на все волнения, программа прошла весело и оживлённо. Исполнители и руководитель заслужили одобрение Александрова, хотя вместе с тем он высказал немало и критических замечаний, которые помогли в последующих постановках.

Выступление хора Александрова, на котором, по разрешению комиссара дивизии, присутствовали все участники самодеятельности, произвело большое впечатление. Услышав впервые многие песни, такие как «По долинам и по взгорьям», «Особая Дальневосточная», «Хор из оперы», «Волшебный стрелок», да и многие другие, увидев огневые, разудалые русские пляски, хотя они и исполнялись всего десятком человек, участники самодеятельности, как, впрочем, и все присутствовавшие на концерте, были в восторге. Александров давал в каждом гарнизоне только один концерт, а клуб пятого Амурского стрелкового полка, бывший самым большим в гарнизоне и исполнявший роль дивизионного клуба, мог вместить только небольшую часть бойцов и командиров. Политотдел дивизии выделил каждому полку очень ограниченное число мест, этим и объяснялся приказ комиссара дивизии о пропуске на представление всех участников «Веселого дальневосточника».



Для Бориса Алёшкина за всеми этими занятиями, учёбой, службой в караулах время летело так быстро, что он не успевал и опомниться, как кончалась неделя, за ней другая, а там и месяц. Нельзя сказать, чтобы он не вспоминал о своей любимой Катеринке и о маленькой дочурке, но воспоминания эти, образы самых дорогих для него людей мелькали в его сознании какими-то неясными, хотя и очень приятными тенями, и сейчас же стирались очередным неотложным делом. Но зато в длинные бессонные ночи в карауле или на ротном полковом и дивизионном дежурстве (а с 1 января 1930 г. курсантов стали назначать в наряды в штаб полка и в штаб дивизии) мысли Бориса целиком были поглощены его маленькой семьёй. Именно в эти ночи, когда ему никто не мог помешать, он писал домой длинные письма, в которых осыпал свою жёнушку самыми ласковыми именами, жаловался на то, что скучает по ней и по дочурке, высчитывал дни оставшейся службы, рассказывал о своём житье, просил чаще писать.

Катя его письмами не баловала, и если у Бориса выходило одно письмо в 10–12 дней (по числу нарядов), то от неё он получал едва ли одно письмо в месяц. Как правило, Катинины письма были довольно сухими, и, как всегда, нежностями не изобиловали. Она довольно скупко сообщала о своей

жизни, однако, можно было понять, что ей удалось продвигнуться по службе – она стала занимать более высокую должность всё в том же АКО. Иногда в конверт с письмом Катя вкладывала немного денег, обычно 5–6 рублей, и это было для Бориса большим подспорьем. Его красноармейское жалование равнялось 1 рублю 60 копейкам в месяц, расходы же волей-неволей набирались: то нужно было купить письменные принадлежности – тетрадки, карандаши, то гуталин, то туалетное мыло, то лезвия для безопасной бритвы (хоть и через 2–3 дня, а бриться Борису было нужно), да мало ли ещё чего? Но, пожалуй, самым главным расходом у него всё-таки были конфеты. Будучи сладёной, ему никогда не хватало выдаваемого по норме сахара.

Нелишне вспомнить, как получали этот сахарный паёк. Командиру отделения выдавался сахар по весу на 10 дней большими кусками. Специальным тесаком командир крошил сахар на более мелкие кусочки и раскладывал их на газете на равные кучки. Надо сказать, что у Евстафьева был удивительный глазомер, и даже самый придирчивый из курсантов не смог бы найти разницы в кучках, тем не менее распределение кучек сахара совершалось «гаданием». Один из курсантов садился спиной к столу, остальные окружали его. Командир отделения притрагивался к какой-либо из кучек сахара и громко вопрошал: «Кому?» Сидевший, не видя кучки, говорил «такому-то», названный курсант забирал свою порцию, и так продолжалось до конца. Никогда эта делёжка

не вызывала никаких нареканий, и все были довольны.

Беда заключалась в том, что сахара некоторым, как, например, Алёшкину, хватало лишь на два-три чая, приходилось докупать его или дешёвые конфеты в полковой лавочке. Очень часто поэтому Борис занимал деньги у своих более богатых товарищей, а такими были, прежде всего, Павлин Колбин и Беляков, ежемесячно получавшие из дома по 20–25 рублей. Часто присланные Катей деньги уходили на оплату долгов, и он залезал в новые.

Между прочим, с начала января у курсантов, а, следовательно, и у Бориса появились новые расходы. По воскресеньям бойцов стали отпускать в увольнение в город, ходили обычно группами. В группе Алёшкина были его дружки – Колбин и Беляков. Самым любимым маршрутом их был такой: на главной улице города, служившей продолжением дороги из военного городка, находился кинотеатр, где можно было посмотреть свежую кинокартину (в полковом клубе крутились картины 3–4-годовой давности, в строго выдержанном идейном направлении); выйдя из кино, зайти в расположенное рядом кафе, съесть там пару порций варенца с сахаром и закусить это булочкой или пирожком. О том, чтобы зайти в магазин купить вина и выпить его с какой-либо знакомой, как умудрялись делать, правда, весьма немногие курсанты, наши друзья и не помышляли. Все они были комсомольцами, а двое и партийцами, и потому даже сама мысль о выпивке у них не возникала. Из всех троих женатым был

один Борис, но у его друзей дома остались девушки, и заводить здесь новые знакомства они не хотели.

Самым трудным для этой троицы было не получение увольнительных – это удавалось как раз легко: все они отлично учились, считались примерными курсантами, и потому увольнительные и старшина роты, и командир взвода, а тем более политрук выдавали им по первой просьбе, и даже иногда в будние дни. Трудность заключалась в том, чтобы при следовании по городским улицам не прозевать какого-нибудь, даже самого маленького командира и своевременно его поприветствовать. Донос такого командира лишал увольнительных даже самых хороших курсантов иногда на целый месяц. Хуже всего приходилось, конечно, Яше Штофферу, который из-за своей рассеянности мог не заметить даже собственного командира роты, столкнувшись с ним нос к носу. Если бы не завклубом и не ходатайство Сафронова, то Штофферу пришлось бы сидеть вообще без увольнений.

Впрочем, и с нашими друзьями, кажется, в феврале 1930 года произошёл довольно забавный, но и опасный случай, из которого они вывернулись лишь благодаря смелости и нахальной находчивости Павлина Колбина. А дело было так.

Возвращаясь однажды из города после какой-то очень весёлой кинокартины и вкусного варенца, ребята находились в самом радужном настроении. Они дружно шагали в ногу по самой середине заснеженной, но хорошо укатанной мостовой и, поддаваясь веселью, не сговариваясь, затянули од-

ну особенно полюбившуюся всей роте шуточную песню, переделанную из старой солдатской «Вдоль да по речке». Собственно, переделан был только припев, в котором, между прочим, были такие слова:

Шевели, курсант, усами,  
Собирайтесь, девки, с нами,  
Во зелёный сад гулять!

Первый куплет они пропели тихонько, а затем разошлись и следующие уже орали во всю свою молодую глотку. Они, конечно, знали, что курсант, находясь в городе, обязан вести себя дисциплинированно и пристойно, но, поддавшись настроению, на пустынной улице и в темноте как-то забыли об этом. Распевая во всю мочь, курсанты разом заметили стройную фигуру какого-то пожилого командира, медленно идущего им навстречу по тротуару. Одного взгляда было достаточно для того, чтобы узнать в этой фигуре их сурового и строгого командира полка Родионова. Они растерялись, и, видимо, от этого, приближаясь к нему, не только не прекратили пение, а, кажется, стали петь ещё громче.

Первым опомнился и принял, очевидно, единственно правильное решение Павлин Колбин. Он вдруг вытянулся и громко скомандовал:

– Отставить песню. Смирно! Равнение налево!

Сам же твёрдым строевым шагом направился к невольно остановившемуся командиру полка, и, приложив руку к ко-

зырьку будёновки, чётко отрапортовал:

– Товарищ комполка! Курсанты первой роты одногодичников возвращаются из увольнения в город строем с песнями. Докладывает старший группы курсант Колбин!

Родионову ничего не оставалось делать, как только, ответив на приветствие, сказать:

– Вольно. Следуйте в казарму, только без песен.

Об этом случае он как-то вспомнил на занятиях, которые проводил с одногодичниками по тактике. Похвалил Колбина за находчивость, но одновременно и упрекнул за слишком вольное поведение в городе.

В конце февраля 1930 года с Борисом Алёшкиным случилось и ещё одно происшествие. Зайдя после кино в кафе и увлёкшись очередной порцией варенца, Борис, любивший-таки покушать, не замечал никого вокруг. Вдруг он ощутил удар по плечу и услышал знакомый бас:

– Чёрт побери, да это, кажется, Борька Алёшкин! Здорово! И давно ты здесь? – спросил высокий парень с вьющимися чёрными волосами и карими глазами навывкате. Толстые губы его большого рта сложились в весёлую улыбку. Не спрашивая разрешения и не обращая внимания на изумлённые взгляды Бориных друзей, парень сел на свободный стул, стоявший у их стола, и небрежно кинул проходившей официантке:

– Клавочка, принеси-ка мне два варенца.

– И булочку? – спросила та.

– Нет, две! Я голоден, как чёрт. Да ты что, на самом деле онемел что ли, не узнаёшь меня? – повернулся он снова к Борису.

И тут Алёшкин его вспомнил! Ну, конечно же, это был Колька Завьялов, председатель Благовещенского бюро компартии, с которым он в 1927 году осенью встречался на пленуме Дальбюро, и даже подружился, если это возможно за такой короткий срок. Колька был очень компанейским, весёлым и общительным парнем. Опомнившийся Борис пожал его руку и сказал:

– Ребята, это мой друг, я его знаю около трёх лет, он тоже пионерский работник.

– Нет, нет! – перебил его Колька. – Прощай, брат, молодость, уже давно – больше года как распростился с пионерами, теперь на меня ношу потяжелее навалили, я теперь секретарь обкома ВЛКСМ! Не то что ты – вон, надел красноармейскую шинель, и все заботы побоку. А я, сколько ни просился в армию, так и не пустили. Но ты не сказал мне, давно ли ты тут?

– Да вот, после кино зашли...

– Не увиливай! Давно ли в Благовещенске, я спрашиваю?

Борис переглянулся с товарищами, он не знал, как ответить: политрук неоднократно предупреждал их, чтобы в городе никому, ни при каких обстоятельствах не рассказывали о том, сколько времени они находятся в Благовещенске и когда туда прибыли. Потому он нерешительно сказал:

– Да уж порядочно...

– Ох, прости, брат! Я и не сообразил, что это военная тайна, хотя мне и можно сказать. Ну да ладно, правильно. Всё-таки, значит, не первый день, а, как я понимаю, не меньше четырёх месяцев, иначе тебя бы в город не пустили. И тебе не стыдно? Ты до сих пор не выбрал время зайти в обком комсомола, ну и друг! Ну теперь мы от тебя не отстанем, я помню, как ты на пленуме выступал... Нам такие нужны!

– Что ты, что ты, Коля! У нас такая учёба – дыхнуть некогда, да ещё и самодеятельность, партийные нагрузки, а тут и ты собираешься чем-то нагрузить, – взмолился Борис.

– Ничего, ничего, выдюжишь, – засмеялся Завьялов, уплетая принесённый варенец.

В это время Беляков вынул из кармана большие серебряные часы, доставшиеся, как он любил говорить, ему по наследству от отца, щёлкнул крышкой, посмотрел на них и укоризненно покачал головой. Николай заметил этот взгляд:

– Извините, ребята, я задержал вас. Ну, идите, идите, ведь у вас строго, а ты, Борис, всё-таки заходи, рады будем, – он попрощался со вставшими ребятами и снова уселся за свой варенец.

Эта встреча очень скоро напомнила о себе. Но прежде чем рассказать о том, как она отразилась на судьбе Бориса Алёшкина, вспомним немного о событиях, происходивших в это время в нашей стране. Как известно, ещё на XV съезде ВКП(б) был провозглашён лозунг сплошной коллективизации.

Естественно, что во всех земледельческих областях и районах руководители разного масштаба стремились как можно скорее претворить его в жизнь. И, несмотря на ряд постановлений ЦК ВКП(б), как например, «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 года, «О коллективизации и борьбе с кулачеством в национальных и экономически отсталых районах» и других, иногда в этих вопросах допускались серьёзные ошибки и искривления партийных установок, принося делу существенный вред.

Первого февраля был опубликован примерный устав сельхозартели, а второго марта в «Правде» появилась статья И. В. Сталина: «Головокружение от успехов», вскрывшая недостатки в колхозном движении и призывавшая всех сельских коммунистов принять меры по их исправлению. Эта статья, а также и постановление ЦК «О борьбе с искривлениями в колхозном движении» от 15 марта 1930 года, заставили партийные организации на местах принимать срочные меры.

Благовещенский обком ВКП(б), обсудив на заседании бюро эти документы, а также и поступавшие с мест материалы о ходе коллективизации в Амурской области, констатировал, что имеется много недостатков, и для исправления их необходимо срочно командировать во все районы, во все самые отдалённые сёла, хутора и станицы коммунистов, хотя бы немного знакомых с сельским хозяйством и достаточно политически грамотных, способных помочь местным ячей-

кам найти правильное решение по исправлению создавшегося у них положения. Кроме работников областных организаций, решили привлечь и коммунистов гарнизона.

На бюро присутствовал секретарь бюро обкома ВЛКСМ и комиссар дивизии Щёлоков. Велико же было удивление последнего, когда Завьялов, услышав список политработников, рекомендованных командованием дивизии для отправки в сёла, посоветовал включить в него двух бывших комсомольских работников, до армии работавших в аппаратах сельских райкомов ВЛКСМ. Это были Борис Алёшкин и Николай Басанец – брат Гришки Басанца, который, как оказалось, служил в роте одногодичников 6-го стрелкового полка.

Для Щёлокова такое предложение явилось неожиданно, но ему не пришло в голову сослаться на занятость курсантов, и он машинально включил их в ранее составленный список. На следующий день комдив вызвал обоих курсантов к себе, чтобы познакомиться с ними. Предварительно он переговорил с командирами рот и узнал, что оба эти курсанта вполне успевают в учёбе и безусловно нагонят пройденную программу, если будут оторваны от занятий на две-три недели. Командирам рот он приказал пока о предстоящих командировках никому не рассказывать.

На следующий день в первой роте 5-го Амурского полка дежурный получил из штаба дивизии телефонограмму с приказом направить курсанта Алёшкина к комиссару дивизии в 16:00. Такие вызовы являлись чрезвычайным собы-

тием. Дежурный доложил старшине роты, тот – командиру взвода, последний – политруку, а уже политрук, тоже взволнованный этим вызовом (неужели Алёшкин что-нибудь натворил?), передал телефонограмму командиру роты.

К удивлению Савельева, Константинов к этому вызову отнёсся спокойно. Он вызвал к себе старшину роты и приказал ему проверить состояние обмундирования курсанта Алёшкина, а также умение обращаться к старшим начальникам, и направить его к указанному времени в штаб дивизии.

Около часа дня в конце одного из занятий, Борис был вызван старшиной. Все удивились, и прежде всего, сам Борис. Вызовы с уроков случались крайне редко и происходили до сих пор только в двух случаях, когда в Благовещенске проездом находились родители курсантов. Борис вначале подумал о том же: «Уж не приехала ли Катеринка?», но сейчас же отбросил эту мысль. «Зачем она может появиться в Благовещенске? Да и денег у неё на такую поездку нет... Может быть, отец приехал в командировку?» – думал он, торопливо шагая за дневальным.

Явившись к старшине по всем правилам строевого устава, Алёшкин в тревожном состоянии ждал разрешения мучавших его вопросов. Старшина не объяснил ничего. Придирчиво осмотрел Борисовы сапоги, штаны и гимнастёрку. Последняя ему, очевидно, не понравилась, потому что он достал из шкафчика почти новенькую, аккуратно сложенную гимнастёрку и протянул её Борису.

– Переоденьтесь, – коротко приказал Белобородько.

Борис удивлённо посмотрел на него, однако, молча снял свою и надел новую гимнастёрку, и через несколько секунд, уже вновь вытянувшись, стоял перед старшиной. К этому времени он был достаточно вышколен и понимал, что задавать какие-либо вопросы нельзя. Ещё более его удивило дальнейшее. Старшина снова придирчиво оглядел его и, заявив, что после обеда следует почистить сапоги, добавил:

– А теперь, курсант Алёшкин, вспомним строевую подготовку – обращение к старшему начальнику. Я – комиссар дивизии, войдите и представьтесь.

Такой урок для Бориса был не нов: на занятиях, представляясь друг другу, они изображали по очереди не только комиссара дивизии, но и командарма, и члена реввоенсовета республики и даже председателя ВЦИК. Но к чему такое занятие сейчас? Ведь всё это давно прошли. Однако, привыкнув уже повиноваться приказаниям старших без каких-либо рассуждений, Борис вышел из комнаты, затем постучал в дверь так же, как это делалось при входе к командиру роты и, не открывая её, спросил:

– Разрешите войти?

Услышав в ответ «войдите», Борис вошёл в комнату, ступив от двери два шага, вытянулся и громко отрапортовал:

– Товарищ комиссар дивизии, курсант первой роты 5-го Амурского стрелкового полка 2-й ордена Красного Знамени Приамурской дивизии Алёшкин по-вашему приказанию

прибыл.

Чёткость и уверенность рапорта понравились старшине, он чуть ли не ласково сказал:

– Вольно. Садитесь, товарищ Алёшкин.

Когда Борис сел, тот сочувственно к нему обратился:

– Вот, товарищ Алёшкин, курсант вы хороший, строевую подготовку и прочие предметы усваиваете хорошо, а что-то натворили! Вы уж там держитесь скромнее, может быть, усё и ладно кончится... Ну, посидите на «губе» суток двое... Всякое бывает!

Тут уж пришла очередь взволноваться и Борису:

– Да в чём дело, товарищ старшина, что случилось? – почти выкрикнул он.

Старшина горько усмехнулся:

– У чём дело? Это я у вас должен спросить, у чём дело. Вы там разные штучки вытворяете, а ведь и я за вас в ответе: вам попадёт – и мне тоже. Ведь комиссар дивизии курсанта зря вызывать не будет? Наверное, чего-нибудь там есть...

От волнения, и чего греха таить, и от испуга Борис даже побледнел. Он мысленно начал перебирать все свои поступки и слова, которые могли бы его как-нибудь скомпрометировать, и ничего, ну ровным счётом ничегошеньки не находил такого, что могло бы или должно было бы привлечь к себе внимание комиссара дивизии. Однако волнение его от этого не уменьшилось.

Старшина, видя, в каком состоянии находится курсант,

решил его успокоить:

– Да ты, хлопче, не турбуйся, – перешёл он на украинский язык, – мабуть усё не так погано обернётся, – и он потрепал Бориса по плечу. – Я думаю, что дело не так скверно, бо комроты, передавая приказание о явке твоей к комиссару, не был сердитый, а я уж его знаю! Колы шо, так он сам як взвинченный, да и нас уже навинтит! Так вот, товарищ Алёшкин, у 16:00 быть у кабинету комиссара дивизии. Ясно?

– Есть в 16:00 быть у кабинета комиссара дивизии, – машинально ответил Борис.

– А теперь можете идти. Не забудьте сапоги почистить! – напутствовал повернувшегося к двери и взявшегося за её ручку Бориса старшина.

Время до назначенного часа тянулось нескончаемо медленно. Борис мысленно перебрал всю свою короткую жизнь и, кроме партийного выговора, полученного в 1929 году, ничего не находил. Но всему приходит конец. В 15 часов 30 минут Алёшкин был у двери, ведущей в комнату комиссара дивизии, там уже сидел какой-то курсант из 6-го стрелкового полка. Мы, кажется, не говорили, а ведь у каждого красноармейца на петлицах был проставлен жёлтой краской номер полка. Сидевший красноармеец был одет в новое чистое обмундирование, отличное от обмундирования красноармейцев других рот. Борис определил, что его товарищ по несчастью – одногодичник.

– Вы к комиссару? – спросил он сидящего.

– Да, вот, вызывает, – ответил тот.

– А вы не знаете, зачем? – замирая от ожидания, снова спросил Борис.

– Нет, хотя и догадываюсь...

– Зачем же?

– А вы в прошлом не комсомольский работник?

– Да, а что?

– Ну, так это, наверно, штучки Кольки Завьялова, знаете такого?

– Конечно, знаю...

Но в этот момент их разговор был прерван. В коридоре, выйдя из какой-то двери, которых здесь было много, к своему кабинету направился комиссар дивизии. Заметив вскопчивших при его приближении курсантов, Щёлоков спросил:

– Вы ко мне, товарищи? – и получив утвердительный ответ, продолжал, – Ну, что ж, тогда заходите.

Войдя в кабинет и увидев, что сопровождавшие его посетители остановились у двери, комиссар сказал:

– Да вы проходите, товарищи, не стесняйтесь. Садитесь вот сюда, к столу. Давайте поговорим. Расскажите о себе, ну вот хоть вы, – обратился он к соседу Бориса. – Да не вставайте, не вставайте, мы сейчас с вами как коммунисты разговариваем.

Через несколько минут Борис уже знал, что его сосед – Николай Басанец, до армии работал в раздольненском райкоме ВЛКСМ зав. агитпропотделом и что он член ВКП(б) с

прошлого года. Также коротко он рассказал и о себе. Выслушав их биографии, комиссар заметил:

– Что же вы, товарищ Алёшкин, так затянули свой кандидатский стаж? Надо вступать в члены ВКП(б), подавайте заявление. А как с рекомендациями?

Борис ответил, что четыре рекомендации ему вышлют с места работы по первому требованию, а пятую придётся искать здесь.

– Что же, если справитесь с поручаемым заданием, так пятую дам я, – сказал комиссар, – ну, а не справитесь, так, значит, членом партии вам быть ещё рано.

Щёлоков коротко рассказал о том, что Борису и Николаю предстоит в числе других агитаторов выехать в район по указанию обкома ВКП(б) и там обеспечить исправление допущенных ошибок в коллективизации, а где их не было, то помочь в дальнейшем продвижении по верному пути. Он сказал, что командировка продлится около трёх недель и по возвращении им придётся по всем предметам догонять своих товарищей. На вопрос, справятся ли они с этим, оба ответили, что, точно справятся. Далее комиссар сообщил о суточных, которые им будут выписаны на время командировки из расчёта два рубля в сутки, а на дорогу – литер. Всё это выдадут, когда они предъявят командировочные и предписания от обкома. Предупредил он также, что инструктивное совещание выезжающих назначено в гортеатре завтра в 9:00, и с этого времени они от всех занятий освобождаются, о чём он

предупредит их командиров.

## Глава четвёртая

Нечего и говорить, что в казарму Борис явился с высоко поднятым носом. Подумать только, его посылают с таким ответственным партийным заданием! Конечно, он немедленно рассказал об этом своим друзьям, командиру взвода и политуру роты. Последний поздравил его с большой честью и выразил надежду, что Алёшкин не посрамит первую роту 5-го Амурского полка, ведь он едет в село не только как Борис Алёшкин, но и как коммунист и представитель Красной армии!

На следующий день на инструктивном совещании Борис и Николай, встретив Завьялова, узнали от него, что это он придумал устроить им внеочередной «отпуск» из казармы:

– Ну а с заданием вы, безусловно, справитесь, я на это надеюсь. Тем более что я постарался сделать, чтобы вас направили в одно место.

Совещание продолжалось до двух часов дня, на нём проработали устав сельхозартели, статью И. В. Сталина и постановление ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1930 года. Все отъезжающие получили на руки по пачке брошюр с этими материалами.

Как и обещал Завьялов, Алёшкин и Басанец оказались направленными в один район, а именно в Завитинский, с центром на станции Завитая. Им на руки выдали соответству-

ющие удостоверения, подписанные секретарём Благовещенского обкома ВКП(б). Получив эти документы и распрощавшись с Завьяловым, наши друзья вместе с другими военными, в основном, политруками рот, направились в штаб дивизии, где им были оформлены соответствующие предписания, литеры и деньги. Давно уже у Бориса не было на руках такой крупной суммы денег – он получил целых 50 рублей! По своему легкомыслию он был готов в этот же вечер отправиться в знакомое кафе и наесться варенца и пирожных до отвала, благо теперь можно было ходить в город без увольнительных. Но более благоразумный Басанец его от этой затеи удержал. Вместо этого они отправились на вокзал и узнали, что необходимый им поезд на Хабаровск, а ехать нужно было в этом направлении, идёт утром. Оформили свои литеры и вернулись домой, в казарму.

Часов в пять вечера следующего дня они уже высаживались на маленькой железнодорожной станции Завитая. Хотя был март месяц, но в это время уже стемнело. Станция и небольшой посёлок около неё были засыпаны недавно выпавшим снегом, который приятно поскрипывал под ногами.

Вдали, на пустынном перроне, маячил силуэт невысокого мужчины. Ни Басанец, ни Борис не имели ни малейшего понятия о том, где находится завитинский райком ВКП(б), в который они должны были явиться. Встреченный мужчина оказался весьма кстати. Они направились к нему, менее чем через минуту повстречались, и... Борис не поверил сво-

им глазам: перед ним стоял новонежинский учитель Бойко. За прошедшие пять лет он почти не изменился: такие же опущенные книзу хохляцкие усы, такая же седина на висках и, пожалуй, чуть больше морщин на лбу и около глаз. Но если Борис узнал Бойко сразу, то последний в этом правом красноармейце в будённовском зелёном шлеме, застёгнутом у подбородка, в белом новеньком (выдали перед командировкой) полушубке, туго затянутом ремнём, на котором блестела коричневой кожей кобура с наганом (тоже полученным перед командировкой), – растрёпанного, всегда довольно небрежно одетого комсомольца Алёшкина, конечно, узнать не мог. Поэтому он удивлённо остановился, когда Борис, увидев его, радостно воскликнул:

– Товарищ Бойко, какими судьбами? Как вы здесь очутились? Не узнаете? Я Борис Алёшкин... Помните Новонежино?

– Ах, Алёшкин! Вот уж никогда бы не подумал, что армия сможет так вас преобразить! Конечно, я вас не узнал, да, наверно, никто бы из наших новонежинских знакомых не узнал. Ну, я-то понятно, почему я здесь... Давно уже, года два как перевёлся из Новонежина сюда, поближе к дочке. Помните мою Зою?

– Ну, как же, как же, ведь она была пионеркой в моём отряде, – воскликнул Алёшкин.

– Ну так вот, окончив школу, она стала учительницей, получила назначение в завитинскую школу, переехала сюда, а

за ней потянулся и я. Скучно одному бобылю в Новонежине жить.

– Почему бобылю? – невольно вырвалось у Бориса.

– А вы разве не знаете? Да, впрочем, вы ведь давно уехали. Оксана Пантелеевна в 1927 году утонула возле мельницы. Купалась в омуте, там ведь все любили купаться, вот и утонула. Там каждый год тонут... Наверно, помните – на дне этого омута ледяные ключи, кто заплывает подальше, холодная струя подхватывает. Судороги – и всё кончено, а глубина там около трёх саженей. Только на другой день её выловили. Вот и остались мы с Зоей вдвоём. Да уж теперь не вдвоём, а скоро вчетвером будем! Вышла она здесь замуж за учителя, он из Хабаровска. Скоро рожать будет она, вот я и провожал её: поехала в Хабаровск к родителям мужа, там хочет родить. Да и правильно решила, ведь ей первое время женская рука нужна, а я – что ж, я ведь ничего не умею, а мужа-то тоже дома нет – как и вы, в армии служит, где-то в Забайкалье, в этом году вернуться должен. Ой, да что же я заболтался, наверно, уж и наскучил вам, – прервал себя Бойко. – Вы-то как здесь очутились? У нас ведь в Завитой воинских частей нет. Хотя, простите, может быть, это военная тайна?

– Да нет, что вы, Алексей Львович (Борис с трудом вспомнил его имя и отчество), тайны тут особой нет, мы приехали по гражданским делам. Нам надо в райком партии, мы вот и хотели у вас спросить, как его найти.

– Ну, это дело нетрудное, тем более что мы (я ведь вме-

сте с молодыми живу) квартируем чуть ли не рядом с райкомом, так что я вас провожу. А после заходите ко мне, чайку попьём, Новонежино вспомним. Может быть, и заночуете у меня.

Борис и Николай поблагодарили и отправились вместе с Бойко в центр районного села Завитая. Вскоре они подошли к его дому, а почти напротив увидели и вывеску – РК ВКП(б) и РК ВЛКСМ. В окнах этого дома горел свет.

Через некоторое время, проверив их удостоверения, с ними беседовал секретарь райкома. Он, как оказалось, был рад, что к нему прислали не просто армейских политработников, а хотя и молодых ребят, но имевших опыт райкомовской работы на селе. Побеседовав, он быстро решил их судьбу. Людям для проведения агитационно-пропагандистской работы в Завитинском районе явно не хватало, мест, где требовалось живое, доходчивое слово коммуниста-агитатора, было много. Работники обоих райкомов находились в разгоне, мобилизовали коммунистов из РИКа и других районных учреждений, но закрыть ими все многочисленные прорехи не удавалось. Такая ничтожная прибавка, как два человека, была явно недостаточной, но всё же очень нужной.

Секретарь райкома распределил наших друзей так: Колю Басанца, как имевшего опыт работы среди железнодорожников, он направил на станцию Завитая. При ней имелось депо и мастерские, они шефствовали над группой колхозов и должны были посылкой своих рабочих-коммунистов помочь

людям правильно разобраться и понять политику партии в организации колхозов. Одновременно нужно было организовать помощь рабочим в ремонте сельхозинвентаря. Басанцу и поручалось от имени завитинского райкома ВКП(б) контролировать и организовывать эту работу. На замечание Николая, что вряд ли он сумеет справиться с таким сложным делом за такой короткий срок, секретарь заметил:

– Ну, не пугайтесь: коли будет очень нужно, мы вас и задержать можем. А потом, там сейчас самое главное – столкнуть их с мёртвой точки, начать работу, а уж дальше пойдёт.

Бориса он направил в село Демьяновка, чтобы он разобрался в колхозном вопросе и помог начать подготовку к севу. Кроме того, Борису поручалось обязательно побывать в имевшейся там коммуне, члены которой категорически отказались вступать в колхоз. Он рекомендовал Борису выехать в Демьяновку утром следующего дня на какой-нибудь попутной подводе – у райкома, конечно, транспорта не было. Переночевать обоим курсантам секретарь предложил в его кабинете, сказав, что завтра Басанца поместит на жительство к кому-нибудь из железнодорожников, а Алёшкин выедет к месту назначения и в жилье нуждаться не будет. Узнав, что они оба приглашены на ночлег к учителю Бойко, посоветовал воспользоваться его гостеприимством.

На следующий день курсанты расстались. Часов в 10 утра Борис нашёл на базаре попутную подводу и выехал в Демьяновку, а Николай ещё раньше отправился к секретарю же-

лезнодорожной партячейки.

Село Демьяновка от Завитой находилось километрах в двадцати, приехали уже к вечеру. Возчик посоветовал Борису остановиться у местной избачки:

– Они живут вдвоём с матерью, дом у них большой, так что приезжающие из района всегда у них стоят.

Войдя в помещение, где было довольно много народа, Борис сразу увидел заведующую, сидевшую за маленьким столом. Подойдя к ней, он рассказал о цели своего приезда и попросил познакомить его с секретарём комсомольской ячейки (партийной в Демьяновке не было), председателем сельсовета и председателем колхоза.

Белокурая, высокая девушка, какой была избачка, сказала Борису, что она является секретарём комсомольской ячейки и охотно проводит его к председателю, который, вероятно, сейчас находится у себя в сельсовете.

– Здесь меня Дуся заменит, моя внештатная помощница-комсомолка, – пояснила она, подозвав к себе маленькую востроносую девчушку, бросившую лукавый взгляд на старавшегося казаться солидным и важным молодого паренька в красноармейской форме.

Председатель сельсовета – высокий, худой и, видимо, донельзя уставший человек, обрадовался появлению Бориса:

– Вот хорошо, что вы сразу и из района, и из области: завтра у нашего колхоза собрание, там такое творится, что и не приведи Господи! У нас тут приезжали из райкома и тре-

бовали, чтобы всех крестьян немедленно записали в колхоз. Мы и уговорами, и криками заставляли людей вести лошадей, гнать коров и овец на общий скотный двор. Дело дошло до того, что один представитель из райкома потребовал свезти в одно место гусей, уток и кур. Конечно, в результате кое-кто всю птицу перерезал... А тут вдруг появилась сталинская статья в газете, все за неё ухватились, и многие обратно домой не только овец и коров, но и лошадей увели. Они опять себе свои наделы земельные вернуть требуют, а тут сев на носу! Прямо не знаю, что и делать: план большой, а кто его выполнять будет?.. Так что давайте завтра прямо на собрании вы доклад сделаете – ну, как полагается, «о международном» там, или ещё об чём, а потом и с колхозниками поговорим, идёт?

– Ну, что же, в общем, наверно, идёт, – как можно солиднее сказал Борис, – только доклад я делать не буду. Мы ещё раз прочтём статью товарища Сталина, разберём её с колхозниками и ознакомимся с уставом сельхозартели, а в конце и о севе поговорим, – продолжал он, помня инструкции, полученные на совещании.

– Сегодня, – сказал Борис, обращаясь к сопровождавшей его избачке, – мы проведём комсомольское собрание, попросим прийти на него коммунистов села, ведь вас двое? – повернулся он к председателю. – Вы, пожалуйста, оповестите второго.

– На сколько назначим? – вновь обратился Борис к избач-

ке.

Та, немного подумав, сказала:

– Да надо часов на восемь, раньше собрать не успеем всех.

– Ну что же, – согласился Борис, – в восемь – так в восемь.

Да, вот ещё что, – обернулся он к председателю, – где бы мне жить устроиться? Я у вас недели три прогощу.

Тот удивлённо взглянул на избачку:

– Люба, – спросил он, – разве товарищ Алёшкин не у тебя остановился?

Та, немного смутившись, ответила:

– Да нет, мы ещё об этом не говорили... Ну что же, если товарищ Алёшкин захочет – пожалуйста, мы с мамой всегда рады, места у нас много, целая горница свободная. Я даже думала там и комсомольское собрание провести.

– Ну, вот и хорошо, – заключил председатель сельсовета, – значит, мы тоже туда придём.

Через полчаса Борис, сняв полушубок и немного расстегнув ворот гимнастёрки, сидел в чистенькой кухне, за выскобленным добела столом и с аппетитом уплетал горячий, жирный, сдобренный разными приправами борщ, которым его усердно угощала Любина мама. Одновременно с этим он слушал эту высокую, ещё очень моложавую женщину. Та, угощая гостя, рассказывала ему о своей трудной, но в то время обычной жизни:

– Мой муж был убит на Германской войне, когда Любе шёл всего третий год. До прихода советской власти трудно

было: приходилось и батрачить, и на железной дороге рабочей работать. А с 1923 года, когда нам с дочкой выделили надел земли, да помогли с тяглом, начали оправляться, и сейчас, слава Богу, живём не хуже других. И лошадка была, и корова, и хлеба уже третий раз хватает на весь год, кое-что даже и продавать могла. А теперь вот новая беда: связались с этим колхозом! Прошлой осенью и зимой всех туда загоняли, ну и я записалась, и скотину свою отвела, а толку что? Там, в этом колхозе, в правлении сейчас собрались почти все те, на кого я раньше хребет гнула, да пару лодырей, лентяев и пьяниц взяли. И председатель такой же: что ему Иван Макарыч скажет, он туда и гнёт, а у этого Ивана-то Макарыча я сама в 16-м году целое лето работала. У него всегда человек пять батраков было, а последний год прибедняться стал и работников не держит, а то ведь он как помещик жил! Сейчас всё хозяйство между детьми, да родичами разделил и сам в колхоз кладовщиком пришёл. Говорит таково елейно: «Мне, говорит, ничего не надо, я уж так, меня советская власть прокормит», а сам всё равно всему хозяйству голова, что скажет, то и делают. Вот и в колхозе так-то... Наверно, надо и мне из колхоза уходить. Многие уже наши заявление подали, на днях разбираться будут. Ну, да сейчас, слышь, постановление есть, чтобы силком в колхозе никого и не держать. С Любкой я пока не советовалась. Хотя она ещё и несмышлёныш, всего 18 годков, а всё же комсомольский секретарь! А как вы думаете? Будет толк из нашего колхоза?

Алёшкин с большим интересом слушал жалобы этой, чем-то очень понравившейся ему женщины, и своими расспросами, и отменным аппетитом, с которым он поглощал подаваемые кушанья, поощрял её на всю большую откровенность. Со своей стороны, и хозяйка, почувствовав какую-то симпатию к Борису, вот так сразу и поведала то, что знала и думала, без утайки:

– Да, вот ещё с этим раскулачиванием, у нас недавно Васильевых кулаками сделали – поотобрали и скот, и инвентарь, а они что – крепкие, зажиточные были, не голытьба, так ведь всё своим трудом, трое сынов у них... Живут все вместе, не пьют, на работе старательные, долгов нет. Ну, хозяйство крепкое, так ведь всё своими руками добыто, а их кулаками посчитали...

– Не беспокойтесь, Еремеевна, колхоз у вас, конечно, будет, и с Васильевыми, наверно, разберутся, – воодушевлённо сказал Борис.

Так почти до самого собрания Матрёна Еремеевна, так звали Любину мать, вела с молодым красноармейцем длительный разговор о своих сельских и колхозных делах, и он почерпнул из него много важного и интересного.

– Не надо вам уходить из колхоза, не надо! Вот такие как вы, откровенные и всевидящие, в нём и нужны, – закончил Борис разговор.

Эта беседа ему очень помогла, и на комсомольском собрании, где проводилось подробное обсуждение устава сельхоз-

артели, статьи Сталина и постановления ЦК, Борис поразил своих слушателей-комсомольцев и обоих коммунистов довольно хорошим знанием их жизни. Этим самым он как бы заставлял и их ещё больше раскрываться в своих выступлениях, рассказывать всё начистоту.

В конце концов, решили на будущем собрании колхоза предложить колхозникам переизбрать правление, после чего через день или два собраться вновь и тогда уже разбирать поданные заявления об уходе из колхоза. Было также решено начать собрание с того, что Алёшкин ознакомит всех колхозников с примерным уставом сельхозартели и предложит его принять. Затем, если потребуется, разъяснит содержание статьи Сталина и постановление ЦК, а также ответит на все вопросы. Дадут всем высказаться, надеясь, что кулаки и подкулачники не удержатся и в выступлениях покажут своё истинное лицо. После этого и поставить вопрос о перевыборе правления.

На этом же комсомольском собрании наметили и кандидатуры будущих членов правления и председателя. Тут уж Борису пришлось положиться на знание людей, которые имелись у председателя сельсовета, Любы и остальных комсомольцев. Каждая кандидатура вызывала многочисленные прения, но, наконец, нужные семь человек были намечены. Председателем полагали избрать крестьянина Шилова, бывшего партизана, одинокого мужика, потерявшего во время Гражданской войны всю свою семью. Он-то и был вторым

коммунистом в селе. Расходились поздно вечером, после 12 часов.

На другой день с утра распространился слух о том, что приехал какой-то военный. Он, дескать, будет делать доклад на колхозном собрании. Это событие вызвало много толков, и, как стало потом известно, кое-кем слух о нём распространялся так: «Вот, гражданские не сумели вас в колхозе удержать, так теперь военного на это дело посылают! Ну а с ним разговор короткий: наганом по столу шлёпнет, враз заявление назад возьмёшь, ни о каком уходе думать не будешь!»

Об этом слухе Борису рассказала Люба, когда пришла домой обедать. Он же, по совету председателя, по селу не ходил, чтобы не вызывать лишних разговоров. Было важно неожиданным его появлением огорошить кулаков и их подпевал. Как видим, этого сделать не удалось. Слухи в деревне распространяются быстро, и «затворничество» Бориса оказало положительное действие только в том, что дало ему дополнительное время на подготовку к выступлению: он ещё раз перечитал все материалы и, особенно, статью И. В. Сталина и, как ему казалось, был готов ответить на любой вопрос.

Между прочим, комсомольцы решили пригласить на колхозное собрание не только колхозников, но и всех жителей села, и председательствовать на нём поручить председателю сельсовета. Собрание назначалось на 6 часов вечера, но к зданию школы, где оно должно было проходить, жители села

стали сходиться гораздо раньше. Они собирались кучками, обсуждали пущенный по деревне слух. Некоторые держали в руках газету «Беднота» (одну из самых популярных газет у крестьян того времени) со статьёй Сталина и пытались, основываясь на ней, опровергнуть вздорные слухи.

Но вот уже пришли и члены правления колхоза, и председатель сельсовета, и секретарь комсомольской ячейки, и военный – Борис Алёшкин. К столу, за которым должно было сидеть правление колхоза, неожиданно подошёл председатель сельсовета и заявил, что поскольку на собрании присутствуют и единоличники, вопросы, которые будут разбираться, интересны для всех, то собрание поведёт Алёшкин, а секретарём будет секретарь сельсовета.

Это неожиданное заявление несколько обескуражило членов правления колхоза, которые, видимо, заранее договорились о том, как нужно его провести, чтобы от него было меньше толку. Но в ответ на слова председателя сельсовета, Люба и её 15 комсомольцев дружно захлопали в ладоши, некоторые из крестьян и колхозников присоединились к ним, и недовольно ворчавшему правлению пришлось подчиниться большинству.

Для описания этого собрания мы пользуемся воспоминаниями Бориса, а ему оно запомнилось на всю жизнь. Во-первых, потому, что оно было единственным в своём роде, а во-вторых, потому, что такое ответственное собрание, в котором ему пришлось играть довольно важную роль, было пер-

вым в его жизни. Если он не помнит фамилий и имён всех действующих лиц, то их внешность и многие из выражений в их выступлениях врезались в его память навсегда.

Он, например, отлично запомнил хитренькую, узенькую, прямо-таки лисью мордочку колхозного кладовщика – одного из самых крупных кулаков Демьяновки, который при каждом выступлении, а выступал он несколько раз, смиренно складывал на груди руки и, всем своим видом выражая полную покорность, говорил:

– Я што, я ничего! Вот как народ рассудит, – и при этом подпускал какую-нибудь шпильку под тот или иной пункт устава сельхозартели.

Запомнился ему и другой кулак – высокий костлявый старик с большой окладистой седой бородой, окружённый свитой из сыновей, снох и ближайших родственников, который, в противовес первому, всячески демонстрировал несогласие с тем или иным предложением и из-под косматых бровей сверлил противника ненавидящим взглядом, бросая глухим басом ядовитые, злые, а иногда и просто угрожающие реплики.

Как сейчас, видит Борис перед собой тощего, рыженького, веснушчатого мужичонку со свалывшейся бородкой и нечёсаными волосами, без конца повторявшего:

– Как мы есть в председателях колхозу, это, так мы того, не допускаем, несогласные, – а сам в продолжение всей своей нескладной бестолковой речи, то и дело поглядывал на своих

руководителей (человек 5–6), и по всему было видно, что он боялся их пуще огня.

Но эти лица выявились немного позже. В начале собрания все они, огорошенные внезапным выступлением председателя сельсовета, и, видимо, не успев выработать какого-либо плана действий, только перешёптывались, да искомса поглядывали на Бориса, который с замирающим сердцем, но внешне спокойным видом, по приглашению председателя подошёл к столу. Так как в классе, в котором сидело человек 70, было очень душно и жарко, то прежде, чем начать свою речь, он снял шинель и для того, чтобы подпоясаться, снял с ремня кобуру с револьвером и небрежно бросил её на стоявшую около стола табуретку. От этого раздался негромкий стук, хорошо слышный в наступившей тишине после того, как председатель объявил:

– Товарищи! На повестке дня у нас один вопрос – об уставе сельхозартели и о статье товарища Сталина «Головокружение от успехов». Доклад нам сделает представитель нашей славной Красной армии, приехавший из города Благовещенска, товарищ Алёшкин.

После злосчастного стука, раздавшегося от падения кобуры на табуретку, послышался чей-то ехидный голосок:

– А што я говорил! Нас теперь в колхоз с наганом будут записывать!

Председатель метнул в ту сторону, откуда раздался этот возглас, сердитый взгляд, а Борис, смутившись от реплики, в

то же время и разозлился. Он снял шлем, аккуратно подпоясался, заправил гимнастёрку и, пригладив стриженую голову рукой, громко и отчётливо произнёс:

– Вот о таких слухах и пересудах мы сегодня тоже поговорим, а сейчас давайте, товарищи, по порядку. Я думаю, что рекомендуемый нашим правительством, нашей партией, товарищем Сталиным устав сельхозартели лучше всего прочитать полностью, потом непонятные кому-либо пункты разобрать отдельно. Как, товарищи, возражений против этого нет?

– Нет, нет! – послышалось из зала.

Борис расслышал, что наиболее громкие голоса раздались из того угла, где отдельной кучкой сидели комсомольцы. Медленно, выразительно он прочитал устав, довольно обстоятельно ответил на все вопросы, которые ему задали (этому помогло совещание в обкоме, напутствие комиссара и его внимательная работа с документами).

Обсуждение и разбор устава артели заняли больше двух часов. В комнате, где многие курили крепкий самосад, несмотря на открытые форточки, было не продохнуть. Председатель предупредил Бориса, что если сделать перерыв, то все разойдутся, и их потом не соберёшь, однако Борис настоял на перерыве. Когда через полчаса собрались снова, то количество людей в классе не только не убавилось, а даже как будто увеличилось.

Мы уже знаем, что Борис обладал незаурядными оратор-

скими способностями, а здесь, при обсуждении такого важного вопроса, при выполнении ответственного партийного поручения, он, кажется, готов был превзойти самого себя. Читая письмо Сталина, объясняя смысл его фраз наиболее простыми и понятными словами, он стремился пересказать их по нескольку раз. В свои разъяснения он вкладывал всю страсть, всю свою несокрушимую веру в правильность и справедливость сказанного Сталиным, и сумел захватить этим почти всех слушателей. В заключение он призвал сознательных крестьян вступать в колхозы и организовывать их работу так, чтобы никакой классовый враг извне или изнутри, сам или при помощи своих пособников не мог поколебать крепости коллективного хозяйства, чтобы колхозы стали действительной опорой государства, а сами колхозники – счастливыми и зажиточными. Эти его заключительные фразы были встречены дружными аплодисментами огромного большинства присутствовавших. В конце он выкрикнул лозунги:

– Да здравствует наша любимая Родина! Да здравствует колхозное крестьянство! Да здравствует ВКП(б)! Да здравствует наш вождь и учитель товарищ Сталин!

Все аплодировали стоя. После перерыва начались вопросы, их было задано очень много, в том числе и таких, которые совсем не касались сущности доклада. Спрашивали:

- Когда в лавках сельпо будет хорошая мануфактура?
- Почему перебои с сахаром и керосином?

– Почему не хватает гвоздей? – и многое другое.

Даже кто-то спросил:

– Почему редко приезжает кинопередвижка?

Но были вопросы, касающиеся существа статьи товарища Сталина. Один пожилой крестьянин поинтересовался:

– А можно ли обратно вернуться в колхоз тем, кто выписался?

Другой спрашивал:

– А вернут ли скот, сданный в колхоз, если я хочу из него выйти?

И Борису, и председателю, и даже секретарю ячейки ВЛКСМ пришлось-таки порядочно попотеть, чтобы ответить на бесчисленные «почему», «а можно ли», «когда», «зачем» и т. д.

Часов около 12 ночи председатель предложил собрание прекратить, объявив, что остальные вопросы – рассмотрение заявлений желающих уйти из колхоза, желающих вступить в колхоз, а также и другие организационные вопросы колхоза будут рассмотрены на продолжении собрания, которое соберётся через 2–3 дня. За это время он советовал всё, сказанное сегодня, как следует обдумать. Напоследок Люба-избачка раздала желающим брошюры со статьёй Сталина и уставом артели, привезённые Борисом, кроме того, она объявила, что всем можно ознакомиться с этими документами в избечитальне, где их имеется большое количество.

Собрание вызвало много толков в Демьяновке. Все почув-

ствовали, что должны последовать какие-то перемены. Но прошло и два, и три дня, а пока ничего не было, не было и обещанного председателем собрания. Кое-кто из ранее подавших заявления об уходе из колхоза взял их обратно, большинство же предпочитало выжидать.

Неизвестно кем по селу был пущен слух, что этими разговорами на собрании всё и окончится, что этот «приезжий красноармеец» сделал доклад и на всё махнул рукой: «Што ему крестьянская жизнь? Он одет, обут, накормлен. Ему наши дела без интересу...» Эти слова вроде бы подтверждались и тем, что Алёшкин через день после собрания, получив от председателя сельсовета лошадь, уехал. Но уехал он в так называемую Пермьяковскую коммуну, находившуюся верстах в семи от села. Как нам уже известно, ему было поручено склонить коммунаров на принятие устава сельхозартели и уговорить их вступить в Демьяновский колхоз.

В коммуне Алёшкина встретили с большой радостью. Если уж Демьяновка, расположенная в 20 километрах от станции железной дороги, имевшая связь сельсовета с районом по телефону, считалась глухим местом, то Пермьяковская коммуна, расположенная на бывших казачьих хуторах, не связанная с Демьяновкой ничем, кроме случайных попутчиков, была настоящим медвежьим углом.

Организовалась она так: население Демьяновки состояло из амурских казаков и так называемых иногородних крестьян, приехавших в последующие годы. Их становилось всё

больше, и они то и дело пытались добиться тех же льгот, какими пользовались казаки. Состав самих казаков был неоднороден, большинство из них мало чем отличалось от иногородних: также почти не имели своей земли и вынуждены были или арендовать её, или батрачить на более зажиточных. В селе выделялось десятка два семей, которые и держали в постоянной кабале многих своих односельчан, часто не обращая внимания, кто они по происхождению – казаки или иногородние.

Почти все богачи, кроме постоянного жилья в селе, имели и хутора, расположенные на принадлежавших им землях (целинных залежах), довольно далеко от общинного надела. Все они появление в 1918 году советской власти встретили в штыки. Разогнали, а частично, при помощи колчаковцев расстреляли образованный в Демьяновке первый сельсовет. Многие из них вместе со своей роднёй – сыновьями, зятьями и т. п. принимали самое активное участие в бандах Семёнова, Калмыкова и других.

Многие из этих бандитов в боях с Красной армией и партизанами были убиты, а оставшиеся в живых почти все удрали за границу, в Демьяновку отважились вернуться лишь несколько человек.

С приходом советской власти собрание села постановило: всё имущество бывших казацких главарей, удравших в Монголию, Китай или убитых, конфисковать, землю включить в общинный надел и разделить между крестьянами, построй-

ки, инвентарь и скот передать беднейшим. Зашла речь и о хуторах казацких старшин. Земли хуторов находились от села далеко. Для обработки их нужно было там жить, а этого никто не хотел – далеко от села и, главное, боязно: а вдруг хозяева вернутся, они ведь не помилуют.

В селе жил кузнец. Появился он в конце Германской, на фронте потерял ногу и «по чистой» был уволен на все четыре стороны. От голода его и семью спасло знание кузнечного ремесла. Общество отдало ему в аренду сельскую кузницу, не работавшую уже несколько лет (старый кузнец умер). Мастер он оказался хороший, жил тихо, жена его была из казачек, в семье уже имелось двое маленьких ребятишек. Фамилия кузнеца – Пермяков. Он был грамотен. После революции в 1918 году его, было, избрали в сельсовет, да ссылаясь на свою инвалидность, он отказался. Это, пожалуй, и спасло ему жизнь. Когда встал вопрос о казацких хуторах, вдруг, для всех неожиданно, Пермяков вместе с группой самых беднейших крестьян села согласился поселиться там. В этот период в сельсовет сумели пролезть не только зажиточные хозяева, но и те, кто в прошлом имел батраков, то есть попросту кулаки. Они заметили, что вокруг Пермякова стали часто околачиваться односельчане. Стороной узнали, что среди этих людей о составе сельсовета ведутся не больно хорошие разговоры, и поэтому, когда Пермяков предложил выехать на хутора, сельские заправила только обрадовались:

– Подальше от народа будет... Ну а те полтора десятка

семей, которые с ним уйдут, – неважная потеря. Пусть-ка там попотеют, а потом, глядишь, и хозяева хуторов вернутся, так им и вовсе хвост поприжмут, – говорил один из кулаков.

Но дело обернулось не совсем так, как предполагали эти люди. Перебравшись на хутора, группа крестьян во главе с Пермяковым объявила себя коммуной, объединила весь свой немногочисленный скот и обратилась за помощью в район. Это была первая сельскохозяйственная коммуна, кажется, не только в Завитинском районе, а чуть ли не во всей Амурской области. Районные власти решили ей помочь. Во-первых, предложили весь оставшийся от бежавших хозяев скот и сельхозинвентарь отобрать у тех, кто им завладел, и передать коммуне. Во-вторых, из запасов района коммуне выделили солидную семенную ссуду.

Если второе дело не коснулось Демьяновки, то первое было встречено в штыки. Всё оставленное беглецами крестьяне Демьяновки успели поделить, причём львиную долю забрали себе всевозможные родственники иммигрировавших и погибших, сами в большинстве случаев зажиточные. Кое-что досталось даже тем кулакам и их пособникам, которые остались в Демьяновке.

Больше года тянулась волокита со скотом и инвентарём, но всё же пермяковцы, как стали называть в селе коммунаров, получили если и не полностью им причитающееся, то большую часть его. Этим они среди зажиточной части демьяновских жителей нажили себе непримиримых врагов, тем

более что именно их спор с коммуной заставил районное начальство пристальней присмотреться к составу Демьяновского сельсовета, и при первом же удобном случае его переизбрать. На этот раз позаботились о том, чтобы в его состав прошли преимущественно бедняки. Именно тогда председателем сельсовета и был избран Козлов – большевик, бывший партизан. С тех пор он переизбирался уже два раза и, благодаря своей справедливости и деловитости пользовался авторитетом и уважением у большей части населения Демьяновки. Беда его заключалась в том, что у него никак не получалось сколотить вокруг себя достаточно сильный актив, на который можно было бы положиться. Хорошо, что вот уже около года вернулась с учебы на культпросветкурсах избачка Люба, сумевшая создать довольно крепкое ядро комсомольцев, которые и стали опорой председателя сельсовета.

К 1929 году коммуна имени Советской власти, получив агрономическую помощь от района, уже крепко стояла на ногах, и не только первой в районе выполнила все свои обязательства, но сумела достаточно хорошо обеспечить и коммунаров, которых насчитывалось уже более сорока человек. За это время несколько раз из-за границы перебежали бывшие хозяева этих хуторов. Они пытались нанести коммуне какой-нибудь вред: поджечь хлеб, скотный двор и даже подстрелить самого председателя коммуны. Но пока все их попытки были безуспешны, и серьёзного ущерба коммуне они не причинили. Кое-кто из диверсантов был пойман и за свои

преступления получил солидный срок заключения. Тогда у ненавистников коммуны, а таковых у неё было немало, не только за границей, но и среди зажиточной части села, родился план уничтожить эту коммуну руками самой советской власти.

Как только в Демьяновке организовался колхоз, а организовал его ретивый представитель и райпотребсоюза, стремившийся своей активностью завоевать себе высокий авторитет, так одним из первых вопросов, поставленных им по возвращении в район, было требование о включении пермяковской коммуны в состав этого колхоза. Однако коммунары от такого решения отказались. Они видели, что в состав правления колхоза по недосмотру этого представителя вошли, главным образом, почти все самые зажиточные крестьяне, а иногда и просто замаскировавшиеся кулаки. В результате руководящие колхозные должности попали в их руки и дали им возможность вести свою политику. Те же из середняков, которые заявляли о своём несогласии с таким «пожарным» вступлением в колхоз, были немедленно объявлены кулаками, и кое-кто из них уже успел подвергнуться раскулачиванию. Вот это-то правление колхоза и надумало прибрать коммуну к рукам: заставить её членов вступить в колхоз, забрать всё её имущество и помаленьку, тихой сапой развалить налаженное в ней хозяйство.

И Пермяков, и коммунары сопротивлялись этому как могли, но районные власти опирались на доклады своего пред-

ставителя, закреплённого за Демьяновским колхозом, который был его творцом. Он, борясь за показанные им цифры – 100 % коллективизации, не желая запятнать свой мундир, рассудку вопреки продолжал настаивать на ликвидации коммуны, передаче её хозяйства и коммунаров в Демьяновский колхоз.

За это время в Завитинском райисполкоме и райкоме партии появились новые люди, плохо знавшие историю коммуны. Они соглашались на её ликвидацию, тем более что и ЦК ВКП(б) в своих решениях, и даже сам товарищ Сталин, уже не раз подчёркивали, что коммуна – это преждевременная форма организации сельского хозяйства, пока следует ограничиться артелями-колхозами.

Коммунары ещё продолжали бороться за свою самостоятельность, но уже чувствовали, что почва из-под ног у них уходит. Всё это Алёшкин узнал от самого Пермякова, невысокого, уже немолодого, с большой лысиной и очень умными и добрыми глазами человека, бойко постукивавшего по чистому полу своей свежеструганной деревяшкой, привязанной к колену правой ноги.

Рассказывая о коммуне, Пермяков очень волновался, беспрестанно курил и шагал по горнице вокруг стола, за которым, нахмурившись, сидел Борис. А последний задумался вот почему: выслушав рассказ Пермякова, он всей душой сочувствовал коммунарам, тем более что за сутки пребывания его в коммуне он увидел, какой серьёзный порядок, дисци-

плина и настоящая любовь к делу были видны повсюду – на скотном дворе, на складе, где хранился сельхозинвентарь, и даже в домах коммунаров.

Он понимал, что и самому Пермякову, и тем, кто сжился с небольшим, но, по-видимому, прочным хозяйством, расстаться с ним, дать растащить всё тем, кто норовит ничего не делать для общего дела, а лишь побольше урвать для себя, было просто не под силу. Но Борис понял и другое. Увидев хозяйство коммуны, он не теоретически, а, так сказать, на практике убедился, что серьёзное отношение к коллективному труду в сельском хозяйстве, умелая организация его может принести удивительные плоды. Понял он и то, что никакими докладами, никакими постановлениями этого умения не создашь, особенно там, где во главе дела стоят люди, сами откровенно ненавидящие эту новую организацию труда, или, в лучшем случае, относящиеся к ней безразлично, починовьи.

В результате этого как-то невольно у Алёшкина и сложилось твёрдое мнение, что только слияние этой коммуны с Демьяновским колхозом может породить действительно устойчивую сельхозартель. Конечно, это может произойти только тогда, когда во главе этой артели будет стоять такой человек, как Пермяков, а помогать ему и находиться на всех ответственных постах в артели будут наиболее опытные и толковые из его коммунаров. «Да, прав был секретарь Завитинского райкома ВКП(б), когда советовал мне посерьёзнее, по-

глубже взглянуть на вопрос слияния коммуны с колхозом, – невольно подумал Борис. – Но как об этом сказать Пермякову? Как это воспримут отдельные коммунары? Как примут таких учителей демьяновские колхозники? Вопросов много...»

Наконец Борис решился:

– Егор Мартынович (так звали Пермякова), присаживайтесь к столу, давайте поговорим. Хотя время уже и позднее, скоро 12, но один вопрос нам надо с вами решить с глазу на глаз и лучше бы сейчас. Вот что я вам скажу. Трудный это вопрос, и вас он касается больше, чем кого-либо, но, мне кажется, другого выхода нет. Слушайте. Ваша коммуна, то, что я в ней увидел всего за один день, история её, которую вы мне только что рассказали, доказывает, что только такое хозяйство, только такие люди, как вы и ваши коммунары, могут поднять наше сельское хозяйство на необходимую стране высоту. И дать рабочим нашей промышленности хлеба, мяса и других продуктов столько, сколько нужно, чтобы мы могли провести индустриализацию страны, чтобы мы могли построить социализм. Пожалуйста, не удивляйтесь такой торжественности моей речи, завтра я вот также думаю выступить перед общим собранием коммуны, сейчас у меня вроде репетиции...

Дальше Борис рассказал Пермякову, что, даже коротко познакомившись с делами Демьяновского колхоза, он пришёл к выводу, что этот колхоз, если его оставить без серьёз-

ной помощи, развалится, и что, как ему кажется, теперешнее правление колхоза к этому дело и ведёт. Сообщил Борис и о комсомольском собрании в Демьяновке, на котором говорилось, что колхоз их дышит на ладан. Самым лучшим, самым верным действием должно быть немедленное переизбрание правления, немедленное очищение колхоза от всех пролезших в него кулаков и их пособников; вместе с тем необходимо стремиться удержать в колхозе основную массу крестьян и беднейших казаков.

– И в этом деле без вашей помощи демьяновцам не обойтись. А вы ведь понимаете: даже самые отличные коммуны, если они будут такими небольшими, как ваша, при том, что основная масса крестьян будет копошиться в разваливающихся колхозах, дело не потянут. Хлеба в стране – нужного количества хлеба – не будет, и весь наш социализм пойдёт к чертям собачьим! Можем ли мы, можете ли вы, Егор Мартьянович, позволить такое? Мне кажется, не можете! Поэтому, я думаю, вы согласитесь со мной, что самым правильным решением коммунаров было бы вступить всей коммуной в Демьяновский колхоз «Ленинский путь», о чём на ближайшем же собрании подать заявление. Разумеется, на этом же собрании должны произойти перевыборы правления. Надо постараться ввести в него как можно больше коммунаров, а во главе правления, по-моему, нужно встать вам. Вот какое моё мнение. Что скажете, а? – спросил Борис.

Пермяков присел к столу, как только Борис начал гово-

ритель. Все эти полчаса он, обхватив руками голову, беспрерывно курил свои огромные самокрутки. Иногда казалось, что он собирается что-то возразить, что-то сказать, но, остановленный Борисом, только махал рукой и продолжал сосредоточенно слушать.

Долго, очень долго молчал Егор Мартынович после того, как Борис закончил свою речь.

– Да-а, – наконец протянул он, – задал ты мне, парень, задачу! Давай-ка ложиться спать... Потолкуем обо всём завтра. Утро – оно вечера мудренее, а ночи и подавно. Ложись-ка, да и я пойду.

Так и не сказав ничего, не ответив на поставленные вопросы, Пермяков ушёл в кухню, кряхтя, залез на печку, где ждала его и с неослабным вниманием вслушивалась в их разговор жена. Лёг в приготовленную ему постель и Борис, а спустя несколько минут уже спал крепким сном. Однако хозяин и хозяйка долго не могли уснуть. Их неожиданный гость своими предложениями взбаламутил их спокойную и уже, кажется, хорошо налаженную жизнь: «Ведь всё придётся ломать, всё начинать сначала. К чему это приведёт?»

Утром следующего дня Егор Мартынович, позавтракав перед уходом на работу вместе с Борисом, так ему ничего и не сказал. А работы у Пермякова было очень много, ведь он был и председатель, и бригадир, и кузнец, а когда надо, то и пахарь, и жнец. Он сказал только, что собрание коммунаров будет в шесть часов вечера.

– Тут в одной большой хате соберёмся, Ульяна проведёт. А ты пока к докладу готовься.

Борис весь день провёл в подготовке к докладу. Ему предстояло изложить устав сельхозартели, письмо И. В. Сталина, постановление ЦК ВКП(б) от 15 марта и, наконец, самое главное – он решил, что сделает это в заключительном слове – обосновать и внести предложение о слиянии коммуны с Демьяновским колхозом.

Вечером собрались не только почти все работоспособные коммунары, но пришли и старики, и ребята от 14 лет. Хата, в которой все собрались, была забита так, что негде было яблоку упасть. Сидели на лавках, на печи, на разных обрубочках, на пороге и даже просто на полу. Борис делал свой доклад из красного угла, стоя прямо под образами. Перед ними бледным светом мерцала лампадка, до которой он чуть не доставал головой. Пожалуй, в первый и единственный раз в жизни ему довелось выступать с докладом, стоя под божницей.

Все очень внимательно выслушали сообщение об уставе артели и разъяснение ошибок в колхозном строительстве, которое дал Сталин и постановление ЦК. Несколько человек выступили, выступили толково, но как-то отвлечённо, точно хотели сказать, что, мол, всё хорошо и правильно, но к нам это отношения не имеет, мы, мол, нашли свой путь и, как нам кажется, идём по нему достойно. Настоящая буря и, собственно, настоящие прения начались после того, как Борис в

заключительном слове внёс своё предложение о вступлении всей коммуны в колхоз «Ленинский Путь».

Почти сразу же после окончания его речи, поднялся целый лес рук, чуть ли не каждый коммунар хотел высказаться. Как правило, почти все выступавшие протестовали, хотя были и такие, кто признавал целесообразность такого предложения, но даже они заканчивали своё выступление словами:

– Что же мы – придём в их колхоз, где собрались такие люди, что не об общем хозяйстве думают, а лишь как бы себе побольше урвать, – выходит, мы на них работать будем? Нет, с этим мы не согласны! Пусть сами вылезают из той ямы, в которую сели!

Спор, вернее, многоголосый протест длился уже около часа, и Борису Алёшкину, всё ниже сгибавшему голову от довольно-таки злых взглядов выступавших, самому начало казаться, что его идея, до сих пор представлявшаяся замечательной, имеет массу недостатков, и не только не поправит дело Демьяновского колхоза, но и погубит Пермяковскую коммуну.

Когда большинство выговорилось, и кое-где стали раздаваться крики: «Давайте голосовать!», Пермяков встал и негромко сказал:

– Товарищи, а теперь послушайте, что я вам скажу, – и он, вкратце повторив историю коммуны, рассказанную им Алёшкину вчера ночью, напомнив, как и тогда многие не верили в возможность их победы, как трудно и несогласован-

но они трудились первые годы, как тяжело им приходилось, перешёл к колхозу «Ленинский Путь».

Он сказал:

– Товарищи, подумайте так. Вот вы идёте по берегу реки, а в ней барахтается большой грузный человек. Он тонет, он не умеет плавать. Он очень тяжёл, а вы не очень-то сильны, но вы умеете плавать, а он – нет. Неужели же у кого-нибудь из вас хватит духу оставить этого огромного мужика тонуть? Я в это не поверю. А ведь то же самое сейчас происходит с Демьяновским колхозом: он тонет, да ещё имеет путы на ногах в виде кулаков, пролезших в правление и в сам колхоз. А ведь он нам не чужой: мало того, что все мы выходцы из этого села, так ведь у многих из нас там и родичи есть. Нет, я так полагаю, надо нам согласиться с предложением товарища Алёшкина. Конечно, мы свои условия там тоже поставим: кто не работает, тот не ест, дармоедов мы кормить не будем и загребушие руки поукоротим. Вот такое мое мнение. Кто ещё хочет сказать?

Но коммунары, привыкшие к справедливости и мудрости решений своего вожака, молчали. Желающих выступить больше не было. Предложение о вступлении коммуной в Демьяновский колхоз было принято единогласно, хотя, может быть, некоторыми не вполне охотно и искренне.

Перед отъездом Борис условился с Егором Мартыновичем о дне собрания колхоза, на которое тот должен был приехать с большинством коммунаров. Когда Алёшкин вернул-

ся в Демьяновку и рассказал председателю сельсовета и секретарю комсомольской ячейки о том, что ему удалось уговорить пермяковцев вступить в колхоз, те были поражены. Колхозное собрание наметили на пятое апреля (как Борис и условился с Пермяковым), но решили пока о том, что на собрание приедут коммунары, никому не говорить.

5 апреля 1930 года, в субботу, уже знакомый нам класс Демьяновской школы снова заполнился людьми. За столом председателя вновь сидел Козлов – председатель сельсовета, а сидевшие в первых рядах члены правления колхоза и наиболее близкие к ним люди уже нетерпеливо перешёптывались и начали покрикивать:

– Ну, чего ждёшь? Уже и так все собрались! Открывай собрание!

Борис сидел с одной стороны от председателя, с другой сидела Люба, писавшая протокол. Председатель встал, и в этот момент в сенях школы послышался какой-то шум. Все обернулись к дверям, в них, толкаясь друг с другом, протискивались вновь прибывшие, их было человек 25. В передних рядах возникло какое-то шевеление, затем чей-то недовольный полос произнёс:

– Глядите-ко, коммунары припожаловали! Не хотели, не хотели с нашим колхозом дело иметь, а тут вдруг заявились!

Козлов сказал:

– Товарищи, по поручению комсомольской ячейки и членов ВКП(б), сегодняшнее собрание буду тоже вести я, секре-

тарём вон Люба будет, в президиум предлагаю ввести представителя обкома ВКП(б) товарища Алёшкина и председателя коммуны имени Советской власти товарища Пермякова. Кто за это предложение?

Дружно проголосовали за это предложение все комсомольцы и коммунары, пришедшие с Пермяковым, а за ними и большинство колхозников. Никто из правления колхоза не поднял руку.

– По большинству голосов предложение принято. Итак, на повестке дня у нас есть вопрос – рассмотрение заявлений о выходе из колхоза, которые подали некоторые малосознательные колхозники, – и он поднял со стола и потряс над головой внушительной пачкой разнокалиберных бумажек. – Но прежде чем приступать к этому вопросу, заслушаем заявление председателя коммуны товарища Пермякова, которое он хочет сделать от имени всех коммунаров. Прошу, товарищ Пермяков!

Тот поднялся, и, не обращая внимания на сдержанный шум, начавшийся в передних рядах, начал своё выступление:

– Товарищи, мы обсудили на своём собрании примерный устав сельхозартели и полагаем, что он вполне для нас подходит, поэтому и просим включить нашу коммуну в полном составе в ваш колхоз. Просим также оставить её как самостоятельное отделение колхоза.

Далее Пермяков коротко рассказал о хозяйственном состоянии коммуны, о положении по расчётам с государством

по сельхозналогу, по семенной ссуде, о том, сколько дохода получили коммунары в прошлом году и сколько предполагают получить в текущем. Всё сказанное им было настолько убедительно и весомо, а приведённые цифры так красноречиво показывали высокое благосостояние коммуны, что большинство колхозников только руками разводили, да удивлённо ахали.

В их колхозе положение было во много раз хуже, и колхозники недоумевали, зачем коммунары со своим хорошим хозяйством идут в их ряды. Не понимали этого и задумавшиеся члены правления колхоза, и их негласные руководители. Ранее они настаивали перед райисполкомом о том, чтобы коммуна влилась в колхоз, втайне надеясь, что коммунары на это не согласятся, коммуна будет скомпрометирована и, может быть, за невыполнение распоряжений власти будет распущена или, не выдержав нападков, попросту развалится.

Но никто из них не предполагал, что коммунары – вот так, единым строем, сплочённым коллективом волеются в колхоз. Поэтому после речи Пермякова на некоторое время наступило довольно неприятное молчание. Козлов посмотрел на Бориса, а тот на него. Надо было что-то сказать, но они понимали, что их выступление может вызвать у колхозников сомнение в том, что коммунары пришли в колхоз добровольно. Тут нашлась Люба. Она попросила слова и от имени комсомольской ячейки горячо приветствовала решение коммунаров и заявила, что, услышав от товарища Пермякова, ка-

ких успехов добились коммунары, комсомольцы решили в работе брать пример с них. Все комсомольцы дружно зааплодировали, к ним присоединились и некоторые колхозники. Алёшкин и Козлов облегчённо вздохнули.

После этого Козлов провёл голосование. Большинство одобрили принятие коммуны имени Советской власти в колхоз «Ленинский Путь». Затем проголосовали за переход колхоза в своей деятельности на новый устав, рекомендованный ЦК ВКП(б). После этого Козлов заявил:

– Ну а теперь, товарищи, займёмся делом не слишком приятным – разберём заявления тех, кто хочет уйти из колхоза.

Он взял из пачки заявлений верхнее и громко прочитал:

– Остапов Прокопий подаёт заявление о выходе из колхоза. Ну как, будем обсуждать?

Кое-кто из молодёжи крикнул:

– А чего обсуждать – не хотят хорошей жизни, насильно держать не будем, пускай катятся ко всем чертям!

– Нет, – возразил Козлов, – так нельзя, а может быть, он чего-нибудь не понял, может, у него мнение переменялось? Это дело нешутейное, обсудим!

Как известно, многие из подавших заявления о выходе из колхоза, сделали это под влиянием таких, как Иван Макарыч и члены правления. Некоторые собирались уходить из-за внутреннего протеста против того метода организации колхоза, который применили в Демьяновке около года тому

назад, а также под влиянием тех хозяйственных неудач, которые потерпел колхоз в прошлом году, произошедших не без активного участия кулацких последышей, затесавшихся в колхоз и в правление. К числу таких колеблющихся относился и Остапов. До вступления в колхоз он, как крепкий середняк, жил неплохо, а во время пребывания в колхозе, увидев лодырничанье отдельных колхозников и нерадивость правления, разочаровался. Однако приход в колхоз Пермьковской коммуны предвещал улучшение дела, и Прокопий, пошущукавшись о чём-то с сидевшей с ним рядом своей дородной супругой, встал, смущённо потёр морщинистый лоб и сказал:

– Ты слушай-ка, Петрович! Председатель то есть, ты, малость того, погоди с заявлением-то, я ещё подумаю... Пожалуй, не пойду я теперь из колхоза-то. Мабуть, дело-то наладится... Вон и пермяковцы пришли, опять же. Так что ты отдай мне заявление-то обратно!

Молодёжь быстро меняет своё мнение, и после речи Остапова те из них, которые только что советовали гнать его к чёрту, кричали:

– А, надумал, то-то! Оставить его, он мужик работающий, – и под гогот своих товарищей дружно захлопали, когда Остапов протиснулся к столу председателя, чтобы получить из его рук своё заявление.

Пожалуй, только тут дошло до сознания Ивана Макаровича Артемьева и Савицких (тех кулаков, которые находились

в правлении колхоза), какое значение имело вступление в колхоз пермяковцев, но сделать они уже ничего не могли.

Таким образом рассмотрели все заявления, и нужно сказать, что большинство просили их вернуть, лишь единицы твёрдо решили уйти из колхоза. Между прочим, среди подавших заявление были такие, которых, по мнению комсомольской ячейки и председателя сельсовета, в колхоз пускать бы и не следовало. Большею частью это были родственники казацкой головки, удравшей за границу, сами владельцы или совладельцы мельниц, крупорушек, маслобоек и др. Некоторые из них до прихода советской власти помогали различным белым правительствам и даже служили в их войсках. При обсуждении Козлов и Люба на это обратили внимание, и по их предложению заявления этих людей были удовлетворены.

Затем слово попросил Алёшкин:

– Вот товарищи, теперь ваш колхоз становится на правильный путь. Вы приняли устав, разобрали заявления о приёме новых членов и об уходе кое-кого из старых... Мне кажется, что вам теперь надо бы пересмотреть состав вашего правления.

Комсомолы, уже заранее знавшие, что такой вопрос будет поставлен, дружно закричали:

– Правильно, правильно, даёшь перевыборы!

И прежде чем успели опомниться сидевшие в первых рядах правленцы и их вдохновители, Козлов предложил:

– Итак, переходим к следующему вопросу: перевыборы правления колхоза. Кто имеет предложения?

Люба подняла руку и прочитала список, намеченный ещё ранее на комсомольском собрании, затем добавила:

– А председателем комсомольская ячейка предлагает избрать товарища Пермякова – он организовал коммуну, привёл её в колхоз, я думаю, что и в колхозе он сумеет организовать дело хорошо.

Её речь была встречена аплодисментами, начатыми комсомольцами. Предложение избрать председателем Пермякова пришлось по душе большинству колхозников и вызвало озлобление и гнев только среди кучки кулаков и их прихлебателей. Они о чём-то переговаривались, не голосовали, но открыто высказаться побоялись, и только один Иван Макарыч так азартно хлопал в ладоши, что все даже удивились. По предложению Пермякова в состав правления ввели несколько человек-коммунаров.

Перед закрытием собрания председатель вновь предоставил слово Борису, который поздравил колхоз «Ленинский путь» с избранием нового правления и отметил, что теперь этот колхоз действительно стал на ленинский путь. В заключение он сказал:

– Товарищи, теперь вы сможете справиться с самой главной задачей, стоящей сейчас перед вами – с выполнением плана весеннего сева. Я уверен, что вы проведёте его в срок и на высоком агротехническом уровне. Так, с вашего согла-

сия, я и доложу в райком ВКП(б). Но не думайте, что у вас теперь всё пойдёт гладко и без задоринки. Врагов нашей власти, недовольных её начинаниями, в том числе и колхозным движением, ещё много. Есть они и в вашем селе. Теперь им действовать будет труднее, но не думайте, что они перестанут бороться и вредить где только смогут. На сегодняшнем собрании мы положили начало. Вам предстоит серьёзно проверить весь состав своего колхоза, изгнать из него пробравшихся кулаков и подкулачников, изгнать лодырей и разгильдяев. Сельсовету необходимо проверить правильность проведения раскулачивания в вашем селе и исправить, как об этом указывает товарищ Сталин, те ошибки, которые были допущены. Я уверен, что с этими трудными задачами вы справитесь с честью!

На следующий день Борис Алёшкин возвращался в Завитую. Он ехал, нагруженный протоколами последних собраний, списком членов нового правления колхоза и, самое главное, сознанием отлично выполненной работы. В общей сложности в Демьяновке он провёл 17 дней.

Через день на заседании бюро завитинского райкома ВКП(б) для доклада Борису, как и прочим его сотоварищам, было предоставлено 15 минут. Он с трудом уложился в отведённое время. Его сообщение о том, что Пермьяковская коммуна (так её звали в райкоме) влилась в колхоз «Ленинский путь», а сам Пермьяков был избран новым председателем колхоза, было встречено с недоверием также, как и со-

общение о том, что на последнем собрании было переизбрано правление колхоза и заменено почти в полном составе. Помимо недоверия, некоторые из присутствовавших на бюро высказали недовольство. Особенно возмущался какой-то толстый, пузатый, в золотых очках, пожилой человек, он говорил:

– Мы тут работаем годами, с трудом сколотили костяк правления колхоза «Ленинский путь»! Вдруг приехал молодой и, видимо, ещё совсем неопытный товарищ и всё в один день поломал! Ломать ведь просто, а строить-то нам придётся. Он приехал и уедет, а каково нам с этим Пермяковым и его подручными работать будет? Они там, в коммуне, окулачились совсем, их надо было распустить и каждого по отдельности принимать в колхоз, а всё их имущество передать правлению колхоза. И потом, что это за новый пересмотр раскулачивания? Ведь в прошлом году им я руководил, а теперь всё это будет происходить без районного представителя? По-моему, действия этого горячего военного, кажется, товарища Алёшкина, надо признать неправильными, опрометчивыми и, если и не наказывать его за допущенное самовольство, то только приняв во внимание его молодость. По-моему, туда надо срочно ехать кому-нибудь из работников района и исправить допущенные ошибки. Наверно, придётся опять ехать мне...

Но в этот момент оратора перебил секретарь райкома:

– Я думаю, что вам, товарищ Осипов, ехать в Демьянов-

ку, да, впрочем, и вообще куда-нибудь, не придётся. Я только что вернулся из Демьяновки, где был уже после товарища Алёшкина. Тамошние коммунисты, комсомольцы, да и большая часть беднейшего крестьянства считает, всё, что он там сделал, было правильно. В райком уже давно поступали слухи о неблагополучии в этом селе. Мы всецело полагались на вашу информацию, а она ведь оказалась, мягко говоря, неправдивой. Мы поэтому и решили послать в Демьяновку нового, постороннего человека и, как я убедился, поступили правильно. Он оправдал наше доверие, провёл большую работу, сумел убедить и товарища Пермякова, и коммунаров вступить в колхоз, а вы, товарищ Осипов, не смогли этого сделать в течение года. Я побеседовал с товарищем Пермяковым и полагаю, что с планом весеннего сева этот колхоз теперь справится. Предлагаю от имени бюро райкома объявить товарищу Алёшкину благодарность и сообщить об этом в Благовещенский обком ВКП(б) и в воинскую часть, где он служит. А о вас, товарищ Осипов, нам ещё придётся поговорить на специальном бюро райкома, вероятно, этот разговор будет не из приятных.

Так закончился ещё один эпизод из жизни нашего героя. Он замечателен тем, что Борису впервые пришлось столкнуться с практической работой по организации колхозной жизни на селе. Он сумел найти в решении этой задачи правильный путь. Конечно, всё это явилось следствием того политического роста, который произошёл в нём под действием

воспитания в партийной ячейке ДГРТ, а также в результате регулярных политзанятий в роте.

## Глава пятая

В свои подразделения Борис Алёшкин и Николай Басанец вернулись 10 апреля. Как и все командированные, они доложили о своём прибытии по команде, т. е. каждый из них доложил своему командиру отделения, тот командиру взвода, последний командиру роты и т. д., а о проведённой ими за время командировки работе – коротким письменным рапортом непосредственно комиссару дивизии Щёлокову.

Надо сказать, что за время командировки Борис и Николай, хотя и небольшое время провели вместе, но основательно сдружились. Кроме общей военной службы, порученной работы на селе и дружбы каждого из них с братом Николая, Григорием Басанцом, их объединяла и любовь к сцене и музыке. Как оказалось, Коля отлично играл на многих инструментах, как на струнных, так и на духовых. Мы знаем, что на многих из них умел брэнчать и дудеть и Борис, но его умение, конечно, не шло ни в какое сравнение с мастерством Николая. Борис очень удивился, узнав, что Басанец не принимает участия в дивизионном эстрадном коллективе. По возвращении в часть, на первой же репетиции он сказал Сафронову о выдающихся способностях Николая. В этот же вечер Сафронов вызвал Басанца в клуб и попросил его показать своё умение. Алёшкин очень расхваливал игру Николая на губной гармонике.

Действительно, не только на Сафронова, но и на всех присутствующих на репетиции, игра Басанца на небольшой губной гармонике произвела впечатление. А когда к ней присоединился моментально подобранный Штоффером аккомпанемент на рояле, то получился замечательный музыкальный номер, который с этого времени был непременно в каждой программе эстрады и принимался слушателями с большим удовольствием.

Борис, помимо участия в различных скетчах, физкультурных номерах, пародийных куплетах и рассказах, часто исполнял роль конферансье или, как тогда чаще говорили, ведущего. Номер Николая Басанца он обычно подавал так:

– А сейчас, товарищи, наш музыкант Коля Басанец на своём баяне исполнит марш Будённого.

После этих слов на сцену выходил Николай и раскланивался, его встречали аплодисментами.

– Аккомпанирует ему на рояле Яшенька Штоффер. Ну, Коля, начинай! Впрочем, погоди, а где же баян? Опять забыли принести? – Борис оборачивался за сцену. – Товарищи, товарищи, несите скорее Колин баян, публика ждёт! Что? Нет? Как так нет? На чём же он играть будет? С собой взял?

Борис возвращался на середину сцены, осматривал со всех сторон спокойно стоящего Николая и аккомпаниатора, и, как и публика, не видя никакого баяна, беспомощно разводил руками. Затем подходил к Николаю и спрашивал:

– Коля, ты баян взял?

Тот отвечал:

– Взял.

Борис ещё раз внимательно осматривал Николая, под смех зрителей разводил руками и, изображая на лице крайнее удивление, снова спрашивал:

– Так, говоришь, баян у тебя?

– Да, – невозмутимо отвечал Коля.

– Где же он у тебя, почему я его не вижу?

В публике хохот. Коля так же невозмутимо показывал на карман гимнастёрки:

– Здесь!

– Здесь? А ну, покажи!

Коля вытаскивал губную гармошку величиной с расчёску и показывал её Борису.

– Это баян?! И ты на нём играть собираешься?

– Ну конечно!

– Ну, знаете, товарищи, – обращался Борис к публике, – я за такие номера отвечать не могу, пусть уж он сам отвечает. Что ж, играй! – и Борис уходил со сцены.

И вот эта маленькая гармошка в руках, вернее, в губах у умельца действительно звучала как баян. Как правило, Коле приходилось исполнять на ней не менее трёх-четырёх вещей, и после каждой раздавались бурные аплодисменты. Сцена эта повторялась на эстраде много раз и всегда имела большой успех. Но вернёмся к иным делам.

В первый же день своего возвращения в роту Борис по-

нял, как всё-таки тяжела красноармейская служба, за свою трёхнедельную командировку он от неё отвык. Ему за это время приходилось задумываться над серьёзными вопросами, принимать трудные решения, быть постоянно в нервном напряжении, однако, он был, можно сказать, сам себе господин. Вставал утром, когда хотел, спать ложился, когда придётся, так же и ел. Сам следил за своим внешним видом, и подтянутость, уже привитая ему за полгода службы, во время командировки помаленьку снизилась, так что сейчас ему пришлось нелегко. Внешний вид его отличался от остальных курсантов, конечно, это сразу же было замечено дотошным старшиной Белобородько, который и сам, и при помощи Евстафьева не замедлил приступить к наведению порядка. В течение первой недели по возвращении Алёшкин беспрестанно слышал одёргивания и окрики то командира отделения, то старшины. Не раз его фамилию Белобородько упоминал и на вечерних поверках. Всё это злило и возмущало Бориса. Ему стоило огромных усилий сдержаться, чтобы не нагрубить кому-нибудь из них. Единственное, что его спасало, так это то, что рота переживала трудную пору, и сам командир роты дал приказание старшине (как это стало известно по солдатскому телеграфу), поменьше муштровать курсантов во время экзаменов.

Дело в том, что большую часть теоретического курса курсанты уже закончили и до 1 мая должны были сдать соответствующие экзамены. После этого все они получали звание

младших командиров в зависимости от успехов – от командира отделения до старшины (однако пока без ношения знаков различия и каких-либо дисциплинарных прав). Поэтому неслучайно строевые занятия на плацу приобрели другой характер. Теперь ими руководили обязательно командиры взводов, а иногда и командир роты, причём они вполголоса давали указания, а отделению, взводу и иногда даже всей роте команды подавали вызванные для этого курсанты. По всему плацу раздавались старательные громкие выкрики команд того или иного «командира». В течение двухчасового занятия каждому из курсантов приходилось примерить на себя роль кого-нибудь из них. Пришлось испытать это и Борису: всё прошло на отлично. Во-первых, потому, что он в своё время многократно командовал отрядом ЧОН, отрядом пионеров, комсомольцев из группы ПВО. Во-вторых, потому, что он обладал громким звонким голосом и чётко выговаривал слова команды. На этом поприще он с первых же шагов заслужил одобрение командира взвода Новикова и командира роты. Борис не раз оказывался в числе немногих, кому Константинов доверял командование всей ротой.

Изменился характер и тактической подготовки. Если осенью и зимой курсанты решали задачи на ящике с песком за одиночного бойца, парный дозор и лишь изредка за отделение, то теперь задачи расширились: они ставились за взвод, роту и даже батальон, и не только на ящике, но и на топографической карте, а в последнее время и на местности. Снег

уже давно стоял, и окружающие Благовещенск невысокие, с многочисленными лощинами и оврагами сопки, покрытые кустами орешника, боярышника, дикой смородиной и малиной, являлись прекрасными местом для проведения занятий по топографии.

Одновременно с этим ежедневно до самого отбоя шла серьёзная подготовка к сдаче теоретических экзаменов. Всё это отнимало уйму времени, и Борису, за время командировки немного отставшему, приходилось труднее, чем другим, так как в силу своего характера он не мог мириться с тем, что он не в числе первых.

Приближался праздник 1 Мая. Все остальные подразделения полка ещё 15 апреля выехали в лагерь, в городе осталась только рота, или, как её иногда называли, команда одиночников. До сдачи экзаменов курсанты должны были жить в казарме. Экзамены начались 25 апреля и продолжались четыре дня. Алёшкин и его ближайшие друзья Колбин и Беляев получили звания старшины роты, так как сдали все экзамены на «отлично», многие получили звания помкомвзвода, большинство – командиров отделений. Только с одним Яковом Штоффером командование не знало, что и делать: по теоретическим дисциплинам он получил пятёрки, преподаватель топографии от его кроки и схем был в восторге, но зато по строевой подготовке, по физподготовке, по практическим, техническим действиям и в особенности по командно-строевой ему никто не решался поставить даже «три». Он

до сих пор по команде «направо» мог повернуться налево, продолжать двигаться вперёд по команде «стой» и держать винтовку у ноги по команде «на ремень». И не потому, что он не был способен запомнить или понять эти команды, а просто по какой-то необъяснимой рассеянности, которая иногда охватывала его во время нахождения в строю. Ну, а уж когда ему приходилось командовать, то тут иной раз вся рота покатывалась со смеху, настолько несуразны были подаваемые им команды, тем более что произносил он их тихим голосом с невыразимым еврейским акцентом. Так, например, команда «направо» звучала у него так: «на пха-ву». Да и её дальше, чем на пять шагов от него, было не слышно. С ним занимались – командир взвода, старшина, командиры отделений и чуть ли не все его друзья-курсанты по очереди, но так ничего и не добились. Командир роты Константинов докладывал о нём командиру полка и предлагал отчислить его из роты, доказывая, что строевого командира из Штоффера никогда не получится, но тот не согласился:

– Подождём до конца лагерного периода, – сказал он.

Одновременно с экзаменами участникам эстрады «Весёлый дальневосточник» пришлось готовиться к праздничному выступлению. Оно должно было состояться 1–2 мая.

Но вот все экзамены сданы, закончены довольно-таки изматывающие ребят выступления эстрады. На 5 мая была назначена передислокация роты в лагерь. Здесь, надо сказать, одногодичникам повезло. Все подразделения, выехавшие в

лагерь раньше, готовили для себя и гнезда для палаток, и лагерные линейки (то есть расчищенные от травы прямые дорожки), помещение для хранения оружия и ленинские комнаты. Одногодичникам ничего этого делать не пришлось, всё для них было приготовлено, и им оставалось только поставить палатки. Но прежде чем описывать лагерную жизнь роты одногодичников 5-го Амурского стрелкового полка и служащих в ней наших знакомых, нужно рассказать следующее.

Через два дня после празднования 1 Мая на утреннем осмотре старшина объявил, что сегодня после завтрака рота пойдёт в полковой цейхгауз, чтобы получить свои личные вещи, рассортировать их и оставить у себя. Когда строй был распущен, между курсантами началось обсуждение предстоящего события. Большинство им было недовольно.

– Ну куда я денусь со своими манатками? Ведь у меня там целый чемодан всякого барахла, – возмущался Павлин Колбин, – старшина и так каждый день к тумбочке придирается! И то там не так лежит, и то не так стоит, а то грязное, а то смятое. А тут, когда я ещё своё гражданское разложу, от старшины прохода не будет, нарядами замучает! Нет, я ничего брать не буду, пусть лежит на складе.

С ним согласились многие, а Шадрин, кроме того, добавил:

– А вы забыли про тревогу: при каждой тревоге все свои вещи надо успеть в вещмешок уложить... Представляете, какой он получится?

Все дружно расхохотались.

Бориса не особенно беспокоило предстоящее получение личных вещей. У него, кроме полушерстяного костюма, сандалий, пары белья да двух трусов, ничего не было. Но всё равно, и эти вещи при тревогах, при походах ему тоже бы мешали, он решил ничего из своих вещей не брать.

Перед завтраком курсантов собрали командиры отделений и, так сказать, неофициально кое-что объяснили. Евстафьев, командир того отделения, где служил Алёшкин, например, посоветовал:

– Как только получите вещи, роту отведут на площадь за казармы, около дороги. Посмотрите, разберитесь. Что вам нужно – возьмите, а остальное можете сдать обратно или продать. Там в эти дни всегда собираются торговки и торговцы с базара, и они у красноармейцев охотно покупают гражданские вещи. Правда, платят они немного, но зато ведь это живые деньги. Чемоданы и сундучки не продавайте, их вам разрешат держать под койками. По тревоге их брать не будем, а, наоборот, в них будете складывать всё, что не уложится в вещевой мешок. На каждом чемодане или сундучке привяжете бирку с фамилией.

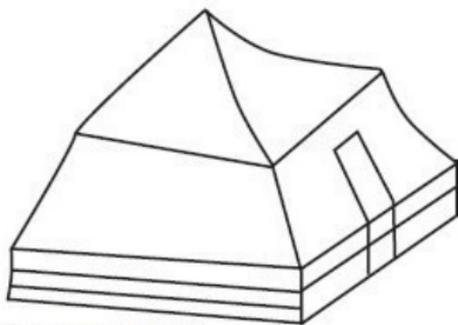
Это сообщение всех обрадовало, курсанты сразу поняли его выгоду. Теперь по тревоге в вещевой мешок можно будет класть только полотенце, кружку, ложку, котелок, мыло и бритву, а все уставы, книги, блокноты и тетради складывать в чемодан. Раньше всё это приходилось брать с собой.

Кое-какие личные вещи, которыми некоторые дорожили, тоже можно было в чемодане держать. Да и деньги появятся, а деньги почти всем курсантам были очень нужны: большинство, как и Борис, из дома получали гроши, тогда как расходы, иногда совершенно неожиданные, случались.

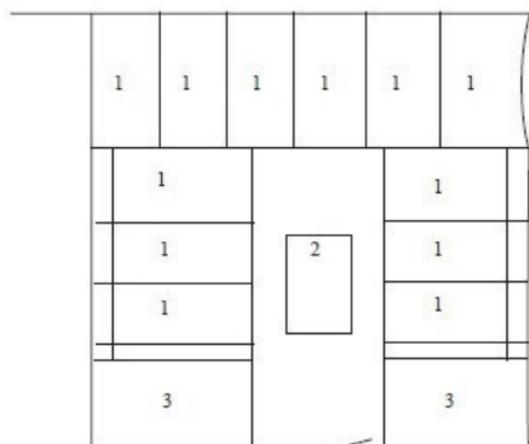
Слова Евстафьева подтвердились. Стоило только роте одногодичников 5-го Амурского стрелкового полка появиться на указанной площади, как она была окружена толпой женщин и мужчин, наперебой хватавшихся за чемоданы, мешки и узелки, и, даже не глядя на их содержимое, уже выкрикивавших свою цену. Мало того, у края дороги сидели человек 15 торговцев, продававших сундучки, фанерные чемоданы, ваксу, сапожные щётки и другую мелочь, необходимую в солдатском быту. Алёшкин быстро нашёл покупателя на свой ещё почти новый костюм, бельё и вещевой мешок. Он решил продать всё, оставив себе только трусы. Торговаться он не любил и продал вещи за первую же предложенную ему цену (как потом выяснилось, основательно продешевив), но всё-таки получил 17 рублей – в его тогдашнем понятии весьма солидные деньги.

За три рубля он купил себе фанерный чемоданчик с блестящим замочком, оклеенный внутри обоями и пахнувший каким-то вонючим клеем. Кроме чемодана он купил ваксы, карандашей, тетрадей, бумаги, конвертов и, конечно, целый фунт «Ткаченковского» монпансье в коробке. После всего этого его капитал составил 13 рублей.

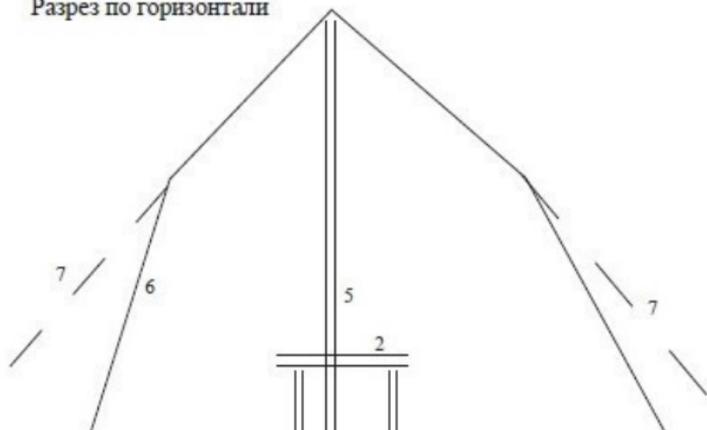
В лагерь чемоданы и сундучки с привязанными к ним фанерными бирками были доставлены на подводе, в них каждый сложил оставшиеся после распродажи вещи. Эти чемоданы стояли на земле под нарами в палатках. Лагерная палатка того времени, сшитая из простого сурового полотна, предназначалась для размещения одного отделения и была до примитивности проста. Вот её схема:



Внешний вид



Разрез по горизонтали



1. Спальные места для красноармейцев.
2. Стол.
3. Хозяйственные полки для котелков и вешалки для шинелей.
4. Входная дверь.
5. Основной шест палатки.
6. Полотняные скаты.
7. Веревочные стяжки.
8. Земляная засыпка.
9. Деревянное (дощатое) гнездо.

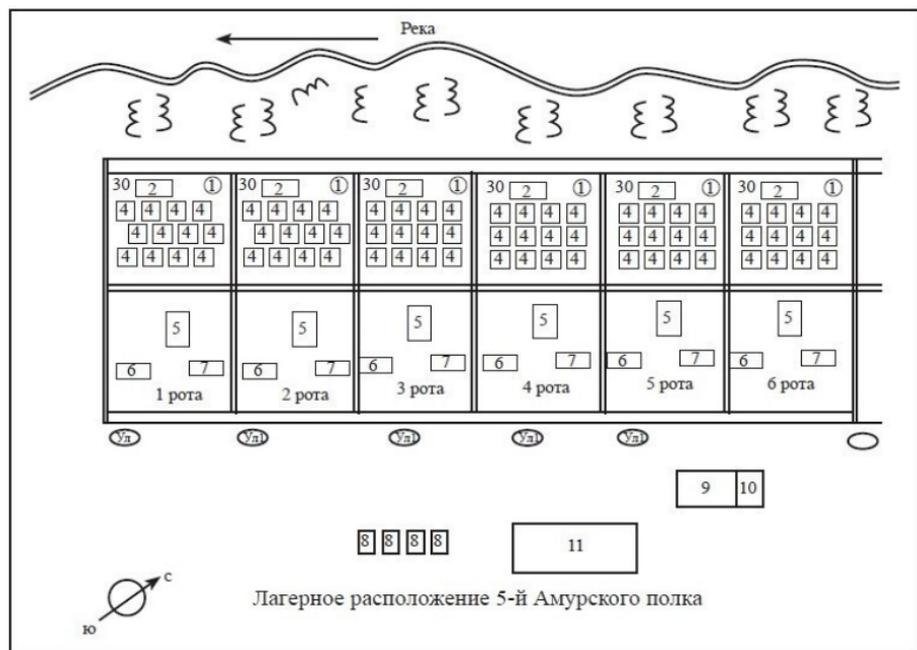
Лагерная жизнь имела свои особенности. Она предоставляла несколько большую свободу, чем жизнь в казарме, имела свои особые прелести, но вместе с тем и особые сложности, и трудности.

Конечно, самым приятным было то, что весь лагерный период жизни красноармейцы проводили на свежем воздухе в чудесном месте. Лагерь располагался на берегу реки Амур, километрах в 10 от города Благовещенска, на ровной поляне, местами покрытой редкой, красивой растительностью: дубами, берёзами, ясенями, клёнами и другими. Между этими деревьями, причём так, чтобы сохранить их в неприкосновенности, и располагались палатки лагеря 2-й ордена Красного Знамени Приамурской дивизии. На лето (на лагерный период) в дивизию прибывал и её третий полк, называвший-

ся 4-й Волочаевский. Обычно он стоял в Хабаровске.

Как и все военные лагеря, лагерь дивизии размещался по определённому,

видимо, кем-то установленному порядку, с изменениями применительно к условиям местности. Вот примерный план той части лагеря, которую занимал 5-й Амурский стрелковый полк, кстати сказать, расположенный в самом центре лагеря.



I. Первая линейка – аллея, обсаженная невысокими деревьями, посыпанная песком. На ней проводилась вечерняя

поверка, по ней не разрешалось ходить никому, кроме командира дивизии и командира полка. Около неё располагались посты дежурных по подразделениям.

II. Средняя линейка – основное средство сообщения внутри лагеря для пешеходов.

III. Задняя линейка, служила для движения конного транспорта.

1. Пост дежурного по роте.
2. Палатка с оружием.
3. Часовой.
4. Палатки красноармейцев.
5. Ленинская комната.
6. Палатка старшины и ротный склад.
7. Место для чистки оружия.
8. Палатка среднего комсостава.
9. Полковой клуб – столовая.
10. Кухня.
11. Спортплощадка.

Во время нахождения в лагере занятия приобрели иной характер. Участились походы, с каждым разом более длительные и быстрые. Ежедневно проходили практические занятия длительностью не менее четырёх часов, причём, как правило, проводились они в районе ближайших сопок, на расстоянии 4–5 километров от лагеря. Следование на место занятий и возвращение оттуда являлось своего рода походом, да и сами занятия проходили в постоянном движе-

нии. Отрабатывались задачи отделения и взвода в разведке, в охране, в наступлении, во встречном бою, в обороне. Очень часто привлекались курсанты роты одногодичников 6-го или 4-го полков, это делало занятия ещё более интересными.

Очень скоро при проведении тактических занятий роли командиров отделений, помкомвзводов, а иногда и командиров взводов поручалось исполнять курсантам. Делали это по очереди, и многие, в том числе и Борис, получали от этого большое удовольствие. Оборонять какую-либо сопку или распадок, командуя при этом несколькими десятками уже достаточно хорошо обученных людей, было не только почётно, но и очень интересно. Иногда на занятиях присутствовал командир роты, он всегда давал много интересных и сложных вводных, заставляя вспоминать и глубже запоминать тактические положения, выученные зимой теоретически.

Один раз их посетил командир полка Родионов, и Павлин Колбин, командовавший взводом, получил от него благодарность. В другой раз верхом приехал на занятия и комиссар дивизии Щёлоков, он пробыл вместе с ротой весь день, а по окончании собрал всех курсантов и командиров на полянке. Разбирая занятия, он крепко покритиковал и отдельных командиров, и курсантов, но вместе с тем похвалил хороший боевой листок, выпущенный во время занятий Костей Ротовым. После этого он сделал краткий доклад о международ-

ном положении, обратив внимание, что напряжение между нами и империалистическими странами растёт, капиталисты всех стран точат зубы на СССР, который своими достижениями, своей растущей мощью является у них бельмом на глазу. Наша задача – как можно лучше изучить военное дело, чтобы быть готовыми в любой момент стать в ряды командиров Красной армии и умело дать отпор врагу.

После доклада, когда курсанты получили разрешение закурить, Щёлоков позвал к себе Бориса и спросил, как у него обстоят дела со вступлением в члены партии. Алёшкин ответил, что ждёт рекомендаций из Владивостока.

– Ну, что же, хорошо, – сказал комиссар, – тогда сегодня вечером зайдите к моему адъютанту, я у него оставлю рекомендацию для вас.

Борис поблагодарил и был очень польщён таким вниманием комиссара дивизии. Было ясно, что этому он обязан лестным отзывом о его работе, полученным в дивизии от Благовещенского обкома партии. Об этом, между прочим, говорил и сам Щелоков, когда сообщал на партсобрании о результатах работы представителей дивизии по коллективизации. Все уже знали, что его избрали делегатом на XVI съезд партии и вскоре он должен выехать в Москву. У комдива было много забот: предстояла инспекторская проверка дивизии, а его не будет – значит, надо как следует подготовить к ней всех политработников. При этом он всё-таки нашёл время вспомнить о каком-то курсанте.

Кроме тактических занятий, строевых и физкультурных, о которых мы ещё скажем особо, наши курсанты больше, чем другие подразделения, занимались стрельбой. Каждому из них предстояло научиться хорошо стрелять из винтовки, ручного пулемёта Дегтярёва, станкового пулемёта Максима, револьвера наган. В этом деле Бориса постигла неудача. Он отлично стрелял на расстоянии до 200 шагов, но дальше, на 300–500 шагов, очертания цели у него смазывались и, к своему огорчению, при выполнении упражнений на дальнейшее расстояние он немало пуль «посылал за молоком». Почему-то не особенно ладилось у него стрельба и из револьвера: он едва-едва выполнял установленную норму. К инспекторским стрельбам он пришёл с весьма посредственными результатами. Но зато во временных, когда многие даже очень хорошие стрелки, чувствуя за спиной присутствие самого Блюхера, а именно он прибыл на стрельбы, наделали массу ошибок, Борис приобрёл вдруг необъяснимую уверенность и спокойствие и, к удивлению и радости командира взвода и командира роты, выполнил все упражнения на «отлично», получив впоследствии за это благодарность в приказе по полку.

Между прочим, раз мы заговорили об инспекторских стрельбах, то, очевидно, следует рассказать, в чём они заключались. Каждый стрелок был обязан выполнить несколько зачётных упражнений, а именно поразить грудную мишень с расстояния ста шагов, с двухсот – поясную мишень и с трёхсот – в рост человека. Три патрона выдавалось на каж-

дое упражнение, все они выполнялись с одного места из положения лёжа. Одно попадание из трёх давало оценку «удовлетворительно», два – «хорошо» и три – «отлично».

После стрельбы из винтовки выполнялось упражнение из пулемёта системы Дегтярёва. На расстоянии 400 шагов на три минуты показывалась цепочка из пяти человеческих фигур. Очередью из 12–15 выстрелов надо было поразить одного из них – «удовлетворительно», двух – «хорошо», трёх и более – «отлично».

После этого производилась стрельба из пулемёта системы Максима, установленного на станине в специально отрытом окопе. На расстоянии 500 шагов поперёк стрелковой полосы двигался фанерный макет танка в половину натуральной величины. Его нужно было поразить очередью из 25 выстрелов; две пробоины – «удовлетворительно», 4 – «хорошо», 6 и более – «отлично» (тогда ещё наивно предполагали, что в будущей войне на танках будет такая же броня, как и в Первую мировую войну, которую станковый пулемёт с расстояния 500 метров пробивал).

Наконец, последнее упражнение заключалось в следующем: стрелок по команде совершал перебежку от рубежа, удалённого от линии стрельбы на 50 метров. Как только боец падал на землю, перед ним в 200 шагах показывалась мишень (фигура бегущего солдата), державшаяся неподвижно одну минуту. Затем она скрывалась, через три минуты показывалась немного в стороне, держалась тоже минуту, ещё че-

рез три минуты показывалась в новом месте. Стрелок имевшимися у него в магазине пятью патронами должен был поразить одну мишень – «удовлетворительно», две мишени – «хорошо» и три мишени – «отлично».

Занятия по физкультуре в лагере заключались в основном в преодолении так называемой полосы препятствий. Боец в шинели, с вещевым мешком за плечами, с противогазом и сапёрной лопаткой, с винтовкой в руках должен был пробежать, проползти всю полосу, длиной около 500 метров за строго определённое время. Препятствия на этой полосе были следующие: канава шириною два метра (её надо было перескочить), бревно толщиной 15 см и длиной пять метров, укреплённое на высоте около метра (по нему – пробежать), несколько рядов колышков, высотой в полметра, между которыми была натянута тонкая проволока (через неё надо было перепрыгивать). Следом за этим препятствием требовалось проползти под тремя рядами колючей проволоки, натянутой на высоте около 70 см и, наконец, взбежать по довольно крутому, скользкому дощатому настилу на так называемую горку, высотой около четырёх метров, спрыгнуть с этой высоты вниз на площадку, усыпанную опилками, пробежать ещё около 50 метров до огневого рубежа и поразить не менее двух из трёх грудных мишеней, установленных на расстоянии 100 метров.

Разумеется, во время подготовительных тренировок взятие каждого препятствия повторялось многократно, затем

они комбинировались и лишь при сдаче экзаменов проводились полностью.

Кроме этой, чисто военной физкультуры, в лагерях проводилась иная – настоящая, так сказать, спортивная работа. В дивизии с этого года ввели должность инструктора физкультуры, он организовывал занятия по лёгкой атлетике, боксу, футболу и волейболу. Проводились эти занятия в так называемые свободные часы и, конечно, одногодичники всех полков были в них застрельщиками.

Борис увлекался прыжками в высоту и бегом на средние и длинные дистанции, в этих видах он и достиг определённых успехов: по прыжкам входил в первую пятёрку дивизии, а по бегу на пять километров занимал второе место. Играл он в футбол и волейбол, причём в футболе выполнял обязанности защитника или, как его тогда называли, бека. В то время в футболе защитники исполняли довольно пассивную роль, они должны были своей массой и силой помешать форварду команды противника ударить по воротам. Алёшкин обладал широкоплечей приземистой фигурой, имел мощные ноги и весил 72 кг. Его столкновение с легковесным форвардом грозило последнему серьёзными неприятностями, как правило, он оказывался на земле. Поэтому, когда бек бросался к наступавшему форварду, тот пытался увернуться от него и при этом терял мяч. Сейчас же следовал сильный удар, и мяч оказывался далеко за серединой поля. Команда 5-го Амурского полка в дивизии постоянно занимала первое место.

Почти все очень любили играть в волейбол, но тут постоянных команд не было, и играли кто с кем хотел.

Кроме этих видов Борис увлекался и боксом. Правда, настоящей серьёзной тренировки он получить не мог: сам инструктор физкультуры был не очень сильным боксёром, да и времени у Алёшкина не было. Кроме того, как это ни смешно, на всю дивизию имелось всего две пары перчаток, и желающим «подраться» приходилось становиться в очередь за ними. Тем не менее на состязаниях в конце лагерного периода Борис сумел занять одно из первых мест по боксу в дивизии.

Лагерная жизнь, более оживлённая и разнообразная, чем в казармах, протекала быстро. Казалось, только что выехали в лагерь, а уже на дворе конец июля. Завершились инспекторские стрельбы, отработаны все тактические занятия за отделение и взвод, несколько раз проведены практические занятия по сапёрному делу. Каждый курсант успел собственноручно отрыть и замаскировать окопы всех соответствующих профилей, научился рыть окопы для станковых пулеметов и даже трёхдюймовых орудий. Уже совершили много походов на самые различные расстояния, а один – даже в противогасах. На очереди стоял заключительный зачётный поход – марш-бросок, роты усиленно к нему готовились. Наконец этот день наступил.

Роты одногодичников всех трёх полков были подняты по тревоге. Каждому курсанту, кроме его личных вещей, в ве-

щевой мешок заботливые старшины положили по два кирпича, чтобы довести нагрузку до нужного веса. Через плечо была надета скатка шинели, через другое – противогаз и фляжка с водой, на поясном ремне – два подсумка, в одном из которых болталась, выданная ещё с вечера, обойма боевых патронов, и в специальном чехле – малая сапёрная лопатка.

Поход состоялся 18 июля 1930 года. Роты вышли в 5 часов 30 минут утра без завтрака. Все знали, что поход будет протяжённостью в оба конца 15 километров, что придётся часть пути пройти в противогазах, преодолеть полосу препятствий и закончить выполнением стрелкового упражнения. Знали также, что нужно уложиться в строго ограниченное время и что успех будет зависеть от выполнения задачи каждым курсантом. Роты между собой договорились о соревновании.

Это то, что было известно в теории, а как это на практике, скоро почувствовали все. После построения и выхода на исходный рубеж, роты отправились в путь с промежутками в 15 минут одна за другой. Шли по порядку: первой – рота 4-го Волочаевского полка, за ней – 5-го Амурского и последней – 6-го Хабаровского.

Первые четверть часа никакого особого впечатления на курсантов не произвели: шли обычным маршем во взводных колоннах. Было ещё прохладно. Все чувствовали себя довольно хорошо натренированными, и поэтому шли ровно, спокойно, кое-кто даже начал было песню, но командиры

взводов петь запретили: тратится лишняя сила, – объяснили они. Непривычным был, пожалуй, только груз в вещевых мешках, но и он пока особых неудобств не доставлял.

Борис и его друзья (идти было разрешено «вольно»), вполголоса даже острили:

– Ну и бросок! А говорили, что трудно будет...

Однако, когда были пройдены первые два километра, всё и началось. Внезапно командир роты, шедший впереди, командовал:

– Шире шаг! – и, увеличив размер шага почти вдвое, ускорил темп движения.

Вслед за ним эту команду повторили командиры взводов. Рота пошла раза в два быстрее. Прошло ещё 15 минут, слышалась новая команда:

– Шире шаг!

Командиры, а вслед за ними и курсанты, пошли ещё быстрее. Уже нарушились ровные ряды шеренг, всё чаще слышались окрики помощников командиров взводов, шедших сзади, и старшины роты вместе с санинструктором, замыкавшими ротную колонну:

– Не отставать! Не растягиваться!

Стало невыносимо жарко, хотя ещё не было и семи часов утра. Пот лился по лицу и по спине ручьями. Гимнастёрки на спинах у всех бойцов стали тёмными, как будто на каждого из них вылили ведро воды. Все облизывали вдруг сразу распухшими языками сухие потрескавшиеся губы. Скатка, вин-

товка и всё прочее снаряжение вдруг показались невыносимо тяжёлыми, ноги в кирзовых сапогах тоже отяжелели, как будто были налиты свинцом, а командиры теперь уже непрерывно кричали:

– Шире шаг, быстрее, ещё быстрее! – и сами наращивали скорость, как будто подгоняемые криками старшины и помкомвзводов. – Не отставать! Ну, что растянулись? Вперёд, вперёд, плотнее идти!

В тихом летнем утреннем воздухе, когда ни один придорожный кустик буквально не шевелился, раздавалось натужное дыхание, вернее, какое-то сопение уставших людей, разрозненный топот ног да выкрики команд. Курсанты уже не шутили и не разговаривали. Они, кажется, начали понимать, что такое марш-бросок.

Но вот, наконец, преодолели половину пути – привал на 10 минут. Командиры отделений приказали курсантам снять с себя всё снаряжение, лечь на землю и поднять ноги кверху, облокотив их на что-нибудь. Разрешили прополоскать рот, но не пить. Некоторые этого приказа не послушались и потом за это крепко поплатились. Предложили всем проверить состояние портянок, у кого они сбились, перемотать. Многие, хотя и чувствовали, что с портянками у них не всё в порядке, перематывать их поленились: привал был короток, а перемотка портянок – тоже работа. Этим курсантам о своей беспечности пришлось потом пожалеть.

Алёшкин и его ближайшие друзья – Колбин, Беляков,

Шадрин проделали эту часть похода сравнительно легко, помогли ежедневные занятия спортом. Но вот последовала новая команда. Все построились и зашагали теперь уже в обратном направлении. Было разрешено расстегнуть воротники гимнастёрок и засучить рукава.

Первую половину пути, как объявил на привале политрук роты, прошли неплохо, хотя по времени от 4-го полка отстали, а ведь сзади ещё шёл 6-й, неизвестно, какое время он покажет. Поэтому с первых же шагов обратного пути был взят очень высокий темп. Это сразу сказалось на менее тренированных курсантах. Уже через пять минут обратного движения взводные шеренги расстроились, и некоторые курсанты стали с каждым шагом отставать от своих товарищей, ломая ряды и затрудняя движение следующим за ними. Старшина уже не шёл в хвосте роты. Неизвестно, где он брал в себе силы, беспрестанно перемещаясь вдоль ротной колонны, – он руководил помощью отстающим. То приказывал более крепкому взять часть вещей у более слабого, то сам брал у кого-нибудь из ослабевших винтовку, скатку или вещмешок, нёс это некоторое время, давая возможность немного передохнуть. Иногда слышался приказ двоим вести, а скорее, почти нести уже совсем обессиленного соседа. Одним словом, и старшина, а вскоре и все помкомвзвода выручали уставших лично или приказами.

А темп ходьбы всё возрастал, и командиры взводов, занятые всецело только тем, чтобы не отстать от командира

роты, кричали «шире шаг» и даже не оборачивались, чтобы посмотреть, как за ними идут бойцы, твёрдо уверенные, что большинство, выбиваясь из последних сил, идёт за ними, а отстающему меньшинству, точнее, даже единицам, помогут командиры отделений, помкомвзвода, старшина и соседи.

Петька Беляков, как самый сильный, уже давно, кроме своей, нёс ещё чьи-то винтовки, нёс скатку соседа Павлин Колбин, и даже Борис Алёшкин, для которого обратная часть похода казалась гораздо тяжелее первой, нёс два дополнительных противогоза.

Вообще, когда рота подходила к полосе препятствий, она представляла из себя довольно плачевное зрелище, ухудшавшееся ещё и тем, что последний километр все шли в противогозах. Гимнастёрки уже давно высохли, и пятна, темневшие ранее от пота, теперь от выступившей на них соли стали совершенно белыми и сверкали на солнце так, как будто были посыпаны снегом. Если два часа тому назад из лагеря вышла стройная, подтянутая колонна роты, где каждый курсант щеголял своей выправкой, то теперь к полосе препятствий подходила толпа донельзя измученных людей, готовых свалиться с ног. А за полосой препятствий на рубеже стрелкового полевого тира их ожидало всё начальство полка и дивизии, многие командиры держали часы в руках. Комроты понимал, что, кроме скорости, наблюдатели обратят внимание и на внешность бойцов, поэтому перед самыми препятствиями темп был замедлен, и по колонне передана команда:

– После преодоления препятствий – две минуты на приведение себя в порядок и построение. Старшине и помкомвзвода проследить.

Борису казалось, что силы уже оставляют его, а тут надо было ещё преодолевать эти проклятые препятствия! Первым шёл Петька Беляков. Увидев состояние Бориса, он схватил его за рукав и потянул за собой, сообразив, что тот, кто прежде всех преодолеет препятствия, будет иметь больше времени, чтобы отдохнуть перед стрельбой. По условиям, к стрельбе взвод мог приступить, только когда все бойцы построятся. Взвод, в котором служил Алёшкин, был первым, поэтому следовал в голове колонны и подошёл к препятствиям раньше остальных, за исключением одного человека – Яшки Штоффера, который последние две сотни метров пути почти висел на руках у старшины и помкомвзвода.

Но вот все преодолели препятствия, в том числе и двое отстающих, остались «горка» и «прыжок». Командир взвода Новиков взглянул на часы и вздохнул с облегчением: время, показанное его взводом, было отличным, сейчас через 1–2 минуты присоединятся отставшие, и взвод может идти на стрельбу, но что это?

Все видели, как старшина и помкомвзвода помогли забраться на горку обоим отставшим, трое из четверых спрыгнули вниз, а один остался стоять на площадке. Старшина махал руками, что-то кричал... Поднявшийся ветерок относил его слова в сторону, но все догадались, что это были дале-

ко не лестные выражения по адресу «антилегенции» вообще и данного индивида в частности. В курсанте, нелепо стоявшем на площадке, мимо которого уже успела пробежать добрая половина второго и даже отделения третьего взводов, все узнали Штоффера.

Новиков был взбешён: несмотря на то, что его взвод прошёл отлично, из-за отставшего он может потерять призовое место! Рядом уже начал построение второй взвод, стали подбегать бойцы третьего, а этот Штофффер всё продолжал стоять на площадке, как истукан – позор на всю дивизию! В этот момент раздался бас Петра Белякова:

– Товарищ командир взвода, разрешите, я его заставлю спрыгнуть, а то так ведь мы не только сами опозоримся, а всю роту подведём!

– Идите быстрее.

Оставив винтовку, противогаз и скатку, Петька бросился назад к горке, быстро взбежал на неё (3–4 минуты отдыха сказались), и все увидели, как он, размахивая руками, что-то стал горячо доказывать Якову, а тот отрицательно мотал головой и пятился от наступавшего на него Белякова. Затем случилось то, чего никто не ожидал. Пашка подхватил барахтавшегося Штофффера в охапку и вместе с ним прыгнул вниз. Через полминуты оба были уже в строю. Петька тащил Штофффера за руку, тот бежал, прихрамывая, стараясь на ходу что-то растолковать своему спасителю.

Вся эта сцена заняла не более полутора минут, но, одна-

ко, драгоценное время было потеряно. К стрелковой полосе первым подошёл другой взвод, поэтому стреляли после него. Это, конечно, снизило показатели и, хотя результаты стрельбы были лучше, заняли только второе место. Но, несмотря на этот инцидент и последовавшую из-за него задержку, всё же рота одногодичников 5-го Амурского стрелкового полка в этом состязании победила и, как потом оказалось, она была в числе лучших во всей ОКДВА.

Борис не помнил, как он добрался до своей палатки и свалился на нары. Такое же состояние было почти у всех одногодичников, принимавших участие в марш-броске. Им разрешили отдыхать целые сутки, и не зря. У каждого, кажется, не было ни одного мускула, ни одного сустава, который бы не давал о себе знать. Почти все отказались от завтрака, с трудом поднялись к обеду, и очень многие в течение последующих двух дней ещё охали и стонали при каждом резком движении. Но, однако, служба в армии никаких поблажек не даёт, и всем, даже больше всех охавшим и стонавшим, после однодневного отдыха пришлось включиться в выполнение своих обычных красноармейских обязанностей.

## Глава шестая

Через неделю после этого похода в жизни Алёшкина произошло одно из самых важных событий в его жизни: он был принят партийным собранием полка в члены партии. Это было 15 июля 1930 г. Расскажем об этом подробнее.

Ещё до марш-броска на собрании партячейки роты обсуждали заявление кандидата (с июня 1927 года) в члены ВКП(б) Алёшкина. К этому времени он получил, как требовалось в то время служащему, четыре рекомендации от коммунистов, знавших его до армии и имевших партийный стаж не менее пяти лет, и пятую – от комиссара дивизии. Была и шестая – от полкового комитета ВЛКСМ. Его краткая биография особых вопросов не вызвала, да и не могла вызвать. Ведь вся его сознательная жизнь в течение последних семи лет, была связана с комсомолом и работой в нём. Даже его последняя служба в ДГРТ, по существу, являлась партийно-комсомольским поручением. За время пребывания в роте Алёшкин показал себя с хорошей стороны: был дисциплинированным красноармейцем, старательным и способным курсантом и только в самый последний момент, буквально, за 2–3 дня до ротного партийного собрания в его чистой военной биографии появилось пятнышко, которое стало предметом горячих обсуждений и тяжкого переживания для виновника. Однажды, будучи в ротном наряде

дневальным, Борис заснул около тумбочки, а произошло это так. Обычно в суточном наряде было три человека: дежурный и два дневальных. В казарме у специальной тумбочки, а в лагере рядом с первой линейкой, под зонтиком, у небольшого столика всегда находились двое из наряда, третий же днём перемещался по расположению лагеря, а ночью отдыхал. Как правило, дежурный проводил целые сутки без сна, а дневальным давалась возможность поспать ночью три часа по очереди.

В этот злосчастный день (вернее, ночь) Алёшкин после того, как поспал с 24 до 3 часов, сменил своего напарника Шадрина, тот отправился спать до подъёма, а Борис занял его место у тумбочки. Подрагивая от холода и позевывая от ещё не совсем улетевшего сна, он прохаживался вокруг столика, разговаривая с командиром отделения Евстафьевым о различных ротных происшествиях. Так продолжалось минут 10–15, затем Евстафьев сказал:

– Я пойду, пройдуся по лагерю, загляну в оружейную и ленуголок, а вы, товарищ Алёшкин, оставайтесь здесь.

Борис с нетерпением начал считать время до возвращения дежурного, а оно тянулось невыносимо долго. Находясь вдвоём, можно было перекинуться фразами, и спать хотелось не так сильно, а когда он остался один, сон, который ещё не покинул его совсем, вдруг начал наваливаться с неудержимой силой. «Эх, закурить бы», – с тоской подумал он. Но курить на этом посту было запрещено.

Алёшкин прошёлся раз пять вокруг столба и столика. Рот его то и дело широко раскрывался от набегавшей зевоты. Непреодолимо тянуло присесть на стоявшую у стола табуретку. Он знал, что садиться, когда так хочется спать, нельзя, но одно дело знать, и совсем другое, когда этого очень хочется. Несколько минут, показавшихся ему нескончаемо длинными, он крепился, затем не выдержал и присел на краешек табуретки, зажав винтовку между ног.

Не успел Борис присесть, как глаза его сами собой закрылись, и он заснул. Спал он, может быть, всего несколько мгновений, но их оказалось достаточно для того, чтобы получить массу неприятностей. Ему показалось, что он даже не успел закрыть глаза, как почувствовал, что за штык его винтовки кто-то держится, стараясь осторожно вытянуть её из ослабевших рук. Но сон был настолько чуток, что даже это лёгкое прикосновение его разбудило. Он крепче сжал винтовку и вскочил на ноги. Перед ним стоял командир роты Константинов:

– Товарищ курсант, вы спали на посту? – полувопросительно-полуутвердительно сказал он.

Борис смущённо молчал: «Что сказать? Соврать, что не спал – а как же тогда командир роты сумел незаметно подойти? Признаться, что спал – тоже не хочется». Молчание затянулось.

– Ну, что же вы молчите, отвечайте! – сердито повторил Константинов. Борис, наконец, нашёлся:

– Задремал, товарищ командир роты...

– Хорошо задремал, чуть винтовку не выпустил! – продолжал сердиться комроты. – Где дежурный?

– Я здесь, товарищ командир роты, – вмешался подошедший Евстафьев. Гнев Константинова обратился на него:

– Где же вы пропадаете? Сами где-то бродите, а дневальный спит. Безобразие! После сдачи дежурства завтра утром явитесь ко мне, – и рассерженный командир роты зашагал по территории лагеря.

Конечно, после того, как он ушёл, Евстафьев набросился на Алёшкина. Тот отмалчивался, оправдываться ему было нечем.

На следующий день Константинов ещё раз отчитал их обоих, но, удивительно, что обошёлся с ними довольно милостиво: командиру отделения дал внеочередной наряд, а Борису – три. Оба они были рады, что отделались так легко, и, по правде сказать, не могли объяснить себе, чем вызвано такое снисходительное отношение к ним со стороны командира. Все в роте знали, что Константинов был очень строгим и требовательным и проступков своим подчинённым никогда не прощал.

Однако Алёшкин из-за этого происшествия пережил много неприятных минут. Как на ротном, так и на полковом партийных собраниях инцидент основательно обсуждался, Борису пришлось выслушать много осуждающих слов, порядочно попотеть и поволноваться.

Следует сказать, что приём его в члены партии на полковом собрании прошёл благополучно только потому, что и политрук роты Севастьянов, и секретарь партячейки Хоменко характеризовали его, как курсанта с отличной успеваемостью и активного комсомольца и коммуниста. Утверждение этих решений на дивизионной парткомиссии, являвшейся окончательной инстанцией, затянулось. В то время в партии проводилось так называемое регулирование роста. Алёшкин относился к категории служащих, вступление которых в партию ограничивалось, и лишь к октябрю 1930 года Бориса утвердили членом партии и вручили билет. Но вернёмся к продолжавшемуся лагерному периоду.

На второй или третий день после приёма Бориса в члены партии его друзьями и им было решено отпраздновать это торжественное событие. Четверо приятелей (к обычной компании, состоявшей из Алёшкина, Колбина и Беякова, прибавился и одногодичник 6-го Хабаровского полка Николай Басанец, с которым Борис подружился во время своей командировки) получили увольнение. Как всегда, их торжество началось с посещения городского кинотеатра – просмотра кинобоевика, а закончилось в кафе. Там их уже хорошо знали и молоденькие официантки, и пожилая кассирша. В шутку их называли млекопитающими, так как обычно их заказ состоял из варенца и пирожных, на большее у них не хватало денег. На этот раз деньги были. Во-первых, ещё сохранилось кое-что вырученное от продажи граждан-

ских вещей, а во-вторых, двое из них – Колбин и Беляков – только что получили подкрепление из дома. Зайдя в кафе, в котором они не были около месяца, Алёшкин громко заявил:

– Ну, ребята, сегодня я наемся варенца досыта, вот так, – и он провёл пальцем по шее.

Колбин, вообще любивший над всеми подтрунивать, насмешливо заметил:

– Подумаешь, удивил! Что для тебя значит досыта? Съешь три порции, вот и сыт будешь!

Борис, смеясь, сказал:

– Я сегодня настроен съесть не менее десятка порций, да ещё и пирожными закушу!

Два других приятеля только посмеивались, усевшись за стол, но Беляков тоже не выдержал и заявил:

– Не хвастайся, Борис, десяток порций варенца тебе никогда не съесть.

– Мне не съесть? – завёлся Борис. – А хочешь, я 20 съем? И 10 пирожных.

– Что-что? – закричал Колбин. – Двадцать? Ловлю тебя на слове! Если съешь 20 порций варенца и десяток пирожных, я за всё плачу; и вперёд, когда будем сюда приходить, всё, что ты съешь, буду оплачивать, согласен?

Беляков и Басанец, видя, что из шутки спор готов превратиться в дело довольно опасное для одного из участников, поспешили вмешаться:

– Да бросьте вы петушиться-то, – примирительно сказал

Басанец. – Сколько съест Борис, столько и ладно. Ну, прихвастнул он маленько, чего же сразу уж и цепляться?

– Что-что, я прихвастнул?! – возмущённо крикнул Борис. – Нет уж, я хвастать не люблю! Я согласен, – обернулся он к Колбину. – Как, от своих слов не отступаешь?

Тот, в сущности, уже готов был от них и отказаться: он уже боялся, что из-за своего упрямства и взбалмошности Алёшкин станет выполнять условия спора и может заболеть, но и у Пашки характер был не из лёгких, и отступить просто так он тоже не мог. Тут вмешался Беляков:

– Ну, вот ещё, затеяли ерунду... Лучше ешьте, кто сколько хочет, я за всех плачу, мне сегодня из дорпрофсожа денег подкинули, так что я богат.

Но Павлин Колбин отступать просто так не хотел:

– Ладно, ладно, давайте есть варенец, всё равно Борис 20 порций не съест, чего его мучать-то.

Конечно, этого Алёшкин уже стерпеть не мог:

– Нет, ребята, Павлину, наверно, денег жалко, вот он так легко и согласился, а я хоть сейчас готов на спор 20 порций варенца и 10 пирожных.

– Ах, готов? – взорвался Павлин. – Ну, так ешь! Эй, Люся, – позвал он знакомую официантку, – подайте нам 20 порций варенца и 10 штук пирожных.

Прятели остановить его не успели. Через пять минут на столе перед ними стояло 20 мисочек (пиал) с варенцом, а на блюде красивой горкой было уложено 10 штук свежих пи-

рожных. Перед каждым из посетителей поставили тарелочку с чайной ложечкой. Белякова и Басанца, поначалу сопротивлявшихся странному спору, в конце концов, тоже захватил азарт – молодость ветрена, она берёт своё даже в чудачествах.

Борис приступил к выполнению своего обязательства. Вскоре об этом пари уже знали и немногочисленные посетители кафе, и, конечно, все служащие. Сидевшие за другими столиками и столпившиеся в дверях официантки поглядывали на Бориса с большим любопытством, а тот, нимало не смущаясь, а, может быть, даже и гордясь своим глупым ухарством, храбро уничтожал варенец.

Каждая порция весила 150–170 граммов, таким образом, Борису предстояло съесть около 4 кг варенца и почти 1 кг пирожных. Мы знаем, что он отличался завидным аппетитом и мог есть очень много, но столько ему ещё никогда не приходилось! Первые 10 порций варенца и пяток пирожных Алёшкин проглотил безо всякого труда и, по-видимому, с большим удовольствием, но каждая следующая порция и пирожное становилось есть всё труднее и труднее. А вот когда на столе стояло уже 18 пустых пиал, а на тарелке сиротливо лежало последнее пирожное, он почувствовал, что больше не может. Он тяжело отдувался, в глазах появились слёзы. Беляков, заметив его состояние, закричал:

– Да хватит тебе! Ты что, уморить себя хочешь? Я заплачу за всё, что ты съел. Бросай, ты и так побил все рекорды!

Вставай, если можешь, пойдём.

К нему присоединился и Колька Басанец, лишь Колбин упрямо молчал. Если бы он сказал хоть слово, может быть, Борис и прекратил бы эту глупую затею, но Павлин молчал. Взглянув на него, Алёшкин упрямо помотал головой (говорить ему было трудно). Распустив немного поясной ремень и с отвращением глядя на оставшиеся пиалы и пирожное, всё-таки принялся за них. Через несколько минут всё было кончено. Борис посмотрел на Колбина осолопевшим, но победным взглядом и, опираясь на руку Белякова, направился прямо в туалет. Только освободившись от половины съеденного, спорщик вздохнул свободно.

Спустя полчаса все четверо шли домой в лагерь, уже забыв о тяжёлом положении, в котором только что был Алёшкин, и весело смеялись над Павлином Колбиным, которому не только пришлось основательно раскошелиться сейчас, но и в будущем предстояло оплачивать солидный аппетит друга, ведь при их споре присутствовало два свидетеля, и отпереться было нельзя. Но, надо сказать, что после этого случая Павлину материально особенно страдать не пришлось: после такого неумеренного поедания варенца Алёшкин проболел расстройством желудка около недели и надолго приобрёл отвращение к этому блюду. Впоследствии, если он и заходил со своими друзьями в кафе, к варенцу больше не притрагивался.



Многим, может быть, покажется несколько легкомысленным наш рассказ, где мы смешиваем в одну кучу события серьёзные, важнейшие в жизни нашего героя, как приём его в партию, с таким, в сущности, глуповатым происшествием, как пример его обжорства, но что же поделаешь, такова жизнь. Она вся состоит из значительных событий, перемешанных с пустыми, иногда смешными, а иногда и грустными происшествиями и случаями. Вот об одном из них мы сейчас и расскажем.

Наступил август. Как известно, почти ежегодно в это время на Дальнем Востоке бывают частые грозы, сопровождающиеся сильными ливнями. Грозы и ливни налетают внезапно и иногда приводят к наводнениям. Ранее мы уже рассказывали о подобном наводнении, захватившем Алёшкина и Дорохова в корейском селе Андреевка Шкотовского района. Так и в этом 1930 году такие грозы начали повторяться всё чаще и чаще.

К началу августа основная тактическая подготовка, строевая, стрелковая и прочие дисциплины в ротах одногодичников закончились. С 15 августа им уже предстояло стажироваться в должностях младших командиров стрелковых рот, в которых в это время начинались самые интенсивные занятия по тактике и стрельбе. В связи с этим командование полка

большинство подразделений от караульной службы освободило, переложив всю её тяжесть на курсантов-одногодичников, им пришлось бывать в караулах чуть ли не через день. В этот день, вернее, в ночь на 4 августа, несение караульной службы по охране лагеря было возложено на роту одногодичников 5-го Амурского стрелкового полка. Ещё с вечера небо начало хмуриться, часов в 12 ночи налетел сильный ветер, тучи закрыли небо так, что в трёх шагах ничего не было видно, и только молнии, сопровождавшиеся оглушительным громом, освещали быстрым светом кусты, деревья, сопки и мутные волны Амура. Всё время шёл сильный дождь.

Это случилось часов около двух. Гроза стала удаляться, гром и молнии вспыхивали реже, но темнота сгустилась ещё сильнее, и как будто усилился дождь. В эту ночь, отрабатывая полученные в своё время от командира роты наряды, Алёшкин дежурил по роте. Отправив одного из дневальных отдохнуть, он обошёл расположение роты, поправил полы некоторых палаток, оторванные ветром, осмотрел домики ленинского уголка и оружием и неторопливо направился к столику, около которого стоял второй дневальный Шадрин. В этот момент невдалеке от них на берегу Амура раздался выстрел из винтовки, кто-то закричал, и щёлкнул второй выстрел.

В роте, которая несла караульную службу по лагерю, собственно, в караулах было два взвода – они выставляли посты, а третий взвод всегда считался дежурным, готовым по

первому сигналу броситься на место какого-либо происшествия. Люди этого взвода не раздевались. Как правило, с ними в палатках находился и командир взвода. Дежурили по очереди. В эту ночь дежурным был первый взвод, из него обычно назначался и суточный наряд по роте.

После выстрела Борис бросился к палаткам и громким криком «в ружьё», поднял взвод по тревоге. Первым выскочил командир взвода Новиков (в лагерях во время дежурства командир ночевал в одной из палаток). Меньше минуты потребовалось на то, чтобы все построились и, разбрызгивая из луж грязную воду, бегом направились к тому месту, откуда были слышны выстрелы.

Алёшкин с двумя дневальными остался охранять расположение роты, остальные курсанты находились в карауле – в помещениях, расположенных на противоположном конце лагеря.

После двух выстрелов и крика всё затихло. Дождь постепенно прекратился, тучи понемногу рассеялись, стало светлее – наступал рассвет. Часа через полтора возвратился дежурный взвод, бойцам разрешили отдыхать. Командир взвода подошёл к Борису и, как дежурному, а также и как коммунисту, по секрету рассказал о несчастном случае, который только что имел место.

А произошло вот что. Китайские генералы, получив хороший урок во время событий на КВЖД, уже не пытались совершить какое-либо серьёзное, более или менее крупное на-

падение на границы Советского государства. Но отдельные диверсии с участием одного-двух человек в том или ином месте границы происходили ежедневно. В то время пограничные войска на Дальнем Востоке были недостаточны, а там, где располагались армейские гарнизоны, они вообще были сокращены до минимума. Так обстояло дело и в благовещенских лагерях.

Воинским частям, находившимся на самом берегу Амура, служившем в этом месте естественной границей между СССР и Китаем, вменялось в обязанность, кроме несения общей караульной службы, внимательное наблюдение и за берегом реки, ведь на противоположной стороне её, прямо напротив гарнизона 2-й ордена Красного Знамени Приамурской дивизии, в городе Хэйхэ стоял точно такой же гарнизон китайской дивизии (говорили, что казармы – и русские, и китайские, построенные ещё в дореволюционное время, планировали и возводили одни и те же инженеры и подрядчики). Точно также и летние лагеря Красной и китайской армий находились друг против друга, разделяемые только рекой, которая в этом месте была не более 300 м ширины. Часовые, стоявшие на стороне лагеря, примыкавшей к реке, подбирались из самых надёжных и лучших красноармейцев и, как правило, снабжались полным комплектом патронов (двумя подсумками по 30 патронов в каждом) и двумя гранатами, в то время как всем остальным часовым выдавалось не больше 15 патронов.

В эту бурную ночь инструктаж часовых производился особенно тщательно. Несколько дней тому назад в километре от лагеря был задержан диверсант. Опасались, что это может повториться. На самом деле, такие тёмные, дождливые, грозовые ночи были, конечно, удобны для перехода границы. Каждый часовой, поставленный на пост к реке, чувствуя свою особую ответственность, относился к службе бдительно и, естественно, находился в напряжённом состоянии.

В эту ночь на посту стоял курсант третьего взвода роты одногодичников Григорьев. Это был светловолосый, голубоглазый сибиряк, комсомолец, по профессии агроном, вернее, зоотехник. Он закончил учение перед самым призывом в армию. Григорьев отличался замкнутым и малообщительным характером. Впоследствии причина отчуждения в известной степени объяснилась: его отец был раскулачен. Только в 1930 году установили, что с раскулачиванием ошиблись, и пострадавший был восстановлен в своих правах. Конечно, и самому Фёдору (так звали Григорьева) ретивые комсомольские деятели из политотдела дивизии основательно потрепали нервы, только вмешательство комиссара дивизии Щёлокова спасло его от расправы. Когда выяснилось, что в колхозе с его отцом обошлись несправедливо, всё как будто уладилось, однако в характере Фёдора это оставило определённый след. При всём этом он был одним из самых лучших курсантов по успеваемости и дисциплине, и ему почти всегда поручались ответственные посты. Именно поэтому командир взво-

да и назначил Григорьева в число часовых, стоявших на берегу Амура.

Обычно средние командиры в течение лагерной жизни находились на территории лагеря, располагаясь в специально построенных домиках, но некоторые, не выдерживавшие разлуки с семьёй или просто любившие погулять, на воскресенье уезжали в город. Как правило, все они к 24 часам возвращались в лагерь, задерживались лишь единицы. К числу последних принадлежал командир одного из взводов полковой школы Панфилов. Несмотря на свою молодость, он был толковым и способным командиром, умел держать подчинённых в руках и в то же время пользовался уважением. Он был хорошим спортсменом и имел собственный велосипед (в то время это было доступно далеко не каждому командиру взвода).

В эту злосчастную ночь, загуляв на именинах какой-то своей приятельницы, Панфилов задержался в городе дольше положенного часа и спешил в расположение роты. Шёл дождь, гремела гроза, и уж неизвестно по какой причине перед въездом на охраняемую территорию лагеря он вместо того, чтобы повернуть направо к домикам командиров, повернул налево и очутился у обрывистого берега реки. Заметив свою ошибку, он развернулся и поехал уже в нужном направлении по узенькой тропинке, по которой командиры обычно ходили купаться.

Пост Григорьева находился шагах в 30 от этой тропин-

ки. Среди шума ветра и раскатов грома Григорьев внезапно услышал позвякивание металла, приближавшееся со стороны реки. Он немедленно лёг и приготовился встретить нападавших. В этот момент блеснула молния и Григорьев, уже настроенный на диверсанта, увидел быстро приближавшегося к нему человека, с каким-то блестящим предметом в руках. Времени на раздумье было мало. Фёдор выстрелил в сторону движущегося силуэта – тот закричал, но продолжал движение. Григорьев выстрелил второй раз, после чего услышал шум падающего тела и велосипеда, и это произошло уже всего в 10–12 шагах от поста. Фёдоров вскочил и, понимая по шуму от падения, что упал велосипедист, бросился к лежавшему на земле стонавшему человеку. При свете следующей молнии он узнал в нём командира взвода Панфилова.

Осознав весь ужас происшедшего, и стремясь любым способом исправить содеянное, Григорьев бросил винтовку, подхватил раненого на руки и побежал с ним к караульному помещению. Навстречу ему выбежал разводящий с отделением курсантов, с другой стороны слышался топот ног приближавшегося дежурного взвода. Растерянный Григорьев не мог ничего объяснить, а повторял только одно:

– Я его убил, я его убил...

Через десять минут в караульном помещении были уже врачи, дежурный по лагерю и другие командиры. Панфилов прожил около получаса. Придя в себя на несколько минут, он успел сказать:

– Я сам виноват...

Вскоре он скончался. Врачи заявили, что спасти его было невозможно: одна пуля пробила шею, а другая попала в грудь и вызвала обильное внутреннее кровотечение. Конечно, Григорьев был немедленно арестован и направлен на гауптвахту. Через три дня Панфилова похоронили со всеми почестями. Провожал его весь 5-й Амурский полк и по роте от других полков.

Несмотря на принятые меры, по городу распространился слух, что Панфилов был убит одним из красноармейцев. Как всегда, досужие кумушки, передавая друг другу эти пересуды, добавляли к ним самые нелепые вымыслы, вплоть до того, что якобы убийство произошло на почве ревности. Месяца через два после этого происшествия состоялся суд военного трибунала. Собственно, все те подробности, которые мы только что описали, и стали известны в процессе разбора в суде.

На заседание, проходившее полузакрыто в зимнем клубе 5-го Амурского стрелкового полка, каждое подразделение частей дивизии делегировало по несколько человек. Рота одногодичников 5-го Амурского полка присутствовала вся: преступление, и притом тяжкое, совершил один из её курсантов. Все чувствовали себя немного виноватыми, этот случай как бы наложил пятно на всю роту. Дело рассматривалось очень тщательно и глубоко. К удивлению Бориса Алёшкина, да и многих других, обвинение в убийстве командира,

которое вначале было предъявлено Григорьеву прокурором, трибунал отверг. В ходе судебного разбирательства удалось со всей очевидностью доказать, что часовой, увидевший в случайной вспышке молнии несущегося на него человека от реки, то есть от границы, обязан был поднять тревогу и стрелять в приближавшегося, если тот не остановится. Разглядеть в такой темноте, кем был этот бегущий человек, было невозможно. Тут действия Фёдора признали правильными. Обвинили его в том, что он не дал предупредительный выстрел вверх, и в том, что он оставил пост и оружие, бросившись спасать раненого.

Григорьев отвечал, что якобы свой первый выстрел он сделал не целясь, с единственным желанием напугать и остановить приближавшегося. Прицельным он считал только второй выстрел, но так как Панфилов имел два ранения, и одно из них смертельное, то доказать, какое из них было первым, а какое вторым, оказалось невозможно. По второму обвинению Григорьев сказал только то, что когда он разглядел упавшего и узнал в нём командира Панфилова, то так растерялся, что ничего уже не соображал и считал своей обязанностью как можно скорее оказать раненому какую-нибудь помощь.

Как бы там ни было, но поскольку отпало главное обвинение – убийство, то Григорьеву вместо ожидаемого расстрела был вынесен сравнительно мягкий приговор – два года исправительно-трудовых лагерей с последующей службой вто-

рого года рядовым красноармейцем. Все в роте радовались такому приговору, хотя, конечно, и жалели Григорьева, на его месте ведь мог оказаться любой, и неизвестно ещё, как бы он повёл себя.

После этого случая, получившего известность во всей ОК-ДВА, при назначении в караул, связанный с охраной границы, инструктаж наряду делал лично командир роты.

Мы говорили о начинавшихся в июле и августе ливневых дождях и грозах. Они всё учащались и учащались и, наконец, 15 августа привели к тому, что уже многими благовещенскими старожилами предсказывалось и что уже здесь случилось – в городе разразилось наводнение. Городские власти готовились к нему, но, как всегда, подготовка была недостаточно тщательной, а ожидавшееся наводнение оказалось значительно более сильным, чем предполагалось, и началось неожиданно.

Как известно, г. Благовещенск стоит на довольно узкой и длинной косе, образовавшейся в месте слияния двух крупных рек – Амура и впадающей в него Зеи. Если Амур в своих верховьях в какой-то мере и связан с горными реками, то у Благовещенска он больше напоминает равнинную реку. Проходящие в окрестностях города ливневые дальневосточные дожди, хотя и вызывают подъём воды, он обычно незначительный и сравнительно медленный. Зея – наоборот, своим обликом напоминает быструю горную реку, на всём протяжении вбирает в себя воду бурлящих горных речек, и, хо-

тя у места своего впадения в Амур имеет ширину 200–250 метров, течёт бурно, быстрее Амура, а, самое главное, после нескольких дождливых дней вода в ней сразу же прибывает настолько быстро, что, когда она вталкивает эту массу в Амур, то там образуется как бы водяная запруда, которая ускоряет подъём воды и в нём. Так было и в этом году.

В середине ночи на 15 августа бойцы 2-й Приамурской дивизии были подняты по тревоге. Алёшкин и его друзья были уже достаточно натренированы и по сигналу «в ружьё» вскакивали моментально. В этот раз, спрыгнув с нар, все они очутились в холодной воде – выше, чем по щиколотку. Однако, привыкнув на такие мелочи, как вода, внимания не обращать, хотя все чертыхались и ругались, разыскивая в темноте плавающие портянки и сапоги, курсанты как-то особенно не удивились.

Удивление пришло позже. Когда все до этого занятые одной мыслью, как бы не опоздать в строй, наконец-таки построились около парадной линейки, то заметили, что они стоят чуть ли не по колено в воде, что вокруг палаток и лагерных домиков с журчанием струится вода, и что это не лужи после очередного ливня, а сплошной поток, река – очевидно, Амур. Пожалуй, скорее всех об этом догадался Алёшкин, который уже испытал подобное на себе в Шкотово. Для большинства других всё происходящее было пока непонятным. Борис шепнул соседям:

– Да ведь это же наводнение!

А через минуту это подтвердил и прибывший командир роты. Он сказал:

– Товарищи курсанты, на город Благовещенск обрушилось бедствие, началось сильное наводнение. Могут пострадать люди и погибнуть большие материальные ценности. Командир дивизии приказал прийти на помощь жителям. Да и самому лагерю угрожает опасность затопления. Если вода прибудет ещё хоть на полметра, то наши палатки, домики будут снесены. Нашему полку приказано спасти элеватор, там хранятся большие запасы хлеба. Его может подмочить и даже просто смыть. Мы вместе с остальными подразделениями полка сейчас выступаем туда, а здесь останется старшина, хозотделение и одно отделение третьего взвода. Они займутся спасением ротного, полкового имущества, боеприпасов, оружия и ваших личных вещей. Нам придётся крепко физически поработать, товарищи, поэтому с собой мы ничего не возьмём. Сейчас можно разойтись, снять боевое снаряжение (разумеется, по тревоге все курсанты надели всё, что положено, и взяли личное оружие) и оставить его на складе у старшины. На всё это даю вам две минуты. Разойдись!

Вскоре рота построилась вновь, а затем во главе полковой колонны, шлёпая по воде, беглым шагом направилась к городу. Местность по направлению к Благовещенску немного повышалась, и версты через две полк вышел из воды на мокрую и грязную от дождя дорогу. Вся она была покрыта лужами различной величины. Впереди колонны шёл духовой ор-

кестр, а перед ним командир и комиссар дивизии. Было ещё совсем темно, поэтому рассмотреть всю колонну не удалось бы, но чувствовалось, что она велика.

У центральной площади города дивизионная колонна разделилась, каждый полк отправился выполнять порученное ему задание. Несмотря на глубокую ночь, город не спал: то там, то здесь слышались громкие крики, разговоры, плач женщин и детей. Бойцы 5-го Амурского двигались по направлению к самой низкой части косы, где были пристани и элеватор. По дороге то и дело встречались группы людей с узлами и маленькими детьми на руках, спешившие выбраться на более высокое место. Некоторые везли свой скарб на лошадях или тачках, почти все они были испуганы.

На одной из улиц, спускавшихся к элеватору, бойцы увидели такую картину. Вся улица была сплошь затоплена водой, по ней то и дело плыли лодки, вывозившие жителей из нижестоящих домов: вода затопила подвалы и часть первых этажей. Кругом мелькали самые разнообразные фонари: уличные, в руках спасателей электрические, «Летучая мышь» и карбидные, а многие жители несли в руках самые обыкновенные свечные. У кромки воды стояло несколько подвод, и толпились кучками вывезенные из затопленных домов люди, ожидая других членов своих семей. Полк двигался вниз. Курсанты и красноармейцы храбро вступили в воду и также размеренно продолжали своё движение. Когда они подошли к концу улицы, то вода доходила большинству

бойцов до колен, а выйдя к элеватору, очутились почти по пояс в воде. Нижний этаж элеватора и мелькомбината были затоплены, нужно было спасти хлеб из его верхних отделов. Вода могла размывать фундамент старого строения, возведённого ещё до войны, и тогда пропал бы весь хлеб, зерно и мука.

К приходу красноармейцев железнодорожники собрали весь стоявший на станции Благовещенск порожняк и подали его к элеватору. В то же время к пристаням пришвартовались все имевшиеся в речном порту баржи. Часть из них удалось протолкнуть даже туда, где прежде был берег.

Полку предстояла нелёгкая работа: разгрузить от хлеба оба склада и сделать это как можно скорее. Командир полка Родионов, все командиры и политработники батальонов, рот и взводов первыми принялись за дело. Красноармейцы разбились по своим подразделениям и включились в работу. Рота одногодичников грузила хлеб в вагоны, для этого нужно было с пятипудовым мешком зерна по специальным сходням спуститься из окна элеватора, пройти шагов 50 по колено в воде, по другим сходням войти в вагон, где специальные люди принимали мешок и ссыпали зерно в подготовленные в вагоне закрома. Работа была непривычной, физически очень тяжёлой, но было понятно, что дивизия, полк и каждый из бойцов и командиров держат боевой экзамен, поэтому все работали с энтузиазмом и полной отдачей сил.

Незаметно наступило утро, также незаметно оно перешло

в день. Дождь, наконец, перестал, однако вода, хотя и медленно, продолжала прибывать. Многие, в том числе и Борис, чувствовали, что силы на исходе, но никто даже и не заикался о том, чтобы прекратить работу, больше того – не устраивали и перекуров. Курили на ходу, используя на двоих и даже троих одну папиросу. Никто не думал о еде, у всех была только одна цель – спасти хлеб. Тем не менее силы людские ограничены, и вот уже кто-то, неся мешок, начал спотыкаться. Вдруг, откуда-то сверху, со второго этажа элеватора раздалась бравурная музыка духового оркестра, он играл бодрый марш Егерского полка. Музыка подействовала на всех ошеломляюще, никто её не ждал, но, как бывало и в походах, оркестр сразу всех приободрил, как бы влил новые силы. Работа возобновилась с повышенной энергией.

Как ни старались все занятые на разгрузке, количество хлеба и муки на складах уменьшалось медленно. Около двух часов дня, когда от усталости почти все валились с ног, послышалась команда:

– Прекратить работу, отойти к пристаням!

Люди направились к пристаням – их было три, на них лежали специальные длинные трапы, большей частью покрытых водой, но это никого не смущало: все были мокрыми и грязными с ног до головы. Нижняя часть тела постоянно погружалась в воду при переходе от элеватора к вагонам, а верхняя поливалась дождём. Все были основательно выпачканы, а те, кому досталась выгрузка муки, вообще имели

странный вид: обсыпавшая их мука образовала липкое тесто, которое залепило им и гимнастёрки, и головы, и даже лица. Они соскребали эту массу чем придётся, однако без особого успеха.

На пристани всех ждал приятный сюрприз – обед. Правда, кроме ложек, как обычно засунутых за голенища сапог, другой посуды не имелось, и горячий, очень вкусный и густой суп пришлось хлебать сообща, прямо из больших бачков, которые повара догадались всё-таки захватить. Впрочем, нашлось несколько человек в каждой роте, у которых не было и ложек, им пришлось есть во вторую очередь, используя ложки своих товарищей.

Перерыв на обед длился около часа, затем началась та же, как сказал Павлин Колбин, адова работа. Она продолжалась до полной темноты и лишь тогда, когда на смену 5-му Амурскому пришёл 6-й Хабаровский, амурцы были отпущены. Полковая колонна устало зашагала к лагерю. Борис чувствовал себя измученным и уставшим: так невыносимо болели плечи, спина и ноги, что он был бы рад никуда не идти, а сесть здесь же, в воду, прислониться к дому и заснуть. Как потом выяснилось, в таком желании он был не одинок, очень многие испытывали то же самое. Но, тем не менее, подчиняясь приказаниям командиров, все продолжали идти вперёд к лагерю, а в некоторых ротах даже пели песни.

Трое суток боролись части 2-й Приамурской дивизии за хлеб и спасение имущества пострадавших от стихийного

бедствия жителей и различных учреждений города, а затем занялись ликвидацией последствий наводнения и у себя в лагере. Благодаря самоотверженности бойцов и командиров удалось спасти десятки тысяч пудов хлеба, тысячи пудов других ценных грузов, было предотвращено затопление городской электростанции и тысячи пострадавших семей вывезены в безопасные места. Последним занимался артиллерийский полк, используя своих боевых коней.

Обком партии и облисполком Амурской области вынесли благодарность личному составу дивизии, а командарм ОК-ДВА Блюхер наградил 2-ю Приамурскую ордена Красного Знамени дивизию орденом Трудового Красного Знамени, и с октября, когда состоялось награждение, дивизия стала называться 2-я Приамурская ордена Красного Знамени и ордена Трудового Красного Знамени стрелковая дивизия.

Но всё проходит на этом свете. Кончилось наводнение, понемногу ликвидировались его последствия и стали забываться вызванные им несчастья. Особенно быстро забыли об этом те, кому пришлось в это время много потрудиться, но у кого постоянно появлялись новые, и, казалось, всё более трудные задачи. Мы подразумеваем курсантов-одногодичников 5-го Амурского стрелкового полка, в шутку получившего прозвище «непромокаемый».

Почти сразу же после наводнения последовал приказ об откомандировании всех курсантов на стажировку. Каждый получил назначение в то или иное подразделение полка в

соответствии с тем званием, которое ему было присвоено весной. Те, кого назначили командирами отделения, и даже многие помкомвзвода чувствовали себя вольготно: рядом с ними находились настоящие командиры этих подразделений, они всегда выручали в трудную минуту и советом, и практической помощью. Гораздо хуже пришлось тем немногим, кто получил звание старшины. Дело в том, что все старшины были сверхсрочники, и когда в роту на месяц приходил старшина-стажёр, командир роты торопился своего штатного старшину выпроводить в отпуск, чтобы потом быть спокойным.

Так случилось и в пятой роте второго батальона, в которую попал стажёром Алёшкин. Настоящий старшина пробыл с ним около двух суток, а затем распростился и отбыл в неизвестном направлении. А на Бориса сразу же свалились сложные обязанности и многочисленные заботы, связанные с должностью старшины. Вероятно, многое он бы просто не осилил сделать, не сумел и не догадался бы, если бы не помощь его старшины, грозного Белобородько, который, как оказалось, был не только толковым воспитателем и требовательным командиром, но и отличным товарищем, охотно помогавшим своим подопечным во всех их трудностях. Только благодаря его советам, наставлениям и поддержке Алёшкин и другие стажёры-старшины сумели с честью справиться со своими многотрудными обязанностями за месяц стажировки, а некоторые из них получить и благодарность от коман-

дования батальонов. К чести Бориса Алёшкина надо сказать, что год службы в Красной армии не прошёл для него бесследно: он уже понимал силу и значимость приказа, необходимость дисциплины и личного примера для бойцов. Его сознательное, серьёзное отношение к воинской службе во многом помогло ему во время стажировки.

Но вот кончилась и она. 25 сентября дивизия возвратилась на зимние квартиры – в казармы. До 15 октября курсанты-одногодичники должны были сдать экзамены по всем пройденным дисциплинам, а их набиралось 18. После этого они получали звание командиров взвода («К-3»), право прицепить на свои петлицы один кубик и, таким образом, могли влиться в огромную семью среднего командного состава Красной армии.

Эти экзамены не могли идти ни в какое сравнение с весенними. Тогда по каждому предмету экзаменовал тот командир, который его преподавал, а здесь из работников штаба дивизии выделялась специальная комиссия, проводившая приём экзаменов. Всем курсантам предоставили 10 дней на подготовку. Пройденный материал повторяли с преподавателями в определённые часы, всё остальное время учили сами. Казарма курсантов-одногодичников в эти дни напоминала собой разбуженный пчелиный улей: все сновали взад и вперёд, держа в руках уставы, учебники или тетрадки, и шёпотом, вполголоса, а иногда и во весь голос, бубнили те места, которые, по их мнению, знали хуже. Не отставали от

других и Алёшкин с друзьями.

Наступили экзамены. Они длились 10 дней, и эти дни оказались такими напряжёнными и сумбурными, что после того, как был сдан последний экзамен, и оставалось только узнать окончательное решение своей судьбы, курсанты чувствовали себя настолько уставшими и как бы отупевшими, что о результатах уже думали с полнейшим безразличием.

Комиссия же могла вынести разные решения. Во-первых, курсант, отлично учившийся в году и отлично сдавший экзамены, мог получить сразу звание «К-4» и носить в каждой петлице по два кубика, в обиходе это звание трактовалось как помкомроты. Успешно окончившие курс получали звание «К-3», право носить по «кубарю» и становились, таким образом, на самую первую, самую низшую ступеньку командного состава армии. Сдавшие экзамен слабо – получившие по одной трети дисциплин неудовлетворительную оценку, звание среднего командного состава не получали, а увольнялись в запас со званием старшин или помкомвзвода, дававшие им право носить в петлицах четыре или три треугольника. Впрочем, этим лицам разрешалось задержаться в армии ещё на три месяца и пересдать предметы, по которым они получили неуд, после чего могли получить звание «К-3». Наконец, четвёртую группу составляли те, кто получил более половины неудовлетворительных оценок, они должны были служить рядовыми красноармейцами второй год.

В роте одногодичников 5-го Амурского стрелкового полка курсантов четвёртой группы не оказалось. Отличников было пятеро, среди них Пётр Беляков, Павлин Колбин, Шадрин, Хоменко и Алёшкин. Курсантов, которым пришлось дополнительно пересдавать некоторые дисциплины, оказалось четверо, один из них – Яков Штоффер. Он отлично сдал все теоретические дисциплины, но получил самые худшие оценки по предметам, связанным со строем, физкультурой и стрельбой. Основная масса закончила курс успешно.

Через несколько дней после окончания экзаменов и объявления их результатов, курсанты немного пришли в себя и с нетерпением стали ждать приказа командарма ОКДВА товарища Блюхера о присвоении им соответствующих званий, а многие одновременно с этим и приказа о демобилизации. Однако и тот, и другой приказ пока задерживался.

Долгое ожидание разболтало роту: делать было нечего, занятия не проводились, слоняться целыми днями по казарме и плацу надоело, читать не хотелось. Участвовать в готовившихся к 7 Ноября выступлениях художественной самодеятельности тоже никто не рвался. Командование полка, чтобы как-то занять бездельников, назначало их в гарнизонные и полковые караулы, но и при этом многие оставались без дела. Среди них был и Борис. Правда, две небольшие группы курсантов человек по шесть в этот период всё же были заняты. Одна готовилась к поступлению в вузы (в ней находился друг Бориса, Беляков), а другая собиралась остаться в

кадрах РККА (в их числе находился Шадрин).

Алёшкин чувствовал себя особенно неуютно. Дело в том, что в течение года службы на все его письма, наполненные самыми нежными словами, жена обычно отвечала довольно короткими посланиями. В них она скупо описывала свою жизнь и почти не употребляла ласковых слов. В его сердце начала закрадываться ревность и страх потерять свою Катеринку. Он пока не знал, вернее, не понимал, что за скупостью слов у его Кати скрывается большое, сильное и глубокое чувство, ведь до службы в армии ему никогда не приходилось получать от неё писем. Особенно его встревожило последнее письмо, полученное им уже в самом конце экзаменов. В нём она, между прочим, писала: «Послушай, Борька, когда же ты, наконец, вернёшься? Смотри, торопись, а то я не дождусь тебя и выйду замуж за другого».

Борис не знал, насколько серьёзны или шутливы эти слова. Не понял он и того, что этой капризной фразой Катя хотела показать, как она о нём тоскует. Он воспринял её слова как реальную угрозу ухода жены, а эта потеря казалась ему такой же страшной, как и потеря жизни. Поэтому от всех предложений готовиться к поступлению в вуз и, следовательно, после демобилизации сразу ехать сдавать экзамены в Москву или Хабаровск и снова откладывать встречу с Катей, или закрепиться в кадрах РККА, где свидание с женой также пришлось бы отложить до очередного отпуска, Борис категорически отказался, хотя и вызвал этим неудоволь-

ствие своих командиров и политических воспитателей. Из всех пяти отличников только он один отказался от подобных предложений.

Однако время шло. 30 октября 1930 года пришли сразу оба приказа: одним объявлялось присвоение званий, другим – демобилизация в запас. Через день, нацепив на петлицы новенькие кубики, почистившись и принарядившись в парадное обмундирование, с чемоданом, заполненным разным нехитрым имуществом, распростившись с командирами и казармой, Борис Алёшкин и кое-кто из его друзей уже сидели в купе вагона почтового поезда и мчались во Владивосток. О своей демобилизации никакого известия жене Борис не послал, решил нагрять врасплох.

# Часть третья

## Глава первая

За окном вагона мелькали багряные краски замечательной дальневосточной осени. Первое ноября – а снега ещё нигде, даже в Хабаровске, нет. При приближении поезда к Владивостоку новоиспечённых демобилизованных командиров встретила совсем летняя погода, было тепло и солнечно. Все попутчики постепенно оставляли поезд, и в купе, которое в Благовещенске было набито смеющейся молодёжью, с гордостью поглядывавшей на свои новые красные эмалированные кубики, осталось всего два человека: это были Борис Алёшкин и Павлин Колбин. Отличная погода, радость от скорого свидания с родными делали своё дело, и оба пассажира, не обращая внимания на окружающих, с удовольствием пели любимые походные песни. Ребята бессознательно чувствовали: вот так, вместе, они поют последний раз, больше им никогда не придётся встретиться, но в тот момент ни один, ни другой даже и мысли не допускал, что они перестанут ежедневно видеться друг с другом, как это происходило почти полтора года.

Приближался вечер. Солнце опустилось куда-то в сопки за Амурским заливом, и лишь розово-оранжевая полоска

неба указывала место, где оно только что скрылось. Прогнали Угольную, и сейчас поезд, погромыхивая на стрелках, проскакивал одну за другой пригородные дачные станции. Вот мелькнула Океанская, Седанка, промчались без остановки мимо Второй Речки – начался Владивосток. Через каких-нибудь 15 минут Борис и Павлин, крепко пожав друг другу руки и пообещав встретиться не позднее чем через два-три дня, садились в трамвай и направлялись по домам. Борис ехал в свою квартиру на Корабельной набережной, на бывший склад Бородина, а Колбин, сойдя на углу Китайской, должен был пересесть на другой трамвай и ехать по направлению к Куперовской пади, его родители жили где-то там.

С некоторой тревогой и, конечно же, с большим волнением подходил Борис к низенькому серому деревянному домику, примыкавшему к высокому забору с большими воротами. Окна дома выходили на улицу, вернее, на железнодорожные пути, проходившие по самому берегу бухты Золотой Рог. Бухта в этом месте была почему-то непривычно пустынная, стояло несколько лодок и два катера, а бесчисленное количество шампунек и мелких китайских лодок, перевозивших желающих на мыс Чуркина в любое время дня и ночи, отсутствовали. Хозяева этих шампунек не только работали, но и жили на них до полного замерзания бухты. Все они куда-то исчезли. Не было и более крупных китайских парусных судов – шаланд, которых раньше стояло всегда более десятка.

Алёшкин, пожалуй, на эти перемены и не обратил бы внимания, если бы, увидев тёмные окна своего домика, не остановился в нерешительности и не стал оглядываться по сторонам. Сгущавшиеся сумерки позволили ему рассмотреть те изменения в бухте, которые мы только что описали, тем более что, не решаясь приблизиться к дому, он поставил чемодан на землю, достал папиросу и медленно закурил. Ему уже представлялось, что Катя выполнила свою угрозу, и сейчас, зайдя домой, он найдёт лишь клочок бумажки со страшной фразой: «Я не дождалась, вышла замуж за другого». Может быть, не будет даже и этого, просто завтра Комоза встретит его и скажет:

– Товарищ Алёшкин, твоя жена от тебя ушла...

Поглощённый этими страшными мыслями, вертя между пальцами полупотухшую папиросу, Борис смотрел на всё более и более темневшую воду, покрытую масляными пятнами, и не замечал ничего из происходившего вокруг него. Между тем, в это время в одном из оконцев, завешенном какой-то тряпкой, отдалённо напоминавшей занавеску, зажёгся свет, задвигались какие-то тени. В нескольких шагах от Бориса два молодых женских голоса, о чём-то весело болтавших, закончили свой разговор:

– Ну, до завтра, Катя.

– До свидания. Я уж, кажется, привыкаю на автомобиле кататься.

– Ладно, ладно! Вот скоро твой Борис вернётся, он тебя

отучит от этого.

– Ну, когда ещё он вернётся, я уж и надежду потеряла, – грустно ответила Катя и медленно направилась к домику.

Этот разговор происходил на углу проулка, соединявшего Корабельную набережную с Ленинской улицей. Борис, стоявший невдалеке, находился шагах в ста от этого места, слышал женские голоса, но не придавал им никакого значения и не заметил ни прощания подруг, ни приближавшейся к нему тоненькой стройной фигурки молодой женщины. На её голове был повязан, по обычаю того времени, красный платочек. Одета она была в дешёвенький, но ещё совсем новый костюм из тёмно-синей полушерстяной материи, простые чулки, и стоптанные старенькие туфельки. В руках эта женщина несла небольшую сумку, очевидно, с продуктами и картонную папку с какими-то бумагами. Поглощённая какими-то своими мыслями, она не сразу заметила на своём пути силуэт мужчины, а когда подняла голову и увидела его, не могла сдержать возгласа удивления и испуга:

– Ой, кто это? Что вы здесь стоите? – воскликнула она довольно сердито.

Звук этого голоса заставил Бориса очнуться от своей задумчивости, ведь это же был Катин голос, так говорила только она – Катеринка! Он мгновенно повернулся на звук голоса и, ещё не различая её в темноте, бросился к ней навстречу. Его порывистое движение испугало Катю, и она уже готова была с криком отскочить от него и мчаться к дому, где

был, как она знала, вооружённый сторож и Комоза, а, следовательно, защита. Но прежде, чем она успела крикнуть или рвануться в сторону, Борис уже обхватил её и, целуя в глаза, губы, щёки и, кажется, даже в нос, полушёпотом приговаривал:

– Катеринка, Катя, моя Катенька, никому тебя не отдам!

Тут уже опомнилась и Катя, отбиваясь от Бориса и в то же время отвечая ему на поцелуи, вырываясь из его рук и одновременно прижимаясь к нему сама, уронив свою сумку и папку, счастливо смеясь и плача, тоже почему-то полушёпотом отвечала:

– Приехал-таки! Испугался? Ну, да хватит тебе, пойдём домой, где твои вещи? Ой, я свои-то все растеряла... Дапусти ты меня! Ищи вот теперь! Наверно, всё потерялось: и хлеб, и колбаса из сумки вывалились.

Наконец, они совладали с собой и, продолжая держаться за руки, стали вместе шарить по земле и искать выпавшее из Катиных рук, а это было делом нелёгким. В то время Корабельная набережная не освещалась совсем, не горела даже тусклая лампочка над воротами, а осенние дальневосточные ночи, сменявшие сумерки, были настолько темны, что даже кончики пальцев вытянутой руки разглядеть было невозможно. Темнота усугублялась ещё и тем, что ясная дневная погода изменилась: после захода солнца небо над Владивостоком стали затягивать низкие чёрные тучи.

Четверть часа счастливые молодые люди потратили на по-

иски. Они, не отпуская рук, направились к калитке, ведущей в склад. Здесь, заслышав шум, уже появился сторож, одетый в шубу и державший в руке старую, вероятно, уже не способную стрелять берданку. Его привлекли голоса Бориса и Кати, которые, конечно, не могли искать потерянные вещи молча и сопровождали свои действия шутками и смехом. Они, видимо, пытались скрыть и радость, и смущение, невольно овладевшее ими после такой длительной разлуки.

– Кто тут, что за люди? – крикнул старичок, у которого от непривычного шума на душе было очень беспокойно, – маленький, тщедушный, служивший много лет сторожем ещё у Бородина и в своё время с прочим штатом доставшийся Алёшкину «по наследству».

– Да, свои это, свои, Лаврентьич, не пугайся! – крикнул ему Борис.

Сторож узнал его голос:

– Ой, да это никак Борис Яковлевич вернулись? И Екатерина Петровна с вами? Вот уж подгадали встретиться-то! Ну, проходите скорее домой, вон и Комозы ещё не спят...

Катя и Борис тем временем уже проскользнули через калитку мимо Лаврентьевича, и пока тот закрывал её засовом на ночь и, умащиваясь в будочке в огромной шубе, готовился ко сну, они успели войти в коридор своей квартиры. За этот недолгий путь Катя рассказала Борису, что у них теперь осталась всего одна комната – другую, а также и закуток, примыкавший к ней, заняла семья Комозы. Кухня тоже стала при-

надлежать им: Катя жила одна, питалась в студенческой столовой и на работе, так что ей кухня была не нужна, а у Комозы – маленькие дети (мальчик и девочка), им кухня просто необходима. Глава семьи теперь назначен заведующим складом – не только здешним, но и чуркинским, а так как тот склад больше, то он в основном обретается там.

Появление Алёшкина в домике на Корабельной набережной было встречено радостно не только Катей, но и семейством Комозы. Он сам относился к Борису с очень большим уважением и даже иногда называл его идеальным коммунистом. Мы-то знаем, что до идеального не только коммуниста, но даже и просто человека, Борису было очень далеко, но ведь бывает так, что почувствуешь к кому-нибудь особую симпатию, вот и идеализируешь своего избранника, не замечая его недостатков. Так, очевидно, было и с Комозой. Это восхищение он сумел передать и своей жене, и поэтому неожиданный приезд Бориса превратился в некоторое торжество.

Сейчас, вероятно, по этому поводу в большинстве семейств устроили бы хорошую выпивку. Может быть, делалось так в некоторых семьях и в то время, но, во всяком случае, не в семьях Алёшкиных и Комозы. Здесь наскоро соорудили чай, к нему подали весьма скромную закуску, значительно выигравшую от дополнительных продуктов, привезённых Борисом: сливочного масла, сыра, консервов. Ужин получился на славу. Между прочим, Алёшкин удивил-

ся скромности поставленного Катей и семейством Комозы угощения, но пока ничего не понял и ни о чём не спросил. Лишь поздно ночью, когда они с Катей, уместившись на полу в своей комнате (на кровать лечь они не решились: она еле держалась, и они боялись с неё упасть), лежали и вспоминали прошедший год, он понял всё.

Катя ему рассказала, что год был очень трудным для всего Владивостока, а для неё в особенности. С осени 1929 года, почти сразу же после призыва Бориса в армию, все китайские лавочки и магазины закрылись, а хозяева их выехали в свою страну. Прекратили работу магазин Чурина, «Кунст и Альберс»; китайцы и корейцы-огородники в срочном порядке были выселены из Владивостока и его окрестностей и перевезены куда-то в Среднюю Азию. Мы же помним, что в основном вся торговля, всё продуктивное обеспечение Владивостока до 1929 года находилось в руках китайских торговцев и огородников. Привоз на городской рынок сельскохозяйственных продуктов крестьянами из окружающих сёл был очень невелик. Кроме того, в сельской местности началась сплошная коллективизация, которая в Приморском крае проходила с теми же ошибками и перегибами, что и в других местах, поэтому к моменту приезда Алёшкина из армии во Владивостоке положение со снабжением находилось прямо-таки в катастрофическом состоянии.

Сама Катя тоже была крайне необеспеченной, ведь только перед мобилизацией мужа она наскоро устроилась в АКО

на самую низшую канцелярскую должность. К этому времени она, хотя и овладела кое-какими навыками, значительно продвинулась по службе и работала теперь заведующей секретной частью АКО, зарабатывала так мало, что едва-едва сводила концы с концами. Кроме того, ей ведь приходилось помогать и матери, содержавшей их дочку Элу. Она отдавала в Шкотово весь свой паёк: сладкое, печенье, мясные продукты, жиры, а сама, в основном, питалась в столовой. На следующий день Борис сумел лично убедиться, что собой представляло питание в той столовой, придя туда вместе с Катей по одному из её талонов: после жидкого пшённного супа и каких-то совершенно невообразимых по вкусу и качеству котлет, он встал из-за стола совершенно голодным.

Пройдя же по улицам города, он убедился воочию, к чему привели экстраординарные репрессии без какой-либо предварительной подготовки. Почти все китайские магазины по Китайской, Пекинской и другим улицам стояли запертыми на замки и опечатанными. Лишь в очень редких из них открылись так называемые распределители, где можно было купить весьма ограниченное количество хлеба, селёдки, а иногда и кое-каких других продуктов. Овощи и фрукты, ранее имевшиеся в изобилии, исчезли совершенно. Промышленными товарами торговал только один магазин центрального кооператива, организованный в здании бывшего магазина Чурина. В нём можно было купить по сравнительно недорогой цене кое-какие вещи и обувь низкого качества,

однако всё это продавалось только по специальным талонам, выдаваемым в учреждениях и на предприятиях местными профсоюзами. Одним словом, положение со снабжением на конец 1930 года во Владивостоке было такое же, как скажем, в Темникове в 1918–1919 гг. От бывшего изобилия продуктов и товаров, которое хорошо помнил Борис во время его ухода в армию, не осталось и следа.

Забегая вперёд, можно сказать, что ещё долго, по крайней мере, три или четыре года владивостокские жители, особенно такие, как семья Алёшкиных, не имевшие никаких дополнительных ресурсов обеспечения, находились в очень тяжёлом материальном положении.

Всё, что застал Алёшкин дома, заставило его изменить намерение отдохнуть после службы, а, наоборот, с первых же дней думать о поступлении на работу. Катя, хотя и поднакопила к его приезду немного денег, всё же понимала, что им вдвоём хватит этого ненадолго, да и дочь надо было из Шкотова забирать, там положение складывалось тоже весьма неблагоприятное.

Организовался колхоз. Акулина Григорьевна записалась в него одной из первых, трудилась на самых разных работах с такой же энергией и старанием, как и в своём хозяйстве. С мужем, Петром Яковлевичем Пашкевичем, как известно, она разошлась, и где он сейчас обретался, не знала. Все её дочери, за исключением младшей Веры, уже окончили школу и разъехались в разных направлениях. Таким образом, всё

домашнее хозяйство, колхозная работа, да ещё и годовалая внучка свалились на неё одну.

Вера училась в седьмом классе, была девочкой с ленцой и довольно норовистым характером, и, хотя обязанности няньки выполняла добросовестно, но всё больше и чаще грубила матери. По выражению Акулины Григорьевны, она совсем отбилась от рук. Оставлять дольше Элу в Шкотове было немыслимо, это понимал и Борис. На следующий же день он отправился в ДГРТ с тайной надеждой, что за год его там ещё не забыли, и, может быть, помогут быстрее устроиться на работу. Будучи оторванным от гражданской жизни более чем на год, он в этом вопросе значительно отстал от событий. Борис по-прежнему считал, что поступление на работу сопряжено с такими же трудностями, как в 1927–1928 гг. Он не учитывал того, что в стране бурно развивалась промышленность, что и ДГРТ за этот год превратился в огромную по своим масштабам организацию, не сравнимую с той, какой она была год назад.

Начать с того, что ДГРТ оставил своё прежнее здание на бывшей Алеутской улице и переселился на мыс Эгершельд по соседству с вновь выстроенным зданием АКО, заняв огромную двухэтажную казарму и большой кирпичный дом, причём говорили, что и эти помещения для треста становятся тесноватыми.

Алёшкин хотел попасть на приём к председателю правления треста Якову Михайловичу Берковичу, надеясь, что

при его содействии удастся получить работу быстрее. Но, к сожалению, тот был в командировке в Москве, и Борису пришлось обратиться к его первому заместителю Иосифу Адольфовичу Мерперту. Оказалось, что тот помнит Алёшкина очень хорошо, да и не только он – большинство старых служащих Бориса не забыли. Глебов, Гусев, Крамаренко, Антонов и многие другие, с интересом оглядывая новенькие кубики и всю военную форму Бориса, встретили его с распростёртыми объятиями. Вопрос о работе решился в несколько минут. К этому времени бывший коммерческий отдел треста был преобразован в два новых: управление снабжения и транспорта (УСИТ) и отдел реализации. Первым руководил некий Василий Осипович Шмулевич, у него имелось свободное место заместителя, эту должность он и предложил Алёшкину. Отделом реализации заведовал старый рыбовладелец Рейтман, появившийся в тресте незадолго до возвращения Алёшкина из армии, тогда и организовался этот отдел. Ему тоже нужен был заместитель, и он тоже усиленно предлагал Борису эту должность. Однако, посоветовавшись с Александром Павловичем Глебовым и сообразив, что оба дельца ищут себе надёжное прикрытие в виде молодого коммуниста-заместителя, которого в случае чего можно было бы сделать козлом отпущения, Алёшкин от этих должностей отказался. По совету же Глебова он попросил назначить его заведующим группой снабжения метизами (металлическими изделиями) в том же УСИТ.

В разговоре с Мерпертом Борис, отказываясь от заманчивых предложений, одной из основных причин назвал то, что за прошедший год он отвык от работы в тресте, огромные масштабы его деятельности ему пока ещё трудно понять. Кроме того, он молод, и потому занятие важных и ответственных должностей, которые ему предлагают Рейтман и Шмулевич, считает для себя преждевременным и просит назначить его на сравнительно простую работу в группу метизов.

Мерперт усмехнулся и, пробормотав:

– Я знал, что у этого парня золотая голова, – вызвал секретаря и продиктовал ему приказ.

Через час Борис Яковлевич Алёшкин уже числился заведующим группой метизов управления снабжения и транспорта ДГРТ. В группу, кроме него, входили четыре человека. Заместителем и его главным помощником был большой специалист этого дела, более 20 лет проработавший на продаже этих изделий у «Кунста и Альберса», Иосиф Лейбович Роземблом. Седой, сухощавый, очень подвижный, весёлый и общительный человек, он до тонкостей знал не только своё дело, но всевозможные коммерческие приёмы и комбинации. Для Бориса Алёшкина Роземблом стал и хорошим товарищем, и замечательным учителем. В то время ему было лет 55, и он помнил всю огромную номенклатуру группы чуть ли не наизусть, а ведь она включала в себя более полутора тысяч наименований. Группа метизов занималась снабже-

нием промыслов, заводов, судов и различных промышленных предприятий треста, которых к этому времени развелось очень много, металлическими предметами – от простой заклёпки до сложнейших станков и двигателей. В распоряжение группы был выделен даже специальный склад, построенный на месте одного из сгоревших пакгаузов.

Гораздо позже Алёшкин понял, как сложна, ответственна и в то же время интересна работа его группы. В первые два часа, которые он провёл в беседе с Роземблюмом, он ещё не успел себе хорошенько всё представить. Количество (на его взгляд, огромное) закупаемых и отгружаемых металлоизделий, пока просто до него не доходило. Прошло, вообще-то говоря, немало дней, пока Борис, напрягая все свои способности, всю свою память, ежедневно изучая новые и новые справочники и прейскуранты, сумел овладеть терминологией группы и стал с одного слова понимать, о чём речь, и уже сознательно, по-деловому руководить своей группой. Да и то – Роземблюм в беседе со Шмулевичем, знавшим его по прежней работе, диву давался, как быстро этот молодой паренёк освоил дело. Он заявил, что теперь уже может говорить со своим непосредственным начальником почти о любом предмете из их группы на равных, а ведь он как-никак сидит на этом месте четверть века.

Но всё это произошло потом, месяца через два-три. Пока же Борис был так ошеломлён работой группы, что только уговоры Роземблюма, которому он почему-то пришёлся по

душе, заставили его принять должность.

Узнав от Бориса, что он только вчера приехал во Владивосток, Мерперт в приказе предусмотрел предоставление ему пяти суток внеочередного отпуска для устройства семейных дел и выдачу ему денежного пособия в размере месячного оклада. Кстати, оклад у Алёшкина был по партмаксимуму – 225 рублей.

Получив удостоверение о своём новом назначении и деньги, Борис, весёлый и радостный, помчался в АКО, чтобы обрадовать свою Катю. В здание его пустили с неохотой. Швейцар, сидевший у двери, долго разглядывал его удостоверение и очень недружелюбно косился на военную форму, однако всё же смиростивился и разрешил пройти в общий отдел. Такое поведение швейцара до глубины души возмутило Алёшкина: он считал, что в советском государстве ему, командиру Красной армии, вход всюду открыт, а оказалось это не совсем так.

Когда Борис зашёл в комнату общего отдела и спросил Катю Алёшкину, то две девицы, сидевшие – одна за большой канцелярской книгой, а другая за пишущей машинкой, многозначительно переглянулись и, пользуясь тем, что самого начальника отдела в этот момент в комнате не было, чуть ли не одновременно спросили:

– А вам она зачем?

– Как это зачем? Я её муж, мне с ней поговорить надо.

Девицы опять улыбнулись, и одна из них, показав кивком

головы на дверь с картонной вывеской «спецчасть», как-то немного насмешливо (как показалось Борису) сказала:

– Она там, постучите.

Борис не замедлил подойти к двери и довольно громко и бесцеремонно постучал в неё. Не сразу открылось окошечко в двери, и там показалась голова смазливого парня со светлыми, аккуратно причёсанными волосами. На его лице было явное недовольство: видимо, его оторвали от каких-то важных занятий.

– Вам что? – довольно неприветливо спросил он.

Борис даже растерялся от неожиданности! Он знал, что его Катя работает в спецчасти, она же ему сама об этом сказала, но что она вот так может сидеть, запершись с молодым парнем, он никак не предполагал! Он подумал, что, может быть, попал не туда, куда следует, поэтому довольно несмело произнёс:

– Мне нужно Катю Алёшкину, она здесь?

– Ну, конечно, – отходя от окошка, он крикнул вглубь комнаты, – Катя, это к тебе, наверно, из НКВД.

Через несколько секунд Катя, мельком взглянув в окошко и захлопнув его, выскочила из комнаты. Вслед за нею вышел и разговаривавший с Борисом парень. Он держал в руках какую-то папку с бумагами и, не обращая внимания на Бориса, повернувшись к Кате, сказал:

– Я зайду потом.

Катя же, смущаясь под насмешливыми взглядами сослу-

живиц, потащила Бориса за рукав шинели в коридор:

– Ты чего пришёл? Почему не предупредил? Как тебя пропустили? – засыпала она его вопросами.

Но Борис, не отвечая на них, сам задал мучавший его вопрос:

– А что за парень там с тобой был? Почему вы заперлись?

Глаза Кати лукаво блеснули, и она уже готова была сказать Борису что-нибудь такое, что могло бы привести к серьёзной ссоре, но вовремя сдержалась и довольно спокойно ответила:

– Чудак, да это же наш сотрудник, приходил ознакомиться с секретными документами. Ну, а спецчасть всегда запирается. Он, правда, пытался за мной ухаживать, но ничего у него из этого не вышло, так что успокойся, сейчас я вас познакомлю.

Действительно, когда Катя выбежала из спецчасти, то сопровождавший её парень, догадавшись, что это не какой-то представитель из НКВД, а её муж, направился к выходу из общего отдела. Катя его окликнула:

– Товарищ Буреев, это мой муж, Борис Яковлевич. Вчера вернулся из армии, моё соломенное вдовство кончилось. Знакомьтесь.

Мужчины пожали друг другу руки.

– Ну, что же, пройдёмте в спецчасть, не в коридоре же нам стоять, – произнесла Катя.

Буреев заявил, что его ждёт работа в плановом отделе и поэтому он задерживаться не может.

– Ну, тогда пойдём ты ко мне, посмотрим, где и как я работаю. Пойдём. Да не дуйся ты, Борька, – говорила несколько смущённо Катя, держа мужа за руку.

Так они и вошли в общий отдел. Обе девицы вскочили и бросились к Кате с поздравлениями и просьбой познакомить их с мужем. Наскоро перезнакомившись, Алёшкины скрылись в комнате спецчасти. Борис в нескольких словах рассказал о своих делах, похвастался назначением и бросил на стол солидную пачку денег, полученных как пособие. Он решил, что поскольку ему дали пять дней, ей нужно тоже выпросить себе отпуск: они вместе съездят в Шкотово за дочкой.

Катя написала заявление и помчалась к одному из членов правления АКО, который, как она сказала, относился к ней лучше других. Борис остался сидеть на диване в коридоре. Через несколько минут она вернулась сияющей и возбуждённой и на ходу сообщила:

– Мне тоже дали пять дней, хотя начальник общего отдела и возражал (он тоже там оказался), но член правления решил по-своему. Сегодня же вечером и поедем! Только вот как мы с Элочкой будем: куда её денем, когда привезём?

– Ничего, придумаем, – со свойственной ему беспечностью ответил Борис.

Вечером этого же дня они были в Шкотове. Конечно, дочка отца не узнала, и если приезде мамы, которая навещала её нередко, обрадовалась, то папы дичилась и пряталась за бабушкину юбку, но это длилось недолго. Через час она сидела

у Бориса на коленях и, блестя глазёнками, весело посматривала на окружающих.

На следующий день Алёшкин решил навестить родителей. От Акулины Григорьевны он узнал, что они из Шкотова уехали, жили теперь в Новонежине и, кажется, оба работали в одной школе. С ними остались два сына, а Люся, окончив школу, служила учительницей по соседству с Женей, в селе Кневичи.

В Новонежине Борис без труда разыскал квартиру родителей. Они, оказывается, жили в одном из домов бывшего председателя сельсовета Дмитриева. У него было два дома: один он целиком сдавал под квартиры учителей, в другом жил с семьёй сам. В доме учителей тогда размещались две семьи – Алёшкины и Герасименко. К этому времени никого из старых комсомольцев в Новонежине уже не было, все они разъехались по самым разным местам. Выехали и многие знакомые учителя: Лымарь, развязавшись со своим пьяницей Александровичем, уехала во Владивосток, семья Бойко, как мы помним, находилась в Амурской области, но самое главное, закадычный друг Бориса Фёдор Сердеев, отслужив действительную службу в армии, остался в кадрах РККА начальником Дома Красной армии в селении Барабаш. Он, кажется, пробовал жениться, да неудачно, и в итоге остался холостяком.

Все эти новости Борис узнал ещё в поезде от спутника – Василия Леоненко, который служил помощником начальни-

ка разъезда в Романовке и ехал в гости к брату Емельяну, а тот, как и Макар Макарович Сердеев, всё ещё служил в Новонежине.

Появление Бориса в доме его родителей вызвало бурный восторг его братьев и радостное удивление старших, они не виделись с 1928 г. О судьбе Бориса его родные знали очень мало, поэтому расспросам и рассказам не было конца. Он заявился вечером, когда вся семья была в сборе. Естественно, текущие дела были заброшены, и вечер прошёл в разговорах, которые затянулись далеко за полночь. Следующим днём было воскресенье. Ранним утром Яков Матвеевич разбудил Борю-младшего и, вручая ему двустволку, попросил принести свежего фазана. В то время в Новонежине фазаны осенью подбирались к овинам, стоявшим на окраине села, где могли вдоволь наесться зерна. Когда Борис-старший встал и отправился умываться, вся семья уже была на ногах. Женя принёс дров для печки, Анна Николаевна растапливала её, готовясь печь блины, а Яков Матвеевич хозяйничал во дворе. Он вошёл в кухню как раз тогда, когда Борис в одной майке яростно плескался под умывальником. Усмехнувшись, Яков Матвеевич сказал:

– Ну, сын, не знаю, чему ещё тебя в армии выучили, но умываться-то, во всяком случае, ты теперь умеешь! Помню я, как ты обычно только кончик носа смачивал. Наверно, старшина был там у вас строгий.

– Да уж, – отфыркиваясь, ответил Борис, – старшина был,

действительно, строгий.

Снова полились рассказы о военной службе, впечатления от которой ещё были так свежи и яркие. В рассказах и расспросах день пролетел незаметно. Борис не успел даже и опомниться, как нужно было уже бежать на станцию, чтобы возвращаться в Шкотово.

Вернувшись к тёще, он узнал, что Катя и Акулина Григорьевна договорились о том, что Элочка останется в Шкотове до весны, а тем временем они будут хлопотать о месте в детском саду или в яслях. Хотя и Борису, и Кате очень хотелось, чтобы дочь была с ними, но они понимали разумность этого решения и подчинились ему.

Через несколько дней Алёшкин, углубляясь в работу своей группы, увидел, что дело это огромное, его знаний явно не хватает, и чтобы справляться, ему нужно многому учиться. Правда, с самого начала большую помощь оказал старый Роземблюм: он помог разобраться в основной номенклатуре товаров, снабдил всевозможными прейскурантами и справочниками, остававшимися у него ещё с прежнего места работы. Читая эти справочники, Борис с удивлением узнавал, что одних только шурупов может быть более двухсот видов, а ведь были ещё и гвозди, и заклёпки, и многое, многое другое, не говоря уже о десятке сортов и видов металлов, о тысяче самых разнообразных инструментов и сотнях различных станков и механизмов. Всё это бесчисленное множество наименований предстояло запомнить, знать, как они выгля-

дят, сколько и кому нужно отпустить, и уметь вовремя заказать и приобрести необходимое.

Плановое снабжение промышленности, а особенно такой бурно развивавшейся, как рыбная, на Дальнем Востоке только ещё налаживалось. Во Владивостоке находились представительства самых различных трестов и синдикатов, завозивших товары на Дальний Восток без должного учёта потребностей и спроса, поэтому непрерывно ощущались перебои в самых необходимых товарах группы метизов (как, впрочем, и по другим группам), и требовалась вся изворотливость Роземблюма, чтобы обеспечивать строящиеся береговые консервные заводы, новые рыбные промыслы и всё увеличивавшийся рыбопромысловый флот треста хотя бы минимальным количеством необходимого. Правда, ещё с июня 1930 года, по поручению правления треста, УСИТ начал составление заявок на необходимые материалы на 1931 год. Но уже шла середина ноября, а по многим группам, в том числе и по той, которую возглавлял Алёшкин, составление заявок ещё и не начиналось.

Надо сказать, что Бориса теперь почти всегда называли по имени-отчеству, хотя в его 23 года это было непривычно, а с комсомольской настроенностью даже смешно, но ему приходилось с этим мириться.

С молчаливого согласия начальника УСИТ Шмулевича, передав всю текущую работу Роземблюму, Алёшкин начал форсированными темпами составлять эти заявки. Такая ра-

бота помогла ему сравнительно быстро запомнить основные группы наименований, а то, что он и сам искал пути к быстрейшему освоению новой профессии, отличался усидчивостью и напористостью, стараясь как можно внимательнее разобраться в бесконечном количестве различных сортов железа и стали, в назначении тех или иных инструментов, имевших иногда очень мудрёные названия, дело у него двигалось довольно споро.

Для быстрого изучения своих товаров Алёшкин провёл несколько дней на складе, якобы проверяя качество хранения имевшихся запасов метизов, а на самом деле, воочию знакомясь с тем, чем отличаются шурупы по дереву от шурупов по металлу, что такое шуруп или заклёпка с потайной головкой, чем отличается сверло по металлу от сверла по дереву, что из себя представляют метчик и плашка, какие бывают вентили, что такое газовая труба, как выглядят стальные прутья и жёсть для консервных банок, и многое, многое другое. Благодаря такому напряжённому труду, заявка по группе метизов была составлена к 25 декабря, и поскольку эти материалы являлись наиболее дефицитными, её отправили отдельным экземпляром в Главрыбу. Подписывая заявку, Яков Михайлович Беркович, к этому времени вернувшийся из Москвы, узнал, что делал её Алёшкин. Он вызвал его, поблагодарил и одновременно поинтересовался, почему Борис отказался от должности зам. начальника УСИТ:

– Ведь Шмулевич – это бывший фабрикант, хоть и ма-

ленький свечной заводик у него был, а всё же он капиталист, и за ним глаз да глаз нужен, свой человек около него необходим.

На это Алёшкин возразил, что если за Шмулевичем и нужен глаз, то только такой, который бы в его делах мог разобраться досконально, а он, Борис, пока ещё и в своей-то группе плавает. Если бы не Роземблум, то он, наверно, и заявку бы не составил.

Яков Михайлович вынужден был согласиться с доводами Бориса, но всё же заметил ему:

– Ты, знаешь что, товарищ Алёшкин, на лёгкую жизнь не рассчитывай, всё равно на этой группе мы сидеть тебе долго не дадим. Работы кругом непочатый край, сообразительные люди нужны всюду.

К немалому удивлению Алёшкина, Беркович подписал заявку без каких-либо поправок, а ведь поправлять было что. Ну, может быть, в наименовании товаров Борис и Роземблум совместно сумели создать необходимый порядок и точность, но зато в количествах... Первое время Алёшкин вообще не представлял себе, откуда и как определять нужное количество материалов. В плановом отделе ничего даже предположительно сказать не могли (планирование тогда было далеко не на высоте). Сам Борис не имел в этом деле опыта, и решили они с Роземблумом сделать так: подсчитать количество материалов, выданных за девять месяцев нынешнего года, добавить к ним ещё четверть, а затем всё это уве-

личить вдвое, а кое-что и втрое, и полученную цифру поставить в заявку.

– Ведь в будущем году мы, наверно, не меньше, чем в два раза вырастем, – сказал Роземблюм, успокаивая Бориса, у которого от некоторых чисел глаза на лоб полезли. – А потом, успокойся, никто нам полностью заявку не удовлетворит, так что ещё набегаемся!

В проведении этого дела основательно помогла и устроенная по настоянию Роземблюма учётная картотека. В ней на специальных карточках, заведённых на каждое наименование, отмечались все поступления и расход. Один из торговых агентов группы целиком занимался только этой картотеккой. Хотя Шмулевич и ворчал, что ведётся параллельный с бухгалтерией учёт, но Роземблюм, а за ним и Алёшкин не сдавались, и вскоре все убедились в необходимости и полезности такого оперативного учёта. Благодаря ему, руководители группы метизов постоянно знали, что у них в наличии на складе, и могли своевременно принимать меры для пополнения запасов. Те же группы, которые такого учёта не вели, а полагались на бухгалтерские данные, часто попадали впросак.

Дело в том, что в то время бухгалтерия в ДГРТ так же, как и в других хозяйственных организациях, отставала от жизни чуть ли не на полгода, и её данные для оперативной работы совершенно не годились. Этим только и можно было объяснить то, что, например, в группе продовольственных товаров

некоторых видов постоянно не хватало, зато другие лежали без движения на складе и даже портились.

Как бы там ни было, но к новому 1931 году Борис мог уже смело сказать, что он фактически является настоящим главой группы, и большинство вопросов снабжения метизами может решать самостоятельно, так как уже хорошо разбирается, что именно надо тому или иному представителю, прибывшему с промысла, завода или судна, и действительно ли указанное количество требуемого следует ему выдать в настоящий момент. Последнее было крайне необходимо: у периферии отношение к составляемым требованиям сложилось примерно такое же, как у Алёшкина и Роземблюма к представляемым в центр заявкам с той лишь разницей, что заявки подавались на следующий год, и, как правило, в высших инстанциях рассматривались как весьма ориентировочный документ, а требование с промысла или другого предприятия было конкретным и подлежало немедленному удовлетворению. Тут какой-то, пусть даже самый несовершенный, контроль, был совершенно необходим.

К сожалению, большинство руководителей групп этого не понимали, и даже с необходимой для обработки рыбы солью в этом году получилось так, что на одних промыслах ею забили все склады, а на других было нечем солить выловленную рыбу, что заставило производителей бить тревогу. Руководству треста пришлось посылать специальных людей и суда, чтобы перевезти имевшуюся в излишке соль с одного

места в другое, а это вело к потере времени, лишним расходам, иногда к порче выловленной продукции. Так обстояли дела почти со всеми предметами снабжения, и только группа метизов, благодаря Роземблюму, правильно наладившему работу по учёту, а также и тому, что Алёшкин толково продолжал начатое, выгодно отличалось по всему управлению снабжения. Это заметили и потребители, и правление треста. К середине 1931 года эта группа на всех совещаниях упоминалась как пример правильно организованной работы. Так как группа метизов успешно справилась с обеспечением весенней путины, то она получила благодарность в приказе по тресту.

Мы много времени уделили описанию производственной деятельности Алёшкина в этот период, но это совсем не значит, что кроме работы его ничего не волновало. При всей своей занятости он не мог отказываться от целого ряда поручений, или, как тогда говорили, нагрузок, которые сразу же свалились на него, как на молодого коммуниста-комсомольца. Во-первых, на одном из ближайших партийных собраний его избрали в состав бюро ячейки и, по старой памяти, возложили обязанности технического секретаря. Затем коллектив ДГРТ его избрал депутатом городского совета г. Владивостока, где ему поручили секцию, контролировавшую деятельность рыбной промышленности. Кроме того, узнав, что в армии он был активным участником красноармейской эстрады, местком профсоюза поручил ему организацию и ру-

ководство коллективом «Синей блузы». Хотя передвижная агитация уже и отживала свой век, но пока ещё пользовалась успехом. И, наконец, по собственному желанию Борис принимал активное участие в выпуске трестовской стенгазеты.

Большая половина одноэтажного кирпичного здания, занимаемого трестом, была отведена под клуб, где, помимо выступлений «Синей блузы», струнного оркестра и проводимых собраний, часто крутилось кино. Местком треста приобрёл кинопередвижку – такую же, как в полковом клубе, поэтому Борис иногда выступал и в роли киномеханика. Заведующим в клубе был маленький, рыжеватый, юркий человек лет 45, работавший экономистом в плановом отделе, некто Пестиков. Зарплату в клубе он не получал: это считалось как профсоюзная нагрузка, которая, кстати сказать, отнимала у него всё свободное время. Впрочем, тогда все подобные обязанности выполнялись бесплатно и в нерабочее время.

Конечно, у Бориса общественная нагрузка отнимала так много времени, что порой ему казалось, неплохо бы иметь в сутках не 24, а 25 часов. Жизнь эта поглощала его целиком. Так же загружена была и его молодая супруга, где уж там было думать о своей единственной дочке! Поэтому поездка за ней со дня на день откладывалась, но...

Как много этих «но» в жизни каждого человека! Так вот, судьба распорядилась иначе. В самом конце 1930 года, поздно вечером, когда усталые Алёшкины, делаясь впечатления-

ми о событиях дня, укладывались спать, в ворота склада раздался стук. Старичок-сторож, уже дремавший в будке около калитки, с кем-то негромко переговорил, и через несколько минут по коридору (сам дом никогда не запирался, в дверях и замка-то не было) раздались чьи-то быстрые шаги. Разбуженный шумом Комоза выглянул в коридор и удивлённо что-то проговорил, а вслед за тем в комнату Алёшкиных вошла, почти вбежала, младшая сестра Кати, Вера, прижимая к себе безмятежно спавшую Элочку. На согнутом локте у Веры, в то время 13-летней девочки, болтался маленький узелок с Элиными пожитками. Лицо Веры выражало какую-то растерянность и испуг, на нём оставались следы ещё не совсем просохших слёз.

Встревоженные таким необычным появлением Элы и Веры, а главное, видом сестры, полураздетые Катя и Борис набросились на последнюю с расспросами. А та, стуча зубами не то от страха, не то от холода, глотая ещё тёплый чай, налитый Катей из стоявшего на столе чайника, сбивчиво рассказала следующее:

– Вчера вечером к нам в дом пришли какие-то люди из сельсовета и райисполкома. Все новые, приезжие, незнакомые, из местных был только один Кирилл Приходов, он сейчас в райкоме комсомола, – говорила Вера. – Они сказали маме, чтобы она собирала вещи и готовилась к немедленному выезду из Шкотова – её выселяют, как кулачку. Мама пробовала возражать, но Приходов грубо сказал, что это,

мол, решение райисполкома, и спорить бесполезно. Потом эти люди объяснили, что мама не имеет права брать что-либо из хозяйства, а только может увезти свои личные вещи. Сказали также, что если с ней кто-нибудь живёт из детей, то они тоже должны уехать. Хотя мы с Элой были в другой комнате, мама сказала, что все её дети работают в советских учреждениях, с мужем она разошлась и сейчас живёт одна. Как только эти люди ушли, мама собрала Элины вещи, помогла мне одеться и увела нас к аптекарше с просьбой на следующий же день отправить к вам.

Где сейчас находилась мама, Вера не знала. И Борис, и Катя уже слышали о том, что на Дальнем Востоке всё ещё случаются перегибы в вопросах коллективизации, извращаются указания партии, проводится необоснованное раскулачивание. Они поняли, что Акулина Григорьевна Калягина стала одной из жертв подобных действий. Не понимали они только одного – зачем и кому понадобилось так позорить и обижать бедную старую женщину, которая трудилась всю свою жизнь, пожалуй, больше, чем любая батрачка. Семья почти всегда жила на границе бедности и только при Советской власти, когда стали давать землю и на женскую душу, ей удалось немного встать на ноги. Кроме того, ведь Акулина Калягина с самого первого дня организации в Шкотове колхоза вступила в него и работала не за страх, а за совесть, то есть так, как она привыкла работать всегда. Но сейчас не было времени рассуждать обо всём этом, строить догадки о виновнике

происшествия – нужно было срочно чем-то помочь.

Аптекарьша рассказала Вере, что эшелон с выселяемыми направится куда-то в среднюю часть Сибири, в Амурскую область или Забайкалье. Он, конечно, не зайдёт во Владивосток, а повернёт со станции Угольная на Транссибирскую магистраль. Необходимо, чтобы Акулину Григорьевну снял кто-нибудь в пути. Сделать это мог только человек с определённым весом и положением. Таким человеком – единственным в числе ближайших родственников Калягиной – был её зять, муж старшей дочери Дмитрий Яковлевич Сердеев. Во-первых, он старый член партии, во-вторых, бывший партизан, участвовавший в освобождении от интервентов Дальнего Востока, и, в-третьих, он занимал в то время немаленький пост. Дмитрий работал на ответственной работе в Дальневосточном крайисполкоме, значит, нужно было как можно скорее известить его. Можно было бы послать телеграмму, но в ней всего не расскажешь, письмо пойдёт слишком долго. Решили послать нарочного, эта роль досталась 13-летней Вере. На следующий же день курьерским поездом она выехала в Хабаровск.

Забегая вперёд, скажем, что миссию свою она выполнила хорошо. Встреченная в Хабаровске Сердеевыми, девочка рассказала им о несчастье с мамой. Дмитрий, пользуясь своим положением, сумел доказать, что его тёща никакого отношения к кулакам не имела, и получить необходимые документы для снятия её с эшелона.

Когда поезд подошёл к станции Хабаровск, заплаканную Акулину Григорьевну Калягину ждала неожиданная радость. На перроне она увидела своих дочерей и зятя. Последний предъявил начальнику эшелона соответствующее распоряжение, и Акулина Григорьевна со своим небольшим узелком, составлявшим всё её имущество, выгрузилась на перрон. После объятий и, конечно, слёз, дети увезли мать к себе.

Рассказывая о своих мытарствах, Акулина Григорьевна горько всплакнула об оставленном хозяйстве, которому она отдала всю свою жизнь. Но не в её натуре было долго предаваться унынию. Попав в новые условия, в новую обстановку, она со свойственной ей сметливостью и сноровкой не растерялась и вскоре стала в доме Сердеевых, где уже подрастало двое сыновей, незаменимым человеком. Веру решили пока отправить на жительство к её старшему брату Андрею, работавшему в леспромхозе на станции Ин. Так распалась, а вернее, была разрушена эта старая и по-своему очень крепкая семья одних из первых переселенцев-дальневосточников.

## Глава вторая

Но вернёмся во Владивосток. То, что дочка появилась в семье Алёшкиных внезапно и сразу же потребовала от них заботы и выполнения новых домашних дел, а, следовательно, и времени, причинило им огромное неудобство. С одной стороны, обоим родителям было приятно иметь около себя маленького человечка, находившегося в постоянном движении (ведь Эла уже хорошо бегала). Ещё почти не говорившая, но всё понимавшая дочка доставляла им много радости и весёлых минут. С другой стороны, то маме, то папе приходилось пропускать какое-либо занятие, репетицию, заседание, а то и собрание, а на такое в то время смотрели очень косо. И если бы не добрая жена Комозы, которая всё чаще и чаще подменяла собою родителей девочки и оставалась с нею не только днём, как договорились, но и по вечерам, то нашим активистам пришлось бы очень туго.

Однако внешние обстоятельства, влияющие на жизнь всех людей, в том числе и наших героев, снова резко изменились. В середине января 1931 года к Борису в клуб, где он проводил репетицию своей «Синей блузы» (готовилась оратория на смерть В. И. Ленина – копия той, в которой он участвовал во время службы в РККА), явилась Катя и отозвала его в сторонку. Увидев её встревоженное и даже заплаканное лицо, Борис вначале подумал, что случилось

какое-нибудь несчастье с дочуркой, но то, что он услышал от жены, потрясло его не меньше. Оказывается, Катя пришла прямо с комсомольского собрания АКО, которое состоялось внепланово ради одного вопроса: разбор дела Екатерины Петровны Алёшкиной.

На собрании секретарь ячейки зачитал заявление, в котором один из работников ВК РК ВЛКСМ села Шкотово (фамилии его секретарь не назвал) сообщал, что Катя Алёшкина, в прошлом Пашкевич, принадлежала к семейству кулаков, пролезла в комсомол при помощи некоторых близоруких интеллигентов, что недавно правда восторжествовала, и её мать, как кулачку, выслали.

В ячейке АКО, где Катя работала более года, её знали как активную хорошую комсомолку. Конечно, все были очень удивлены такими новостями. Но в то время к подобным сигналам прислушивались очень внимательно. Письмо было слишком серьёзным, кроме того, Катя и сама ещё не знала о судьбе Акулины Григорьевны, и на вопрос, действительно ли её мать была выслана, как кулачка, со свойственной ей прямоотой и честностью ответила утвердительно. Обычно подобные вопросы длительно не расследовались, и решение было принято быстро: исключить из рядов ВЛКСМ как дочь кулака.

Алёшкин, конечно, прервал репетицию и отправился с Катей домой. По дороге он, как мог, успокаивал жену, ведь оба они прекрасно понимали, что всё это дело построено на

чьей-то клевете, что более активной и преданной делу комсомола девушки в Шкотове было найти трудно, что не только она, Катя, но её старшая сестра Милочка и младшие – Женя и Тамара тоже состояли в комсомоле и активно участвовали в работе организации.

После долгих разговоров и обсуждений, занявших у них почти всю ночь, супруги пришли к единодушному мнению: Кате надо срочно выехать в Шкотово, пойти в райком ВЛКСМ, найти старых друзей-комсомольцев, которых ещё в селе было много и, вооружившись их поручительствами и отзывами, подать заявление в Ленинский райком комсомола г. Владивостока, где должно утверждаться решение их ячейки.

Уже на следующий день после исключения Кати из комсомола, администрация АКО сделала оргвыводы: её немедленно освободили от работы в спецчасти и, несмотря на протесты работников ГПУ, с которыми Алёшкина сотрудничала, приказ был приведён в исполнение. Кате предложили работу конторщицы в общем отделе со снижением оклада почти вдвое. Обсудив с Борисом, она решила уволиться из АКО совсем. Это следовало сделать по двум причинам: во-первых, она была нужна дочери – ребёнок требовал постоянного наблюдения и материнского ухода, во-вторых, оставаться в том учреждении, где её так незаслуженно и грубо оскорбили, казалось просто унижительным.

Сразу же после сдачи дел Катя выехала в Шкотово. С

собой она взяла письмо, полученное от Сердеевых, в котором сообщалось, что дальневосточный крайисполком отменил решение шкотовского райисполкома о высылке А. Г. Калягиной как незаконное, и что её доброе имя восстановлено. Это письмо, как полагали Алёшкины, должно было сыграть свою роль.

Оказалось, что Катю Алёшкину, активную и честную комсомолку, многие из коммунистов и комсомольцев села помнили довольно хорошо. Узнав, что из Шктова пришёл такой неумный (мягко говоря) донос на неё, все были возмущены. Катя легко получила самые лестные отзывы о себе от зам. секретаря райкома партии Костромина, знавшего всю их семью, от коммуниста Шунайлова, от секретаря райкома комсомола Тебенькова и даже из сельсовета, где было сказано, что семья Кати числилась середняцкой. Одновременно выяснилось, что кляузу на неё сочинил Кирилл Приходов. Он же, по-видимому, включил в число кулаков и Акулину Григорьевну Калягину. Позднее мы расскажем, чем была вызвана злоба со стороны Приходова, а сейчас вернёмся к Катиной эпопее.

Приехала она из Шктова, вооружённая всеми этими справками и отзывами, радостная и довольная тем, что люди её помнили и отнеслись к ней по-доброму, и что она теперь может легко доказать свою правоту. Катя попробовала было обратиться по вопросу пересмотра решения к секретарю ячейки ВЛКСМ АКО, сменившему её начальнику секретной

части Бурееву, но тот не захотел и слушать. Через несколько дней дело Кати Алёшкиной разбиралось в Ленинском райкоме комсомола г. Владивостока. Решение ячейки отменили, и её восстановили в комсомоле. Секретарь райкома предложил ей своё ходатайство перед правлением АКО о немедленном восстановлении в прежней должности, но Катя от этого отказалась. Она решила, что ей надо воспитывать дочку. Райком в качестве комсомольской нагрузки поручил Алёшкиной руководить пионерским отрядом при комсомольской ячейке Дальснабсбыта, куда и направил её на учёт. Эту работу Катя выполняла аккуратно. Теперь, когда, кроме забот о дочери и о доме, другой работы у неё не было, выполнение комсомольской нагрузки – руководство пионеротрядом казалось ей делом пустяковым. Вскоре, благодаря её способностям и стараниям, этот пионеротряд стал одним из передовых во всём Ленинском районе.

Попробуем теперь, в нескольких словах изложить причину той злобы, ненависти и зависти, которую испытывал Кирилл Приходов к семье Пашкевичей вообще и к Кате Пашкевич в частности. Он был сыном единственного русского купца, процветавшего в селе Шкотово. Благодаря деньгам отца, его даже приняли во владивостокское реальное училище, но так как парень был ленив и туповат, то вскоре и исключили как неуспевающего. После этого он окончил высшее начальное училище в Шкотово, учился вместе с Катей и ещё в школе преследовал её своими ухаживаниями. С приходом совет-

ской власти положение Приходова-старшего пошатнулось, в 1924 году он окончательно понял, что при Советах ему не продержаться, и решил удрать за границу. Сына до поры до времени оставил в Шкотове. Он упросил Петра Пашкевича принять сына в своё семейство и пока подержать у себя. Конечно, с Петром Яковлевичем этот вопрос решался при солидном возлиянии, кроме того, купец Приходов дал некоторую сумму денег. Так в семье Пашкевичей появился новый член её, Кирилл Приходов, ему в то время было около 18 лет. Парень был здоровый, но ленивый и нерасторопный. Может быть, именно поэтому все члены семьи Пашкевичей, отличавшиеся большим трудолюбием, его невзлюбили, он им платил тем же. Особенно не любил он Акулину Григорьевну, которая, кстати сказать, частенько-таки его пробирала. Разведясь с мужем, она предложила Кириллу убраться на все четыре стороны. В это время в Шкотове открылся конный завод, Приходов пошёл работать конюхом. Он испытывал ненависть к семье Пашкевичей, в том числе и к Кате, которая самым решительным образом отвергнув его ухаживания, предпочла ему какого-то никому не известного, жившего в Шкотове без году неделя, Бориса Алёшкина. Тая эту злобу против Пашкевичей, Кирилл до поры до времени прикидывался их приятелем.

Прошло несколько лет. Приходов, как рабочий конезавода, был принят в комсомол, а ещё через три года, пользуясь тем, что почти все знавшие его отца люди из Шкотова выеха-

ли, он, будучи членом райкома ВЛКСМ, решил осуществить свою месть. Участвуя, как представитель райкома, в составлении списков кулаков, он включил в него Акулину Григорьевну Калягину, заявив, что это настоящая кулачка, что он сам работал у неё батраком. Затем постарался отыграться и на Кате Пашкевич, теперь уже Алёшкиной. Что из этого вышло, мы уже знаем. К сожалению, до сих пор непонятно, было ли, в конце концов, разоблачено истинное лицо самого Кирилла Приходова.

В таких бурных и трудных событиях проходила жизнь семьи Алёшкиных в зиму 1930–1931 гг. Но вместе с волнующими и горькими переживаниями у них было много и радостных минут. Подрастающая дочурка Эла, болтающая на своём забавном детском языке, часто заставляла молодых родителей веселиться, да и сами они стали как-то ближе и роднее друг другу. Катя большую часть времени проводила дома с дочкой. Борис знал об этом, и потому его тоже тянуло к ним домой. Он всё чаще, под всякими предлогами старался ускорить выполнение той или иной общественной обязанности, а то и отказаться от неё совсем, чтобы иметь возможность подольше побыть в семье. Он, конечно, беспрекословно оставался дома с Элочкой, когда Кате было необходимо отлучиться по своим комсомольско-пионерским делам.

Заработка Бориса хватало на их существование, тем более что большими претензиями ни он, ни его жена не отличались. Да, кстати сказать, и удовлетворить их было осо-

бенно нечем – все магазины по-прежнему пустовали. Покупать что-либо в комиссионных было не по карману. Правда, Борис Яковлевич в это время получал 225 рублей, это был предел – максимальный оклад для коммунистов, больше этих денег они не могли получать. В тресте только отдельным лицам – председателю правления и его заместителям выдавались дополнительные суммы, так называемые представительские, но и их расход строго ограничивался и контролировался. В то же время беспартийные сотрудники треста, так называемые красные специалисты, получали значительно более высокие оклады, например, зав. производственным отделом Гринер получал 800 рублей, один из его заместителей – 600, а ближайший помощник Бориса Алёшкина Роземблюм получал 400 рублей. И это никого не удивляло и уж, конечно, не обижало. Коммунисты понимали, что эти спецы – представители чуждого нам класса, и потому их труд и знания, крайне необходимые молодой республике, приходилось покупать, может быть, даже переплачивая. Сами же коммунисты, получая партмаксимум, чувствовали, что их страна им и так даёт достаточно много. Конечно, кроме зарплаты, все работники треста прикреплялись к так называемым закрытым распределителям, где можно было за умеренную государственную цену получить определённое количество продуктов. Частные (нэповские) продуктовые магазины к этому времени были закрыты, а карточная система ещё не введена. Но повторим, Борис и его жена не были избалова-

ны и прихотливы, поэтому довольствовались тем, что получали в магазине, а если и приобретали кое-что вкусненькое на чёрном рынке, то только для своей маленькой дочурки.

Наступила весна, пришли тёплые ясные дни. В ДГРТ наступил период некоторого затишья. Подготовку к весенней путине – ловле сельди закончили. Летний лов иваси ещё не наступил. Постепенно начинали подготавливаться к осенней путине – к лову красной рыбы: лосося, симы, кеты и горбуши. Основными местами промысла этой рыбы считались устье Амура в районе Николаевки, реки Сахалина и устья других более или менее крупных рек северного побережья Приморья. Краболовы находились где-то в районе Камчатки. Управление снабжения, в том числе и группа метизов, получили некоторую передышку.

По договоренности с Роземблюмом, Алёшкин решил перед составлением заявок на следующий год привести в порядок оперативный учёт товаров своей группы и тщательно сверить его данные с наличием на складах. В этот период времени, пожалуй, даже немного раньше, Борис познакомился, а потом и подружился с одним из работников планово-экономического отдела Владимиром Косолаповым. Это был высокий, светловолосый, весёлый человек, отлично игравший в шахматы и преферанс. Знакомство его с Борисом состоялось за шахматной доской. Владимира все считали, пожалуй, единственным и, безусловно, первым в ДГРТ настоящим советским инженером – он окончил советский вуз

в Москве. Кроме хорошего знания своего дела, прекрасно владел английским языком. Он был беспартийным, но благодаря своей работоспособности быстро выдвинулся и через несколько месяцев уже возглавлял основную группу по планированию сбыта продукции ДГРТ за границей и организации закупок иностранного оборудования. По своей работе ему приходилось иметь много дел с представителями иностранных фирм. Основным, можно сказать, международным, языком моряков и рыбаков с давних пор считался английский, поэтому Косолапов, единственный из работников ДГРТ, владевший им в совершенстве, пользовался большой популярностью.

Борису довольно часто приходилось сталкиваться с иностранцами, он стал задумываться над тем, что и ему не мешало бы овладеть этим языком, но пока это было только в планах. Дело обернулось по-другому. В конце мая 1931 года Бориса Алёшкина вызвали в военкомат и приказали отправиться на станцию Бочкарёво для прохождения очередной 45-дневной переподготовки комсостава. Возражения со стороны правления ДГРТ ни к чему не привели: через несколько дней, оставив свою группу в УСИТ на Роземблюма, распрощавшись с взгрустнувшей Катей, Борис уже подъезжал к Бочкарёву. Как оказалось, он был назначен командиром взвода железнодорожного полка, расквартированного на этой станции. Обязанности его казались несложными: ему дали взвод новобранцев, с которыми он должен был за

полтора месяца пройти подготовку одиночного бойца.

В железнодорожные части подбирались грамотные люди, таким образом, во взводе Алёшкина все имели хотя бы начальное образование. Это значительно облегчало обучение, и его взвод был на хорошем счету. Военная служба со своей однообразной деловитостью и большой нагрузкой рабочего дня, ещё хорошо памятная Борису по его собственной (увольнение в запас произошло всего полгода назад), шла так размеренно и буднично, что эти 45 дней пролетели для него совершенно незаметно. Как ни странно, по его уверениям, переподготовка почти не оставила следов в его памяти. Он лишь смутно припоминал одноэтажные бревенчатые казармы, в одной из которых помещалась их рота, а при ней – комнатка, в которой жили два комвзвода-одиночки, третий (женатый) жил на квартире так же, как и командир пулемётного взвода. Вспоминается ему и отличное стрельбище, расположенное на берегу какой-то быстрой реки. Пожалуй, это всё, что донесла его память. Ни фамилий командиров, ни их образов, ни тем более бойцов, с которыми Борис общался во время этой подготовки, он не помнит.

В конце июля Борис Алёшкин вернулся домой. Первое, с чем он столкнулся, было то, что в квартире, которая по-прежнему не запиралась, никого не было. Мы ещё не говорили, что зимой семья Комозы получила комнату в одном из домов ДГРТ на мысе Чуркина, где находилась основная часть лесного склада. На бывшем бородинском складе ле-

соматериалов оставалось мизерное количество, да они были и не нужны: не стало частников – кустарей-китайцев, и снабжение тарой (бочками и ящиками) промыслов и заводов ДГРТ полностью взял на себя тарный завод, расположенный на мысе Чуркина. Там же находилась и судоверфь. К середине 1931 года она уже строила не только шлюпки и кунгасы, но и сейнеры, предназначавшиеся для лова сельди и иваси в открытом море специальными, так называемыми кошельковыми неводами.

В конторе Борис встретил Соболева, бывшего бухгалтера Бородина, работавшего счетоводом у Алёшкина, а в последнее время присоединившего к этой обязанности работу десятника по бородинскому филиалу лесного склада. От него Борис узнал, что Катя поступила работать, а дочку отдала в детский сад. Обычно они приходили домой часов около четырёх, как раз перед закрытием конторы склада.

Борис привёз из Бочкарева, где уже поспели ранние овощи, редиску и огурцы. В ожидании прихода своих домочадцев, он принялся готовить обед-ужин. На дорогу ему выдали сухой паёк: мясные консервы и колбасу. Картошка на кухне имелась, пожарить её вместе с консервами было нетрудно. Пришедшие Катя и Элочка обрадовались возвращению Бориса, и вечер прошёл весело. Потом, когда дочь угомонилась, Алёшкины, кажется, впервые в жизни дома слушали радио. По дороге с вокзала, в одном магазине, где продавались различные, как их с тех пор стали называть, культ-

товары, Борис увидел какую-то чёрную катушку. На ней был укреплен ползунок, а сверху – какая-то трубочка с кристаллическим порошком внутри. В трубочку была ввёрнута пробка, из которой торчала тоненькая проволока. На картонке около этой катушки было написано, что это детекторный радиоприёмник. Бориса очень заинтересовал этот прибор. Стоил он недорого – всего шесть рублей, и он, не задумываясь, купил его. К этой катушке прилагались два наушника.

В первый же вечер своего возвращения домой Борис и Катя, лежа в постели, прижав к ушам наушники, слушали слабенькие, но совершенно отчётливые звуки речи и музыки, когда, пошевелив провололочкой по кристаллам, попадали на волны какой-либо станции. Освоили они это не сразу. Иногда в наушниках раздавался писк, треск, звучали голоса японцев или их музыка, но, в конце концов, они научились на своём горе-приёмнике безошибочно находить Владивосток и регулярно слушать городские радиопередачи.

Явившись на следующее утро в УСИТ ДГРТ, Борис был огорочен неожиданной для него новостью. Начальник УСИТ, к которому он, как полагается, явился с докладом о возвращении с военной службы, приветливо с ним поздоровался, но объявил ему, что принимать свою группу Алёшкин не будет: правление треста назначило его на новое место. Откровенно говоря, эта новость не только ошеломила Бориса, но немного и рассердила. Он подумал: «Опять менять ра-

боту! Опять изучать что-то новое! Наверное, какую-нибудь дыру мною заткнуть думают. Хорошо ещё, если в городе, а то пошлют куда-нибудь на промысел или на завод. Не поеду, откажусь, что я, хуже других что ли? Да и Катя теперь работает, её с места срывать не следует». Так размышлял Борис, сидя в комнате секретаря правления, ожидая, пока ему можно будет попасть к председателю. У того как раз проходило очень важное совещание, как сказала секретарша, появившаяся в тресте недавно и поэтому ещё не знавшая Алёшкина.

А он продолжал вспоминать то, что ему рассказала Катя вчера во время обеда. Вскоре после отъезда Бориса на переподготовку, Катю вызвали в Дальснабсбыт, в ячейку комсомола, в которой она состояла на учёте, где руководила пионеротрядом. Секретарь комсомольской ячейки, не желая терять хорошую пионервожатую, при появлении первого же вакантного места в конторе поставил вопрос перед управляющим о назначении комсомолки Алёшкиной на должность статистика в плановый отдел. Её возражения о том, что этой работы она совершенно не знает, были немедленно отвергнуты:

– Ты же имеешь среднее образование, а у нас и более сложную бухгалтерскую работу выполняют люди, у которых за плечами всего пять классов, научишься!

Необходимость воспитания дочки тоже не рассматривалась как причина отказа. Оказывается, Дальснабсбыт – организация, хотя ещё и молодая, но уже успевшая обзавестись

своим детским садом, где пока имелись свободные места. Так и получилось, что меньше чем через месяц после отъезда Бориса в Бочкарёво, его жена и дочь ежедневно стали ходить на работу. Катя Алёшкина вообще очень тяготилась бездеятельным, как ей казалось, пребыванием дома. По своей натуре она была, да остаётся и до сих пор, человеком, склонным к работе в коллективе, к постоянному активному участию в каком-нибудь общем труде, в общественной жизни. Поступление на работу в Дальснабсбыт сразу же открывало перед ней все эти возможности. Она с азартом взялась за незнакомую для неё работу и благодаря врождённой смекалке, хорошим способностям, ну и, конечно, достаточной грамотности, чуть ли не через неделю вполне освоила работу статистика, а вскоре стала считаться одной из лучших.

«Ну, что же, – думал Борис, – что Катя устроилась на работу – это к лучшему, ей будет веселее, да и материально положение наше улучшится. Теперь ей, как работающей в их распределителе, тоже кое-какой паёк будет перепадать. А Элочка – судя по всему, ей в детском саду нравится. Как будто всё хорошо устроилось, и с жильём стало лучше, ведь после выезда семьи Комоза в нашем распоряжении теперь весь дом. Всё хорошо, вот только, что там обо мне решили? Зашлют куда-нибудь на побережье, опять придётся налаживать всё сначала, а отказаться нельзя, ведь я член партии. Хоть бы скорее заседание у них кончилось!»

Всему приходит конец. После заседания из дверей ка-

бинета стали выходить по одному и группами начальники управлений, заведующие отделами и члены правления треста. Многие из них здоровались с Алёшкиным. Но вот показался первый заместитель председателя треста Мерперт. Мы уже как-то описывали этого маленького, круглого, большеголового человека, обладавшего огромной эрудицией и, кажется, ещё большими организаторскими способностями. Он отлично разбирался в экономике, снабжении и большинстве вопросов рыбного дела. Мерперт был беспартийным, но, очевидно, по-настоящему преданным советской власти, и потому работал не за страх, а за совесть. У него, как мы, кажется, тоже говорили, сложилось особое отношение к Алёшкину: разглядев в молодом человеке способного организатора и старательного работника, Иосиф Анатольевич всегда поддерживал и поощрял Бориса.

Увидев сидящего Алёшкина, Мерперт подошёл к нему. Когда Борис встал, он поглядел на него снизу вверх и произнёс тонким голосом:

– А-а, вот и виновник торжества появился, отлично, отлично! Пошли-ка, голубчик, к Якову Михайловичу. Отслужил? Ну и замечательно, сейчас мы тебя запряжём...

В кабинете председателя, кроме него, находились два человека. Один – высокий, плотный мужчина лет сорока, с какими-то мутно-голубыми глазами, бесцветной, немного спутанной шевелюрой и довольно сердитым лицом. Рядом сидел второй – уже знакомый Борису экономист планового от-

дела, Андреев. Он был едва ли на три года старше Алёшкина и начал работу в тресте почти одновременно с ним, но у Андреева было преимущество – среднее экономическое образование, так как после гимназии он окончил какие-то специальные курсы. В плановом отделе его считали толковым и способным работником. Увидев возвращавшегося Мерперта и сопровождавшего его Бориса, Беркович воскликнул:

– Ну вот, на ловца и зверь бежит! Вовремя ты, товарищ Алёшкин, вернулся, мы тут без тебя тебя женили. Вот твоё новое начальство – Николай Тихонов. Мы ему тебя тут расхвалили, так ты уж, пожалуйста, нас не подведи! Чтобы поскорее с этим делом покончить, а то мне ещё в Главрыбу ехать надо, я тебе в двух словах объясню, в чём дело, – добавил Яков Михайлович, заметив совершенно ошарашенный вид Бориса. – Видишь ли, в связи с расширением объёма работы треста, правление решило создать новое Управление морского лова – Морлов, как мы его уже окрестили. Начальником его и в то же время членом правления треста назначили бывшего управляющего промыслами в бухте Датта, товарища Тихонова, начальником планового отдела – Андреева, а заместителем по вопросам снабжения, финансов и кадрам назначаем тебя. Возражения не принимаются! – воскликнул Беркович, заметив протестующий жест Бориса. – Мы твою кандидатуру уже две недели обсуждаем, ты будешь в основном связан с Иосифом Анатольевичем, а он за тебя стоит горой – ну, вот и пользуйся этим. А теперь, товарищи, пока,

мне некогда... Да, товарищ Мерперт, распорядитесь, чтобы им выделили какую-нибудь комнатёнку, пока они для своего управления помещение не найдут. Пусть немедленно приступают к работе, через неделю мы слушаем на правлении их предложения о плане, штатах и всём прочем... До свидания! – и Яков Михайлович, взяв со стола портфель, направился к выходу. Вслед за ним вышли и остальные.

Через несколько часов в одной из комнатухек, при помощи Мерперта отвоёванной в УСИТ, оказались трое новоиспечённых руководителей. После довольно беглого знакомства друг с другом они приступили к работе.

Борис выяснил, что Тихонов чуть ли не с детства занимается рыбацким делом: ловил рыбу на побережье самыми разнообразными снастями и способами. Ещё перед революцией он дослужился до должности синдо – так по-японски назывался руководитель рыболовецкой артели, это название почему-то прижилось у русских рыбаков Приморья. При интервенции ушёл в партизаны, там вступил в партию, а после освобождения Приморья и образования ДГРТ, был назначен сперва управляющим промыслом, а затем управляющим всеми промыслами и рыболовецким заводом, находившимися в бухте Датта. На этой работе Тихонов проявил себя знающим, серьёзным работником, умелым организатором, поэтому при создании нового управления в тресте, требовавшего для своего руководства опытного рыбака, выбор правления пал на него. Он, правда, страдал одним существенным

недостатком, но в правлении ДГРТ об этом почти не знали и значения ему не придавали.

Новоявленных руководителей сотрудники насмешливо окрестили тройцей затворников, так как они целыми днями сидели, запершись в своей комнатухе, и о чём-то горячо спорили, затем приходили к соглашению и замолкали. Из щели под дверью их комнаты полз всё время ядовитый табачный дым, а когда дверь открывалась, и тройца отправлялась обедать или вечером расходилась по домам, так из комнаты вырывалось облако удушливого табачного дыма: все трое были отчаянными курильщиками. Сделаем небольшое отступление и попробуем объяснить, чем же была вызвана необходимость создания этого нового управления.

Страна, вступившая в эти годы на путь индустриализации и проводившая её невиданными до сих пор в мире темпами, в изыскании материальных ресурсов должна была в основном опираться на свои внутренние возможности. Советский народ это понимал, недаром с таким блестящим успехом происходила реализация внутренних займов индустриализации, недаром люди отказывали себе в самом необходимом, чтобы сэкономить средства на развитие тяжёлой промышленности. Но всего этого не хватало. Нужна была валюта, золото, чтобы закупать необходимые, тогда ещё не изготавлившиеся в СССР станки и машины. Приходилось покупать также некоторые виды сырья. Требовалось укреплять и оборонную мощь страны: недавний конфликт на КВЖД по-

казывал, что империалисты не отказываются от планов вооружённым путем препятствовать развитию пролетарского государства.

Помимо добычи непосредственно золота, лучшими источниками дополнительного получения валюты были лес и рыба. Именно поэтому советское правительство не жалело никаких средств на развитие рыбной промышленности, именно поэтому рос, как на дрожжах, ДГРТ, а все его нужды в любых материалах, даже импортного происхождения, удовлетворялись немедленно. Вместе с тем правительство, в частности, руководивший рыбной промышленностью Наркомат торговли, возглавляемый А. И. Микояном, требовал быстрее и более широкого развития добычи рыбы.

К 1931 году возможности берегового лова в Приморье были исчерпаны полностью, а международный рынок мог поглотить ещё очень и очень много рыбы, крабов и других морепродуктов. Японцы уже давно оторвались от берега и ловили рыбу в открытом море, иногда совершая хищнические набеги на советские территориальные воды, стоило подумать об организации морского лова и нам. Решили построить своими силами несколько десятков деревянных пятидесятитонных сейнеров для ловли сельди и иваси кошельковыми неводами. Одновременно решили приобрести не менее двадцати траулеров водоизмещением двести пятьдесят–триста тонн, способных совершать далёкие рейсы, вести лов в районах Камчатки, Охотского моря, в Татарском проливе и

заливе Петра Великого. Кроме того, предполагали приобрести от шести до десяти краболовов водоизмещением 6–8 тысяч тонн, обзаводились специальными водолазными катерами, с которых ловили трепангов, мидий и других придонных обитателей моря. Для руководства всем этим хозяйством создавалось Управление морского лова.

После долгих споров и дебатов ДГРТ постановил пока краболовы управлению не передавать, а позднее создать специальный трест. Вскоре он и был организован. В только что созданном Управлении морского лова постоянно возникали всё новые и новые вопросы. Долго утрясались вопросы о штатах, о плане, о порядке финансирования и многие другие. Наконец, к указанному времени Тихонов вместе со своими помощниками, конечно, в самом черновом и требующем доработки виде, всё составили и передали на рассмотрение правления ДГРТ. По предложению Мерперта, чтобы не вести длительных споров, правление ДГРТ решило заслушать сообщение управляющего морским ловом в узком кругу, после чего, если возникнут разногласия, обратиться в Главрыбу. К счастью, таких разногласий не было, и даже вопрос о выделении в штат управления кое-кого из старых работников треста, хотя некоторыми и был встречен недоброжелательно, всё-таки решился положительно. В результате этого постановления штат Управления морским ловом утвердили в составе 32 человек. В их числе – старые работники ДГРТ, составившие костяк аппарата: управляющий – Тихонов, его

заместители – Машистов и Алёшкин, зав. плановым отделом – Андреев, зав. отделом снабжения – Сристолов, зав. финансовым отделом – Воробьёв, зав. общим отделом – Вахмянина. Остальных предоставили руководству управления подобрать самим. В это же время подыскивали и арендовали помещение для конторы управления. Это был магазин какого-то нэпмана, ранее торговавшего мехами. Здание находилось на Ленинской улице, недалеко от гостиницы «Версаль», там было две комнаты: одна – большая, размером около 100 кв. м (бывший торговый зал), и вторая – полутёмная, выходявшая дверями во двор и служившая ранее подсобным помещением, поменьше. Большая комната наскоро была разгорожена невысокими дощатыми перегородками на несколько клетушек, одну из них занимал управляющий, другую – два заместителя и третью – плановый отдел, остальную часть помещения выделили отделу снабжения и общему отделу. В полутёмной комнате разместился небольшой склад.

В момент организации Управление морского лова получило два траулера – «Сокол» и «Палтус», два дрефтера и 12 сейнеров, на все эти суда был передан и план, составленный ещё в ДГРТ. Кроме того, Морлов заключил договоры с итальянской и немецкой фирмами, по которым в течение 1931–1932 гг. предстояло построить и передать советским командам на условиях франко-верфь ещё 20 траулеров. Морлов должен был, помимо выполнения производственной программы, подготовить команды для всех этих су-

дов и включить их в производственную деятельность. Базой для этого флота была отведена бухта Диомид, расположенная сразу за мысом Чуркина. В момент организации управления база представляла собой берег, поросший кустами и высокой полынью. На сопке находились две полуразрушенные кирпичные казармы.

Было раннее лето, вот-вот ждали ход иваси и летней сельди. Дрифтеры вели регулярные рейсы и, хотя оба тральщика ещё весной были отправлены производственным отделом ДГРТ в район Татарского пролива, где занимались добычей камбалы, сдаваемой сахалинским промыслам (в то время нам принадлежала только северная часть острова), но они тоже требовали заботы: нужно было пополнить их углём, солью, снастями и даже людьми.

Аппарат нового управления комплектовался с большим трудом, образно выражаясь, костяк обростал мясом плохо. К этому времени безработица во Владивостоке, как, впрочем, и во всей стране, была ликвидирована полностью. Всё больше и больше стала ощущаться нехватка кадров, особенно квалифицированных. При скудных штатах и сравнительно высоких окладах (в Управлении морского лова они были на 15 % выше, чем в других отделах ДГРТ), брать на вакантные места первых попавшихся людей не хотелось. Правда, многие служащие главной конторы ДГРТ изъявляли желание перейти в новое управление, но правлением треста принимать таких добровольцев было категорически запрещено.

Вот и пришлось этому костяку-скелету взвалить всю тяжесть работы на себя, не считаясь ни со временем, ни с силами. Конечно, в таких условиях об освоении под базу отведённой бухты пока невозможно было и мечтать: на это не было средств. Пришлось на первое время сейнеры прикрепить по ближайшим промыслам и заводам, для чего Тихонову и его заместителям нужно было объехать те, которые располагались в заливе Петра Великого и на острове Путятина, договориться с каждым из управляющих о приёме вылавливаемой рыбы, о расчётах за неё и об обеспечении команды судна необходимым довольствием. Большинство управляющих пошло на это с охотой, но столкнувшись с делом по-настоящему, они, грубо говоря, взвыли, и вскоре то одному, то другому сейнеру пришлось не только сдавать свою продукцию вторым и третьим сортом, а даже попросту выбрасывать её за борт. Это отражалось и на выполнении плана всего управления, и на заработках команд.

Летние месяцы 1931 года выдались жаркими, а ход иваси, которую ловили в это время, оказался обильным. Рыба эта настолько нежная, что нахождение её на судне, даже в течении 5–6 часов, приводило к порче. На промыслах и заводах, с которыми имелась договорённость, создалось трудное положение. Каждый из них имел свою рыболовецкую флотилию, состоявшую из полутора десятков кавасаки, вымётывавших ставные невода (орудие лова, придуманное чуть ли не в доисторические времена). Косяк рыбы, идущий вдоль

берега, натыкался на такой невод и забивал его целиком или проходил стороной. Улов был случайный и ничтожный, поэтому добавление новых судов, способных своим кошельковым неводом охватить весь косяк, могло сразу значительно увеличить продукцию. Это каждого управляющего обрадовало, но, когда в самом начале путины, кроме рыбы, доставленной их судами, первые же два сейнера привезли вдвое, а то и втрое больше, чем весь их флот, и обещали давать такой улов ежедневно, управляющие перепугались: недостаток рабочих рук, соли, ограниченные возможности складских помещений не позволяли принимать и своевременно обрабатывать такое обилие рыбы. Естественно, что они стали в первую очередь разгружать свои суда, кавасаки – за выловленную ими рыбу они отвечали непосредственно, а за то, что перевозили сейнеры, фактически ответственности не несли. Многие из управляющих обрушились на правление треста телеграммами и телефонными звонками с просьбами освободить их от приёма рыбы с сейнеров. Мало того, что их продукция принималась в последнюю очередь, некоторые вообще отказывались её принимать.

В ходе путины пришлось срочно перестраиваться. Тихонов или Машистов с одним из своих помощников, которых они успели себе подобрать, вынуждены были организовать какое-то своё подсобное хозяйство для обработки выловленной рыбы. В течение нескольких дней на берегу бухты Диомид поставили примитивный навес, под которым на

кольях растянули брезентовые чаны, в них и проводили засолку иваси. Простейшая обработка давала настолько низко-сортную продукцию, что, по существу, являлась её порчей, но другого выхода не было. Иваси по нежности и вкусовым качествам ничем не уступала средиземноморским сардинам, и консервы заводов ДГРТ под фирменным названием «Маяк», завоевали славу на международном рынке, не говоря уже о внутреннем. Спрос на них был неограничен, а Морлов вместо десятков миллионов банок иваси производил обыкновенную мелкую селёдку, реализуемую на внутреннем рынке вторым сортом. В результате эта работа вместо валюты приносила ничтожную прибыль.

Чтобы как-то повысить качество изготавливаемой продукции, Машистов придумал на этом же берегу построить примитивную коптильню и обрабатывать иваси горячим и холодным копчением. В таком виде рыба шла более высоким сортом, но, если солёную упаковывали в обыкновенные бочки, которых в ДГРТ изготавливалось достаточно, то для копчёной иваси были нужны небольшие трехкилограммовые ящики. Клёпку для них удалось достать без труда, а вот сбивание вызвало серьёзную задержку – не хватало рабочих. Осенью, когда копчушка пошла в ход, сбиванием тары для неё занялись почти все работники управления, в том числе и Алёшкин. Он поздними вечерами, иногда вместе с женой в своей квартире, сидя на низенькой табуретке, усердно сколачивал из тонких дощечек один ящик за другим.

Чтобы покончить с описанием работы сейнеров, следует в двух словах рассказать, почему их уловы были такими удачными. Дело в том, что сейнеры, как, впрочем, и другие суда Управления морского лова, были обеспечены так называемыми активными орудиями: они не ждали, как кавасаки, у берега, пока рыба забредёт в их невод, а сами, уходя далеко в море, искали идущую рыбу. Окружали косяки сетью-неводом и забирали всё, что было окружено. В их распоряжении не было таких совершенных средств обнаружения рыбы, какими оснащены рыболовецкие суда в настоящее время – радиолокаторов, разведывательных самолётов, эхолотов, но и рыба тогда, особенно иваси, шла такими частыми и крупными стаями-косяками, что более или менее опытному рыбаку обнаружить движущийся косяк большого труда не составляло. Дальше всё зависело от опытности капитана, ловкости команды, состояния мотора судна и качества снасти.

Выметать невод нужно быстро, и в то время как один из сейнеров стоял на якоре или дрейфовал, другой, волоча за собою выброшенную сеть, иногда длиною чуть ли не в милю, должен был успеть обогнуть косяк рыбы и окружить его сетью. Иногда это не удавалось сделать. Манёвр выполнялся в открытом море, где даже при небольшом ветре такие хрупкие судёнышки, как сейнер, бросает в самых различных направлениях, а его мотор перегружен тянущимся за ним тяжёлым неводом, который грозил каждую минуту намотаться на гребной винт. Если это учесть, то будет понятно, что ра-

бота была не из лёгких. Первое время сейнеры ходили ещё в одиночку, и завоз невода проводился лодкой, идущей на вёслах. Так что понятно огорчение и обида рыбаков, когда пойманная с таким трудом рыба, доставленная к промыслу, в конце концов, выбрасывалась за борт.

В этот период лова сейнеры были главными производственными единицами Управления морского лова, поэтому нет ничего удивительного, что основное внимание всех производителей, а к этому времени вместе с Машистовым их было уже пять человек, уделялось работе этих судов. Но были ещё два дрефтера. Эти небольшие пароходы водоизмещением около 120 тонн ловили следующим образом: они выбрасывали большие глубоководные сети, сами ложились в дрейф (отсюда и название дрефтер), и увлекаемые ветром и течением в продолжение нескольких часов, а иногда и суток, волочили эти сети за собой. Затем выбирали их, освобождали, и если рыбы было немного, то повторяли всю процедуру сначала. В это время команда сортировала попавшее в сеть. При больших уловах этого сделать не успевали, и дрефтер привозил продукцию смешанную. Таким образом вылавливалась придонная рыба: камбала, треска, бычки, крабы и другие морские животные, находившиеся в глубине.

Эта продукция охотно раскупалась китайским населением Владивостока до 1931 года, но впоследствии, когда большая часть китайцев была выслана, а русские покупали только рыбу и крабов, то всё остальное приходилось перерабаты-

вать на тук. Правда, его реализовывали за границу.

Характер лова этими судами был неудобен в заливах Тихого океана, окружавших Приморье, где вёлся промысел. Сильные прибои и ветры бывали настолько часто, что дрейфтеру редко удавалось провести свой дрейф до конца – ему приходилось спешно выбирать сеть и удирать в какую-нибудь бухточку, чтобы отстояться в набежавший шторм. Производительность дрейфтеров оказалась настолько низкой, что уже в следующем году их стали использовать как посыльные суда, а также для снабжения тральщиков, хотя и эта роль им оказалась не под силу. Единственное, чем оправдывалось в дальнейшем их существование, – это сбор и переработка портящейся или уже испорченной продукции на тук. В связи с перегрузкой производителей руководить работой дрейфтеров пришлось начальнику отдела снабжения Аристархову.

Два траулера, как мы уже говорили, работали в Татарском проливе и Охотском море, на них были опытные капитаны, и в их задачу входило не только, или, вернее, не столько добыча рыбы, хотя производственный план они и имели, сколько разведывание мест скоплений и миграции трески, а главным образом, поиск так называемых камбальных банок. Дело в том, что в определённое время года (осенью и весной) камбала собирается на песчаных отмелях на глубине 20–25 метров и находится там слоем, достигающим толщиной до метра. Банки эти бывают невелики, иногда всего до полумили

в окружности, но запасы рыбы даже на одной такой банке настолько огромны, что в состоянии обеспечить выполнение годового плана несколькими траулерами. К нашему, а вернее, к стыду дальневосточных рыбопромышленников, о местоположении камбальных банок в водах Приморья к 1931 году почти ничего не было известно. Да это и немудрено: лов камбалы производится специальными средствами (тралами) на большой глубине, удалённо от берега, а при этом было достаточно рыбы, и притом лучшего качества, которую можно легко добывать с берега.

Вследствие того, что производственная мощность вновь созданного управления была ещё сравнительно мала из-за множества неполадок со снадечей и обработкой пойманной рыбы, а также и потому, что организационные расходы нового учреждения были пока очень велики, финансовое положение Морлова оказалось чрезвычайно напряжённым, доходившим порой до катастрофического. Именно этим вопросом, как и вопросом снабжения, занимался Борис Алёшкин. Если в деле финансирования заведующий финсчётным отделом Воробьёв оказывал Борису своим опытом и обширными знаниями дела неоценимую помощь, и они довольно успешно, во всяком случае, в 1931 году, добывали необходимые средства на покрытие всё возрастающих расходов, получая различных ссуды в Госбанке, выкачивая всевозможного рода субсидии от ДГРТ и Востокрыбы (к тому времени уже создали такое учреждение, которое должно было координиро-

вать действия всех рыбопромышленных организаций Дальнего Востока), и каким-то образом выкручивались из затруднительных положений, то со снабжением дело обстояло гораздо хуже.

Аристархов, в прошлом – помощник капитана траулера, попал в снабженцы случайно, другого не нашлось. Он никак не мог наладить взаимоотношения с УСИТ ДГРТ, и очень часто его заявки-заказы удовлетворялись всего на 10–15 %, хотя необходимые предметы на складах имелись. Возможно, что такое отношение к Управлению морского лова со стороны некоторых работников ДГРТ было и умышленным, ведь в тресте служило много, и, очевидно, неслучайно, консерваторов, стремившихся доказать ненужность активного лова, поэтому неудачи – убыточность этой, конечно же, более прогрессивной организации добычи рыбы, злопыхателей только радовала. Так подтверждался их тезис, что, мол, не с нашим суконным рылом лезть в калашный ряд: то, что могут делать такие технически развитые страны, как Америка, Англия, Япония, нашей отсталой России-матушке не по плечу, дескать, ловили рыбку у берега ставными неводами, так и дальше продолжать нужно. Легко понять, что если бы такого мнения продолжало держаться советское руководство и передовые люди рыбной отрасли, то очень скоро все береговые возможности были бы исчерпаны, и рыбодобывающая промышленность СССР, по существу, прекратила своё существование. Может быть, кому-то это и было выгодно, но

только не советскому народу, но в то время доказывать необходимость всё нового и нового субсидирования и регулярного снабжения молодой организации было очень трудно, и Борису Яковлевичу пришлось потратить для решения этих вопросов много сил и энергии.

Немало труда и нервов ему стоило и выполнение третьей поставленной перед ним задачи. Алёшкин должен был комплектовать команды, отправлявшиеся за изготовленными в Италии и Германии траулерами. Как известно, таких судов было заказано двадцать. По полученным данным, к осени 1931 года первая половина их была практически готова, а к середине 1932 года должны были быть сданы все. Командам следовало прибывать на верфь за один-два месяца до окончания постройки судна, чтобы, наблюдая за ходом работы, вовремя заметить и потребовать устранения тех или иных дефектов строительства. Команда тральщика состояла из 32 человек. В первую очередь должны были выехать капитан, старший механик и радист, недели через две после них отбывала остальная часть команды. Поездка начиналась по железной дороге из Владивостока до западных границ Советского Союза, а затем через Польшу, Германию – в Гамбург или Милан, где строились суда. После окончания строительства, вместе с представителями международной регистровой организации Ллойда, команда должна была опробовать судно на ходу, получить так называемый Ллойдовский сертификат и отправиться сложным круглым путём мимо всей

Европы, через Индийский и Тихий океан на новом судне, совершая путешествие в 20 тысяч километров, чтобы прибыть во Владивосток. На этот путь уходило около двух с половиной месяцев. Если учесть, что судно было сравнительно маленьким (250–300 тонн водоизмещения), то трудностей в пути ожидалось немало. Следовательно, команды нужно было подбирать из опытных, бывалых моряков. Умение и знания в этом случае требовались от всех её членов, начиная с капитана до последнего матроса включительно.

Кроме того, все члены команды должны были зарекомендовать себя абсолютно надёжными людьми в политическом смысле, т. е. быть вполне преданными советской власти, а греха таить нечего: в то время среди жителей Владивостока, в особенности моряков, было ещё немало таких, которым советская власть пришлась не совсем по нутру и от которых в период пребывания их за границей можно было ожидать любых сюрпризов. Поэтому из многих и многих желающих поехать за пароходом в Италию или Германию, Борису Алёшкину приходилось отбирать единицы. Никаких помощников у него пока в этом деле не было, и все беседы с кандидатами, а также и проверку их через ОГПУ, он проводил лично. Но и это было ещё не всё. Требовалось получать соответствующие визы на право выезда в представительство Наркомата иностранных дел и на право въезда в посольствах соответствующих государств. Правда, этот вопрос Алёшкин должен был улаживать только в отношении капитанов, их помощни-

ков и старших механиков, а весь остальной состав в Наркоминделе и посольствах оформляли нанятые капитаны сами. Так или иначе, а эта процедура требовала немало времени.

Наконец, самое последнее: после того как команда была оформлена, прошла все проверки и получила визы, за день до отъезда управляющий, а чаще сам Алёшкин, проводил с отъезжающими беседу. В ней, помимо указаний о том, как должны вести себя члены команды за границей, сообщалось, что по возвращении из рейса, они обязаны остаться на этом же судне и отработать определённое время в качестве рыбаков.

Борис не любил эту часть своей работы: как-никак в это время ему было всего 24 года, а напутствовал он капитанов, механиков и многих других членов команды, которым уже далеко перевалило за сорок, которые имели специальность, бывали в заграничных плаваниях по многу раз. Даже самый младший матрос, как правило, всегда был старше Бориса на два-три года. Учить людей, напоминать им, как следует вести себя в фашистской Италии или в социал-демократической Германии было, конечно, нужно. Алёшкину к этим беседам приходилось очень серьёзно готовиться. Пожалуй, только его безграничная вера в правоту дела коммунистической партии, советской власти, в правоту тех принципов, которые воспитал в нём комсомол, помогало ему с честью выполнять нелёгкое поручение, и позволяло с большей частью команды и перед их отъездом, и по возвращении из рейсов

сохранять хорошие товарищеские отношения.

Может быть, именно благодаря этой работе, несмотря на свою молодость, Борис пользовался среди сотрудников своего управления, среди работников ДГРТ и Востокрыбы авторитетом. Происходило это не только из-за личных качеств Алёшкина, его стремления найти правильный, верный тон по отношению к каждому человеку, с которым его связывало дело, но и потому, что его авторитет постоянно поддерживали и председатель правления треста Беркович, и его заместитель Мерперт, которые сумели разглядеть в нём неплохого организатора, и, видимо, возлагали на него определённые надежды. Известную роль в этом сыграло и то, что Николай Александрович Тихонов – старый большевик, партизан, может быть, в силу пережитого, а может быть, по каким-то другим причинам, как оказалось, страдал хроническими, довольно часто повторявшимися запоями. При назначении его на должность управляющего правление треста не знало об этом недостатке. Попав во Владивосток, Тихонов всё чаще и сильнее стал предаваться своему пороку. Уже случалось, что сотрудники встречали его на улице пьяным. Всё чаще он пропускал работу, не выходил по два-три дня, а посланный к нему на квартиру нарочный заставал Тихонова в таком виде, что рассчитывать на него было немислимо. Естественно, что в эти дни вся тяжесть работы по руководству управлением ложилась на его заместителей, а так как зам. по производству Машистов фактически всё своё время проводил на

сейнерах, на промыслах, организовывая сдачу выловленной рыбы, или на дрейфтерах, то Алёшкин, находившийся обычно на месте, всё брал на себя.

С весны 1932 года, когда положение с Тихоновым дошло до такой степени, что правление ДГРТ мириться с ним уже не могло, его сняли с должности управляющего морским ловом. Временно его обязанности были возложены на единственного коммуниста из руководства управления Бориса Яковлевича Алёшкина, но фактически ему эту работу выполнять не пришлось: чуть ли не на второй день после своего назначения он получил повестку из горвоенкомата с предписанием немедленно отбыть на переподготовку, как командира взвода, в школу военных фельдшеро́в, организованную при Никольск-Уссурийском военном госпитале. Летом эта школа проводила лагерные сборы, для которых набирались строевые командиры из запаса. Напрасно Алёшкин пытался доказать военному ответственность своей работы: началась весенняя путина, нужно было готовить к ней тральщики, а их имелось уже более десятка. Военком никаких доводов слушать не хотел, и Борис получил приказ немедленно отбыть в Никольск-Уссурийск.

Алёшкин доложил председателю ДГРТ о создавшемся положении. К его удивлению, последний отнёсся к этому довольно спокойно. Вызвал секретаря, продиктовал ему радиотелеграмму о немедленном возвращении с Камчатки Машистова и посоветовал Борису Яковлевичу не волноваться и не

спорить с военным начальством, а выезжать к месту своего назначения.

– С военными шутки плохи. Приказ есть приказ, – заметил он.

В то время Алёшкин ещё не знал того, что уже было известно Якову Михайловичу Берковичу. Дело в том, что Наркоматом торговли, в который тогда входила Главрыба, было решено по-настоящему разукрупнить Дальгосрыбтрест, выделив из него три новых самостоятельных организации союзного подчинения, а именно: Дальневосточный крабовый трест (к этому времени ДГРТ имел уже пять краболовов, ожидалось прибытие ещё двух и двух рефрижераторных судов), Дальневосточный траловый трест, который к концу 1932 года должен был иметь 22 траулера, два дрейфтера, десять сейнеров, трест Морепродукт, в состав которого должны были войти все суда и береговые промыслы по добыче трепангов, мидий, кальмаров, морскую капусту, агар-агара и др. В распоряжении же непосредственно ДГРТ предполагалось оставить береговые промыслы и заводы, расположенные на побережье Приморья от Посыета до Охотска и на северной части Сахалина. Ему подчинялись все подсобные предприятия: судостроительный завод, судоремонтный завод, тарный комбинат, завод по изготовлению консервных банок и лесные склады. Приказ об этих изменениях вот-вот должен был поступить во Владивосток, и новый директор (с этих пор их стали называть так) организованных трестов были уже подо-

браны Главрыбой в Москве и выехали во Владивосток. Поэтому-то Управление морского лова, остававшееся без руководства на нескольких дней, Берковича особенно не взволновало, и Машистова-то он приказал вызвать только для того, чтобы тот сразу же ознакомил нового директора с производственной стороной. То, что Алёшкин встретится с новым директором не скоро, Берковича тоже не беспокоило.

Несмотря на своё весьма доброжелательное отношение к Борису, Яков Михайлович полагал, что, конечно, новый директор его своим заместителем не оставит: Алёшкин слишком молод для такой должности. Он уже заранее решил предложить Борису по возвращении его с переподготовки стать начальником УСИТ ДГРТ – работа эта ему будет по плечу, а от Шмулевича надо избавляться: на него слишком много стало поступать нареканий со стороны партячейки и месткома, да и его социальное прошлое (бывший фабрикант) заставляло думать о замене. Как мы уже говорили, Борис ничего этого не знал. Хладнокровие Берковича его и удивило, и даже немного обеспокоило. Он понимал, что за этим что-то кроется, а что именно, догадаться не мог. В ДГРТ о намечавшихся переменах знало всего два-три человека, которым было приказано молчать.

Вечером этого дня Алёшкин выехал в Никольск-Уссурийск. В госпиталь Борис явился 31 марта 1932 года часам к 12 ночи. Дежурный провёл его в небольшую комнату, находившуюся в той же казарме, где размещалась школа фельд-

щеров. В комнате стояло четыре койки, три из них были заняты, там спали какие-то люди. Дежурный в форме военврача третьего ранга, показал Борису на свободную койку, сказал, что завтра его обмундируют и что спящие рядом люди – его сослуживцы, тоже командиры взводов. Указав на дверь, ведущую в соседнюю комнату, дежурный заметил, что там живут командир роты и политрук.

На следующий день, около восьми часов утра, к командирам взводов зашёл пожилой старшина, а за ним красноармеец, принесший Алёшкину новое летнее обмундирование – фуражку, ремень и кобуру для револьвера. К этому времени и Борис, и его товарищи уже не спали и вели между собой разговор, который всегда завязывается в подобных случаях. Каждому хотелось узнать всё про своих соседей и рассказать о себе. Старшина, передав принесённое обмундирование Борису, спросил, какой размер обуви он носит. Услыхав, что Алёшкину нужен № 29, старшина удивлённо посмотрел на него и заметил:

– Вот это да! Я не знаю, найду ли такие сапоги у себя. Пожалуй, придётся посылать на гарнизонный склад.

Это замечание старшины вызвало у соседей Бориса шутки и смех. Положение всё-таки оказалось не безвыходным, и нужные сапоги у запасливого старшины госпиталя нашлись. Через полчаса Алёшкин, представившись командиру роты и политруку, вместе со своими товарищами отправился в столовую госпиталя завтракать. Это была чистая небольшая

комната с несколькими столиками на четверых. За некоторыми из них сидели врачи, фельдшеры и медсёстры, работавшие в госпитале, часть из них была в гражданской одежде.

– Это вольнонаёмные, – пояснил один из командиров взводов, живший здесь уже несколько дней.

Во время завтрака Борис узнал, что на два летних месяца каждый курс (а всего их три) военно-фельдшерской школы госпиталя формируется в роту, а все вместе – в батальон. Таким образом будущие военные фельдшеры проходят подготовку по специальной программе с таким расчётом, чтобы к окончанию школы каждый из них имел, кроме специальных, общевойсковые знания в объёме командира отделения. Узнал Борис также и то, что им достался первый курс, который военную подготовку будет проходить впервые, и что им за два месяца надо обучить курсантов по программе действий одиночного бойца вплоть до отработки всех стрелковых упражнений. Просвещавший Бориса товарищ объяснил:

– Наша задача – научить этих лекаришек за пару месяцев всему тому, что обычно боец проходит не менее чем за полгода. Правда, – добавил он, – тут ребята все грамотные, не менее пяти лет образования, да вот уже зиму в фельдшерской школе занимались, где кроме медицины их тоже кое-чему учили, но всё-таки попотеть с ними придётся. Сейчас пока курсантов ещё нет – они на каникулах и окончательно съедутся дня через два, тогда и начнём занятия. А пока нас

«шпигуют» комбат и комроты, они все кадровые строевики, состоят в штатах этого госпиталя и полагают, что мы, запасники, ничего не знаем и не помним, вот и взялись за нас!

И верно, сразу же после завтрака начались занятия комсо-става. Они продолжались до обеда, а потом до ужина. Но такая нагрузка Алёшкину показалась даже приятной. Он умел быстро переключаться с одного дела на другое, и, попав в знакомую, почти родную военную обстановку, где ему пришлось, по существу, ничего не делать, а только вспоминать недавно пройденное, освободившись от всех тягот и неприятностей, которые ждали его каждый день с утра и до поздней ночи на работе в ДГРТ, он даже обрадовался. Ему как-то сразу стало легко и свободно.

Вечером, когда остальные командиры вспоминали о своей вольной гражданской жизни и жаловались на тяжесть военной службы, Борис, хотя благоразумно и молчал, сам же думал: «Эх, вас бы в мою шкуру, так не то бы запели...» Из рассказов своих сослуживцев он узнал, что один из них был учителем математики, другой – техником-строителем и третий – делопроизводителем в какой-то конторе. На гражданке они работали без большого напряжения, и та нагрузка, которую им приходилось выдерживать теперь, для них казалась очень тяжёлой. Все они были гораздо старше Алёшкина и потому основательно подзабыли военное дело.

Незаметно прошла неделя, затем другая. Борис уже неплохо знал бойцов своего взвода. Большинство – хорошие,

старательные люди, серьёзно относившиеся к своей учёбе, но двое были такими, что называется «унеси ты моё горе». Возрастной состав курсантов был самый разнообразный: от людей рождения 1905–1906 годов до мальчишек, которым едва стукнуло 18 лет. Уровень их развития и степень грамотности были тоже разными. Все курсанты состояли из числа призывников этого года, пожелавших стать военными медиками. Некоторые действительно намеревались получить медицинские знания, но кое-кто пошёл на курсы, ища службу полегче и поспокойнее. Они после первого года обучения уже хотели податьсь обратно, но этого сделать было нельзя. Поэтому к занятиям все относились по-разному.

Как бы там ни было, пока Алёшкину жаловаться на своих бойцов не приходилось: программу они усваивали неплохо, упражнялись в стрелковом деле и даже по одному разу стреляли из боевой винтовки. Случилось так, что бойцы полюбили своего командира взвода, и, может быть, поэтому к концу третьей недели взвод Алёшкина был в числе лучших.

Раз в неделю Борис писал своей Катюше и также раз в неделю аккуратно получал письма от неё. Над их перепиской по расписанию его соседи без конца подтрунивали. Как уже говорилось, все они были намного старше Бориса и их семейные отношения успели слегка остыть.

К концу первого месяца службы курсанты успешно закончили половину программы. Это совпало с празднованием 1 Мая. Командование устроило вечер для работников госпита-

ля, курсантов и больных. Здесь уже была организована красноармейская самодеятельность, кстати сказать, группы самодеятельности вообще во всех воинских частях Дальнего Востока стали плодиться как грибы после того, как ансамбль Александрова в 1929–1930 гг. посетил почти все гарнизоны. Вот и самодеятельность в госпитале готовила концерты к большим праздникам. Для участия приглашались желающие из курсантов и их командиров. Алёшкин, активный участник самодеятельности в полку и в ДГРТ, остаться в стороне не мог. Он исполнял номер, который уже знал. Это была небольшая цирковая клоунада с двумя музыкальными номерами на бутылках, наполненных водой, и на кусках дерева, изображавших ксилофон. Для выступлений Борису был необходим партнёр, им согласился быть один из его товарищей, командир взвода. Требовался и музыкант – хотя бы гармонист. Он нашёлся среди курсантов.

К праздничному вечеру начали готовиться за неделю, и вся она прошла у Бориса и его партнёра в непрерывных репетициях. Заведующий клуба, которому номер Алёшкина очень понравился, решил сделать сюрприз, показать его неожиданно для всех. Репетиции проходили втайне в одной из задних комнат госпитального клуба, где был свален всякий бутафорский хлам и многочисленные костюмы. Между прочим, из одного Борис и соорудил себе клоунский костюм и нашёл рыжий парик (его партнёр в костюме не нуждался). Роясь в этом хламе, в углу комнаты Борис обнаружил сва-

ленными в кучу штук пять пишущих машинок разных систем. На вопрос начальнику клуба, зачем ему столько, тот ответил, что это неисправные машинки из Никольск-Уссурийского штаба белых, их за ненадобностью бросили здесь. Раньше в этом здании была госпитальная церковь. Когда её переделывали под клуб, то на эти никому не нужные машинки никто не обратил внимания.

– Так вот они и валяются. Иногда какую-нибудь из них мы используем как реквизит в спектакле.

Рассматривая машинки, Борис обратил внимание, что, по крайней мере, одна из них – системы «Ундервуд» с маленькой кареткой не совсем сломана. Он обратился к начальнику клуба:

– Слушай-ка, товарищ Андронов, продай мне одну из этих машинок. У меня жена машинистка, а печатать не на чем.

Тот несколько мгновений подумал и ответил:

– Ну что же, давай тридцатку и бери, мне не жалко.

Так Борис Алёшкин стал обладателем пишущей машинки.

Вечер прошёл весело и оживлённо. Номер Бориса произвёл большое впечатление, во-первых, потому, что он был неожиданным, а во-вторых, потому, что оказался необычным, такие номера в концертах самодеятельности были редки.

Когда Алёшкин, разгримировавшись и переодевшись, вышел из-за кулис в зал, где уже начались игры и танцы, к нему

подошёл один из курсантов:

– Товарищ командир взвода, вас зачем-то комбат вызывал, просил немедленно явиться.

Борис немного встревожился и, идя к командиру батальона, думал: «Может быть, выступление было нехорошим? На самом деле, как же я не сообразил: ведь я командир Красной армии и вдруг шута горохового изображаю... А может быть, он о машинке узнал?»

В глубине души Алёшкин чувствовал, что приобретение у начальника клуба пишущей машинки – дело не совсем чистое, но уж очень ему хотелось сделать необычный подарок жене. Так, раздумывая, он зашёл в комнату комбата. Тот сидел за столом, а напротив него стоял какой-то человек в штатском, с которым они, по-видимому, только что разговаривали. Ответив на приветствие Алёшкина, и похвалив его за удачное выступление в концерте, комбат сказал:

– Вот, товарищ Алёшкин, жаль вас – командира одного из лучших взводов отпускать, а приходится... Вторичный приказ из облвоенкомата пришёл. На первый мы ответили, что нет замены, теперь вот замену прислали, так что сдайте сегодня взвод товарищу Попову и завтра с первым же поездом отправляйтесь во Владивосток, а то мне нагорит. Там уж, говорят, обком ВКП(б) вмешался.

Борис Яковлевич сразу понял, что его откомандирование вызвано положением в Управлении морского лова. Очень быстро (что такое взвод?) он сдал своё подразделение ново-

му командиру, сдал старшине обмундирование и наган, и в шесть часов утра второго мая сидел в вагоне поезда, следовавшего во Владивосток. На лавке около него, рядом с его маленьким чемоданчиком, стояла упакованная в какую-то мешковину и тщательно увязанная верёвками пишущая машинка. Начальник клуба товарищ Андронов, по просьбе Бориса, сам принёс её на вокзал, где и вручил новому владельцу.

## Глава третья

Домой Борис приехал в десять часов утра. К его удивлению, он застал свой домик на замке: ни Кати, ни дочурки дома не было. Это его удивило. Удивило также и то, что ворота были открыты, а сторожа около них не было. Правда, с середины 1931 года лес на склад не завозился, и к тому времени он практически пустовал. Тем не менее отсутствие жены и дочери было непонятным. Чтобы разъяснить это положение, нам нужно немного вернуться назад. Мы уже говорили о том, что с весны 1931 года мать и дочь работали – одна в Дальснабсбыте статистиком, а другая в детском саду. И если у Элочки никаких изменений не произошло, то у Кати Алёшкиной за истекший период они были довольно значительными. Во-первых, на должности статистика она проработала всего около трёх месяцев. Узнав, что исключение её из комсомола отменено как неправильное, что компрометирующее заявление не подтвердилось, начальник областного отдела ГПУ Дерibas предложил управляющему конторой Дальснабсбыта Анатольскому перевести Катю на должность заведующей секретной части конторы. Эта должность уже несколько месяцев пустовала: старый коммунист Евсеев, занимавший её ранее, часто болел, а последнее время слёг совсем и от работы отказался. Замену ему подыскать оказалось нелегко, а деятельность, связанная с секретностью в

Дальснабсбыте, была очень обширной.

Особенно ухудшилось положение в последнее время, когда резко увеличился оборот продукции, отпускаемой различного рода почтовым ящикам (закрытые учреждения, занимавшиеся секретными разработками – прим. ред.). После ухода Евсеева, всю секретную переписку вёл управляющий конторой сам, а так как в делопроизводстве, особенно секретном, он был не силен, то вскоре в этих делах образовался настоящий хаос. Чтобы как-то ликвидировать созданный беспорядок, он ещё до представления начальника ГПУ самостоятельно перевёл Алёшкину из статистиков в секретари, полагая, что с её помощью сможет до подыскания нового человека немного исправить положение. Управляющий Дальснабсбытом не очень-то верил в способности своей молодой, весьма недурненькой на вид секретарши, как руководительницы целого важного отдела, но возражать начальству не посмел, тем более что, по отзывам старшего экономиста, он уже знал, что Алёшкина – исполнительная и старательная работница. Таким образом, Екатерина Петровна совершенно неожиданно для себя стала заведовать секретным отделом Владивостокской конторы Дальснабсбыта. Потребовалось несколько недель, пока она разобралась в запутанном делопроизводстве, а затем, уже имея достаточный опыт по организации этой работы в АКО, почувствовала себя так уверенно, как рыба, отпущенная в родную стихию. Хотя объём работы секретного отдела всё время увеличи-

вался, так как число почтовых ящиков росло со сказочной быстротой, секретный отдел Дальснабсбыта все их мог обслуживать, и жалобы на контору, до этого целыми потоками сыпавшиеся в обком ВКП(б), в ГПУ и облисполком, прекратились. Управляющий, а вместе с ним и вся контора, облегчённо вздохнули и стали работать спокойнее, а, следовательно, слаженнее и увереннее. Вместе с прекращением жалоб не стало и бесчисленных телефонных звонков, и писем от больших и маленьких руководителей, требовавших скорейшего решения какого-нибудь вопроса по снабжению, немедленного обеспечения материалами нужного объекта и т. п., вызывавших только излишнюю суету и беспорядок.

Вот ведь как бывает в нашем, так называемом плановом хозяйстве. Очень многие этого не понимают и винят всех и вся, а вопрос заключается только в том, что из сложного механизма выпал какой-то, может быть, не очень значительный и большой винтик, а когда его поставили на место или заменили новым, машина, до этого скрипевшая и, казалось, готовая развалиться, вдруг как бы оживала. Так, или почти так, произошло и в Дальснабсбыте.

Необыкновенно быстрое увеличение объёма работы этой конторы явилось следствием того, что в 1931–1932 гг. советское правительство решило провести укрепление Дальневосточных советских границ. По имевшимся в то время материалам, азиатские соседи – Китай и Япония всё более и более угрожали спокойствию и целостности нашего Дальнего Во-

стока. Совершенно необходимо было принять срочные меры по обороне Приморья, это стало ясным после конфликта на КВЖД. Предвидение советского правительства оказалось верным и подтвердилось последующими событиями, происшедшими на озере Хасан и на реке Халхин-Гол. Вот, в преддверии этих событий в начале 30-х годов и началось бурное, идущее небывалыми темпами строительство различных военных объектов: укрепрайонов, аэродромов, дорог, складов и т. д. Под почтовыми ящиками с различными номерами укрывалась эта деятельность, имевшая в то время наиважнейшее значение. Все материалы, оборудование, продукты и многое другое они получали через Дальснабсбыт, а вся переписка по этим вопросам велась через секретный отдел конторы. Понятно поэтому, что упорядочение его работы имело огромное значение. Следует сказать, что молоденькая, худенькая женщина – зав. секретной части Алёшкина, к немалому удивлению управляющего конторой, со своей работой справлялась блестяще.

К тому времени, на котором мы остановились в начале этой главы, Катя занимала в конторе Дальснабсбыта прочное положение и пользовалась заслуженным авторитетом не только как заведующая важным отделом конторы, но и как хороший товарищ и активная комсомолка.

Кстати сказать, многие из её постоянных клиентов, в большинстве своём молодые военные инженеры, напропалую ухаживали за ней, полагая, что она ещё незамужняя инте-

ресная девица. Они очень удивлялись, узнав, что у Кати не только есть муж, но и четырёхлетняя дочь. Да и в самом деле, кто бы мог подумать, взглянув на эту стройную юную боевую комсомолку, что она, в сущности, уже такая солидная дама! Невинные романы и ухаживания очень забавляли Катю и её подруг и, нечего греха таить, основательно злили Бориса. Вот и сейчас, вернувшись неожиданно домой и не застав своей Катеринки, он вообразил Бог весть что и помчался в контору Дальснабсбыта, но там Кати тоже не оказалось – день был нерабочий. Борис совсем приуныл и, рисуя в своём пылком воображении самые ужасные картины, решил пойти в клуб Дальснабсбыта, чтобы попытаться выяснить там. В клубе проходил пионерский сбор, которым руководила Катя. Но центром внимания пионеров была не она, а их дочка. Оставить Элу дома было не с кем, и вот Катя впервые появилась с ней на сборе. Естественно, что девочка произвела среди юных пионеров настоящий фурор – как же иначе, ведь это дочка их вожатой!

По виду Бориса Катя сейчас же догадалась о том, что происходило в его беспокойной душе, слегка улыбнулась и, обращаясь к пионерам, сказала:

– Ну, ребята, на сегодня довольно. Сбор у нас прошёл хорошо, организаторы подготовились серьёзно, похлопаем им. И по домам!

При последних словах вожатой раздался дружный залп аплодисментов. Ребята направились к выходу. Эла, сидев-

шая на стуле, вдруг увидела папу и стремглав бросилась к нему, следом за ней подошла и Катя:

– Ты в отпуске? Почему не предупредил?

– Нет, совсем... Не успел, – всё ещё не справляясь со своей горячностью и нелепыми мыслями, довольно хмуро ответил Борис, прижимая к себе дочурку. – Пойдём домой?

– Ну конечно пойдём, надо только по дороге хлеб получить и купить что-нибудь для Элы.

Мы ещё не сказали, что с конца 1931 года во Владивостоке, как, впрочем, и других городах СССР, была введена карточная система на хлеб и другие продукты, а большинство промтоваров выдавалось в учреждениях по специальным талонам или спискам. Трудностей с питанием и приобретением товаров семья Алёшкиных как-то не испытывала. Сперва потому, что всё можно было купить, и заработок Бориса был достаточным для удовлетворения небольших потребностей его и его молодой жены, а позднее потому, что они вдвоём легко могли обойтись самым малым. Их, как и многих комсомольцев и коммунистов того времени, больше занимали вопросы работы, выполнение различных общественных поручений, можно даже сказать, вопросы международного положения, чем улучшение собственного быта – питания, одежды и т. п. Поели что-нибудь, оделись как-нибудь – и ладно. Но когда с января 1931 года в их доме появился ребёнок, которому нужно было и хотелось дать что-нибудь повкуснее и одеть как-нибудь покрасивее, а возможностей для этого

становилось всё меньше, эти вопросы стали обоих родителей волновать. Может быть, именно поэтому Алёшкин ещё в конце 1931 года, согласился на одну комбинацию, задуманную начальником отдела снабжения и одним из капитанов прибывшего из-за границы тральщика, молчаливо одобренную Тихоновым. Заключалась она в следующем: судно, выходя из порта своего изготовления (а это был итальянский порт), на всю команду снабжалось так называемым неприкосновенным пайком на случай кораблекрушения. В этот паёк входили продукты, которые в то время в нашей стране, особенно на Дальнем Востоке, почти невозможно было купить. Помимо большого количества мясных, рыбных, овощных, фруктовых консервов, в него входило несколько сортов круп, мука, сгущённое молоко, сыр, масло, шоколад и вино. Как правило, перед приходом во Владивосток все эти продукты делились в соответствующих пропорциях между членами команды и при таможенном досмотре предъявлялись как личные продукты. Так было и в этом случае, но капитан каким-то образом в Италии сумел для своего судна получить двойной паёк. И теперь, после того, как обычная норма (а моряки её хорошо знали, так как некоторые путешествовали за границу несколько раз) была разделена на судне, образовался излишек продуктов, который капитан и его третий помощник при активной поддержке и помощи начальника по снабжению Аристархова сумели не только скрыть от таможни, но и своевременно вывезти с корабля на берег. Про-

дукты были доставлены на квартиру Алёшкина. Почему они выбрали именно эту квартиру? Да потому, что она была совершенно изолирована от других жилых домов и любопытных лиц – опасаться было нечего. Вначале Арихстархов, капитан и третий помощник хотели все эти продукты поделить между собой, но когда решили воспользоваться квартирой Алёшкина, то пришлось включить в число участников и его, а по его требованию, и управляющего морским ловом Тихонова. Кроме того, Борис потребовал, чтобы часть продуктов была разделена и между остальными сотрудниками управления. На это ни Аристархов, ни капитан не согласились, но тем не менее, был составлен список из восьми наиболее ответственных работников. Каждому досталась солидная доля: несколько килограмм макаронных изделий и муки, несколько банок бекона, овощных, фруктовых консервов и больше чем по килограмму шоколада.

В сущности, это была мизерная кража, но всё же это была кража, и Алёшкин очень долго переживал за своё участие в ней. По тем временам эти несколько банок консервов явились значительным добавлением к тому скудному пайку (кстати сказать, и выдававшемуся очень нерегулярно), который получали Борис Алёшкин и его жена. На дочку продуктов не давали – она была в детсаде, но кормить дома её всё равно приходилось. Борис получал партмаксимум, Катя – около 200 рублей, но на базарах, которые в области Семёновского ковша и в районе Луговой пока ещё существовали,

на их зарплату можно было купить продуктов не больше, чем на неделю. А ведь, кроме еды, надо было приобретать и кое-что из одежды.

Однако мы ни в коем случае не хотим этими трудностями оправдать всю неблагоприятность поступков Алёшкина и его сослуживцев. Между прочим, в то время в таких организациях как ДГРТ выдача зарплаты часто задерживалась на один и даже на два месяца, то же самое было и в Управлении морского лова. Это, конечно, ставило служащих в ещё более затруднительное положение. К тому времени, на котором мы остановились, все дополнительные продукты были уже съедены, и с питанием у Алёшкиных стало опять нелегко. Эти трудности усугублялись тем, что, в отличие от многих знакомых и сослуживцев, имевших какие-то базы в виде дач или родственников, живших в центре Союза и имевших кое-какие варианты получать продуктовую поддержку, у них такой возможности не было.

На другой день по возвращении из Никольск-Уссурийска Борис явился в военкомат, где ему сообщили, что, согласно приказу облвоенкома, ему присвоено очередное воинское звание и что он, теперь считаясь «К-5», имеет право носить в петлицах по кубуку. Одновременно ему сказали, что по требованию обкома ВКП(б) он освобождён от прохождения переподготовки в этом году и должен явиться на место своей работы. Здание горвоенкомата помещалось в нескольких шагах от ДГРТ, и поэтому Борис, прежде чем идти в своё

управление, зашёл в трест, чтобы узнать очередные новости и получить указания. Катя упоминала о какой-то реорганизации ДГРТ, о которой она мельком слыхала.

В коридоре Борис встретился с Мерпертом. Заместитель председателя треста, всегда очень благожелательно относившийся к Борису, пригласил его в свой кабинет, и уже через 15–20 минут Алёшкин знал обо всех изменениях, происшедших в его отсутствие в ДГРТ и Управлении морского лова, о которых мы рассказали несколько раньше.

Иосиф Анатольевич после рассказа о новом положении Морлова предложил Алёшкину (как у них было условлено с Берковичем) должность начальника управления снабжения и транспорта ДГРТ. Это предложение обрадовало, удивило Бориса Яковлевича, но в то же время заставило и задуматься. Он знал, что вопросы снабжения заводов и промыслов треста, особенно рабочих этих предприятий, находятся в очень плачевном состоянии и что надежд на улучшение положения в ближайшее время не предвидится. Понимал Борис и то, что, конечно, все шишки за огрехи в снабжении в первую очередь будут валиться на начальника УСИТ, а оправдываться ссылками на различные объективные причины всегда трудно. Понимал он также и то, что занятие этой должности в его возрасте, а ему не было ещё и 25 лет, очень почётно, и, как человеку честолюбивому (он, хотя и со стыдом, но в этом вынужден был признаваться, если не вслух, то, по крайней мере, перед самим собой), это предложение очень льстило.

Но на этот раз Алёшкин сумел сдержаться, и, сославшись на то, что он сперва должен рассчитаться с Морловым, или, как теперь его уже можно называть, Траловым трестом, никакого определённого ответа Мерперту не дал.

Через час Борис уже был в своей, ставшей привычной и как бы родной конторе, где рядом с его столом приткнулся второй, поменьше, и где теперь вообще третьему человеку было трудно даже протиснуться. Сотрудники, у которых Алёшкин пользовался уважением и симпатией, встретили его радостно, и через некоторое время зав. плановым отделом Андреев, примостившись около Бориного стола, рассказывал ему все новости.

Алёшкин узнал, что приказ наркома о реорганизации Управления морского лова в самостоятельный Траловый трест союзного подчинения недели две тому назад привёз новый директор треста – Николай Александрович Новиков. При этом у Бориса невольно вырвалось:

– Как, опять Николай Александрович? Уж не похож ли он на Тихонова?

Но Андреев сказал:

– Ну нет, это совсем другой человек, да вот сам увидишь, сейчас они на заседании Востокрыбы, наверно, часа через два явятся.

– Постой, постой, – перебил его Борис, – кто они? Или ты уж так уважительно стал говорить о новом директоре?

– Да нет! На самом деле, они – директор и парторг. По-

скольку мы теперь стали настоящей солидной организацией, у нас введена новая должность – парторг ЦК ВКП(б), он же замдиректора по кадрам. Кстати, вот этот стол рядом с твоим – его стол. Звать его Алексей Иванович Зыков, мужик как будто ничего...

– Ну а я? – с тревогой спросил Борис, – что со мной будет? Андреев немного смешался:

– Знаешь, Борис, сейчас я и весь мой отдел срочно составляем новые штаты. Какую должность предложит тебе Николай Александрович, я не знаю. Во всяком случае, Аристархова он предупредил, что снимет его в ближайшие дни, тот за это время уже успел наделать столько ляпсусов, что гнев нового начальника вполне понятен... Может быть, он тебе предложит должность начальника отдела снабжения, ты согласишься? – Андреев с любопытством посмотрел на Алёшкина.

Тот закурил и, разгоняя рукой дым от трубки (в это время он уже начал трубку курить), молчал. Он думал, вернее, сопоставлял, что выгоднее: должность начальника УСИТ в ДГРТ или должность начальника снабжения в Тралтресте? Там, конечно, почёту больше и аппарат уже слаженный. Здесь же и должность поменьше, и по-настоящему всё снова начинать надо, но зато и ответственности меньше будет. Как никак обеспечить всем необходимым 20 траулеров и десяток сейнеров проще, чем промыслы и береговые заводы с тысячей рабочих и десятками тысяч членов их семей, которым

нужно дать всё от хлеба до трупов и печных горшков.

«Да, – задумался Борис, – задача не из лёгких, впрочем, о чём это я думаю, ведь я ещё не видел ни Новикова, ни Зыкова. Может быть, ни они мне, ни я им так не понравимся, что вопрос о моей работе в Тралтресте отпадёт сам собой».

Между тем Андреев продолжал свой рассказ. За те две недели, как организовался трест, новый директор принял несколько важных решений, и некоторые из них уже начали претворяться в жизнь. Во-первых, Новиков потребовал в Востокрыбе и при её поддержке сумел добиться в Приморском обкоме и облисполкоме распоряжение о выделении для Тралового треста специального порта – базы бухты Диомид. Это решение очень обрадовало Алёшкина. До сих пор тральщики и сейнеры ютились где попало, их гнали от причалов торгового флота, гнали и от лесных складов Дальлеса, и вообще, от всех причалов, у которых были какие-либо хозяева. Очень часто суда вынуждены были проводить время между рейсами и далее грузиться снаряжением, углём и продуктами, находясь на рейде, стоя на якорю посредине бухты Золотой Рог. Это создавало массу трудностей и неудобств, не говоря уже об огромной потере времени. Новиков не только добился получения бухты Диомид, но уже успел организовать при тресте ОКС (отдел капитального строительства). Во главе этого отдела он поставил прибывшего недавно из Москвы члена партии Семёнова, тот подобрал себе главного инженера – Сытина, тоже приезжего. Эти люди приступили

к работе. Правда, пока они только заготавливали стройматериалы, но обещали к июлю построить и первые пирсы.

Во-вторых, Новиков попытался избавиться от сейнеров, заявляя, что по характеру своего промысла и виду продукции Траловому тресту они не подходят и должны остаться в распоряжении ДГРТ. Но этот вопрос Востокрыба постановила отложить до января 1933 года.

С первых же дней своей работы Николай Александрович нанял коменданта здания. Ему было поручено подыскать помещение для конторы треста и для квартир вновь прибывавших сотрудников. Комендант – молодой разбитной человек успел многое сделать. Кроме того, после больших споров и шума Николай Александрович настоял на том, чтобы до тех пор, пока не удастся найти отдельное помещение, Тралтресту предоставили 10–12 комнат в здании ДГРТ. К этому моменту вопрос уже был решён, и на днях Траловый трест собирался переехать в ту же казарму, где размещался ДГРТ, и занять всё её южное крыло. Комендант как раз там руководил ремонтом.

Андреев успел рассказать о битве, которую Николай Александрович выдержал с облвоенкомом из-за самого Бориса, что к решению этого вопроса ему пришлось подключить Костю Пшеничного – секретаря обкома. Борис Яковлевич был, видимо, нужен Новикову хотя бы для того, чтобы ознакомиться с делами по мобплану, который вёлся в секретной части, и выяснить финансовое положение. Почти на

следующий день после отъезда Алёшкина в Никольск-Уссурийск начальник финотдела Виноградов заболел воспалением лёгких и всё ещё не поправился, положение его было тяжёлым.

– Конечно, новый директор не мог пока разрешить даже простейших финансовых вопросов, вот почему ему и удалось тебя выцарапать, – закончил свой рассказ Андреев.

Через полчаса в контору Управления морского лова пришли директор и парторг. Толстый, невысокий, черноглазый, с шапкой курчавых чёрных волос парторг оказался очень живым, громкоголосым человеком. Войдя в контору и увидев Бориса, пытавшегося навести порядок в своих бумагах, Николай Константинович Зыков громко воскликнул:

– А вот и наш воин вернулся! Ведь я не ошибаюсь, вы и есть Борис Яковлевич Алёшкин? Так? Вот здорово, здравствуйте, – он крепко пожал руку, протянутую Алёшкиным несколько нерешительно.

Пожатие его было твёрдым, рука – сухой и тёплой, и он как-то сразу показался Борису давно известным и знакомым. Умел Зыков сходитья с людьми и быстро подчинять их своему влиянию.

Через несколько минут Алёшкин уже знал, что Николай Константинович в прошлом партизан, секретарь одного из подпольных укомов в Забайкалье, затем руководитель различных партийных комитетов, а вот теперь назначен парторгом в Траловый трест.

– Ну, Борис, я думаю, мы с тобой не будем чиниться. Оба мы коммунисты, оба работаем в одной организации, давай сразу перейдём на «ты», согласен? Твою несложную биографию я знаю, что меня заинтересует дополнительно, потом расскажешь, идёт? Ну и порядок.

В это время дверь приоткрылась, и Вахмянина, которая теперь, как узнал Борис от Андреева, стала секретарём директора и пока единственной машинисткой треста, заглянув в неё, сказала:

– Борис Яковлевич, вас директор треста просит зайти.

Алёшкин поднялся, Зыков тоже, последний сказал:

– Ну, я не хочу мешать вашему знакомству, с глазу на глаз вы лучше поймёте друг друга.

Борис, лавируя между столами сотрудников, многие из которых поглядывали на него с плохо скрываемым любопытством, направился к закутку, что некогда занимал Николай Александрович Тихонов и где сейчас временно обосновался новый Николай Александрович – Новиков.

Новиков – высокий шатен со светло-голубыми глазами, крупным, чуть вздёрнутым носом, мягкими, часто улыбающимися губами и твёрдым волевым подбородком стоял около стола и складывал какие-то бумаги в довольно потёртый дерматиновый портфель. Увидев вошедшего, он приветливо улыбнулся:

– Борис Яковлевич Алёшкин, если не ошибаюсь? Ну, так вот, нам нужно поговорить. О многом поговорить, причём я

очень не хочу, чтобы у нашего разговора были свидетели, а вы сами понимаете, что всё, что говорится в этом «кабинете», слышно всей конторе. Даже я слышал ваше шумное знакомство с Зыковым, – заявил Новиков тихим мягким голосом, как-то не вязавшимся с его высоким ростом и мощной фигурой. – Сейчас четыре часа дня, самое время обеда. Моя Елизавета Ивановна, наверно, пельменей наделала, пойдёте ко мне, пообедаем, посидим, поговорим и выясним, что нужно. И завтра же примемся за работу с готовым решением.

Очевидно, Николай Александрович даже и мысли не допускал, что Алёшкин может уйти из Тралового треста куда-нибудь, в том числе и в ДГРТ. Борису ничего не оставалось делать, как согласиться. Тут же из кабинета Новикова он позвонил Кате и предупредил её, что в столовую обедать не пойдёт, чтобы она шла одна, и что он, возможно, задержится допоздна. Такая забота о жене понравилась Николаю Александровичу, он, выйдя из-за стола, добродушно похлопал Бориса по плечу и, надевая плащ и кепку сказал:

– Семейные дела уладили – идите, одевайтесь, на дворе дождь. Пойдём...

После пельменей, с которыми было выпито по две рюмки водки, и крепкого чая, которым закончился обед, Алёшкин и Новиков остались одни, жена его ушла по каким-то делам. Новый директор Тралтреста, по решению обкома партии, получил приличную квартиру из двух комнат и кухни в новом доме, построенном один-два года назад на сопке, рас-

положенной прямо над зданием обкома. Попасть в этот дом можно было, поднявшись по Светланской улице.

Новые знакомые сидели в кухне за тем же простым столом, покрытым клеёнкой, за которым только что обедали и разговаривали. Собственно, говорил вначале только Николай Александрович. Он рассказал Борису, что является членом РСДРП с 1905 года, до 1917 года был меньшевиком, только Октябрьская революция убедила его в правильности ленинской линии, после чего он и примкнул к большевикам. Он участвовал в Гражданской войне, работал в Сибирском подполье, занимал самые разнообразные должности в армии и на гражданской службе, а вот теперь решением ЦК ВКП(б) направлен директором Тралового треста. Он чистосердечно признал, что почти ничего не понимает в ловле рыбы и ещё меньше в работе тральщиков, что Машистов за те несколько дней, пока был в городе, просветил его кое в чём, но совершенно ясно, что в вопросах ведения рыболовецкого хозяйства ему предстоит ещё очень и очень многому научиться. Затем Борис коротко рассказал о себе, о своей работе в Дальлесе, в райкоме ВЛКСМ и в ДГРТ.

Новиков некоторое время молчал, а затем спросил:

– Скажи мне честно, Борис Яковлевич, какую должность ты хотел бы получить в тресте?

Борис растерялся: такого прямого вопроса он не ожидал. Он невольно задумался, затем нерешительно начал:

– Видите ли, Николай Александрович, я затрудняюсь на-

звать какую-либо должность. Я знаю вопросы снабжения, немного разбираюсь в финансах, кое-что теперь уже знаю и о траловом лове, но должность? Я, право, как-то и не думал об этом... Вы со мною познакомились, вероятно, слышали обо мне от членов правления ДГРТ, от наших сотрудников, вот и решайте сами, что мне можно доверить.

– Ну что же, вижу, что Иосиф Анатольевич Мерперт не преувеличил, назвав тебя золотой головой, я думаю, что ты это подтвердишь и на деле. Ещё до твоего приезда мы с товарищем Зыковым договорились, завтра я должен дать в Востокрыбу штаты руководящего состава треста, они их направят на утверждение наркому торговли А. И. Микояну. Сейчас мы с тобой эти штаты составим. Значит так, – Николай Александрович взял чистый лист бумаги и начал писать:

«Директор треста – Новиков Н. А.

общее руководство

ОКС

плановый отдел

главная бухгалтерия

Зам. директора по производству – Машистов И. В.

производственный отдел

отдел гл. механика

Парторг ЦК – зам. директора по кадрам – Зыков Н. К.

отдел кадров

Зам. директора – Алёшкин Б. Я.

отдел снабжения

финансовый отдел  
спецотдел  
комендатура...»

– Ну, вот и всё, как ты находишь?

Алёшкин, хотя и был очень польщён тем, что ему предложена столь высокая должность, счёл своим долгом возразить:

– Николай Александрович, ведь я для такой должности слишком молод, да мне бы и поучиться надо.

– Ну, насчёт молодости – это ерунда, а поучиться? Что же, учись, это правильно! Работай и учись, нам ведь всем так придётся делать.

Возвратился домой Борис в радостном и приподнятом настроении. Нечего скрывать, он был обрадован таким высоким назначением, и в душе дал себе слово приложить все свои знания, все силы, чтобы справиться с порученной работой как можно лучше.

Недели через две телеграфом пришёл приказ наркома Микояна об утверждении дирекции Тралового треста, и, таким образом, Борис уже официально стал заместителем директора треста. Нужно сказать, что для многих, в том числе и ответственных работников ДГРТ, назначение Алёшкина на эту должность было довольно неожиданным, и, хотя с его работой в качестве заместителя управляющего Морлова все были знакомы и нареканий на него не было, но ведь управление, входящее в состав треста, даже такого большого, как ДГРТ, всё-таки совсем не то, что сама дирекция треста.

Впоследствии Борис узнал, что Новиков решение о его назначении принял далеко не сразу и не так скоропалительно, как это ему показалось. Он основательно обсудил кандидатуру своего заместителя с Машистовым, с Зыковым и, наконец, с Мерпертом. Пожалуй, наибольшее значение оказала именно положительная характеристика от последнего. После личного знакомства и беседы с Алёшкиным Новиков утвердился в ранее принятом решении. Это новое назначение, загрузив Бориса большим количеством сложных обязанностей, а, следовательно, и большой ответственностью, принесло ему, помимо удовлетворения честолюбия, и значительные материальные выгоды. Прежде всего, с этого года для лиц, входящих в номенклатуру наркома, отменялся партмаксимум, и теперь Алёшкин мог получать полный оклад соответственно занимаемому положению – 500 рублей в месяц, т. е. вдвое больше того, что получал до сих пор. Кроме того, и это было, пожалуй, самым главным, он, входя в число самых ответственных работников Приморской области, был, как и остальные члены дирекции треста, прикреплён к так называемому распределителю № 1-а, вследствие чего снабжение его семьи продуктами и промтоварами значительно улучшилось, а это имело для них большое значение. Тем более что к этому времени семья их увеличилась ещё на одного члена.

Весной 1932 года после окончания семилетки, к ним приехала младшая сестра Кати Вера, чтобы поступить осенью в какой-нибудь техникум. Как мы знаем, до этого она жила у

брата на станции Ин. Там, кроме средней школы, никаких других учебных заведений не было, и теперь она стремилась как можно скорее получить какую-нибудь специальность.

Все блага, полученные Алёшкиным, требовали очень и очень напряжённой работы, а она осложнялась ещё и следующим обстоятельством. Мы уже говорили о том, что траловый лов для России, и в особенности на Дальнем Востоке, был делом совершенно неизученным, новым, и потому организация тралового флота, да сразу в значительных масштабах, оказалась непростой. Чтобы немного разъяснить это, нужно хотя бы в самых общих чертах описать, как работает тральщик.

Тралом ловят так называемую придонную, глубоководную рыбу – треску и камбалу. Чтобы успешно вести лов, нужно знать места скопления или миграцию этой рыбы, а работники ДГРТ и Тралового треста таких мест почти не знали. За истекшие полтора года, когда в распоряжении ДГРТ появились первые тральщики, чисто опытным путём было нащупано несколько камбаловых банок, их было, конечно, недостаточно для того, чтобы обеспечить потребности всего флота треста; да и основным видом продукции, идущей на экспорт, считалась не камбала, а треска. О последней в то время было известно только то, что она мигрирует где-то в районе Охотского моря. Поэтому первые десять тральщиков, отправленных в район Камчатки, занимались не столько ловом, сколько поисками рыбы, и заместитель по производству

Машистов вынужден был весь период путины находиться на этих судах, чтобы искать рыбу и учить её ловить.

Лов тралом – дело непростое. Трал представляет собой прочную сеть, сплетённую из толстых шнуров. Она составлена из двух крыльев высотой около четырёх метров, соединённых между собою мешком (тралом), сделанным из ещё более прочного и толстого материала. Этот мешок скользит почти по самому дну моря, захватывая при помощи крыльев в себя всё, что попадает. Чтобы крылья в воде не опадали, помимо поплавков и грузил к каждому краю крыла прикреплялась специальная распорная доска величиной с хорошие ворота. Она была сбита из очень толстых досок и окована железом. К доскам прикреплялись стальные тросы, намотанные на специальные лебёдки. Траулеры того времени забрасывали – спускали трал с борта судна, для чего на нём были установлены дуги с блоками. После спуска трала на нужную глубину судно осторожно разворачивалось, переводило его за корму и, двигаясь в определённом направлении около часа, волочило трал за собой. Затем вновь разворачивалось и вытягивало при помощи лебёдок трал с какого-либо борта, стрелой поднимало мешок с уловом над палубой судна. Тыльная часть мешка особым тросом стягивалась почти так же, как стягивается кيسет с табаком, и завязывалась специальным узлом. При потягивании за конец троса, узел легко развязывался, открывал дно мешка и его содержимое, при удачном улове доходившее до 20 и более центнеров, выва-

ливалось на палубу. Мешок завязывался снова, и трал мог быть спущен.

Если учесть, что всё это происходило в открытом море, иногда при значительном ветре и волнении, бросавшем сравнительно лёгкое судно из стороны в сторону, а также и постоянного риска намотать тросы, а то и часть трала, на винт корабля, то вся процедура спуска, как и буксировка, и, наконец, выборка трала, требовали от всех членов команды большой слаженности и умения. А этого-то как раз и не было. Почти все капитаны траулеров до тех пор, пока не оказались на судне, с траловым ловом знакомы не были. У Тралтреста имелось всего два капитана, в своё время прибывших из Мурманска. Они также, как и Машистов, учили других, а времени для учения не хватало: над каждым тральщиком висел производственный план. Кроме того, искусством спуска, буксировки и выборки трала должны были овладеть и помощники капитана, ведь и они стояли на вахте, но кроме них, в основном, руководивших ходом судна и поисками рыбы, все матросы должны были уметь управляться со снастями, участвовавшими в спуске и выборке трала. Во главе этого процесса стоял специальный человек – тралмейстер, от его опыта и умения зависело очень многое.

В Траловый трест был приглашён такой специалист, работавший за валюту, некто Дональд Мак Вин Крейг. По национальности шотландец, он почти ни слова не понимал по-русски и изъяснялся с членами команды при помощи како-

го-то немыслимого жаргона. Очень часто матросы его не понимали, а он не понимал их. На помощь приходил капитан или кто-либо из помощников, немного знавших английский язык. А ведь этот Крейг должен был подготовить из команды судна, на котором он плавал, будущих тралмейстеров! Учение это проходило, прямо скажем, из рук вон плохо. В конце концов, большинство выучилось самостоятельно при помощи Машистова и привезённого из Мурманска старого тралмейстера Морозова. От услуг Крейга через полгода трест отказался, но на этом трудности не кончились.

Главной задачей было сохранить выловленную рыбу. В то время на тральщиках никаких холодильных установок не имелось, а рейс в Охотском море продолжался несколько месяцев, следовательно, сваленную из мешка на палубу рыбу нужно было немедленно рассортировать, распластать (разрезать), выпотрошить и, уложив в тару (чаще всего это были ящики), посолить. Для этого требовались умелые люди, а их тоже не хватало. Дело в том, что члены команд, производивших перегон судов из Германии и Италии, были неплохими моряками, но никудышными рыбаками, причём, самое главное, они и не хотели ими быть. Несмотря на всяческие обещания и подписки, даваемые этими «жоржиками», они покидали тральщик почти сразу же по возвращении во Владивосток. А от тех, которые оставались, но не имели никакой сноровки в рыбном деле, пользы было мало. Требовались настоящие рыбаки, любящие и, если не знающие, то хотя бы

желающие узнать своё дело. Таких было очень мало. Часто капитаны уходили на промысел, имея на борту чуть ли не половину положенной команды. Отдел кадров треста посылал вербовщиков в центр России, но пока это не помогало: люди были нужны везде, и желающих ехать в такую даль находилось немного. По просьбе Тралового треста, через обком и ЦК ВЛКСМ завербовали комсомольцев, их прибыло немногим более ста человек, причём, в основном, уроженцев центральных губерний, никогда не видевших моря. Первое время они испытывали на болтающихся тральщиках невероятные трудности, некоторые так и не смогли привыкнуть к морю, их пришлось откомандировать. Но большинство всё же осталось на судах, и они впоследствии проявили себя отличными мастерами тралового дела.

С тральщиками, прибывшими из Италии, Тралтресту пришлось пережить дополнительные трудности. На них были установлены паровые машины новой конструкции, работавшие при повышенном давлении с перегретым паром. Эти машины были новинкой для Европы, наши механики-тральщики тоже с ними не имели дела. Для контроля за работой машин вместе с тральщиками на Дальний Восток прибыл гарантийный механик-итальянец, некто Марио Казелли, не стеснявшийся носить на лацкане своей морской куртки фашистский значок. Он был квалифицированным механиком, но установленные на тральщиках механизмы, видимо, тоже не слишком хорошо знал: в его присутствии крышки цилин-

дров почти на всех машинах лопались также исправно, как и без него. В ответ на его телеграммы фирма посылала новые крышки, а пока они доходили до Владивостока, судно было вынуждено стоять у причала. С этим не могли примириться ни капитаны, ни механики, и при помощи Дальзавода стали искать выход. Он нашёлся в сваривании лопнувших крышек, но в этом случае машины могли работать только с половинной нагрузкой, и их дальше залива Петра Великого посылать было нельзя.

Подстерегала траловый флот и другая беда. Суда были паровые, отапливались углём. Запасов угля, погружаемого в трюмы, хватало на три-четыре недели, а тральщики уходили в район Охотского моря и Камчатки на несколько месяцев. Они могли вернуться во Владивосток только тогда, когда загружались полностью рыбой, выполнив план, или тогда, когда кончалась навигация. Значит, тральщики надо было пополнять углём на месте лова или вблизи него, ведь от Камчатки до Владивостока – 5–6 суток хода. Своих угольщиков у Тралового треста не было, нанимать грузовые пароходы в торговом флоте было трудно и очень невыгодно. В то же время в районе Рогатина на Сахалине (северном) имелись угольные рудники, добывавшие уголь хорошего качества. Однако уголь этот сбыта не находил, и копи еле-еле существовали. Траловый трест мог бы стать хорошим потребителем этого угля, но там не имелось нужных причалов и, самое главное, не было грузчиков. В то время погрузка угля

на все суда производилась вручную. Следовательно, грузить уголь пришлось бы членам команды, а для этого их нужно как-то мобилизовать, ведь никто из них не нанимался в грузчики. Естественно, что парторг треста Зыков избрал для себя это узкое место, направился на Сахалин, где и находился всё лето 1932 года, организуя снабжение тральщиков в Охотском море.

Другие десять судов вели лов в заливе Петра Великого. Руководить их работой, находясь на одном из них, должен был сам директор треста. Кроме того, ему же приходилось вести непрерывную войну с рыбзаводами и промыслами, заставляя их принимать улов сейнеров. Немудрено поэтому, что внутренняя жизнь Тралового треста, переезд в новое помещение, организация снабжения экипажей судов, финансовые проблемы, комплектование кадрами команд, подбор работников аппарата треста – всё это лежало на плечах малоопытного, а в некоторых вопросах и просто неграмотного заместителя директора треста Алёшкина. Эти и многие другие вопросы решались Борисом очень часто не по знанию дела, а интуитивно, что, конечно, приводило к многочисленным ошибкам. В то же время решение каждого нового вопроса, обсуждение его с тем или иным опытным работником, а таких в тресте становилось всё больше и больше, повышало знания, увеличивало его опыт. Так как работа требовала большой оперативности, быстроты, или, как тогда часто говорили, темпов и темпов, то и комплекс самых разно-

образных знаний Алёшкину приходилось накапливать тоже быстрыми темпами. Помимо способностей требовалось ещё и время, поэтому нет ничего удивительного в том, что Борис, уходя из дома ранним утром, иногда возвращался в 12 часов ночи. Не следует забывать, что к его основной работе добавлялась и общественная.

Его жена, заведую секретным отделом такого крупного учреждения, как Дальснабсбыт, тоже частенько задерживалась на работе допоздна. Тут уж семью Алёшкиных выручала Вера, сперва забиравшая их дочь из детского сада домой, а с переездом сада на лето в район 26 километра и сама выехавшая с Элой в качестве сверхштатной воспитательницы.

Летом 1932 года в жизнь Алёшкина опять вмешались работники военкомата. В июне он был вызван в военкомат, проэкзаменован специальной комиссией по политическим вопросам, и, хотя его ответы были не очень-то удовлетворительны, ему присвоили новое звание «КП-5». Перевод его из строевого состава в политический был вызван его новым положением – теперь он стал политруком роты. Менее чем через месяц новоиспечённого политрука призвали на переподготовку и направили в одну из частей, расположенных на станции Раздольная. Произошло это как раз тогда, когда в тресте, кроме Бориса, никого из руководителей не было. Алёшкин, заперев свой стол и кабинет, уложив в сейф все секретные документы, вынужден был выполнять предписание военкома.

Следует заметить, что до сих пор в Траловом тресте не могли подобрать работника в спецчасть, поэтому Борису приходилось не только контролировать секретную работу, а фактически и самому её исполнять: составлять мобпланы, вести соответствующую переписку и т. д., а в последнее время дел здесь прибавилось. Все тральщики, помимо своего рыболовного назначения, в случае необходимости должны были оказаться способными проводить боевые операции, поэтому на каждый тральщик требовалось установить кое-какое артиллерийское вооружение, а для этого сами суда пришлось соответственно перестроить: понятно, что изготовленные за границей тральщики нужных приспособлений не имели, надо было срочно их сделать здесь.

По договору с Дальзаводом, по соответствующим чертежам на каждом судне монтировали дополнительные крепления и оборудовали площадки для установки кормовых и носовых орудий. Тральщики по очереди проходили это переоборудование, причём о характере его знали только капитаны и дирекция треста. Траулер ставился в док Дальзавода на профилактический ремонт, команда списывалась на берег, и лишь после того, как все работы были закончены, и судно внешне принимало свой прежний облик, экипаж возвращался, и оно уходило в очередной рейс. Это переоборудование началось с судов, работавших в заливе Петра Великого. Заключение договора с Дальзаводом, также, как и очерёдность направления судов, осуществлял зам. директора Алёшкин.

Его неожиданный призыв в Красную армию мог спутать всю организацию работы треста в этом вопросе, несомненно, нарушилась бы и та общая трестовая деятельность, которая только начала налаживаться.

Послав радиogramму Новикову, находившемуся где-то на одном из тральщиков в районе острова Путятина, Борис отправился в гарнизон станции Раздольная. В этот же день он был назначен политруком пятой роты третьего полка, входившего в состав 1-й Тихоокеанской дивизии, вечером этого же дня уже присутствовал на инструктивных занятиях у комиссара дивизии. Следующим утром он провёл занятия в своей роте, а ещё через день пришла телеграмма из облвоенкомата, требующая его немедленного возвращения во Владивосток. С первым же поездом Борис выехал домой.

Впоследствии он узнал, что его призыв дорого обошёлся и облвоенкому, и, главное, работникам той части, которая ведала переподготовкой командно-политического состава запаса. Николай Александрович Новиков прямо с тральщика послал возмущённую радиogramму секретарю обкома с копией в адрес наркома Микояна. В ней, между прочим, он заявил, что такое бесконечное дёрганье военкомом одного из ответственных работников треста не только отражается на выполнении производственного плана, но может сорвать и всю мобилизационную подготовку тралового флота. Хотя в этом выражении и было некоторое преувеличение роли Алёшкина, однако работники обкома ВКП(б) знали о той

работе, которая проводилась на тральщиках, что она имела гораздо большее оборонное значение, чем политработа в стрелковой роте, знали, кто руководил ею. Военному ничего не оставалось делать, как немедленно вернуть Бориса.

Как ни кратко было его отсутствие, ведь во Владивостоке он не был всего четыре дня, а в его семейных делах произошли серьёзные изменения. Возвращался из Раздольного Борис с вечерним поездом. Приехав, пошёл своей обычной дорогой от вокзала вдоль линии железной дороги мимо пакгаузов торгового флота. Моросил обычный июльский дождик, мелкий и противный, более похожий на туман. Борис торопливо шагал к своему домику на Корабельной набережной. Он был одет в довольно-таки порыжелую кожаную куртку и военную фуражку, с которой ещё даже не снял звёздочку. Задумавшись о делах, которые предстояло сделать на следующий день, а он предвидел, что их будет очень много, так как без него его работу никто не мог делать, он не очень-то обращал внимание на окружающее, тем более что за последние три года эта дорога ему была так знакома, что двигался он по ней механически. Большой неожиданностью для него прозвучал неожиданный окрик, когда он, пройдя цинковый пакгауз, перешёл причал Комсомольской пристани:

– Стой! Кто идёт?

Остановившись, Борис заметил, что в нескольких шагах от него стоит молоденький краснофлотец и держит винтовку на изготовку, направив дуло на Алёшкина. Видимо, появлe-

ние человека для молодого матроса было тоже неожиданно, и он немного растерялся. Первым пришёл в себя Борис. Он прекрасно понимал, что разговаривать с оказавшимся на его пути часовым бесполезно, и потому спокойным, но твёрдым голосом приказал:

– Товарищ часовой, вызовите разводящего.

Почувствовав по тону голоса и, главное, разглядев на голове Бориса фуражку, часовой сообразил, что имеет дело с военным человеком, и поэтому, вынув свисток из кармана бушлата, громко засвистел. Через минуту послышался быстро приближавшийся топот ног, и к часовому подбежали разводящий и двое матросов. Выяснив причину вызова, разводящий направился к Алёшкину. Это был тоже краснофлотец, но с какими-то нашивками на рукаве. Борис плохо разбирался в военно-морских званиях, но понял, что, по-видимому, это какой-нибудь младший командир.

Подойдя к незнакомцу, краснофлотец спросил:

– В чём дело товарищ? Зачем вы здесь ходите?

Борис ответил, что он возвращается домой, так как живёт вон там, и он показал на освещённые окна своего дома, и что другой дороги туда нет. Краснофлотец недоверчиво поглядел на Алёшкина и заявил:

– Вы что-то путаете, товарищ! Здесь никто не живёт. В этом доме наше караульное помещение, пройдёмте с нами к караульному начальнику, там разберёмся.

Недоумевая, Борис последовал за разводящим, замыкали

их шествие два вооружённых матроса. Войдя в свой дом, Алёшкин не узнал его, так быстро всё переделали ловкие матросские руки. В караульном помещении, помимо соответствующих смен часовых, сидел моряк в фуражке и тоже с какими-то нашивками на рукавах. Разводящий доложил ему о происшествии.

– Будьте добры, предъявите ваши документы, – сказал караульный начальник.

Борис достал свой воинский и партийный билеты и передал их моряку. Тот полистал их, прочитал, вернул обратно, встал и спросил уже более приветливо, узнав из военного билета, что воинское звание Бориса значительно выше его.

– Так в чём же дело, товарищ Алёшкин? Зачем вы зашли в запретную зону? Разве вы не видели указатель, где написано, что проход и проезд запрещены?

– Конечно, не видел, ведь на улице темно, дождь, туман. Я чуть не налетел на вашего часового, он ведь тоже меня заметил только тогда, когда я почти вплотную подошёл. Где же тут было ваше объявление разглядеть? А иду я сюда потому, что я в этом доме жил всего четыре дня тому назад, здесь оставалась моя семья, и я совершенно не понимаю, что произошло.

– Вот оно что... Мы в караул сюда пришли в первый раз. Сменяемся мы через сутки и все из разных экипажей. Я слышал от кого-то, что когда впервые занимали этот участок порта, то в этом доме жила женщина с двумя детьми, и её ку-

да-то переселили, а куда, я не знаю. Вам придётся завтра обратиться в квартирно-эксплуатационную часть (КЭЧ) гарнизона, они, вероятно, знают. А я вам помочь не могу. Проводите товарища командира, – обратился начальник караула к разводящему.

Растерянный Борис вместе с разводящим пошёл к Комсомольской пристани, там простился с ним, поднялся мимо кинотеатра «АРС» в гору к обкому и, глядя на толпы людей, только вышедших после сеанса и направлявшихся в разные стороны по Ленинской улице, стал думать, что же делать дальше. Часов у него не было. Судя по движению на улице, уже шёл девятый час вечера, и если бы не сгустившийся туман, то было бы не очень темно. Наконец, он решился пойти в Дальснабсбыт в надежде, что, может быть, застанет там ещё Катю, она ведь последнее время задерживалась допоздна. Если же её там не будет, то он отправится в трест и ляжет спать на столе в кабинете (тогда ещё диванов, даже в кабинетах самых ответственных работников, не ставили).

В конторе Дальснабсбыта уже, по-видимому, никого не было, и сторож, сидевший у входа и знавший Алёшкина в лицо, сказал, что все служащие давно ушли, только его жена пока сидит и работает. Борис обрадовался этому известию и быстро поднялся по ступенькам в коридор, куда выходила дверь Катиной секретной части. Он дёрнул запертую дверь, за которой слышался треск пишущей машинки, и постучался. Через несколько секунд в двери открылось окошечко,

выглянула Катя. Увидев Бориса, она улыбнулась и радостно сказала:

– Ты откуда взялся? Подожди меня немного, я сейчас закончу, и пойдём домой, – и она закрыла дверцу.

За эти несколько секунд Борис успел заметить, что Катя в помещении была не одна, там находился кто-то ещё. Буря ревности вспыхнула у него в душе, он опять стукнул в окошечко и сердито крикнул:

– Давай скорее, заканчивай! А то я весь вымок!

Затем он достал папиросу, нервно смял её мундштук и стал расхаживать быстрыми шагами по маленькому коридору перед входом в Катину комнату. Прошло не более пяти минут, показавшихся ему целой вечностью, пока жена вышла из комнаты. За ней следовал молодой высокий военный. Увидев насупленную физиономию Бориса, Катя не могла сдержать улыбки и, отвернувшись к двери, запирая и запечатывая её, проговорила:

– Знакомьтесь, пожалуйста, это мой муж – а это военпред, инженер Белобородов.

Молодые люди молча пожали друг другу руки, после чего Белобородов деловито сказал:

– Ну, я пошёл, до свидания. Завтра зайду за ведомостями, – и он направился к выходу.

Катя, всё так же улыбаясь, подошла к Борису:

– Ну, чего надулся, как индюк? Да, этот инженер по служебным делам у меня сидел. Кстати, он не верил, что я за-

мужем, что у меня есть дочь, и собирался сегодня провожать меня до дому... Ну, что же я могу с ними поделаться? – сказала она как-то беспомощно. – А ты почему не пошёл сразу домой? Тебя отозвали? Я слышала от Андреева, что ты должен вернуться. Ты получил моё письмо? Знаешь, что мы теперь в новом месте живём? – непрерывно говорила Катя, стараясь этим скрыть невольное возникшее и совершенно непонятное для неё смущение. Она чувствовала, что здесь что-то не хорошо: муж оказался свидетелем того, что в позднее время с ней наедине в запертой комнате находился молодой мужчина, но при этом она не считала себя виноватой.

У Бориса, который по-прежнему любил свою Катю больше всего на свете, при её словах, доверчивой руке, взявшей его под руку, от того, что они шли рядом, прижавшись друг к другу, уже совершенно растворились и ревность, и гнев. Он не умел, не мог сердиться на любимую и, хотя ещё и старался казаться рассерженным, внутренне ликовал, что она идёт рядом с ним. Последнее время им так редко удавалось проводить вечера вместе. Но сохраняя в голосе недовольные нотки, Борис пробурчал:

– Какое письмо? Никакого письма я не получал.

– Так ты прямо с вокзала? Вот молодец!

– Да нет, – признался Борис, – я уже успел в своём доме под арестом побывать. Там какие-то военные моряки стоят, а где мы теперь живём, я уж и не знаю.

Катя весело расхохоталась:

– Ну вот, какой ты невезучий! А мне такую квартиру отгрохали, что и не снилось! Скоро уж дойдём.

И действительно, минут через десять они входили в свою новую квартиру, которая находилась на первом этаже небольшого двухэтажного дома и состояла из двух смежных комнат с высокими потолками и большими окнами, одно из них выходило в сторону бухты. Из него был чудесный вид на эту бухту, на мыс Чуркина и на расположенный ниже дома старый Владивостокский собор.

Между прочим, через сорок лет после описываемых событий, когда от собора не осталось и следа, дом этот, прилепившийся одной стороной к скалистой сопке, ещё продолжал стоять. Располагался он на улице Жертв Революции, а сама улица круто подымалась вверх по склону сопки, чуть ли не под прямым углом, перпендикулярно улице Ленина. Она была настолько крута, что даже лошади с телегой или каким-либо другим экипажем по ней ни подняться, ни спуститься не могли.

Вскоре Борис и Катя сидели в одной из своих комнат и пили чай из чайника, вскипячённого на примусе в общей коммунальной кухне, примыкавшей к одной из комнат. Прихлёбывая из стакана крепкий горячий чай, Борис слушал рассказ Кати.

– На второй день после твоего отъезда к нам домой вечером явились два моряка (какие-то командиры) и сказали, что этот участок порта со всеми строениями отдан Военно-мор-

скому флоту, и поэтому я должна немедленно освободить дом. Я, конечно, возмутилась и сказала, что ты находишься в армии, и меня, как жену командира, никуда выселять не имеют права. Но один из моряков достал из кармана бумагу, в ней было написано, что Дальснабсбыт обязуется предоставить для меня квартиру в связи с освобождением занимаемой мною жилплощади для целей военных организаций. На этой бумаге имелась резолюция с адресом дома, где мы сейчас находимся. Моряки сказали, что на переселение мне даются одни сутки, и что в помощь будут выделены краснофлотцы и грузовая автомашина. Мне, конечно, ничего не оставалось делать, как подчиниться. Мы договорились с командирами, что на следующее утро я буду ждать машину с матросами. Вечером я постаралась всё упаковать, и десять краснофлотцев за каких-нибудь 15 минут погрузили все наши пожитки, в том числе и бординскую мебель, на машину и привезли к подножию этой улицы. Конечно, на машине подъехать к самому дому было невозможно, и бедным ребятам пришлось все эти тяжёлые шкафы и столы таскать на себе. Но зато здесь мы, кажется, устроимся неплохо. В этот же день я написала тебе, указала новый адрес и ключ от комнат оставила соседям. Я уже с ними познакомилась, среди них есть очень интересные люди. В ближайшее воскресенье нам надо съездить на 26 версту, в детсад, и рассказать Вере и Элочке о том, что мы переехали. Да и просто навестить их надо, прошло уже больше месяца как мы их не видели... Ну,

а теперь давай спать, кровать нашу с твоим расширяющим приспособлением я тоже привезла, – так закончила свой рассказ Катя.

## Глава четвёртая

Прошло несколько дней. Алёшкины освоились в новой квартире полностью. Они перезнакомились со своими соседями, и так как обладали способностью быстро сходитьяся с людьми, то скоро со всеми находились уже в самых лучших отношениях. Сосед, живший в комнате рядом, был милиционером, он нечасто бывал дома, но зато о его присутствии сразу становилось известно: он почти всё время громким и не особенным приятным голосом пел одну и ту же песню, в которой лучше всего знал слова:

– Гренада, Гренада, Гренада моя!

Его жена, молодая миловидная женщина, не работала, постоянно была дома. Своих детей у них не было, и с появлением в квартире Алёшкиных Элочка соседка уделяла ей много внимания.

Другие соседи по этажу были из числа старых владельцев этого дома: две симпатичные старушки, начитанные и образованные. Они тоже полюбили и Элочку, и всю семью Алёшкиных, и относились к Борису и Кате очень тепло.

Борис Яковлевич и его жена, обзаведясь знакомыми в своём новом жилище, продолжали по-прежнему трудиться, причём так, как, пожалуй, тогда работали все коммунисты и комсомольцы – не за страх, а за совесть, не считаясь ни с трудностями, возникавшими на их служебном пути, ни со

временем. Особенно много таких трудностей возникало перед Борисом, и если бы не деятельные и квалифицированные помощники – начальник финансового отдела Виноградов, начальник планового отдела Андреев, начальник снабжения Вшивцев и многие другие, то он вряд ли бы справился со всеми своими обязанностями. Прежде всего, это был, конечно, вопрос финансов.

Траловый флот, благодаря целому ряду причин, часть которых мы приводили раньше, производственного плана не выполнял, а ведь он являлся организацией коммерческой – хозрасчётной, и его бюджет зависел во многом от того, что выручалось за выловленный товар. Суммы эти были значительно меньше плановых и не только потому, что рыбаки на тральщиках и сейнерах плохо владели орудиями лова, не знали места хода и скопления рыбы, часто работали вхолостую, а ещё и потому, что большая часть выловленной продукции портилась из-за несвоевременной обработки. Это происходило и в районе Камчатки, но в гораздо большей степени с судами, работавшими в заливе Петра Великого.

О затруднениях со сдачей рыбы сейнерами мы уже говорили, а с тральщиками дело обстояло ещё хуже. Выловленную ими рыбу, в основном, камбалу (в этом районе трески почти не было), на судне засаливать было нельзя: это делали только в специальных чанах, установить которые на судне не представлялось возможным. Промыслы и заводы ДГРТ

камбалу принимать отказывались: они еле справлялась с обработкой более ценной рыбы – сельди и лососевых. Даже иваси, вылавливаемую сейнерами, они принимали только под большим нажимом. Реализовать камбалу в свежем виде во Владивостоке было трудно опять-таки из-за конкуренции с рыбой лучшего качества. Возникла самая настоятельная необходимость строить свою засолочную базу. Собственно, для этого тресту и отвели бухту Диомид, для этого организовали и отдел капстроительства. Несколько позже мы остановимся на работах по строительству этой базы, а сейчас скажем несколько слов о тех перспективных планах, которые ставила перед собой дирекция Тралтреста.

Время от времени удавалось собраться всем руководителям вместе, и тогда, помимо разбора текущих вопросов, разрабатывались и планы на будущее. На одном из таких собраний в конце июля 1932 года вновь обсуждали проблему сохранения продукции, добытой с большим трудом рыбаками. В частности, снова встал вопрос о камбале, составлявшей основную массу добычи. Эта рыба хорошо покупалась за границей – в Японии, Китае, но только в свежем или свежемороженом виде. Солёную там не покупали, да и на внутреннем рынке спрос на солёную камбалу был невелик. На тральщиках морозильных установок не имелось. Единственный на Дальнем Востоке пароход-рефрижератор (в ДГРТ) был загружен перевозкой лососевых пород и крабов, сдача ему камбалы не рассматривалась. Встал вопрос о строитель-

стве хладокомбината в районе Владивостока. Город испытывал в нём нужду, чтобы хранить также и мясные продукты.

После совещания со специалистами и получения места в районе мыса Чуркина, было решено приступить к строительству хладокомбината. Большая часть средств, отпущенных Тралтресту на капстроительство, была передана городским строительным организациям, чтобы холодильник уже весной следующего, 1933 года мог начать приём и заморозку рыбы с судов. Это было разумным, рациональным решением, так как работа отдела капстроительства треста шла неудовлетворительно, и рассчитывать на освоение им всех отпущенных средств было нельзя.

Большая часть выловленной тральщиками камбалы перерабатывалась на тук (для этого на судне были установки), то есть удобрение, муку, продажная стоимость которой была очень низкой. Между тем расходы по содержанию аппарата треста и судовых команд, приобретение необходимых материалов, топлива, ремонта судов и прочего не уменьшались, а по мере вхождения в строй всё новых и новых тральщиков, наоборот, увеличивались. Семьи команд судов, работавших в районе Камчатки, по аттестатам должны были получать деньги ежемесячно и регулярно, а на текущем счету Тралового треста очень часто не бывало ни копейки. И вот тут начфину Виноградову приходилось проявлять все свои знания и умения, а Борису Яковлевичу – все свои дипломатические способности, чтобы выпросить очередную субси-

дию в Востокрыбе или получить ссуду в Госбанке. Откровенно говоря, иногда они и сами удивлялись, как это им в очередной раз удалось выкрутиться из того или иного затруднения. Часто Борису приходилось выдерживать настоящие бои с жёнами рыбаков, которым на тот или иной срок задерживалась выплата денег по аттестатам. Как правило, работники аппарата треста также, как и команды местных судов, получали зарплату с опозданием на 1–2 месяца.

Большую изобретательность приходилось проявлять и начальнику снабжения Вшивцеву, а вместе с ним, конечно, и Алёшкину, в вопросах приобретения самых различных материалов. Как правило, оплата счетов за них производилась с большой задержкой. Всё это создавало крайне напряжённую атмосферу в тресте и особенно в работе самого Бориса. Пожалуй, только его молодость, железное здоровье, оптимизм, твёрдая вера в возможность улучшения положения и неунывающий характер позволяли ему не только самому справляться со всеми этими трудностями, но и воодушевлять на борьбу с ними своих ближайших помощников. Повторяем, что в этот период времени вся тяжесть решения повседневных дел легла на его плечи – все остальные члены дирекции находились на судах, мобилизуя команды, руководя работой отдельных групп тральщиков, чтобы выловить как можно больше рыбы и хотя бы этим доказать необходимость и целесообразность существования треста.

Так как в этот период Алёшкину, остававшемуся одному,

волей-неволей приходилось руководить деятельностью всего аппарата треста, он вынужден был выезжать в бухту Диомид, чтобы контролировать работу отдела капстроительства, а работал этот отдел неважно. В особенности не нравилась Борису работа руководства отдела. Хотя во главе его стоял коммунист Семёнов, он производил очень плохое впечатление. По всему было видно, что работа его не интересовала и не привлекала. У отдела постоянно имелись затруднения с рабочей силой и материалами. Сами темпы работы были настолько низки, а инертность руководителей отдела настолько явной, что это заставляло настораживаться.

К августу 1932 года, то есть почти за полгода своего существования, ОКС успел построить один пирс (деревянный на сваях), позволявший пришвартоваться одному тральщику или двум сейнерам, заканчивал строительство двух засольных сараев и начал сооружать в них бетонные засольные чаны. Кроме того, отремонтировали и частью восстановили железнодорожную ветку, идущую в бухту Диомид из Владивостока через мыс Чуркина. Ветка была построена ещё царским правительством, предполагавшим размещение в бухте Диомид военного гарнизона. Как известно, две приготовленные для этого казармы во время интервенции были разрушены. В этих полуразвалившихся зданиях в то время жили посторонние граждане, работавшие в городе. Дирекция треста требовала выселить их, отстроить казармы, разместить в них контору треста и поселить часть сотрудников. Пока этот

вопрос продолжал обсуждаться где-то в отделах горсовета.

Как-то, побывав в бухте Диомид вместе с плановиком Андреевым и осмотрев всё сделанное отделом строительства, Алёшкин пришёл к выводу, что объём работ не соответствует размерам израсходованных средств, которые ОКС получал самостоятельно из Стройбанка. Он не сомневался, что имеется какой-то перерасход. Возвратившись в контору треста, Борис Яковлевич предложил провести внезапную ревизию отдела и поручил это Виноградову. Подготовили соответствующий приказ, и через два дня ревизионная комиссия из трёх опытных счётных работников во главе с заместителем главного бухгалтера треста приступила к проверке. Сразу же начальник отдела строительства Семёнов явился к Алёшкину и весьма бурно выразил протест по поводу этой ревизии. Он настаивал на том, что в финансовом отношении ОКС не подчинён бухгалтерии треста, и отвечает только перед Стройбанком. После долгих споров Семёнов заявил, что до получения специального указания от директора треста он никакой ревизии не допустит.

Однако и Алёшкин, и Виноградов предвидели такой оборот дела и потому одновременно с распоряжением о проведении ревизии по радио связались с Новиковым и получили от него радиограмму – формальный приказ. Эта радиограмма, в конце концов, и была предъявлена Семёнову, и ему ничего не оставалось, как подчиниться.

Через два дня председатель ревизионной комиссии до-

кладывал Алёшкину, что даже предварительные результаты работы комиссии указывали на систематические злоупотребления в деле капстроительства Тралтреста, и в довольно крупных масштабах. Первая же проверка выявила поддельные ведомости на оплату строительных работ, двойные счета на материалы и тому подобное. Предположительно, орудовала в этих махинациях целая группа лиц: сам Семёнов, главный инженер Сытин и старший бухгалтер этой конторы. Не обошлось и без участия организаций со стороны. Всё это можно было точно установить только после проверки всех документов, находившихся в Стройбанке. Этим комиссия и занялась. Тем не менее, по словам ревизоров, с самого начала было понятно, что сумма хищения составляла не менее 10 тысяч рублей.

Этот доклад проходил в кабинете Алёшкина в присутствии нач. финотдела Виноградова и плановика Андреева. Выслушав докладчика, Борис Яковлевич немедленно позвонил в областное управление ОГПУ, начальнику по фамилии Дерibas. Тот довольно равнодушно выслушал Алёшкина и заметил:

– Ну, ты не волнуйся. Кончайте там ревизию и передавайте материалы нам, а мы там посмотрим...

Бориса удивило такое хладнокровие, и он довольно горячо возразил:

– Да как это не волноваться? Ведь сумма-то немаленькая, а потом кое-кто говорит, что Семёнов и компания удрать мо-

гут!

– Не кипятись! Никуда они от нас не уйдут. Делай своё дело, а о нашем не заботься. Ну, пока, – и положил трубку.

Борис, обескураженный ещё больше, передал разговор сидевшим у него товарищам. Решили как можно быстрее закончить ревизию, но не поднимать вокруг выявленных недостатков и подделок шума, чтобы не спугнуть преступников, одновременно радовать о случившемся директору треста. Кстати сказать, связь с Новиковым, переходившим в то время с одного тральщика на другой, осуществлялась через радиостанцию того судна, которое в это время находилось во Владивостоке или в бухте Диомид под погрузкой угля или разгрузкой рыбы.

На следующий день ревизия была закончена: растрата, совершённая Семёновым, Сытиным и бухгалтером, составила сумму 15 568 рублей. Кроме подделки документов (ведомостей и нарядов), эта шайка проводила оплату бестоварных счетов. Один комиссионный магазин выписывал счёт даже на не существующие у них товары. Его предъявляли в Стройбанк, который переводил соответствующую сумму на текущий счёт магазина, а с него деньги забирались участниками. Какую-то долю получал и директор магазина.

Получив акт, Алёшкин немедленно направил один экземпляр его с нарочным в ОГПУ и одновременно послал радиogramму Новикову. Через день в трест явились сотрудники государственной безопасности для ареста Семёнова и Сы-

тина, но было поздно – их уже и след простыл. Арестовали только бухгалтера, который, как впоследствии выяснилось, мог быть обвинён не как участник преступной группы, а как человек, фактически не знавший бухгалтерского дела, что и способствовало хищению.

Вернувшийся Новиков встревожился этими событиями, ведь ОКС находился в его сфере наблюдения, да и Семёнова на работу принимал он сам. Успокаивало только то, что Семёнов был членом партии и прибыл на Дальний Восток по путёвке ЦК ВКП(б). Забегая вперёд, можем сказать, что тогда это дело и для Новикова, и для всего руководящего аппарата треста обошлось благополучно. Семёнова и Сытина успели задержать по дороге в Москву, хотя они и сменили несколько поездов. При них имелась крупная сумма денег, что косвенно тоже служило доказательством их преступления.

Через полтора-два месяца их судили. Дело было настолько ясным и простым, что не потребовались даже свидетельские показания руководителей треста. В суд вызвали свидетелем только председателя ревизионной комиссии, он-то потом и рассказал о подробностях процесса. Семёнов и Сытин оказались не только расхитителями, но и настоящими аферистами. Ни один из них специального образования не имел, мало того – Семёнов не был и членом партии, а его билет и путёвка из ЦК оказались подделкой, которой он сумел одурачить доверчивых людей из Главрыбы и треста.

Можно было бы и не вспоминать об этом, в общем-то, хотя и грязном, но довольно малозначительном деле, если бы впоследствии оно не оказало такого серьёзного влияния на жизнь нашего героя. Об этом мы скажем позднее.

После бегства Семёнова и Сытина ОКС оказался без начальника и главного инженера, а его работу прерывать было нельзя: шёл конец августа, наступала самая благоприятная пора на Дальнем Востоке, и было совершенно необходимо как можно форсированнее вести строительные работы в бухте Диомид. К осени требовалось достаточно удобное пристанище для возвращавшихся из Охотского моря судов. Нужно было принимать и обрабатывать рыбу, добываемую в заливе Петра Великого. Возможности найти новых специалистов-строителей не представилось, и пришлось Алёшкину так же, как и самому Новикову, на какое-то время брать руководство строительными работами на себя. Но оба они ни знаний, ни опыта в строительстве не имели, до много приходилось доходить, используя опыт десятников, строительных рабочих и собственную сообразительность. Как бы то ни было, а теперь у Бориса прибавилась новая работа. Между прочим, как раз к этому времени относится и первое изобретение Бориса, о нём следует рассказать потому, что изобретал-то он, в сущности, велосипед, т. е. вещь, давно существующую, но и для него, и для окружавших его людей – новую и малоизвестную.

К концу сентября успешно закончили три пирса, позво-

лявшие принять к своим сторонам по два тральщика, завершали работы с четвёртым и, хотя в начале года планировалось поставить их восемь, видимо, более четырёх сделать в этом году не успевали. Закончили строительство засольных сараев и смонтировали в них бетонные засольные чаны, в которых уже лежали первые тонны иваси и камбалы. Около этих сараев возводили большой деревянный помост, который зимой должен был служить для естественной заморозки камбалы. На площадке около железнодорожного тупика имелся порядочный запас угля, а несколько поодаль возвышалась высокая гора крупной соли, накрытой брезентом. Несмотря на эти меры, соль портилась, требовался специальный склад для неё, а в плане его не было. Пришлось строить сверх плана, что являлось нарушением финансовой дисциплины. Другое имущество – главным образом, рыболовные снасти и оборудование, тоже лежало под открытым небом. К счастью, в то время строительные организации не были связаны с титульными списками, сметами и целым рядом прочих формальностей, упорядочивающих и увеличивающих работу сейчас. Стройбанк оплачивал счета за материалы и ведомости по найму рабочей силы. Это облегчало ведение работ, но, как мы уже знаем, создавало больше возможностей для злоупотреблений.

Одновременно со строительством базы перед Траловым трестом возникла проблема с рабочей силой, которая была необходима для её обслуживания. В первую очередь требо-

вались грузчики. Если до 1930 г. этот вопрос во Владивостоке решался легко за счёт большого количества китайцев, то с выселением их после конфликта на КВЖД, а также из-за отсутствия механизации в порту погрузка и разгрузка судов и на Эгершельде, и в бухте Золотой Рог уже стала представлять серьёзную проблему, грузчиков явно не хватало. Очень часто на помощь порту мобилизовывали рабочих других предприятий, устраивали субботники, но всего этого было недостаточно, возникал вопрос о механизации погрузки, и прежде всего, перед Траловым трестом.

В бухте Диомид никакого населения не было. Собирать артели во Владивостоке и привозить их сюда было очень трудно. Около полутора десятка человек зав. отделом снабжения Вшивцев набрал, и они специальным катером каждый день доставлялись на базу для разгрузки железнодорожных вагонов, но набрать сотню, а то и полторы сотни человек, необходимых ежедневно для разгрузки судов и погрузки на них угля и соли, было просто невозможно. Всю эту работу приходилось взваливать на команды судов. Они получали за неё отдельную плату, но и это их не заинтересовывало, да они и не успевали сделать её своевременно. Прежде чем приступить к погрузке угля, они должны были разгрузить привезённую рыбу, а после погрузки судно сразу же должно было выйти в рейс, в котором членов команды, как мы уже знаем, ждала нелёгкая работа. Естественно, что погрузочные работы вызывали среди матросов тральщика большое недо-

вольство, это и натолкнуло Алёшкина на мысль о механизации погрузки угля. Повторяем: он в то время технически был совершенно неграмотен, и потому задуманный им конвейер был настолько примитивным и несовершенным, что прибывшие позднее в распоряжение треста квалифицированные инженеры немало потешались над этим допотопным, как они говорили, изобретением. Но на какое-то время, при всём своём несовершенстве, этот конвейер трест выручил.

Мысль о подобной технической новинке Борису подал один из капитанов тральщиков, некто Кострубов, который сказал, что в Италии и Германии уголь на суда не носят в корзинках, как это делается во Владивостоке, а подают конвейером. После двух-трёх ночей Борис набросал эскиз этого конвейера. По его мнению, он должен был представлять собой длинный деревянный жёлоб, установленный на невысоких козлах. По дну жёлоба двигался обыкновенный брезентовый приводной ремень, шириною около 20 см, сшитый в виде бесконечной ленты. В жёлоб набрасывался лопатой уголь, а переместившись к другому концу, он должен был падать в открытый бункер судна. На концах жёлоба устанавливались крутящиеся валки, ремень под ним проходил через вал, укрепленный на оси электромотора. Теоретически всё выглядело хорошо, и директор треста Новиков дал разрешение на устройство опытного конвейера, но когда его установили и опробовали, оказалось, что порожняком лента двигалась нормально, а под нагрузкой нет: уголь застревал в жёло-

бе и вываливался из него, в результате лишь маленькая толика угля попадала в бункерную яму.

Капитан того тральщика, который первым был поставлен под «механизированную» погрузку, посмеялся и сказал, что такими темпами погрузка одного судна будет продолжаться до конца навигации. Алёшкин приуныл, но тут вмешался секретарь партячейки треста Захаров – в прошлом судовой механик, временно исполнявший обязанности главного механика треста (была уже и такая должность). Он посоветовал Борису разделить конвейер пополам, считая, что сокращение расстояния уменьшит силу трения и упростит движение гружёной ленты, кроме того, он рекомендовал убрать дно жёлоба, а вместо него через некоторые промежутки поставить такие же крутящиеся валки, какие были установлены на его концах. Борис с радостью принял предложенные усовершенствования, и через неделю обновлённый конвейер нагрузил углём первый тральщик, затратив на погрузку всего два часа. Погрузка прежним способом всегда отнимала не менее шести часов, но, как мы знаем, дело было даже не во времени, а в том, что раньше в ней приходилось принимать участие всем 32 членам команды, и начиналась она лишь после выгрузки рыбы. С применением конвейера занятыми были четыре человека, остальные могли в это же время разгружать рыбу. Поэтому команде после прибытия на базу удавалось какое-то время и отдохнуть.

Конечно, такая механизация с нашей современной точки

зрения была слишком кустарной, но в то время она трест выручила. Конвейеры поставили на каждом пирсе, и вопрос погрузки угля был разрешён. По признанию всех, инициатором и исполнителем важного для треста усовершенствования был Борис Яковлевич Алёшкин, что подтверждал и соответствующий приказ Востокрыбы.

Так прошли лето и осень 1932 года. Постепенно вернулись тральщики из Камчатско-Охотского рейса. Наступили холода, появились первые ледяные закраины в бухте Золотой Рог и в бухте Диомид. Часть судов встала на профилактический ремонт, два очередных были направлены на переоборудование на Дальзавод, а более десятка продолжало добывать рыбу в заливе Петра Великого. Все руководящие работники треста вернулись во Владивосток. ЦК ВКП(б) отозвал Николая Константиновича Зыкова и направил его в какую-то организацию. Вскоре ждали другого парторга, но его пока не было. У Бориса появилось больше свободного времени: нашли нового начальника ОКС – толкового и грамотного инженера, умело возглавившего строительство и дооборудование базы в Диомиде; на месте были директор Новиков и его заместитель Машистов; оказался толковым и деятельным и новый начальник снабжения Вшивцев. Работа треста стала налаживаться и, хотя все понимали, что намеченный план выполнить не удастся, всё же деятельность отделов приняла более чёткий и планомерный характер.

Алёшкин решил, что ему представилась возможность

немного повысить свои знания. На нём лежали обязанности организации сбыта добываемой продукции, а большинство её реализовалось за границей. Нередко велись переговоры с различными представителями, все они изъяснялись на английском языке, а Борис его почти не знал. Приходилось пользоваться услугами переводчика из Востокрыбы, это затрудняло и усложняло переговоры, поэтому Борис решил изучить английский язык. С сентября 1932 года при ГДУ была организована так называемая Практическая академия по изучению иностранных языков, она ставила своей целью дать минимальные знания людям, служащим во владивостокских учреждениях, которые бывают так или иначе связаны с иностранной литературой, с иностранцами, прибывающими в порт. Катя Алёшкина ещё в сентябре поступила на эти курсы, а с начала октября их стал посещать и Борис.

Вообще, в это время Алёшкины представляли собой семью учащихся. Вера, сестра Кати, с сентября тоже поступила в техникум, она избрала специальность радистки. Такая возможность для всех них представилась благодаря тому, что к ним переехала Катина мама – Акулина Григорьевна Калягина. Переезд её был вызван тем, что Сердеевы, у которых она жила после освобождения, уехали с Дальнего Востока. Они собирались обосноваться где-то в Москве и ехали в полную неопределённость. Везти с собой старого человека (Акулине Григорьевне было около 70 лет) не решились. К тому же она

и сама не хотела бросать младшую дочь Веру одну. Таким образом она и оказалась у Алёшкиных. Борису с Катей это было, конечно, очень удобно: в доме появился опытный человек, который возглавил всё хозяйство, и на которого можно было вполне положиться. Да и Вера в присутствии матери немного остепенилась. Как стало известно Борису и Кате, летом эта юная девица (ей было около 15 лет), не имея за собой должного надзора, вела себя не очень-то хорошо, и хотя, по-видимому, никакой серьёзной глупости ещё не совершила, однако, довольно часто в сопровождении молодых людей посещала и кино, и всякие клубы с танцами. Присутствие матери было просто необходимо.

К сожалению, Алёшкиным долго учиться в академии не пришлось: с Катей случилось очередное несчастье. Борис был человеком несдержанным, беззаботным, да и характер его жены не казался особенно пассивным. Они любили друг друга и, что бы там ни говорила впоследствии Екатерина Петровна Алёшкина, их близость доставляла счастье и радость обоим, а за это приходилось платить. Как всегда в таких случаях, страдающим лицом оказывалась женщина. Катя уже сделала два аборта у частного врача, в 1932 году она забеременела вновь. Иметь второго ребенка они сейчас просто не могли, и в конце ноября ей пришлось лечь в специальное отделение городской больницы. Операция прошла не совсем удачно, и Катя вынуждена была провести в постели более двух недель. Конечно, пропустив столько занятий, она

уже не могла, да и не захотела их возобновить: до этого она считалась одной из лучших слушательниц, а тут невольно оказалась бы в числе отстающих. Ну, а у Бориса перерыв, а затем и прекращение занятий произошли по другой причине. К концу ноября 1932 года стало ясно, что совмещение в одном тресте таких разных систем лова, как сейнерный (кошельковым неводом) и траловый совершенно нецелесообразно: кроме вреда тому и другому промыслу, это ничего не приносило. Отрыв сейнеров от береговых баз также не оправдал себя. Мы уже говорили, что их продукция – иваси в связи с быстрой порчей и отсутствием возможности заморозки, требовала быстрейшей засолки, а это происходило только на берегу. Несмотря на очевидность этого вопроса, ДГРТ и Востокрыба продолжали настаивать на том, чтобы сейнеры, как средства активного лова, находились в ведении Тралтреста.

Спущенные Главрыбой контрольные цифры плана на 1933 год требовали серьёзной корректировки, и, наконец, надо было доказать в центре необходимость вложений солидных средств на капитальное оборудование рыболовецкого порта в бухте Диомид. То, что отпускалось до сих пор, позволяло строить только временные, деревянные сооружения, рассчитанные на очень короткий срок службы. Это, в конечном счёте, приводило лишь к бесцельной трате государственных средств. Нужно было поставить вопрос и о собственном рефрижераторном судне, что позволило бы значи-

тельно повысить качество, а, следовательно, и стоимость добываемой продукции, а это было крайне важно.

Почти вся добываемая треска так же, как и большая часть камбалы, шла на экспорт и в свежемороженом виде могла быть реализована по ценам, более чем в два раза превышающим стоимость солёной продукции. Наконец, нужно было хлопотать и об укомплектовании треста специалистами. Для решения всех этих вопросов требовалось личное присутствие в Главрыбе и в Наркомате торговли директора треста Новикова. Командировка в Москву из Владивостока в то время была делом непростым: одна дорога в оба конца занимала почти месяц. Скорый поезд Москва – Владивосток шёл около 12 суток, другого способа сообщения не было. Разрешение перечисленных дел в Москве тоже не ожидалось быстрым и, по самым скромным подсчётам, могло отнять не менее месяца. Таким образом, Николай Александрович Новиков оставлял трест на весь декабрь 1932 года, январь и добрую половину февраля 1933 года. Так оно и получилось: выехав из Владивостока в конце ноября 1932 года, он вернулся лишь 12 февраля 1933 года.

Парторга, как мы уже знаем, отозвали. Заместитель по производству Машистов был беспартийным, и потому тяжесть исполнения обязанностей директора треста легла на плечи Бориса Алёшкина. Несмотря на его просьбы и отказы, ему, в конце концов, пришлось примириться с этим обстоятельством. Он и сам понимал необходимость поездки Нови-

кова в Москву и видел, что оставить Траловый трест, кроме как на него, не на кого. Единственное, что он себе вытребовал, соглашаясь принять такую тяжесть, это разрешение от Востокрыбы в начале апреля 1933 года поехать в Москву с бухгалтерским отчётом за 1932 год и присоединить к этой командировке свой отпуск.

Замещая директора треста, Борис уже не мог думать об учёбе: слишком много обязанностей и неотложных дел опять навалилось на него. Академию пришлось бросить.

Остававшиеся на плаву тральщики, а их было 14 (остальные стояли на ремонте и на переоборудовании), продолжали лов камбалы в районе залива Петра Великого и в Японском море, которые, как известно, не замерзают круглый год. И то ли благодаря тому, что команды уже приобрели некоторый опыт в траловом лове, то ли потому, что капитаны нащупали банки, где отлёживалась камбала, но с конца ноября и в декабре 1932 года так же, как и в первые месяцы 1933 года, уловы были настолько обильными, что некоторые суда за счёт них сумели выполнить годовые планы. Вместе с этим зима 1932–1933 гг. принесла Траловому тресту новые испытания. Во-первых, она была необычайно суровой: уже в конце ноября бухты Золотой Рог и Диомид покрылись льдом. К середине декабря лёд в этих бухтах стал настолько толстым и прочным, что ни одно торговое и рыболовное судно войти в порт самостоятельно не могло, для каждого из них требовался ледокол, а ледоколов во Владивостоке в то время было всего

три, причём два из них настолько маломощные, что вскоре и они не могли ломать всё более утолщавшийся ледяной покров. Эту работу выполнял единственный мощный ледокол «Ермак», остальные же лишь некоторое время могли поддерживать возможность продвижение судов в каналах, пробитых им. «Ермак» принадлежал торговому порту и в первую очередь обеспечивал проводку торговых пароходов Совторгфлота и иностранцев, и лишь после долгих просьб, а иногда только в результате соответствующего нажима обкома ВКП(б), проводил в бухты Диомид или Золотой Рог тральщики, которые в ожидании такой милости должны были болтаться около кромки льда по несколько суток с трюмами, полными свежей рыбы. Немудрено поэтому, что, несмотря на официальный запрет, некоторые наиболее предприимчивые капитаны пытались пробиться к причалам своим ходом или проскользнуть по каналу, пробитому для торгового судна. Иногда это удавалось, но большей частью кончалось тем, что судно, в конце концов, застревало где-нибудь в пути, и для его спасения (ведь оно могло быть раздавлено льдами), приходилось прибегать к срочным услугам «Ермака», а это было далеко не всегда просто.

Понятно, что все заботы об организации проводки возвращающихся с промыслов тральщиков также, как и выводка их в море после разгрузки, не могли решаться без участия руководства треста, следовательно, без непосредственного вмешательства Бориса Алёшкина. Ему приходилось беспре-

станно обивать пороги капитана порта, управляющего Востокрыбы, а иногда и секретаря обкома ВКП(б). Впрочем, вскоре Борис нашёл другой, менее законный, но зато более эффективный способ добывания ледокола – он договаривался с капитаном «Ермака» непосредственно. Случилось это после того, как он оказался на борту ледокола во время спасения затёртого льдами в бухте Золотой Рог тральщика «Буревестник», пытавшегося своим ходом выйти с верфи Дальзавода после переоборудования и застрявшего чуть ли не в самой середине бухты. В этот рейс «Ермака» Алёшкин находился в каюте капитана и познакомился с ним. Операция длилась несколько часов, у них было время поговорить. Капитан между прочим заметил:

– Зря вы, товарищ Алёшкин, теряете время на хождение в Востокрыбу и обком, мы бы смогли договориться с вами проще и лучше. Вот сейчас вам потребовалось трое суток, чтобы получить ледокол. «Буревестник» уже второй день без топлива, лёд крепнет, того и гляди его раздавит. А стоило вам прийти ко мне, и всё, что нужно, мы сделали бы три дня тому назад. Разумеется, не бесплатно.

Борис Яковлевич искренне изумился:

– Да разве же я прошу, чтобы вы работали на нас бесплатно? Мы же за каждый ваш рейс, а точнее, за час работы, платим порту солидную сумму, она, наверно, вам в план идёт?

– Что план! С нынешней зимой мы свой план и так уже почти вдвое перевыполнили, его ведь есть не будешь! А у

нас, вы, наверно, понимаете, с питанием дело обстоит из рук вон плохо: вашу же солёную камбалу едим, а у вас на судах её свежей полно...

Алёшкин, неискушённый в подобного рода махинациях, всё ещё не понимал капитана. Тот, видя подобную наивность своего собеседника и учитывая его молодость, решил, наконец, сказать прямо:

– Товарищ Алёшкин, давайте договоримся так. Когда вам нужен будет «Ермак», присылайте кого-нибудь с запиской или заходите сами, минуя всякое начальство, прямо ко мне. Мы будем выполнять рейсы для вас вне всякой очереди. За это, кроме положенной платы порту, вы нам будете отпускать некоторое количество свежей рыбы, и, конечно, лучше трески, чем камбалы, ведь она вам тоже попадается. Мы за эту рыбу будем тресту платить по твёрдым ценам. Ну, как, устраивает?

Алёшкин думал недолго. Конечно, по закону он продавать рыбу кому-либо не имел права, не то, что года два-три тому назад, когда прямо с тральщиков проводилась бойкая торговля в Семёновском ковше. Теперь всё обстояло по-иному: рыба отпускалась только по нарядам Востокрыбы и отгружалась в разные города СССР. Основная часть продукции, как уже говорилось, шла на экспорт по специальным договорам. Но ведь можно всегда несколько центнеров не показать или перевести в тук, тем более что и так тральщики, длительное время находившиеся у кромки льда, вынуждены были часть

добытой продукции перерабатывать на тук или даже выбрасывать за борт, так как наваленная сплошным слоем в неприкосновенных к длительному хранению в сравнительно тёплых трюмах рыба быстро начинала портиться.

«А, чёрт с ним, – решил Борис Яковлевич, – лучше пойду на этот «договор», чем рисковать всеми уловами, а, может быть, даже и гибелью какого-нибудь судна». И он ответил:

– Что ж, я согласен. Я дам распоряжение капитанам тральщиков, возвращающимся с лова, и они будут отпускать вам небольшое количество свежей рыбы для питания команды. Мы никакой платы брать не станем, будем это считать как бы премией для вас. Но при необходимости вам придётся проводить без очереди все наши суда вне зависимости, куда и откуда они идут. Капитан «Ермака» согласился, и с тех пор безрадостной картины с застрявшим посередине бухты беспомощным тральщиком, которую до этого часто наблюдал из окна своего кабинета управляющий Востокрыбой, больше видеть не приходилось.

По приблизительным подсчётам, это мероприятие обошлось траловому тресту в 3–4 тонны рыбы, зато спасло несколько сотен её, и, самое главное, многие суда избежали не только порчи, но, возможно, и гибели. Вернувшийся из Москвы Новиков одобрил действия своего заместителя и, хотя Андреев, начальник планового отдела, узнав об этих незаконных сделках, возмущался, никто (в том числе и управляющий Востокрыбой) значения им не придал.

Второй серьёзной неприятностью, возникшей в эту зиму, явился недостаток топлива. До конца 1932 года тральщики, работавшие в районе южного Приморья, снабжались отличным сучанским антрацитом, но с ноября поставки его прекратились. Качественный уголь стал нужен развивающейся металлургии, и с этого времени Сучан отгружал всю свою добычу в район Кузбасса. Для всех пароходов, в том числе и для тральщиков, уголь должен был поставлять Артём. Артёмовские угольные копи находились к Владивостоку гораздо ближе, и доставку угля с них можно было организовать проще, но, во-первых, уголь Артёма – бурый, обладающий меньшей калорийностью, машины тральщиков работали на нём хуже, а во-вторых, Артёмовские рудники с планом добычи не справлялись и систематически недодавали уголь по нарядам. Причём, как правило, почему-то главным образом недодача касалась рыболовного, т. е. тралового флота. Тральщики были вынуждены выходить в рейс, имея минимальный запас топлива, а учитывая холода и низкое качество угля, иногда возвращаться в порт раньше срока или ожидать ледокол, имея на борту буквально несколько килограммов угля, рискуя попасть в аварийную обстановку.

Переписка отдела снабжения с управлением конторы Главугля во Владивостоке и с управляющим Артёмовскими рудниками была малорезультативна, а к началу января 1933 года на складах в бухте Диомид кончались последние тонны угля. Борис Алёшкин решил, что необходимо поехать в Ар-

тём самому и попытаться договориться с управлением рудниками.

Когда они с Вшивцевым приехали туда и вошли в кабинет начальника отдела сбыта, то, откровенно говоря, Алёшкин чуть не упал в обморок: за столом начальника сидел его старый знакомый – Аристархов, уволенный Новиковым в первые же дни своего появления за бездеятельность. Как мы помним, Борис во время прибытия Новикова находился на переподготовке в армии, и поэтому Аристархов лично к нему никаких неприятных чувств не испытывал. Вшивцева же он не знал совсем. Однако Борис сразу понял, почему артемовским углём в первую очередь обеспечивался торговый флот: у Аристархова сохранилась к Траловому тресту недоброе чувство, и он сообразно своей натуре стал этому тресту мстить.

Алёшкин хорошо знал Аристархова и потому считал, что найдёт с ним общий язык, но в присутствии третьего лица разговор был бы затруднителен, поэтому он сказал:

– Товарищ Аристархов, у нас в тресте случилось катастрофическое положение с топливом. Мы с начальником снабжения треста товарищем Вшивцевым приехали для того, чтобы выяснить причины недогрузки угля. Разрешите ему пройти в вашу канцелярию и проверить с вашими работниками ход отгрузки, а мы тут, как старые знакомые, потолкуем.

Аристархов знал, что Алёшкин – заместитель директора треста, и то, что тот разговаривал с ним как с равным, ему

польстило. Он милостиво согласился, вызвал одного из сотрудников своего отдела и вместе с Вшивцевым отправил их разбираться в нарядах и накладных. Как только Борис и Аристархов остались одни, Борис сел напротив него и совсем другим тоном сказал:

– Вот что, Константин, давай перестанем валять дурака. Я прекрасно понимаю, почему основной недогруз топлива, идущего из Артёма, падает на наш трест. Ты меня знаешь! Знаешь, что я могу рассказать, почему именно ты виноват в этом недогрузе. Расскажу об этом в обкоме партии, могу съездить и к Дерibasу, ты, пожалуйста, это учти. После твоего ухода выяснились, между прочим, кое-какие твои махинации. Например, с трикотажем для семей рыбаков, которого им досталось меньше половины положенного по нарядам. Если покопаться, то и ещё кое-что обнаружится. Мы с Николаем Александровичем Новиковым не стали углубляться в это дело, поскольку тебя уже уволили, но ведь его можно и поднять – думаю, что раскроется немало. Тебе не только придётся расстаться с этим тёпленьким местечком, но, может быть, получить что-нибудь и хуже. Учти, пожалуйста, наше хорошее отношение к тебе и впредь наряды на уголь Тралового треста выполняй, если не в первую очередь, то, во всяком случае, без задержки, понял? Я не буду задерживаться, у меня нет времени. Здесь на неделю останется Вшивцев, он проследит за отгрузкой, а в дальнейшем я полагаюсь на тебя. Впрочем, если перебоя у нас в топливе не будет, то к

весне ваш рудник может прислать с соответствующим письмом работника ОРС. Я думаю, мы сумеем вашим рабочим подбросить рыбки. Вот так-то. Ну, пока, бывай! – с этими словами Алёшкин встал и приложил руку к козырьку фуражки, которую он так и не снимал.

Аристархов, огорошенный его речью, несколько раз пытался что-то сказать, то открывая, то закрывая рот, но так и не успел вставить ни одного слова. Только после прощальных слов Бориса он, поднявшись со своего кресла, что-то пробормотал вслед уходящему, но настолько невнятно, что тот ничего не расслышал. Лишь после того, как захлопнулась дверь за Алёшкиным, Аристархов пришёл в себя, грубо выругался и крикнул:

– На крючок меня взять хотите? Не выйдет! У самих рыльце тоже в пушку, я ещё вам покажу!

Он прошёл несколько раз по своему кабинету, закурил, видимо, снова взвесил слова Алёшкина и уже более спокойно произнёс:

– Ну и чёрт с вами, будете получать ваш уголь, а рыбку мы с вас вытянем. На этом, пожалуй, тоже сыграть можно...

Вскоре был ликвидирован весь долг по углю за Артёмовским рудником, и в дальнейшем топливо стало поступать более регулярно, хотя и не без перебоев. Но тут уж дело было не в Аристархове, а в том, что рудник не выполнял план добычи.

Третья неприятность в период кратковременного «цар-

ствования» Алёшкина в Траловом тресте – это разгрузка привезённой тральщиками рыбы, заморозка её и последующая отправка в центр. Как правило, для разгрузки не хватало людей, и даже мобилизация команд с соседних тральщиков не всегда выручала. Все вопили о том, что нужна механизация, а где её взять? Если с углём, используя примитивные конвейеры, а на одном пирсе фабричным транспортом, теперь вопрос разрешился удовлетворительно, то рыбу продолжали выгружать в тачки, которые затем по проложенным мосткам везли на морозильную площадку, где и раскладывали ровным слоем. Через двое-трое суток замёрзшую рыбу надо было собрать, упаковать в рогожные кули и погрузить в вагоны – конечно, обыкновенные теплушки. Очень часто и этой несовершенной тары не имелось, и тогда замороженную камбалу грузили в эти вагоны навалом. Рыба находилась в пути до Москвы не менее чем три недели, а в другие города и того дольше. За это время она подвергалась разным температурным воздействиям – оттаивала, снова замерзала, снова оттаивала, и приходила на место назначения или плотной ледяной глыбой, или в виде размятой массы. Товарный вид продукции при этом терялся, естественно, что и качество резко падало. В трест сыпались рекламации от различных организаций, но большинство принимали рыбу даже в таком виде потому, что во всей стране с продуктами питания было очень трудно.

Часто в работе по погрузке принимали участие и сотруд-

ники управления треста. Алёшкин ежедневно сам путешествовал в бухту Диомид, чтобы лично проследить за отправкой судов в рейс и за разгрузкой пришедших с моря. А тут ещё в соответствии с договорённостью, имевшейся ранее, замдиректора по производству Машистов с января 1933 года ушёл в отпуск и уехал в Мурманск, где должен был нанять опытных рыбаков, чтобы привезти их к весенней путине. Таким образом, Борису Алёшкину пришлось отдуваться за все эти неприятности одному. Больше всего его беспокоило низкое качество продукции, поступающей потребителям, и он начал искать выход из этого положения. Как всегда, помог случай.

Один старый рыбак из числа работавших на базе по погрузке как-то заметил, что раньше мороженую рыбу купцы продавали в соломенных кулях. Борис сказал об этом Вшивцеву, тот проявил оперативность и вскоре около морозильной площадки вырос целый стог соломы, которая и стала использоваться при погрузке мороженой рыбы в вагоны в тех случаях, когда не хватало рогожных кулей. Кстати сказать, кули приходилось делать самим. Для этого наняли 15 женщин, сшивавших их из рогож, добываемых Вшивцевым в порту. В результате соломенно-мочальных усовершенствований, рыба к покупателям стала поступать значительно лучшего качества, о чём и сообщили в Востокрыбу.

Так, в постоянных заботах и бесконечных поисках того или иного выхода из трудностей, непрерывно возникавших

перед трестом, и летело время Алёшкина. Правда, иногда ему удавалось выкроить вечер и посидеть дома или сходить с Катей в кино. Обычно посещали новый кинотеатр «Уссури» и умудрялись посмотреть большую часть наиболее известных в то время кинокартин. Поговаривали, что в Москве уже начали показывать звуковое кино, но здесь, во Владивостоке, пока ещё считали это явлением далёкого будущего. Всех удовлетворяло простое, как теперь принято говорить, немое кино.

Присутствие в доме Акулины Григорьевны значительно облегчило жизнь семьи Алёшкиных, дав Борису и Кате больше свободного времени, но в то же время вызвало и некоторые осложнения, они заключались в следующем. Всего, вместе с мамой и Верой, их было пять человек, а паёк выдавался только на двоих – на Бориса и Катю. И хотя паёк Алёшкина, прикреплённого к распределителю, был объёмен и сравнительно богат по ассортименту, а Катин паёк тоже включал немаленькое количество продуктов, всё-таки их не хватало. Акулина Григорьевна, благодаря своему разумному хозяйствованию, очень умело расходовала получаемое, но всё равно положение с продовольствием у них было затруднительным. Осложнялось оно ещё и тем, что в то время во Владивостоке почти не было в продаже овощей, а появлявшиеся иногда на так называемых колхозных рынках стоили столь дорого, что их зарплаты хватало не более, чем на неделю. Особенно тяжело им пришлось как раз в начале 1933 года.

Как-то в 1932 году один из капитанов тральщика, некто Сазонов, знавший Бориса ещё по работе в ДГРТ и видевший, как он мучается с большими зубами (зубная боль была одним из самых больших несчастий Бориса, приводила его в отчаяние и заставляла иногда не спать целыми ночами), подарил ему для изготовления искусственных зубов золотую десятку царской чеканки. Однако, несмотря на мучения, он никак не мог преодолеть страх перед зубными врачами и решиться на пломбирование, удаление плохих зубов и замену их новыми золотыми (тогда зубы делались только из золота), поэтому подаренная десятка так и лежала в ящике его письменного стола без всякой пользы. В то время во Владивостоке, как и во многих других городах, открылись новые магазины, называвшиеся торгсин (название расшифровывалось как «торговля с иностранцами»). В этих магазинах товары продавались на иностранную валюту и золото, в том числе на золотые монеты царской чеканки. Ассортимент товаров в торгсине был довольно разнообразным, а сами они отличались высоким качеством. Во Владивостоке торгсин размещался в бывшем помещении магазина «Кунст и Альберс», и его витрины были неотразимо заманчивы. Сейчас трудно решить, кто первый вспомнил о золотой десятке, но так или иначе в один прекрасный день Акулина Григорьевна взяла кошёлку, десятку и отправилась в торгсин. Оттуда она вернулась прямо сияющей, в её кошёлке оказались самые разнообразные продукты: мука, макароны, сливочное масло, яйца, са-

харный песок, многое другое и даже грамм двести отличнейшей карамели. Самое главное, что всё это было приобретено всего за каких-нибудь два рубля, а на остальную часть десятки, оценённой в девять рублей с мелочью, ей выдали специальные талончики – боны, по которым она ещё в течение двух месяцев покупала различные продукты. Золотая десятка очень помогла семье Алёшкиных.

В этот же период времени с дочкой Элой случилось неприятное, граничащее с трагическим, происшествие. В детском саду, уже неизвестно каким образом, на Элочку опрокинули тарелку с горячим супом, в результате она получила ожог головы. К счастью, ожог пришёлся только на волосистую часть, и, хотя её пришлось остричь наголо, и почти вся голова девочки долгое время была покрыта толстой болезненной коркой, но лицо не пострадало. В конце концов, Эла поправилась, коросты с головы постепенно отвалились, но всё лето 1933 года она ходила остриженная, как мальчишка.

Вера, сестра Кати, находясь под неустанным наблюдением матери, немного остепенилась и стала учиться в своём техникуме более или менее прилично. Вероятно, помогли также внушения Бориса и Кати, но, по-видимому, все эти беседы и наставления ей порядочно докучали, тем более что Борис нередко бывал груб. Вера всё чаще и чаще заговаривала о переезде на житьё в общежитие, которое имелось при её техникуме.

В эту зиму как-то расширился круг знакомых семьи

Алёшкиных. То ли благодаря занимаемому Борисом положению, то ли вследствие ещё каких-либо причин, но с соседями по дому у обоих супругов сложились добрососедские отношения, в особенности с двумя пожилыми женщинами – сёстрами, которые не чаяли души в Алёшкиных, а больше всех в Элочке. Сын младшей из сестёр, хотя и был намного старше, чем Эла, часто становился товарищем её игр. Между прочим, эти соседки, когда-то владевшие всем домом, на чердаке и в коридорах хранили много всякой рухляди и старых книг. Как мы знаем, Борис отличался большой любовью к книгам, особенно старым, поэтому, с разрешения владелиц, каждую свободную минуту тратил в попытках отыскать в грудях хлама наиболее уцелевшие и интересные книги. Некоторые из них они потом с Катей читали иногда целыми ночами. Именно тогда Алёшкины прочли такие книги, как «Воспоминания министра императорского двора Фредерикса», полное собрание сочинений Аверченко, рассказы Тэффи и много других. Хозяйки не возражали, что прочитанные книги Борис оставлял у себя. Так, у Алёшкиных вскоре образовалась небольшая библиотека, в неё вошли и книги, оставшиеся от Бородина. Кроме того, при каждом удобном случае оба они покупали новые книги.

Как-то, разбираясь в хламе на чердаке в поисках очередной порции литературы, Борис обнаружил старый поломанный граммофон и более десятка ещё дореволюционных пластинок. С разрешения хозяек он забрал граммофон, при по-

мощи одного из механиков тральщика починил сломанную пружину, и скоро этот старый инструмент уже воспроизводил песни Вяльцевой и Варламова, хотя и очень тихим, и крайне ненатуральным голосом (мембрана была плохого качества, а иголки изношены). Но даже такое несовершенное музыкальное исполнение доставляло удовольствие всей семье Алёшкиных и в особенности их маленькой дочке Эле.

Один из знакомых Бориса, капитан Кострубов, как-то увидев их удивительную доисторическую музыкальную машину, поначалу посмеялся над ней (у него у самого-то был прекрасный японский патефон с множеством заграничных пластинок), а позже подарил Борису новую мембрану, целую коробку иглок и несколько заграничных пластинок с модными тогда блюзами, танго и фокстротами. После этих усовершенствований граммофон стал звучать значительно приличнее. Этот же Кострубов был страстным фотолюбителем, у него был очень хороший по тем временам фотоаппарат с раздвижной камерой и размером пластинок 9 x 12. Кострубов снимал отдельные эпизоды работы тральщиков и другие виды (некоторые из них мы воспроизводим). Своим увлечением он заразил и Бориса, а для поощрения этой страсти подарил ему фотоаппарат «Кодак». Это была простая деревянная коробочка размером 10 x 18 сантиметров. В центре её передней стенки находился самый простейший объектив без диафрагмы с примитивным затвором. В аппарат заряжалось сразу шесть пластинок 9 x 12. Они ставились друг за дру-

гом в задней части ящика, а затем после съёмки, при повороте специального рычажка падали на дно коробки, тоже одна на другую. Внутри аппарата пластинки стояли на расстоянии, соответствующем наиболее резкому изображению, и, по мысли конструктора, должны были позволить сделать одновременно шесть снимков.

Обучаясь фотографированию, Борис порядочно помучился с этим аппаратом, перепортил дюжины три пластинок, но так ни одного приличного снимка и не получил. Всё начиналось с «пустяков». В то время приобрести какие-либо фотопринадлежности, как, впрочем, и принадлежности для граммофона, во Владивостоке было очень трудно. Единственный магазин, продававший такие товары, находился на Ленинской улице, почти напротив бывшей конторы Морлова. Он представлял собой крошечную лавчонку, в которой большую часть занимали пустые полки и лишь кое-где лежало несколько товаров, как правило, не пользовавшихся спросом. Первое, что понадобилось Борису – пластинки. Нужных размеров не продавали, а те, что можно было купить, имели размеры 8 x 8 сантиметров. Борис взял их, хотя они и не подходили к его аппарату. Нашлись в магазине трубочки с крепежителем и проявителем, но не было фотобумаги, пришлось её выпросить у Кострубова. Зарядить фотоаппарат требовалось в абсолютной темноте, для этого Борису пришлось спуститься в подвал, который имелся в их квартире (вход в него был в одной из комнат). Спускаясь туда, Борис поставил на

страже тещу, чтобы кто-нибудь случайно не открыл крышку подвала. Он возился там, наверно, больше получаса: надо было установить в специальные рамки купленные пластинки, а они по размерам не подходили, пришлось пристраивать добавочные приспособления из картона, и всё это делалось в полной темноте. Когда, наконец, шесть пластинок были установлены, и Борис с великой осторожностью вытащил свой аппарат на свет, то обнаружилось, что объектив был открыт, и потому первая пластинка оказалась засвеченной. Закрыв объектив и при помощи рычажка уронив испорченную пластинку, Борис усадил посреди комнаты Акулину Григорьевну, чтобы первой запечатлеть её. Он навёл аппарат на торжественно сидевшую старушку, нажал кнопку, затвор щёлкнул. Уронив и эту пластинку, Борис снял таким же образом и дочку. Кати и Веры дома не было, да их бы всё равно не удалось снять, так как после того, как была сфотографирована Элочка, фотограф нечаянно потрянул аппарат, и все остальные пластинки попадали. Ему не терпелось как можно скорее увидеть результаты своего труда. Он, собственно, никакого понятия о технике фотографирования не имел: никто его не учил, никаких пособий он не читал и, следовательно, не знал ни об экспозиции, ни об освещённости снимаемого предмета, ни о чувствительности фотоматериалов. Он считал, что раз изображение видно в окошечке визира, то, следовательно, таким оно будет и на пластинке.

С тех пор прошло много лет. Борис Яковлевич испор-

тил огромное количество пластинок, плёнок, фотобумаги; многое прочитал, узнал о том, как нужно фотографировать. До сих пор он занимается этим делом, если не с прежней увлечённостью, то всё же достаточно, но из нескольких тысяч сделанных им фотографий, вероятно, не более четверти можно признать удовлетворительными. На заре, так сказать, своей фотографической карьеры, к тому же обладая ещё таким несовершенным аппаратом и оборудованием, Борис испортил не одну коробку пластинок, пока, наконец, получил первый удовлетворительный результат.

Кроме фотографирования, чтения и возни с граммофоном, Борис и Катя иногда занимались и карточной игрой – преферансом. Ещё два года тому назад, когда у них жил отец Бориса, он дал им первые уроки этой игры. С тех пор она стала одной из любимых карточных игр для обоих. Партнёры им попадались случайные, но в конце 1932 года в управлении Тралтреста на должность главного инженера назначили прибывшего по путёвке из Москвы инженера-механика, специалиста по судовым двигателям, товарища Чёрного. Он оправдывал свою фамилию: это был жгучий брюнет лет сорока, довольно высокий, с большими, чуть на выкате глазами и крупным носом. Познакомившись с Борисом, они быстро сошлись и почти подружились. Чёрный хорошо играл в шахматы, которые, как мы знаем, были одной из любимых игр Бориса. А когда выяснилось, что Чёрный играет в преферанс, и довольно охотно, то он стал сравнительно частым

гостем Алёшкиных и их постоянным партнёром. Ранее с ними играл Владимир Косолапов, но в середине 1932 года его перевели в Главрыбу в Москву, и последнее время Борис и Катя скучали из-за отсутствия партнёров.

Конечно, наше повествование будет неправдоподобным, если мы не упомянем о большой общественной работе, в которой участвовали оба Алёшкиных. Борис был членом бюро партячейки, руководил кружком политзанятий. Тогда ещё не было единой сети партийного просвещения, программы занятий определяли каждый обком и губком самостоятельно. Алёшкин занимался с коммунистами руководящего состава. Они изучали стенограммы партийных съездов, различные произведения В. И. Ленина и книги И. В. Сталина «Вопросы ленинизма». В 1933 году вышло первое издание «Краткого курса истории ВКП(б)», но его изучение ещё не велось. И, к стыду Бориса, он, хотя и приобрёл его, но сумел прочитать всего лишь первую главу. В эту зиму ему удалось по случаю купить полностью второе издание сочинений В. И. Ленина, эти книги он добросовестно читал – не изучал, не конспектировал, а просто читал, правда, далеко не всё и не всегда ему было понятно; читал он подряд, начав с первого тома. Очень многие статьи были просто интересны, и Борис их запоминал. Конечно, он продолжал участвовать в стенгазете, активно выступать на собраниях и вести довольно большую работу как депутат Владивостокского горсовета. Единственное, от чего он совершенно отошёл, это от участия в художе-

ственной самодеятельности.

Екатерина Петровна перестала работать с пионерами, слишком ответственна и хлопотлива была её новая должность. Однако комсомольскую работу она не оставила – была членом бюро ячейки ВЛКСМ, членом редколлегии и выполняла отдельные самые разнообразные поручения, кроме того, дома она подрабатывала на пишущей машинке. Старенький «Ундервуд», привезённый Борисом из Никольск-Уссурийска, удалось сравнительно быстро отремонтировать. Обошлось это недорого, и машинка себя оправдывала. Катя по вечерам частенько выколачивала на ней настоящую барабанную дробь.

Вот так и текла, вернее, летела бешеными темпами жизнь семьи Алёшкиных. И действительно их дни были так загружены, что времени всегда не хватало, и потому они мелькали с удивительной быстротой. Вот уже Траловый трест приобрёл и отремонтировал собственное помещение – двухэтажный небольшой дом, расположенный на мысе Эгершельд, немного выше здания ДГРТ. К 1 января 1933 года управление Тралтреста переехало в него. Вот уже вернулся из командировки директор треста Новиков. Он привёз нескольких специалистов, и всё руководство треста принялось искать для них квартиры. Жилищный кризис во Владивостоке в это время был в самом разгаре. Помимо развития промышленности Дальнего Востока, а, следовательно, и притока большого количества служащих, сюда прибывало много

ВОЕННЫХ.

## Глава пятая

Незаметно минул 1932 год, начался 1933. Тогда ещё не вошли в моду новогодние балы и ёлки, поэтому встреча нового года у Алёшкиных проходила в кругу семьи, а из гостей присутствовал только Чёрный, не преминувший сообразить пульку, да заглянул капитан Кострубов.

В прошлой главе мы уже коснулись начала 1933 года, пойдём дальше. После возвращения Новикова в начале марта Борис Алёшкин стал собираться в Москву, заранее получив разрешение на поездку из Востокрыбы. Соответствующими отделами треста было подготовлено множество вопросов, которые ему следовало решить в Главрыбе, в различных центральных учреждениях и Наркомате. Он выезжал в середине марта. Главный бухгалтер треста с годовым отчётом за 1932 год находился в Москве ещё с февраля месяца, увязывая и согласовывая различные расхождения баланса в отделах Главрыбы. Алёшкин должен был прибыть в Москву к тому времени, когда отчёт будет рассматриваться и окончательно утверждаться на заседании балансовой комиссии Главрыбы (впрочем, эта комиссия в то время называлась как-то иначе, но сущность её деятельности была именно такой).

После долгих просьб Кате удалось уговорить своё Дальснабсбытовское начальство и получить на это время отпуск. Борис также получил разрешение на отпуск после сда-

чи годового отчёта. Всё это время семья Алёшкиных находилась в приятном, приподнятом настроении. Борис – потому что мечтал увидеть вновь всю дорогу, по которой ехал на Дальний Восток десять лет назад, мечтал увидеть снова Москву и, наконец, познакомиться поближе с её достопримечательностями. Рассчитывал он повидать и дядю, Дмитрия Болеславовича Пигуту, который как будто бы теперь жил в Москве, встретить кого-нибудь из своих друзей детства. Было известно, что кое-кто из них, возможно, тоже находился в Москве. Ну и, наконец, эта поездка давала ему возможность просто отдохнуть от той постоянной сутолоки и нервного напряжения, в котором его всегда держала нелёгкая работа. Катя радовалась предстоящей поездке, потому что до сих пор она с Дальнего Востока вообще никуда не выезжала, и такое длительное путешествие казалось привлекательным уже само по себе. Конечно, было очень интересно посмотреть столицу, побывать в театрах, музеях, походить по магазинам. По рассказам приезжих, в Москве открылось очень много магазинов, и продавали в них буквально всё. Уезжала Катя со спокойным сердцем: дома оставалась Акулина Григорьевна, и, следовательно, Элочка и квартира будут под должным присмотром и в должном порядке.

Когда Борис и Катя подсчитали полученные на командировку и за отпуск деньги и выделили необходимое остающимся во Владивостоке, они увидели, что в их руках имеется порядочная сумма, значительно превышающая их ожида-

ния. Она составила что-то около шести тысяч рублей. Это позволяло им и в дороге, и в Москве не стесняться в расходах, и не только жить всё это время достаточно обеспеченно, но и приобрести много разных вещей. Ну вот, билеты куплены, Борис Яковлевич и Екатерина Петровна, распроставшись со своими и взяв небольшой чемодан, одолженный у соседей, один на двоих, отправились на вокзал. Ехали они в мягком вагоне поезда, причём, если Борис, по своему служебному билету ездил в таких вагонах и раньше, то Катя очутилась здесь впервые. В четырёхместном купе они заняли две полки – верхнюю и нижнюю, но уже через сутки оба переселились наверх. Соседями их оказались два старичка – муж и жена, переезжавшие куда-то в центр на постоянное место жительства к находившимся там детям. Они ехали до самой Москвы, где им предстояла пересадка. Вполне понятно, что Алёшкины, уважая пожилой возраст соседей, уступили им оба нижних места.

Мы уже говорили, что почтовый поезд в то время из Владивостока в Москву шёл около 12 дней, ну а этот, на котором ехали Алёшкины, был курьерским поездом № 1, и он мчался с большей скоростью, в среднем, 60 километров в час, прибывая в столицу к концу девятых суток. Однако длинная дорога ни Борису, ни Кате не показалась скучной. За пять лет совместной жизни они, наконец-то, остались по-настоящему вдвоём, свободными от всяких дел и забот. До этого ни он, ни она в отпуске не были ни разу, а тут супруги могли часами

смотреть в окно на удивительные красоты Дальнего Востока, Забайкалья, Сибири, или валяться на мягком пружинном диване вагона, читать одну из взятых с собою книг и, наконец, в дальнейшем (а это началось на второй день после выезда из Владивостока, когда соседи по купе познакомились друг с другом) целыми днями, а иногда и ночами, играть в преферанс.

Соседи-старички оказались заядлыми преферансистами, и хотя Борис и Катя по сравнению со своими партнёрами были слабыми игроками, они могли играть чуть ли не целыми сутками. Старичкам доставляло большое удовольствие учить тонкостям этой занимательной игры своих молодых попутчиков, что они и делали. Молодёжь с интересом открывала всё новые возможности преферанса, и их купе было, пожалуй, самым дружным и весёлым, если не во всём поезде, то уж во всяком случае, в мягком вагоне. Питались они в вагоне-ресторане, где пища оказалась вкусной и, по сравнению с владивостокскими ценами, недорогой. Иногда их обед сопровождался парой бутылок пива, покупавшимися кем-либо из проигравших. Как правило, чаще всего это приходилось делать Борису, как самому несдержанному и чаще других проигрывавшему. Одним словом, путешествие протекало замечательно.

За время путешествия попутчики уже довольно близко знали друг друга, и старики, очевидно, из каких-то «бывших», бежавшие в своё время от большевиков на Дальний

Восток и теперь с некоторой тревогой возвращавшиеся в родные места, где оставались их дети – сын-врач и дочь, служащая какого-то советского учреждения с трудновыговариваемым названием, были немало удивлены, что их милые, а по выражению старушки, просто очаровательные попутчики, вот эти самые большевики и есть: он – настоящий, а она – комсомолка. После того как они это узнали, а это случилось уже где-то под Москвой, старички как-то сникли, перестали шутить и с некоторой тревогой поглядывали на спины ничего не подозревавших Бориса и Кати, стоявших у окна и любовавшихся весенним видом подмосковных мест. Для Кати эта природа была вообще в диковинку, причём она находила, что здешние леса какие-то мелкие, причёсанные, не идущие ни в какое сравнение с той замечательной дальневосточной тайгой, в которой прошло её сознательное детство и юность.

Заметив некоторую скованность своих спутников, молодые люди вначале подумали, что чем-нибудь обидели старичков, затем приписали их состояние беспокойству о предстоящей пересадке и новой поездке и принялись их всячески развлекать и утешать. Те постепенно оттаяли и, решив, что, наверно, и среди большевиков бывают исключения, в конце концов стали обращаться с попутчиками по-старому и даже открыли им причину своего подавленного настроения: они спохватились, что так свободно и много обсуждали вслух недостатки, замеченные ими во Владивостоке и в пу-

ти. Алёшкины дружно рассмеялись и поспешили успокоить своих попутчиков.

В Москве, встретившей Бориса и Катю грохотом ломовых телег, звоном трамваев, гудками довольно многочисленных автомашин, криками продавцов мороженым и других товаров и шумом обычной привокзальной толпы, они несколько растерялись. Владивосток был большим городом, но ни по шуму, ни по сутолоке спешащих в разные стороны людей, он никак не мог сравниться с Москвой. Постояв несколько минут на Каланчёвской, теперь уже переименованной в Комсомольскую площадь, они втиснулись в трамвай и поехали по направлению к Садовой-Триумфальной (тогда ещё по Садовому ходили трамваи).

Алёшкины, конечно, могли остановиться в гостинице, но, во-первых, это было бы дорого, а во-вторых, трудно. Со слов приезжавших из Москвы они знали, что получить номер в гостинице почти невозможно. Ещё во Владивостоке один из сослуживцев Бориса, инженер-экономист Цикин, поступивший на работу в плановый отдел треста, дал адрес своей одинокой матери. Он передал для неё маленькую посылочку и письмо, в котором просил маму приютить на время наших путешественников. Жила Цикина где-то на Садовой-Триумфальной, вблизи площади, вскоре названной именем Маяковского. Подъехав на трамвае «Б» к указанному району, Борис и Катя вышли и в недоумении остановились. По рассказам Цикина, его мать жила в высоком кирпичном доме на

четвёртом этаже, а тут стояли старенькие, деревянные, почерневшие от времени двухэтажные развалюшки. Хотя номер дома совпадал с тем, который был написан на конверте имевшегося у них письма, этот дом никак не походил на описанный сослуживцем. Увидев выходящую из ворот этого дома женщину, Борис подошёл к ней и спросил её о правильности адреса. Взяв конверт, прочитав адрес и видя растерянное лицо, очевидно, приезжего молодого человека, женщина улыбнулась и сказала:

– Не удивляйтесь, всё правильно. Дом, который вы ищите, действительно здесь, во дворе. По Садовому кольцу почти все дома так построены, и дальше так же строят. Новые большие кирпичные строят во дворах, а мы пока живём в старых деревянных, которые выходят на улицу. Ну а когда те дома достроят, наши снесут, и улица сразу станет широкой и красивой. Жаль только, если при этом и сады вокруг наших домов тоже вырубят. Ну, да это ещё дело будущего. Проходите во двор, там увидите ваш дом, в первый подъезд и заходите. Квартира ваша на четвёртом этаже. Идите, милые, идите, – закончила женщина и, повернувшись, направилась вниз по Садовому кольцу в сторону от площади.

Борис и Катя вошли во двор и шагах в тридцати от ворот увидели высокий новый кирпичный дом. Тогда же они заметили, что он не одинок: в ряд с ним возвышалось ещё несколько домов, некоторые из них в строительных лесах. Они удивились, что не заметили этих домов раньше. Но, как

потом оказалось, с узенького тротуара возле деревянных домиков, стоявших за ними, их действительно не было видно.

Через полчаса Борис и Катя сидели в крошечной, плотно заставленной мебелью, видно, перевезённой из квартиры значительно большего размера, комнатке и рассказывали маленькой седенькой старушке Цикиной о жизни и работе её сына на Дальнем Востоке. Не представляя себе этот край, она полагала, что сын живёт чуть ли не в лесу, спит чуть ли не на сырой земле и вообще находится в ужасных условиях. Письмам его она не верила, поэтому со вниманием слушала рассказы живых людей, совсем недавно видевших её сына и подтвердивших ей не только словами, но и всем своим видом и поведением, что жизнь во Владивостоке такая же, как и в Москве, и что единственное, чего там, пожалуй, меньше, так это фруктов и овощей. Подтвердилось это тем, что на следующий же день Борис, пойдя в магазин, приволок целую кучу банок самых разнообразных овощных консервов, компотов и варенья, купленных на Тверской (тогда ещё не переименованной в улицу Горького). А его жена, сопровождая хозяйку на Тишинский рынок, буквально набросилась на всякие соленья и свежие яблоки, продававшиеся, как говорила Цикина, по бешеным ценам.

Несколько первых дней командировки для Бориса Алёшкина прошли как в чаду: заседания в Главрыбе на балансовой комиссии, подготовка всякого рода дополнительных объяснений по многочисленным вопросам, возникавшим в

ходе рассмотрения отчёта треста и, наконец, как заключительный аккорд этой эпопеи, приём у наркома торговли А. И. Микояна. Хотя длился он всего 10–15 минут, но на Бориса произвёл большое впечатление и запомнился на всю жизнь. Нарком принимал целую группу представителей рыбопромышленных организаций, прибывших с разных концов страны с годовыми отчётами. Председатель Главрыбы в несколько минут представил наркому прибывших работников трестов, изложил положение с добычей рыбы в прошлом году и основные контрольные цифры на 1933 год. Нарком задал ряд вопросов представителям, в частности он обратился и к Алёшкину:

– Дальневосточный Траловый трест в 1932 году работал плохо. Мы даём скидку на организационный период, но в этом году будем спрашивать со всей строгостью, – сказал Анастас Иванович своим гортанным голосом с очень заметным и таким непривычным для Бориса кавказским акцентом.

Затем, взглянув на Бориса и слегка улыбнувшись, видимо, тому, что перед ним в качестве представителя солидного союзного учреждения находился растерявшийся и покрасневший до ушей, совсем ещё молодой человек, чуть ли не юноша, добавил:

– Даже несмотря на вашу молодость!

Тут же Микоян подписал ряд документов – просьб в различные наркоматы об оказании определённой помощи ры-

бопромышленным организациям. Письма эти готовились в Главрыбе с участием представителей с мест; было несколько писем, имевших отношение и к Дальневосточному Траловому тресту: одно в Наркомат тяжёлой промышленности с просьбой о срочной отгрузке на Дальний Восток для нужд тралового флота стальных тросов различной толщины, другое в Главуголь с просьбой о первоочередном снабжении углём тралового флота, третье в ЦК ВЛКСМ, с просьбой помочь вербовщикам треста, работавшим в центральных губерниях и областях РСФСР, в части вербовки комсомольцев для службы на траловом флоте Дальнего Востока. Все эти письма Борис Яковлевич лично развёз по соответствующим адресам, добился приёма у нужных руководителей и получил от них заверения в том, что просьбы треста, поддержанные Микояном, будут выполнены.

Собственно, этими делами и заканчивалась командировочная миссия Алёшкина, они отняли около недели. Проводив во Владивосток главного бухгалтера треста и добившись авансовых ассигнований от Главрыбы на весеннюю путину 1933 года, Борис вступил, так сказать, в отпускной период. Первое, что он решил сделать – это отыскать дядю Митю, то есть Дмитрия Болеславовича Пигуту. Ещё в 1931 году Алёшкины получили письмо от младшей сестры Бориса, Нины. В нём она сообщала, что её бабушка А. П. Смирнова, у которой она воспитывалась в Костроме, умерла, сама Нина окончила среднюю школу и собиралась поступать в медицинский

институт. По-видимому, она будет учиться в Москве, и если не удастся получить место в общежитии, то поживёт у дяди Мити, который, якобы, перебрался в столицу и теперь жил там. Борис ответил на это письмо, дал свой владивостокский адрес. В ответном письме он сожалел, что не может взять Нину к себе, так как во Владивостоке нет мединститута. Вскоре пришло письмо и от дяди Мити, он писал, что вопрос с Ниной учёбой решён. В 1932 году она будет сдавать экзамены в Первый Московский мединститут и, если поступит, будет там учиться. Первое время она поживёт у него, а затем, если не получится с общежитием, то снимет у кого-нибудь угол. В своём письме Дмитрий Болеславович, по старой привычке в переписке с родными, так, по крайней мере, подумал Борис, сообщал не домашний, а служебный адрес. Это была какая-то санитарно-эпидемическая лаборатория Водздравотдела, размещавшаяся где-то в Нижних Котлах.

Освободившись от своих дел, Борис вместе с Катей принялись за поиски дяди. Помимо желания увидеться с родными, им было необходимо переменить и место жительства. Хотя старушка Цикина была по-прежнему любезна и гостеприимна, но стало совершенно очевидно, что пребывание в крошечной комнатке двух посторонних людей её крайне стесняло. Поэтому в первый же свободный день Борис и Катя отправились в Нижние Котлы, чтобы разыскать место работы Дмитрия Болеславовича Пигуты. Проехав довольно долго на трамвае, а затем пройдя около двух километров пешком,

они, наконец, нашли эту лабораторию. Она располагалась в каком-то полуразвалившемся деревянном бараке, окружённом целой кучей таких же непрезентабельных зданий. Улица была настолько грязна (а ведь дело было весной), что ступить на неё с проложенных вдоль заборов и домов узеньких деревянных мостков, долженствующих изображать из себя тротуары, было просто невозможно.

Нельзя сказать, чтобы нахождение дядиного учреждения в таком месте обрадовало Алёшкиных. Они подумали, что если дядя Митя работает в таком невзрачном месте, то живёт, наверно, ещё в худших условиях, и вряд ли у него можно будет остановиться. Тем не менее, они решили идти до конца. Отыскать лабораторию было нелегко, но оказалось, что и найдя её, Борис в поисках своего дяди не продвинулся ни на шаг. После длительных расспросов нескольких девушек из этой лаборатории, одна из них вспомнила, что действительно в прошлом году у них работал чудной старый доктор, ходивший на работу в болотных сапогах с собакой. Она же подтвердила, что его фамилия была Пигута. Девушка сообщила и то, что тот доктор поссорился с начальством и уволился, а где он сейчас работает и тем более живёт, никто не знает. Она предложила подождать заведующего лабораторией, который обещал к обеду вернуться (он выехал на какую-то пристань на Москве-реке). Это предложение ни Бориса, ни тем более Катю, сидевшую, как на иголках, под любопытными и насмешливыми взглядами окружавших их девушек, ни-

как не устраивало. Дело в том, что помимо всего прочего, оба они были одеты совсем не по-московски. На Борисе был купленный в их распределителе хороший дублёный полушубок, но он был хорош там, на тральщиках, в бухте Диомид и даже во Владивостоке зимой, а сейчас в Москве, да ещё в конце марта, когда уже совсем тепло, человек в таком полушубке выглядел довольно смешно. Катино зимнее пальто тоже бросалось в глаза: оно было изрядно потрёпанным, старым, длинным-предлинным.

Сославшись на занятость, они поспешили ретироваться. Возвращались домой, то есть к Цикиной, они в скверном настроении. Вместо приятного путешествия по Москве 15 дней отпуска им предстояло потратить на поиски жилья – это во-первых, а во-вторых, самим искать все магазины, музеи и театры, что было уже и в то время сделать непросто. Когда они рассказали о своей неудаче Цикиной, та посоветовала прибегнуть к услугам Мосгорсправки, благо киоск «Справка» находился прямо против ворот их дома. Конечно, Алёшкины не замедлили воспользоваться этим советом, хотя Борис и очень мало верил в успех. Однако, служащая «Справки», расспросив обратившегося гражданина о примерном возрасте его дяди, имени, отчестве и фамилии, профессии и приблизительном времени приезда его в Москву, сказала:

– Погуляйте где-нибудь с часок, потом подойдите, я думаю, что мы найдём вашего дядю.

Напротив квартиры Цикиных был сад «Аквариум», в нём помещался «Мюзик-холл», а рядом, в небольшом здании, маленький кинотеатр, Борис и Катя двинулись туда. Шла какая-то заграничная драма со скачками на лошадях, стрельбой и бешеной ездой на автомобиле. Но оба они были так поглощены ожиданием ответа «Справки», что так и не поняли, и не запомнили, что это была за кинокартина. Выбравшись вместе с толпой зрителей на улицу, они быстро пересекли её, и Борис заглянул в окошечко киоска. Сидевшая там женщина узнала его и, улыбнувшись, сказала:

– Ну вот, а вы волновались! Получайте адрес вашего дяди, я тут написала, как к нему проехать. С вас 1 рубль 20 копеек.

Борис схватил протянутую ему бумажку, торопливо отдал деньги и побежал к Кате, которая уже стояла в очереди у находившегося невдалеке ларька, где только что начали продавать апельсины. Подбежав к Кате, Борис почти закричал:

– Вот адрес дяди Мити, едем скорей, брось ты эту очередь!

На что хладнокровная и всегда более сообразительная Катя ответила:

– Не кричи и не торопись, с пустыми руками ехать нельзя. Вот хоть апельсинов привезём. Сейчас моя очередь подойдёт.

Через час Борис Алёшкин и его жена, спрашивая встречных и поперечных, нашли-таки 3-ю Песчаную улицу и приблизились к дому № 21, где, по утверждению справочной

службы, в квартире № 7 должен был жить Д. Б. Пигута. Можно было сразу заметить, что это район стройки: тут и там виднелись срубы и остовы неоконченных домов. Впрочем, некоторые, в том числе и дом № 21, уже казались совершенно готовыми, во всяком случае, они уже были под крышей, а заходящее мартовское солнце играло в стёклах новеньких окон. Из труб некоторых домов курился голубой дымок. Улица была красивой. То тут, то там росли огромные сосны, оставленные строителями для красоты, а в конце улицы виднелась даже целая сосновая роща. Правда, ни тротуаров, ни мостовой не было, да они, впрочем, были и не очень нужны. Улица недаром называлась Песчаной – почва состояла из сплошного песка, и там, где снег уже стоял, было сухо. Почти все здания были двухэтажные, они состояли из нескольких квартир.

Дом, к которому подошли Алёшкины, уже имел забор и ворота, а в глубине двора стоял длинный новенький сарай, разбитый на несколько отделений, предназначенных для каждой квартиры. Квартира № 7 находилась на втором этаже. Поднимаясь по новой, деревянной, поскрипывающей лестнице, которая одним длинным маршем проходила в специальной тесовой пристройке, служившей одновременно и сенями всем четырём квартирам дома, Борис вспомнил точно такую же лестницу в доме дяди Мити в Кинешме. Выйдя на площадку второго этажа и выглянув в большое стеклянное окно, он заметил, что и ближайшие окрестности похожи на тихую отдалённую 2-ую Напольную улицу города Кинеш-

мы.

Из стены дома, рубленого из довольно толстых брёвен, ещё не обшитых тёсом, в сени выходили две одностворчатые добротные двери, сделанные из толстых досок, пока не окрашенные и ничем не обитые. На дверях были намалёваны чёрной краской, а может быть, просто углём, крупные цифры «7» и «8». В каждой из дверей имелся внутренний замок, и, кроме того, приделаны петли для висячего замка. На квартире № 8 замок висел, квартира № 7 была не заперта. Борис дёрнул за ручку двери, но она не поддавалась. В ответ на осторожный стук изнутри раздался хриплый, как будто простуженный басовитый лай, а вслед за ним юношеский, ломающийся голос:

– Тубо, Рекс! Кто там?

Борис ответил:

– Откройте, пожалуйста, тут свои.

Дверь приоткрылась, и из образовавшейся щели выглянула мальчишечья голова. Хотя выглянувший парень был в возрасте 15–16 лет, Борис сразу его узнал, это был Костя. Однако тот узнал Бориса ещё быстрее. Он широко распахнул дверь, бросился к приезшему и обнял его за шею:

– Ой, кто приехал-то! Борис! Боря, здравствуй. Вот здорово-то!

Затем, заметив Катю, он отпрянул, и, видимо, смутившись своего порыва, быстро юркнул обратно в дом, однако продолжал кричать:

– Боря приехал! Боря приехал!

Его крики разносились по квартире так, как будто он кричал в каком-то большом зале. Борис и Катя стояли в нерешительности: первый потому, что он помнил, как нелестно отозвался об Анне Николаевне в своём письме, написанном десять лет тому назад из Шкотова, и теперь резонно опасаясь встречи с ней, а вторая просто потому, что подобное поведение хозяина, так необычно встречавшего гостей-родственников, ей было непонятно.

Прошло несколько секунд, пока они стояли около полуоткрытой двери, не решаясь переступить порог, как вдруг показалась низенькая, довольно некрасивая девушка, одетая в какое-то поношенное, с чужого плеча, старомодное платье. Борис и Катя сразу узнали сестру Нину Смирнову, она прислала им карточку, сделанную в 1931 году. В свою очередь и Нина, имевшая фотографию Бориса, снятого ещё в красноармейской форме, его тоже узнала. Ну, а о том, кто такая стоявшая рядом с ним молоденькая женщина, она, конечно, тут же догадалась. Нина знала, что её брат женат. Она схватила обоих гостей за руки и потянула их внутрь помещения.

– А ведь я думала, что это Костыка меня разыгрывает! Заходите, раздевайтесь, здравствуйте!

Она чмокнула Бориса в щёку, и, стаскивая с Кати её длинное зимнее пальто, попутно обнимала её и говорила:

– Какая же ты красивая, Катя! И как только ты согласилась выйти замуж за такого длинноносого, как мой братец? Да

тише ты, Рекс! Костя, уйми ты, наконец, этого пса!

Всё это она говорила быстро, торопясь и одновременно целуя Катю, говорила, явно волнуясь, и как бы на одном дыхании. Наконец, Алёшкины разделись, повесив свою одежду на гвозди, вбитые недалеко от двери. Костя тем временем уложил на место старого большого рыжего мохнатого сеттера, который, видя радость хозяев, тоже проявлял её, повизгивая и стуча своим хвостом по подстилке, где он, наконец-таки улёгся.

Борис и Катя осмотрелись. Помещение, где они очутились, представляло собой почти квадратную, очень большую комнату, в центре которой стояла печь с плитой. В некоторых местах к стенам комнаты были прислонены какие-то строительные детали, а в трёх углах её, видимо, жили хозяева квартиры. Один из углов, отгороженный ситцевой занавеской, за которой стояла колченогая железная кровать, очевидно, был женским – там жила Нина. В противоположном углу стояла солдатская кровать, около которой находился опрокинутый деревянный ящик. На нём в живописном беспорядке были разбросаны самые разнообразные предметы мальчишеского быта – книги, учебники, старый брезентовый портфель, коньки, какие-то железки и деревяшки. Было понятно, что этот угол принадлежит Косте. И, наконец, третий угол был занят хорошо знакомым Борису старым письменным столом, видимо, привезённым из Кинешмы. На нём громоздились книги, газеты, журналы и рукописи, закрывая

чуть ли не половину большого окна, около которого он стоял. В стене рядом с этим столом находилось ещё два окна, а в той, которая сходилась с первым углом и выходила на улицу, была большая стеклянная дверь, ведущая на ещё не достроенную веранду. Окно на улицу имелось и около Костиного угла, в других стенах окон не было. В доме насчитывалось восемь квартир, двери каждой из них выходили на двор. Около печки стоял большой простой, так называемый кухонный стол, служивший, помимо обеденного, и столом для занятий обоим молодым людям. На стене висел простенький шкафчик, в котором стояло несколько выщербленных тарелок, эмалированных кружек, два стакана и знаменитая бабуся, как вспомнил Борис, кружка. Это была большая старинная, очень тонкого фарфора светло-коричневая кружка, с полустёршимся, видимо, когда-то очень красивым рисунком. Она досталась бабуся от её матери, и та её очень любила. Как вспомнил Борис, это была единственная вещь, кроме нескольких книг, писем и бумаг, которую взял себе после смерти матери Дмитрий Болеславович, оставив всё остальное сестре Елене.

Сиденьями в этом, напомнимшем Борису лесное зимовье, жилище, служили несколько старых табуреток и опрокинутые ящики. Обстановка, по сравнению с мебелью, которой была заставлена комнатка Цикиной, выглядела прямо-таки по-спартански. Борис взглянул на Катю, но та уже, видимо, ничего не замечала: захваченная своей новой младшей род-

ственницей, она была ошеломлена. Катя, вообще по натуре сдержанная, как и вся их семья, привыкшая к суровому, можно сказать, немного строгому обращению, занятая тяжёлой физической работой, как-то не была склонна к проявлениям особой нежности, а всякие поцелуи и объятия – всё это считала уделом маленьких, с которыми было можно. Для подростков и тем более взрослых такие нежности в её представлении выглядели даже как будто чем-то неприличным. А тут Нина, без конца прерывая свои расспросы и рассказы поцелуями, просто огорошила Катю.

Между тем Костя успел рассказать Борису, что Дмитрий Болеславович вступил в специальный кооператив, который строит эти дома. Постройка ещё не завершена, и поэтому они пока приехали вдвоём, а Анна Николаевна продолжает жить и работать в Кинешме. Она переедет сюда только тогда, когда всё будет закончено. Это случится, наверно, в будущем году. Затем Борис и Катя узнали, что дядя Митя работает в новой лаборатории на Сельхозвыставке, которая строится где-то на окраине Москвы. Домой он поэтому приезжает очень поздно, так как после работы ещё бегает по магазинам, покупая еду. Всё, что положено по карточкам, Костя и Нина приносят из лавки неподалёку. Нина учится в Первом Московском мединституте на первом курсе, заканчивает его, а Костя – в седьмом классе.

Тем временем девушки занялись хозяйством – разожгли примус, поставили на него чайник и стали готовить ужин, ко-

торый хозяевам показался шикарным, так как к имевшейся у них картошке добавились продукты, принесённые Алёшкиными. На конечной остановке трамвая у Всехсвятского они купили в коммерческом ларьке колбасу, сыр и торт, кроме этого на ужин были и апельсины.

На улице совсем стемнело, когда послышались тяжёлые шаги по лестнице, и Рекс, подняв свою умную голову, приветливо застучал хвостом. В замок кто-то вставил ключ, замок открылся, и в комнату вошёл дядя Митя.

## Глава шестая

По предложению Нины и Кости, Борис и Катя хотели спрятаться, но было уже поздно, и вместо этого получилось, что все они вчетвером вместе с оживлённо прыгавшим Рексом встретили Дмитрия Болеславовича у входа.

Было уже темно, а в квартире горела только одна лампочка над столом, закрытая от входа печкой. Другую лампочку – над своим письменным столом – Дмитрий Болеславович в целях экономии вывёртывал и прятал в ящик стола. У входа света не было, и поэтому он не сразу узнал гостей. Он был поражён такой многолюдностью в квартире и подумал, что это пришли знакомые Кости или Нины. Кстати сказать, он не очень любил, когда молодёжь, приходившая иногда к ребятам, задерживалась до его прихода. Он подумал, что молодые люди торопятся уйти, поэтому буркнув какое-то приветствие и отдав Нине старенький дерматиновый, раздутый до пределов портфель и битком набитую авоську, отвернулся к стене и стал молча раздеваться. Тут уж Костя не выдержал, он закричал:

– Папа! Да ты что, разве не видишь, кто к нам приехал? Посмотри!

Полураздетый Дмитрий Болеславович обернулся, взглянул на Бориса и узнал его. Так и не сняв до конца своё старое зимнее пальто (Борис хорошо помнил его, когда-то это бы-

ла шикарная шуба на лисьем меху с хорошим барашковым воротником, в настоящее время сохранившая лишь остаток своего бывшего величия – во многих местах неумело зашитое, а воротник облез), он бросился к Борису, который теперь ростом стал выше его, обнял его несколько раз, поцеловал и дрожащим от волнения голосом произнёс:

– Боря, да это ты! Как же так, без предупреждения! А ведь я тебя совсем было не узнал! Какой же ты большой стал, вот хорошо, что ты приехал!

Затем он повернулся к Кате и как раз в это время Костя успел-таки стащить с него пальто совсем и повесить на гвоздь. И Дмитрий Болеславович смог со своей церемонной старомодной галантностью подойти к Кате и поцеловать её руку, чем очень смутил бедную комсомолку, ведь никогда и никто ещё из взрослых людей ей руки не целовал. Лишь её Борька делал это, балуясь, и, конечно, не так учтиво, как дядя Митя.

– Я, разумеется, сразу догадался, что это твоя супруга, Борис, и зовут её, по-видимому, Катя. Как видишь, хотя ты мне о своей женитьбе и не сообщал, а я всё-таки знаю! Ну, раз это твоя жена, следовательно, она моя племянница и близкая родственница, и на этих правах я её расцелую.

И Дмитрий Болеславович, соединяя слова с делом, крепко обнял уже совсем смутившуюся и растерявшуюся Катю. Затем все уселись за стол. К продуктам, принесённым Борисом и Катей, к горячей варёной картошке, дядя Митя добавил и

ещё кое-что. Ужин получился великолепный. Он был хорош и тем, что всё это время не смолкал оживлённый разговор: расспросы, ответы, возгласы удивления и вообще всеобщей болтовни, которая бывает в таких случаях. На столе спиртные напитки не стояли, но разговоры проходили настолько громко и сопровождались таким весёлым смехом, при этом громче всех раздавался раскатистый хохот Бориса, что соседи, привыкшие к обычной тишине в квартире Пигуты, удивлённо приоткрыли свои двери и, по всей вероятности, решили, что у Дмитрия Болеславовича наконец-то произошла пьянка.

Делая комплименты Катиной молодости, уму и изяществу, дядя Митя пожелал Борису и Кате большого счастья и, конечно, детей. Каково же было его удивление, когда он узнал, что они не только муж и жена, но и счастливые родители, имеющие дочку, которой уже скоро будет пять лет. Тут вновь начались расспросы и рассказы. В общем, ужин затянулся до полуночи. И, собственно, только тогда Дмитрий Болеславович, заявив, что гости, конечно, останутся ночевать, осведомился, надолго ли они появились в Москве, где остановились и какие у них планы. Борис без стеснения рассказал, что, по существу, жить им негде, так как хозяйка той комнатухи, где они остановились и живут уже около недели, явно стеснена их присутствием, а найти отдельный номер в гостинице практически невозможно.

Далее он сообщил, что со всеми делами у него покончено,

и они теперь хотели бы пару недель погулять по Москве, походить по музеям, театрам и кое-что купить. Дмитрий Боле-славович немедленно заявил:

– Ну, тогда и говорить нечего, будете жить у нас. Как видите, места более чем достаточно, ну а комфорта... Что ж поделаешь, я думаю, что вы не очень взыскательны. Тебя-то я знаю, надеюсь, что и Катя как-нибудь с нашими неудобствами примирится. Да и молодёжи моей будет развлечение, у них через пару дней начинаются каникулы. Москву они уже немного изучили и, вероятно, с удовольствием походят с вами.

Это предложение Борис и Катя встретили с радостью, ну а Костя и Нина с восторгом. После чая все приступили к устройству на ночлег. Конечно, главной заботой хозяев было поудобнее устроить Бориса и Катю. Изобрели двуспальное ложе: по распоряжению дяди Мити Костя принёс из сарая два ящика, ещё два нашлись в чулане, все их опрокинули и сверху взгромоздили самую широкую из стоявших у стены дверей. На дверь постелили травяной матрац, на котором обычно спал сам дядя Митя. Нашлась и простыня, и старенькое суконное одеяло, собрали и две подушки. Конечно, при этом немного обездолили хозяев. Всё это было сделано несмотря на энергичные протесты Алёшкиных. Дядя Митя заявил, что он будет спать на раскладушке, и потому ему никакой матрац не нужен. До этого он тоже спал на двери (меньшего размера), укладываемой поверх кирпичей, а на

день ставившейся к стене.

Наконец, всё было приготовлено. Обитатели квартиры прогулялись в места «не столь отдалённые», которые, кстати сказать, в этом доме оказались очень отдалёнными: они находились в самом конце двора, за сараями, самого примитивного типа, и чтобы туда проследовать, нужно было миновать стоявший во дворе ещё один одноэтажный дом, возле которого дежурила маленькая, но удивительно громкоголосая грязно-белая собачонка неопределённой породы (хозяйка звала её болонкой), которая при появлении посторонних (а посторонними она считала всех, кроме своей старухи-хозяйки) поднимала такой лай, что способна была разбудить жильцов всей 3-й Песчаной улицы.

Когда хозяева и гости распределились по отведённым им спальным местам, Дмитрий Болеславович развернул свою раскладную кровать, состоявшую из двух крестовин, скреплённых между собой двумя круглыми палками с натянутой на них парусиной. Между прочим, Костя сказал по секрету Борису, когда они были на дворе, что эта кровать – изобретение и изделие самого дяди Мити, и пока ещё на ней никто не спал:

– Он приготовил её для мамы, которая собирается к лету приехать на несколько дней, вот сегодня он и опробует свою раскладушку.

Перед тем, как раздеться и лечь спать, дядя Митя заявил:  
– Ну, так как комнат в нашей квартире ещё нет, ширм

тоже, то будем раздеваться и ложиться спать после того, как я выключу свет.

Электропроводка в доме была временной, поэтому свет гасился выкручиванием лампочки. Когда Дмитрий Болеславович вынул её, наступила абсолютная темнота. Небо закрывали облака, луны не было, а уличное освещение здесь тоже пока ещё отсутствовало. После наступления темноты молодые люди быстро разделись и каждый юркнул в свою постель. Забрались на своё ложе и Борис с Катей. Между тем, дядя Митя, пройдя от центра комнаты к своему углу, успел зацепить две табуретки, чем наделал немало шума и вызвал сдержанные смешки всех остальных. Но поистине гомерический хохот раздался в тот момент, когда Дмитрий Болеславович, сложив одежду на одну из табуреток, сел на свою раскладную кровать, которая под его тяжестью сперва заскрипела, а затем с довольно сильным треском разъехалась в разные стороны, и бедный дядя Митя шлёпнулся со своим брезентовым ложем на пол. Нужно заметить, что, хотя он и чертыхнулся при этом, но смеялся едва ли не громче всех. Узнав, что остальные уже под одеялами, он натянул штаны, зажёг стоявшую на столе свечу (в то время это было необходимое добавление к электричеству, которое на окраинах Москвы выключалось довольно часто), взял свою обычную дверь, уложил её на кирпичи, разостлал висевший у входа старый огромный тулуп, доставшийся ему по наследству от Болеслава Павловича, и улёгся на этот раз благополучно.

Нахохотавшись вдоволь, все скоро уснули, не спалось только Борису. Он лежал и, глядя в темноту, где привыкшие к ней глаза стали различать смутные очертания окружающих предметов и чуть серевшие просветы окон, вспоминал свой разговор с дядей Митей.

За ужином, пока Нина и Костя занимали весёлой болтовнёй и донимали различными расспросами Катю, Борис слушал рассказ Дмитрия Болеславовича о том, как он и его семья прожили эти 9 лет. Из этого рассказа он узнал, что, в конце концов, дядя Митя окончательно рассорился с кинешемским уездным начальством: слишком уж неприемлемым и принципиальным был он в своих требованиях по улучшению санитарного состояния города, окружающих его заводов и фабрик. Многие требования Пигуты по тому времени казались просто нелепыми. Например, он настаивал, чтобы не позволять текстильным фабрикам спускать в Волгу сточные воды без предварительной очистки, так как они-де этим губят реку. Очистные сооружения стоили дорого, средств на капитальное строительство не хватало, а страна нуждалась в большом количестве самой разнообразной материи. Любой директор фабрики предпочитал лучше построить ещё цех, приобрести лишние станки, чем расходовать средства на какие-то очистные сооружения, которые вряд ли и нужны вообще. Ведь в то время теория о самоочищении рек, особенно крупных, была превалирующей. Напрасно Дмитрий Болеславович приводил примеры Темзы,

Сены и других загрязнённых рек, его требования признавались утопичными и ненужными.

Пожалуй, только теперь, через полвека, когда мы пишем эти строки, люди стали понимать, как важно оберегать природу, в том числе и любые водохранилища, и реки от загрязнения. В то время этому вопросу значения не придавали.

Подобные требования, а также стремление доказать свою правоту через центральные органы и вызвали ссору Дмитрия Болеславовича Пигуты со всем начальством города Кинешмы. Естественно, что в таких условиях оставаться там и работать ему стало невозможно, он был вынужден уехать из родной Костромской губернии, которую так любил, которая была дорога ему как родина, как память детства. Необходимость переезда в Москву объяснялась ещё и заботой о будущем сына. Костя после школы должен был учиться в каком-нибудь вузе, а таких, как известно, ни в самой Кинешме, ни поблизости не было. Отпускать сына одного в Москву оба родителя не могли, поэтому и было принято решение о перемене места жительства. Если со службой в столице трудностей не возникло (столь квалифицированному санврачу, как Пигута, работа нашлась сразу), то с жильём дело обстояло хуже. Начиная с 1924 года— времени переезда дяди Мити в Москву, количество жителей в столице стало быстро возрастать, а жилой фонд увеличивался очень медленно. Примерно год Дмитрий Болеславович перебивался, живя то у Соколовых, то у других знакомых, то снимая различные уг-

лы. Это обходилось недёшево, и он, наконец, решился вступить в жилищно-строительный кооператив. Пришлось ждать ещё около двух лет, пока кооператив, где Пигута постепенно добрался до членов правления, начал строительство группы домов, в одном из которых получал квартиру и он. В то время строительство на окраинах Москвы в основном было деревянным. Велось оно медленно, так как использовались дедовские методы – топор, пила и лопата. Вот поэтому дом, начатый ещё в 1928 году, в 1933 году всё ещё не был достроен.

Теперь, как с энтузиазмом заявил дядя Митя, дело близилось к концу, внутреннее устройство квартиры должно быть готово самое большее через год, и их семья соединится. Он жаловался:

– Очень трудно жить на две семьи. К тому же и Костя баблется: то он живёт и учится в Кинешме, то в Москве, разные школы – разные требования, а следовательно, и разные успехи. Перевозить Анну Николаевну в такой сарай просто невозможно. Да, кроме того, надо в Кинешме обстановку беречь, ведь если она оттуда уедет, то нужно и всю мебель забрать, а куда её деть? Вот так и живём врозь. Ну, да надеюсь, что скоро это закончится.

Рассказал дядя Митя взрослому племяннику и о своих служебных делах. После очередной ссоры с руководством бассейновой санитарно-эпидемической лаборатории горздравотдела Пигута ушёл оттуда и некоторое время находился в довольно затруднительном положении. Но вот, в

конце 1931 года по рекомендации одного своего однокашника по Военно-медицинской академии, занимавшего солидный пост в органах здравоохранения, он был принят санитарным врачом на Сельхозвыставку. Правда, в то время для неё ещё только отводилась территория, большая часть её будущих экспонатов находилась где-то в колхозах и совхозах и, может быть, даже и не предполагала того, что она будет удостоена такой чести, как быть представленной на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Правительство, однако, уже приняло решение о том, чтобы выставка стала постоянно действующим центром, способным демонстрировать наивысшие достижения сельского хозяйства страны Советов, и неким почётным стимулом для работников сельского хозяйства. Для размещения сельскохозяйственной выставки отвели обширную территорию в районе Останкино по соседству с уже начавшим развиваться Ботаническим садом Академии наук. Как известно, территорию бывшей сельскохозяйственной выставки около Крымского моста (там она была с 1924 года), решили передать Центральному парку культуры, и там уже начали соответствующие работы.

Дмитрию Болеславовичу Пигуте в составе руководства С.Х.В. первому пришлось заниматься санитарно-гигиеническими и санитарно-эпидемическими проблемами, возникавшими в процессе строительства и в связи с появлением на ней в скором будущем всевозможных рогатых, хвостатых и крылатых экспонатов. Ведь все эти животные, собранные

вместе, посещаемые большим количеством людей, прибывавших из самых разных мест, в том числе и с далёких окраин страны, могли стать источниками появления и распространения заразных заболеваний. Да и просто скопление людей и животных в одном месте огромного города требовало продуманной и чёткой организации целого комплекса санитарно-гигиенических мероприятий, чтобы территория и помещения выставки находились постоянно в необходимой чистоте и порядке. Правда, в то время ещё никто и не предполагал, каковы в действительности вскоре будут масштабы этой выставки, но, тем не менее, даже тогда на долю Дмитрия Болеславовича выпала большая работа по проверке и контролю планирования и строительства водопроводной и канализационной сетей, очистных сооружений, мусоросборников и т. п. Эта работа его очень заинтересовала, взялся он за неё со свойственной ему энергией и жаром. Много спорил, много думал, и тогда-то у него впервые зародилась мысль о необходимости уничтожения мусора, ежедневно накапливавшегося в любой квартире, в любом населённом пункте и, особенно в большом городе, или вот в таком сооружении, как С.Х.В. Он хорошо изучил все методы очистки, применяемые за границей, а кое-где и у нас, и пришёл к выводу, что все они несовершенны и, в конце концов, ведут не к очистке, а наоборот, к загрязнению природы, окружающей города. Тогда же впервые у него возникла идея о биологическом методе переработки мусора, но все его высказывания и пред-

ложения по этому поводу руководителей строительства выставки не убеждали, а доказать их целесообразность он пока ничем не мог. Несмотря на его просьбы ввести этот метод, хотя бы на части территории выставки, разрешение не дали. Это обидело Дмитрия Болеславовича и заставило относиться к работе без прежнего огонька. Он, конечно, добросовестно выполнял свои обязанности, но мысли его были заняты всё той же идеей. Чтобы получить фактические результаты, он решил опробовать метод в своём доме, пытаясь об этом договориться с соседями и соответствующим районным начальством.

Рассказал дядя Митя и о том, что Костя, в общем, учится неплохо, только чересчур увлекается спортом – велосипедом и боксом. На Нину он не мог и нахвалиться, она, по его словам, не только отлично училась в институте, но и вела всё домашнее хозяйство, и очень положительно, как выразился Дмитрий Болеславович, влияла на взбалмошного и неуравновешенного Костю.

Следующим утром наметили дальнейший план для гостей. Нина в предстоящие каникулы собиралась ехать в Кострому, к дяде Юре, теперь же она решила остаться в Москве, чтобы на правах москвички показать Борису и Кате различные музеи, театры и т. п. У Кости каникулы начинались через несколько дней, после чего он тоже мог присоединиться к этой компании, ну, а дядя Митя обещал выкраивать больше свободного времени и чаще бывать с молодёжью.

В первый же день Борис и Катя, обратив внимание на одежду Нины, посоветовались и решили её немного приодеть. Правда, ни тот ни другая, ни тем более сама Нина, никакого опыта в этом деле не имели, ведь до сих пор Алёшкины почти совсем не думали о красивой одежде, большей частью покупали то, что попадалось в распределителе. Ну а тут, попав впервые в ЦУМ (так назывался в то время самый большой магазин в Москве, помещавшийся в бывшем здании магазина «Мюр и Мерелиз») и увидев огромное количество самых разнообразных товаров, они растерялись и купили таких вещей, которые оказались и не очень-то к лицу, и не вполне подходили по размерам, да в некоторых случаях были и не так уж нужны. Кате купили модное пальто-манто, оно было очень красивым, сравнительно дорогим и Кате шло (а какое пальто не пойдёт молодой, красивой женщине?), но оно выглядело уж чересчур модно, и если в Москве такие пальто встречались нередко, и Катя его носила, то вернувшись во Владивосток, надела всего несколько раз. Естественно, что вслед за таким пальто нужно было приобрести соответствующую обувь и шляпу. Купили и платье – тоже модное. Борис приобрёл себе прорезиненный плащ тёмно-серого цвета с поясом и новую кепку. Нине купили осеннее пальто (демисезонное), внешне оно было неплохим, но по росту явно не подходило. Других похожих в продаже не было, а Нине пальто очень понравилось, несмотря на то, что по длине оно доставало ей почти до пяток. Девушка чувствовала

себя безмерно счастливой потому, что это была, пожалуй, первая вещь, купленная в большом магазине специально для неё, а также потому, что покупателем был её родной брат Боря. Может быть, поэтому она и не видела всех недостатков купленной обновы.

Разумеется, кроме этих приобретений, наши беспечные молодые люди накупили и много другой одежды и женского белья. Кое-что купили в подарок дяде Мите и Косте. Маме и Вере взяли материи на платья, а Элочке – целую кучу различных игрушек. Кроме того, в этом же ЦУМе на подвальном этаже оказался отдел, битком набитый патефонами – то есть граммофонами, упрятанными в маленькие чемоданы. Этот музыкальный проигрыватель в те годы только начал выпускаться советской промышленностью и считался одним из самых модных. Приобретение его было давнишней мечтой Бориса, Катя не возражала. К патефону купили десятка два пластинок, с голосами Собинова, Неждановой, Утёсова, Александрова и других. Разумеется, это были не современные долгоиграющие тонкие пластинки, а тяжёлые, легко бьющиеся, на которых одну лишь арию Ленского записывали на обеих сторонах, да и то в сокращённом виде. Но в те времена и это считалось большим достижением техники, по крайней мере, в глазах тех людей, жизнь которых мы описываем.

Нагруженные покупками, Алёшкины зашли к Цикиной, забрали свой чемодан, очень тепло с ней простились и уже

окончательно переехали к дяде Мите. Им оставалось пробыть в Москве около двух недель. Нечего и говорить, что все эти дни были заполнены походами по музеям, кинематографам и театрам до предела. Кроме того, были обеганы почти все крупные магазины, и в каждом из них Борис и Катя оставляли солидную часть своих денежных запасов. В «Мюзик-холле» они слушали Хенкина и Утёсова, посмотрели две оперетты, несколько раз были в разных кинотеатрах, в том числе даже в звуковом. Видели и слышали первую звуковую советскую картину «Путёвка в жизнь», и, хотя сама картина всем понравилась, но звук в ней как-то даже разочаровал. Произошло это то ли потому, что воспроизведение звука было далеко не совершенным, то ли потому, что это нововведение как бы противоречило самому понятию кино, прозванному, как мы помним, великим немым. Так или иначе, но большого впечатления звуковое кино на наших друзей не произвело. При обсуждении этого вопроса дома единодушно решили, что кино – и так хорошая вещь, и что звуком его, пожалуй, можно только испортить. Странно, не правда ли, слушать такие рассуждения сейчас, когда немая кинокартина считается каким-то допотопным архаизмом, который удивляет не только наших детей и внуков, но уже, пожалуй, и нас самих. Ведь мы теперь и сами иногда говорим:

– Неужели нам могли нравиться немые кинокартины?..

Да! И ведь не только нравились, мы даже считали, что звук в кинематографе ни к чему.

Конечно, наши путешественники вместе с теми, кто их постоянно сопровождал, т. е. Костей и Ниной, были и в Большом театре, и даже не один раз. Борис, да и Катя, сейчас уже, конечно, не могут вспомнить и рассказать обо всём виденном в те сумасшедшие дни в музеях, театрах и кино, но одно из посещений Большого театра в их памяти сохранилось более или менее отчётливо. Как правило, билеты в театры, кино, цирк и музеи покупали Алёшкины на всех. Дядя Митя на многие представления не ходил, ссылаясь на усталость или занятость на работе. Билет его иногда удавалось продать, но чаще он пропадал. Но однажды он заявил, что в местное своего учреждения ему достались билеты в Большой театр на оперу «Лоэнгрин», петь будет Собинов, и пойти нужно обязательно. Он сказал, что билеты принесёт прямо к началу, и чтобы все ждали его у входа в театр. Слушая отца, Костя неопределённо хмыкнул, а когда дядя Митя ушёл на работу, и молодёжь уселась завтракать, он заметил:

– Ну, папа чего-нибудь учудит...

Конечно, остальные стали его стыдить, но он только посмеивался и отшучивался. День прошёл, как и все эти дни, в обычной суматохе. К семи часам вечера все четверо – Борис, Катя, Нина и Костя стояли около колонн Большого театра и поглядывали в разные стороны, а чаще всего на трамвайную остановку, ища глазами дядю Митю. В то время метро, первая очередь которого ещё только строилась, напоминали лишь кучки комсомольцев-строителей, одетых в ка-

кие-то непривычные для глаз брезентовые робы, выпачканные глиной и землёй, и каски, с гордым видом шагавшие по главным улицам города, да вышки шахт, огороженных деревянными заборами и как-то нелепо выделявшихся среди рядных домов центра Москвы. По площади Свердлова тогда ходили трамваи, бывшие основным средством передвижения в городе.

Уже прозвенел первый звонок, за ним второй, у входа в театр почти не осталось людей, а дяди Мити всё не было. Костя, злорадно усмехаясь, воскликнул:

– Ну, что? Я вам говорил, говорил!

Все были огорчены: вечер пропал! Теперь уж никуда не попадёшь. А кроме того, всем, и особенно Нине, большой поклоннице музыки, хотелось послушать Собинова. Но как раз в тот момент, когда молодые люди уже были готовы направиться к остановке трамвая, чтобы ехать домой, показался запыхавшийся дядя Митя. В одной руке у него был старенький раздутый портфель, а в другой – о ужас! – авоська, из которой виднелись бутылки с молоком и наваленные грудой какие-то мясные огрызки и кости.

– Заждались, мои милые? Ну, пошли, пошли, а то опоздаем. А я задержался... Вот, простоял в очереди за костюмами для Рекса.

Костя возмутился:

– Как, и ты думаешь со всем этим в театр идти?

– Да нет, Костенька, мы это в гардероб сдадим.

Пошли в гардероб (так тогда называли то, что мы сейчас зовём вешалкой), разделись, и тут выяснилось, что сдать авоську в гардероб категорически нельзя. Напрасно дядя Митя спорил, грозился пожаловаться директору театра – гардеробщицы оставались непреклонны. Пришлось брать авоську с собой. Тут выявилось новое несчастье: места, указанные в билетах дяди Мити, оказались на разных рядах: два на первом ряду балкона, два на третьем ряду и один в партере. Дядя Митя решил, что в партер, как на самое почётное место, пойдёт Катя, а остальные разместятся на балконе, т. е. на галёрке. Конечно, Катя от партера отказалась. Она и так была ошеломлена этим многолюдьем, великолепием театрального убранства, и вдруг сидеть где-то одной – нет, они с Борисом сядут на балконе. Нина и Костя тоже отказались идти в партер, надеясь поменяться местами, чтобы сидеть вместе с Алёшкиными. В партер пришлось идти дяде Мите.

Поменяться местами на балконе оказалось нетрудно: соседи Нины и Кости с третьего ряда с удовольствием пересели на первый, заняв места Бориса и Кати, а те разместились рядом с Ниной. Всё как будто устроилось, уже началась увертюра этой чудесной оперы Вагнера, как вдруг рядом с нашими зрителями появился дядя Митя, и, с растерянным видом пробравшись мимо ворчавших соседей, заявил, что его с авоськой в партер не пускают и он не знает, что делать. К счастью, рядом с Борисом оказался молодой разбитной человек, который, услышав затруднения дяди Мити, предложил:

– Садитесь на моё место, а я пойду в партер.

Несмотря на то, что это было сказано как будто шутя, дядя Митя обрадовался, немедленно согласился и уселся рядом с Борисом, отдав свой билет находчивому парню.

Спектакль, поставленный замечательно, произвёл сильное впечатление на Бориса и Катю. Кстати сказать, это было их первое посещение Большого театра. У них ещё имелись билеты на «Кармен», но этот спектакль шёл через два дня. Как бы то ни было, посещением Большого театра все остались довольны, и только Костя каждый антракт ворчал на отца, а тот смущённо оправдывался. Зато уже дома по поводу авоськи со злосчастными костями и мест в разных концах зала над бедным дядей Митей потешались все. Это продолжалось до тех пор, пока Катя, напустив на себя строгость, не заявила, что стыдно смеяться над взрослым человеком, желавшим сделать им хорошо и приятно. После этого все угомонились. Пожалуй, больше всех был доволен Рекс, который с этого дня недели две питался вкусной мясной похлёбкой и с аппетитом глодал кости.

Всё имеет конец, заканчивалось и весёлое времяпровождение Алёшкиных в Москве. Железнодорожные билеты они приобрели заранее, а между тем денег на дорогу почти не осталось. Ехать предстояло 9–10 дней. Подумав и посоветовавшись с Катей, Борис направился на Никольскую, 8. Там помещалось представительство Востокрыбы. Явившись к управляющему этой конторы, Алёшкин смущённо заявил,

что он основательно поистратился и ему теперь просто не с чем ехать домой во Владивосток. Управляющий, видимо, привык к подобным ситуациям. Он без всякого удивления или раздражения посмотрел на растерянное лицо Бориса, улыбнулся и сказал:

– Ну, не расстраивайтесь, это со многими бывает. Мы знаем, Москва деньги любит. Вам тысячи рублей хватит? Пишите заявление.

Борис был и обрадован, и удивлён. Он ожидал, что придётся долго уговаривать, и был бы рад выпросить рублей 300–500, а тут целая тысяча! Он, конечно, немедленно написал заявление, на котором управляющий поставил резолюцию, поблагодарил, и через час с небольшим уже ехал на трамвае № 6 по Тверской на квартиру Пигуты, где его с нетерпением и волнением ждала Катя. Однако, получив неожиданно большую сумму денег, Борис решил самостоятельно сделать ещё одну покупку. На Тверской, не доезжая Белорусского вокзала, находился комиссионный магазин, в окнах которого стояли различные фотоаппараты – предмет Бороного вождения. Он не удержался, соскочил на трамвайной остановке напротив этого магазина, зашёл в него и сейчас же увидел свою мечту. Это был почти новый фотоаппарат отечественного производства, известный под названием «Москва». Он имел хороший объектив, мех двойного растяжения, что позволяло делать снимки на очень близком расстоянии, и заряжался кассетами 9 x 12 см. К этому ап-

парату прилагалось шесть кассет, две дюжины пластинок и несколько пачек бумаги. Всё это стоило 120 рублей. Ни секунды не раздумывая, Борис купил этот аппарат и явился домой в самом счастливом настроении. Катя обрадовалась, что Борис так легко получил солидную сумму денег, и поэтому на приобретение непредусмотренной вещи посмотрела сквозь пальцы.

День спустя Алёшкины, провожаемые родными, уже сидели в купе мягкого вагона скорого поезда, отправлявшегося во Владивосток. В вагоне было свободно. В купе, которое занимали Алёшкины, одно место так до самого Владивостока и пустовало. Третьим пассажиром был весёлый молодой человек, оказавшийся корреспондентом какой-то столичной газеты, ему было около 20 лет, и он рассказывал множество анекдотов, забавных историй и, кроме того, недурно играл в шахматы. В преферанс он, к сожалению, играть не умел, в других купе партнёров тоже не оказалось, и поэтому значительную часть пути Борис и Катя провели у окна вагона.

На больших станциях их поезд, хотя и был скорым, стоял довольно долгое время, и Алёшкины успевали основательно нагуляться. Вообще же они за прошедшие двадцать дней пребывания в столице получили так много новых впечатлений, что им едва хватило времени, чтобы обсудить, осмыслить всё виденное и слышанное. В разговорах о Москве и её достопримечательностях принимал участие и их сосед, коренной москвич. Он, оказывается, за всю свою жизнь не отъ-

езжал от Москвы более чем на полтораста километров, и потому путешествию во Владивосток был очень рад. Первые два дня он охотно ходил с Борисом и Катей в вагон-ресторан, где они завтракали, обедали и ужинали. Кормили их очень вкусно, сытно, но, конечно, как это и бывает в ресторанах, дороговато. И хотя ни Борис, ни их новый знакомый не злоупотребляли спиртным – самое большее, выпивая по бутылке пива, обед их обходился по восемь рублей на брата. Борис и Катя имели при себе достаточно денег, хватило даже на то, чтобы оставить около двухсот рублей Нине на её нужды и купить какую-то безделушку для Анны Николаевны.

На третий день пути их сосед вдруг от посещения ресторана отказался, сделал это он и на четвёртый. Алёшкины почували неладное. Вначале они решили, что их весёлый попутчик заболел, тем более что он стал менее разговорчивым и грустным. Когда же он отказался от еды в ресторане и на пятый день, то Борис и Катя пристали к нему с расспросами, и он не выдержал:

– Знаете что, друзья, – сказал он, – мне в редакции дали на командировку всего двести рублей. Около ста стоил билет, кое-что пришлось купить на дорогу, и когда я сел в поезд, у меня оставалось около 80 рублей. Билет на обратную дорогу мне приобретут во Владивостоке, ну а жить-то – и в дороге, и там, на месте, нужно будет на свои деньги. После двух дней ресторанной жизни я понял, что моих средств мне едва хватит на питание в дороге, а что я буду делать, приехав?

Тем более, по вашим рассказам, питание и жильё во Владивостоке обходится дорого. Вот я и решил экономить. Я ведь совершенно не представлял, какие расходы мне предстоят!

Алёшкины, услышав этот рассказ, сперва удивились, потом разозлились на начальство, отправившее такого неопытного юнца, не обеспечив его материально. Себя они уже считали чуть ли не стариками по сравнению со своим попутчиком, хотя и были-то старше его на каких-нибудь 4–5 лет. Стали думать о том, как же помочь его горю. Катя предложила:

– Вот, что, Юра, возьмите-ка деньги у нас, потом отдадите. Ведь мы домой едем, там уж обойдёмся. Вам в нашем городе без денег будет очень трудно. Борис, ведь мы можем ему дать займы рублей двести?

Борис ответил кивком головы, подтверждая своё согласие с проектом супруги, но Юра категорически отказался от денег. Он говорил, что ему неудобно занимать такую большую сумму у людей, с которыми он случайно познакомился только несколько дней тому назад. Борис перебил его, доставая бумажник и протягивая деньги:

– Всё на свете случайно! Берите, берите! Разбогатеете, отдадите.

Наконец, после долгих уговоров Юра согласился взять 100 рублей, пообещав вернуть их при первой возможности. После этого все отправились в ресторан и вновь весело пообедали. Дальнейшее путешествие прошло без приключений.

## Глава седьмая

По возвращении домой Борис и Катя Алёшкины нашли в своей семье некоторое изменение: нашлась исчезнувшая незадолго до этого Вера. Акулине Григорьевне удалось-таки разыскать дочь, которая, оказывается, болела брюшным тифом, лежала в больнице, а теперь вновь поселилась дома. Она была острижена наголо и со своими коротенькими, чуть курчавящимися волосами, походила на мальчишку. Вера, конечно, стеснялась своей стриженной головы и ходила постоянно в платочке.

Эла очень обрадовалась появлению мамы и папы и, конечно, привезённым московским игрушкам.

Побыв два дня дома, Борис Яковлевич и Екатерина Петровна приступили каждый к своей работе только с той разницей, что Катя вынуждена была заняться составлением различных планов, заявок, отчётов, распределением нарядов и организацией выдачи материалов многочисленным почтовым ящикам, число которых с каждым днём непрерывно увеличивалось, а Борис, придя в трест, получил работу, несколько отличную от той, которую он исполнял ранее. Хотя он и продолжал курировать те же отделы, которые были за ним закреплены, но, по предложению директора треста Новикова, временно – хотя бы на весеннюю путину, должен был побывать на кораблях, чтобы как следует ознакомиться

с траловым делом и в то же время подкорректировать действия тральщиков, оставленных в пределах залива Петра Великого. Таких судов было восемь. В прошлом, 1932 году эту функцию выполнял сам директор. Его зам. по производству Машистов, как и ранее, руководил второй основной группой судов, работавших в районе Камчатки.

Нужно отметить, что благодаря поездке Николая Александровича, а затем и Бориса в Москву, их личным контактам в Главрыбе и других снабжающих организациях, а также и большей оперативности нового руководства отдела снабжения, несмотря на возрастающие трудности в получении дефицитных материалов, снабжение ими Тралового треста в 1933 году проходило лучше, чем раньше. Улучшилось также оснащение тральщиков, финансовое положение треста. Этому немало способствовало успешное выполнение плана первого квартала 1933 года.

В тресте появился новый парторг ЦК – товарищ Меднис, по национальности латыш, большевик чуть ли не с 1903 года, очень серьёзный, вдумчивый, глубоко принципиальный и удивительно добросердечный человек. Высокий, чуть сутуловатый, уже пожилой, совершенно одинокий, он весь свой пыл, всю свою энергию, а её у него, несмотря на возраст, имелось ещё много, отдавал работе. Немудрено, что уже через несколько месяцев его знали и уважали не только все работники треста, но и все экипажи судов. Несмотря на недавнее вступление в должность, к моменту возвращения Бориса

из Москвы Меднис успел познакомиться с командами почти всех траулеров. Между прочим, как потом узнал Алёшкин, именно по его совету Николай Александрович направил Бориса на тральщики. Меднис говорил:

– Судя по некоторым данным, Алёшкин – парень с головой, с течением времени из него может получиться неплохой руководитель солидной организации. Для этого ему, конечно, нужно бы учиться, но так как сегодня отпустить его на учёбу мы не можем, надо попытаться дать ему возможность учиться на практике. Если же он будет всё время сидеть в кабинете, пробивать получение различных дефицитных материалов, да без конца улаживать разные финансовые затруднения, а нашего производства – живого дела знать не будет, то из него, в конце концов, не руководитель, а чиновник выйдет. Ему нужно обязательно поработать какое-то время на тральщиках.

Как мы знаем, Новиков послушался совета парторга. Более трёх месяцев Борис, переезжая с одного судна на другое, участвовал в их работе, связывался по радио с Новиковым (в тресте уже была установлена своя центральная радиостанция), докладывал ему о ходе лова и, получив соответствующие указания, со своего судна, на котором в данный момент находился и которое тогда считалось флагманским, управлял действиями всех тральщиков группы.

Вначале Алёшкину эта работа казалась очень сложной, но вскоре он с ней освоился. И так как во многом его роль

сводилась скорее к диспетчерским функциям, чем к работе настоящего руководителя, а также и потому, что, ежедневно связываясь с Николаем Александровичем Новиковым, он получал соответствующие указания, а по ряду вопросов без стеснения консультировался с капитанами, то при его врожденной сообразительности и незаурядных организаторских способностях, Борису удалось создать такие условия, что к концу июня южная группа тральщиков не только выполнила, но даже и перевыполнила свой план. Конечно, главная заслуга в этом деле принадлежала капитанам и командам судов, которые более или менее стабилизировались, были хорошо укомплектованы и, в конце концов, набрались уже достаточно опыта в проведении лова. Но всё же немалую роль сыграло и то, что все тральщики работали согласованно, своевременно собирались на обнаруженной банке, равномерно заходили под выгрузку рыбы и погрузку углём и, вообще, работали слаженно, а этим как раз и руководил Алёшкин.

Организация и строительство порта для тральщиков в бухте Диомид продвинулись значительно вперёд. На разгрузку и погрузку судов времени теперь уходило почти втрое меньше, чем в прошлом году. К сожалению, Камчатская группа, нацеленная в основном на лов более ценной рыбы – трески, в этом полугодии план недовыполнила. Опять постоянно возникали затруднения с погрузкой угля в Рогатинских коях, продолжались трудности и с транспортировкой выловленной продукции.

Хотя в этом 1933 году в распоряжении Тралового треста имелся уже постоянно прикрепленный рефрижератор, он со своей задачей из-за сравнительно небольшой тоннажности (около 1 500 тонн водоизмещения) не справлялся, и приходилось большую часть выловленной рыбы солить, что значительно снижало её качество. Да и места скопления и миграции трески в районе Охотского моря и Татарского пролива были изучены слабо. Очень часто работа велась на ощупь. Всё это привело к тому, что полугодовой план по тресту был опять не выполнен.

С июля месяца 1933 года Борис Алёшкин снова осел в своём кабинете. Было необходимо срочно пересоставить мобплан в соответствии с указаниями, полученными из Москвы, а это требовало большой и кропотливой работы. Как мы знаем, в обязанности Бориса входила также и работа в спецчасти: начальника этого отдела до сих подобрать не могли, имелась только секретарь-машинистка. Поэтому всю основную техническую работу спецчасти Борису приходилось делать самому.

В связи с невыполнением плана вновь возникли финансовые трудности, а Николай Александрович в этих вопросах совсем не разбирался. Борису с начальником фин. отдела, а чаще одному, так как Виноградов продолжал прихварывать, приходилось вновь выклянчивать субсидии от Востокрыбы и ссуды из Госбанка. Это требовало немалой изворотливости и настойчивости. С начала июля Алёшкин был с голо-

вой погружён во все эти дела, а директор треста Новиков выехал на тральщики, на этот раз в Камчатскую группу. Парторг Меднис был отозван обкомом ВКП(б) и назначен председателем комиссии по чистке партии в Дальгосрыбтресте и АКО. Техническим секретарём этой комиссии он взял комсомолку Екатерину Петровну Алёшкину.

Начавшаяся чистка со временем должна была пройти и в партячейке Тралового треста. Борис Яковлевич Алёшкин относился к ней без какого-либо волнения, он знал, что всё это время работал не за страх, а за совесть, и если и допускал иногда какие-нибудь служебные ошибки, то отнюдь не по злему умыслу или небрежению в работе, а по неопытности или незнанию. Ошибок, которые могли бы его опорочить в глазах партии, у него, как он считал, не было.

Гораздо более волновался Николай Александрович Новиков, вернувшийся из района Камчатки. Производственный план не выполнен, а ответственность за него лежала целиком на нём. Этим вопросам партия придавала особое значение. Волновался и начальник снабжения Вшивцев – перебои в снабжении продолжались. Председателем комиссии по чистке были назначены капитан какого-то военного корабля Кузнецов и два члена её – Морозов (тралмейстер одного из тральщиков, старый член партии) и второй из числа работников ДГРТ.

Чистка ячейки Тралтреста проходила в середине августа 1933 года. Первым, как водится, шёл секретарь партячей-

ки. В то время это был Захаров – в прошлом механик одного из тральщиков, затем механик треста, а с появлением должности главного механика треста и назначением инженера Чёрного, Захаров стал его помощником, но в основном занимался партийной работой. К этому времени в аппарате Тралового треста находилось более сотни служащих и ИТР, партиячейка состояла из 26 человек. Захарова основательно пробирали, главным образом за то, что он имел пристрастие к спиртным напиткам. Даже на работе иногда появлялся, как говорили, под мухой. Конечно, досталось ему и за невыполнение плана. Чистка первого члена ячейки ВКП(б) Тралтреста заняла целый вечер, потом работа комиссии по чистке проводилась ежедневно. Каждый день красный уголок ДГРТ, где собиралась комиссия, вмещавший человек 200 народу, бывал набит битком. На чистке присутствовали не только работники треста и команды тральщиков, находившихся в порту, но и некоторые служащие аппарата ДГРТ. Не было только парторга Медниса, он в это время проводил чистку в АКО.

Как было принято, руководство треста проходило чистку в самом конце. В числе первых прошёл чистку Борис Алёшкин. Быстро рассказав свою короткую биографию и ответив на ряд вопросов, заданных ему председателем и членами комиссии, в том числе и на вопросы политические, Борис с облегчением вздохнул, так как подумал, что всё уже конечно. Оказалось не так: председатель комиссии, заглянув в ка-

кую-то бумажку, лежавшую перед ним, вдруг спросил:

– Хорошо, товарищ Алёшкин, что вы можете сказать по делу Семёнова?

Борис растерялся, он никак не ожидал такого вопроса:

– Какого Семёнова? – спросил он.

– Ну, как какого? Вашего начальника ОКСа, который вкупе со своим главным инженером растратил 15 тысяч рублей и недавно был осуждён на десять лет.

Алёшкин искренне изумился. Конечно, он знал, что Семёнов и Сытин были задержаны где-то около Москвы, возвращены во Владивосток, и что в то время, когда он находился на тральщиках, над ними проходил суд, их осудили. На суде от треста выступали, как главные свидетели, главбух и бухгалтер, проводивший ревизию. Вот и всё, при чём тут он? Он так и спросил председателя:

– Простите, но при чём же здесь я? По моей инициативе провели ревизию в ОКС, при обнаружении растраты я немедленно сообщил в соответствующие органы. На работу Семёнова принимал директор треста, он же курировал ОКС. Я, право, не понимаю, почему меня спрашивают об этом.

Председатель комиссии взорвался:

– Ах, он не понимает! Вы же курировали финансово-счётный отдел! Почему не предупредили и не обнаружили растрату раньше? Вы курировали спецчасть, почему же допустили, что в аппарате треста оказались жулики и растратчики?!!

Борис попытался возражать:

– Но ведь у Семёнова была путёвка из ЦК и партийный билет.

– Ну и что! – не унимался председатель. – Всё равно вы за его действия ответственны.

– Да я с себя и не снимаю ответственности, – ответил Борис, тоже начинавший выходить из себя, – но я же не могу один отвечать за всех! Есть же и директор треста...

– Ах, вот как! Мало того, что вы себя виновным не признаёте, вы ещё пытаетесь свалить вину и на директора треста? Ладно, вопрос ясен. У вас вопросы есть? – обратился председатель к членам комиссии. Те отрицательно покачали головами. – Хорошо, можете идти. Кто хочет высказаться?

После того, как выступило несколько человек из работников треста и команд судов, отзывавшихся о Борисе Алёшкине положительно, председатель раздражённо заметил:

– Ну, мы тут хвалебных речей слушать не будем. Кто может добавить что-либо из компрометирующих материалов?

Когда зал ответил молчанием, то председатель заявил:

– На этом заседание закрывается. Завтра приступаем к чистке директора треста, товарища Новикова Николая Александровича. Желающие подать компрометирующие материалы могут сдать их секретарю комиссии в письменной форме, фамилии их оглашаться не будут...

Борис был чрезвычайно удручён резким тоном, которым с ним велась беседа и, главное, ошарашен обвинением, как

ему казалось, совершенно беспочвенным. Между прочим, так казалось не только ему. Возвращаясь с собрания, окружённый товарищами, он слышал:

– Да не волнуйся ты, Борис Яковлевич. Просто, наверно, председатель не с той ноги встал, вот он и взелся на тебя.

Пожалуй, ещё более удручённым шёл домой Новиков. Слушая, как председатель комиссии резко разговаривал с его молодым заместителем, он невольно думал: «Ну, если так он разделявал Алёшкина, то что же будет со мной? Ведь я-то за всё отвечаю: и за невыполненный план, и за Семёнова, да мало ли ещё за что! Припомнит мне моё меньшевистское прошлое – плохо дело... Так будут трепать, что, пожалуй, ещё и вычистят».

Действительно, чистка директора Тралтреста Новикова продолжалась два вечера, ему припомнили не только меньшевизм, все недостатки, которые имелись в немалом количестве в Тралтресте, но и все грехи управления Морлова ДГРТ, к которым он уж никакого касательства не имел. Крепко ему попало и за вложение больших средств в строительство холодильника, которое, по мнению председателя комиссии, почему-то вообще было ненужным. Досталось ему, конечно, и за Семёнова, и за ОКС вообще. Одним словом, в своих ядовитых вопросах и замечаниях Кузнецов с такой откровенной яростью обрушивался на Новикова, как будто перед ним был не старый член партии, а махровый белогвардеец.

Между прочим, до чистки Бориса Алёшкина Кузнецов

вёл себя значительно сдержаннее и до сих пор к таким резким и грубым выражениям, которыми он осыпал Бориса Яковлевича и Николая Александровича, ни разу не прибежал. Все были изумлены. Когда при высказываниях старались оттенить положительные стороны в работе треста и его директора Новикова, то Кузнецов обрывал выступавших и требовал сообщать только компрометирующие материалы:

– А какой он хороший, мы и без вас знаем! – говорил он.

Наконец, и этот, последний день чистки был окончен. Кузнецов объявил, что следующее заседание с оглашением результатов, а также вручением партийных билетов, состоится через неделю (каждый, проходивший чистку, подходя к столу комиссии, вынимал свой партийный билет и на глазах всех присутствующих передавал его председателю комиссии, который, проверив уплату членских взносов и сличив записи с лежавшим перед ним личным делом коммуниста, отдавал билет секретарю; таким образом, все проходившие чистку, на некоторое время становились как бы беспартийными).

Само собой разумеется, что чистка чисткой, а работа треста должна была идти своим чередом. Несмотря на волнения и переживания, все коммунисты, в том числе Новиков и Алёшкин, продолжали работать с полной отдачей сил. К этому времени Меднис уже освободился от своих обязанностей по чистке партячек ДГРТ и АКО, и хотя в результате его работы было наложено немало взысканий и исключе-

но в обеих ячейках пять человек, решения комиссии встречали аплодисментами. Все признавали действия комиссии, возглавляемой Меднисом, вполне справедливыми.

Когда Николай Александрович Новиков поведал Меднису о своих волнениях и тревогах, тот только улыбнулся и сказал:

– Ну, если таких, как ты, вычищать, так в ДГРТ и АКО больше половины надо вычистить, там Яков Михайлович Беркович один чего стоит! Ведь в прошлом ярый бундовец, а ты знаешь, как Ленин к БУНДу относился? Да и в настоящем дела у него идут не лучшим образом: план выполняется хуже, чем у нас. Однако, разобравшись, мы его только выговором наградили.

Но вот прошла неделя. Зал красного уголка снова был забит. Когда Кузнецов начал чтение протокола комиссии, то все слушали, затаив дыхание. Было так тихо, что казалось, будто зал пуст. В этой тишине отчётливо звучал голос Кузнецова, перечислявшего фамилии коммунистов и заключение комиссии. Уже были названы почти все члены ячейки, большинство прошли чистку без замечаний, кое-кому предлагалось повысить уровень своих политических знаний, несколькими были объявлены выговоры. Наконец, прозвучала фамилия директора треста. Заключение комиссии перечислило тёмные стороны биографии Николая Александровича, его меньшевистское прошлое, многочисленные недостатки в работе треста, в том числе и действия растратчика Семёнова,

неправильное вложение средств в строительство холодильника. Было вынесено решение:

«За совершение всех перечисленных проступков товарищ Новиков Н. А. должен бы быть исключён из рядов ВКП(б), но, принимая во внимание его рабочее происхождение, большой партийный стаж, чистосердечное раскаяние, а также и меры, направленные им на исправление недостатков в работе треста, комиссия считает возможным ограничиться строгим выговором с предупреждением».

Вслед за тем Кузнецов зачитал короткое заключение по чистке секретаря партячейки Захарова: «За систематическое пьянство – исключить». Наконец, последним было оглашено постановление о Борисе Яковлевиче Алёшкине. В констатирующей части его говорилось, как Алёшкин не уследил за тем, что в аппарате треста окопались два проходимца, совершившие растрату в 15 тысяч рублей; что Алёшкин также, как и директор треста Новиков, неправильно ориентировался на строительство холодильника, и не только не препятствовал выделению средств на это, но и способствовал ему; в вопросе с Семёновым он пытался свалить свою вину на директора треста, а потому «за притупление классовой бдительности Алёшкина Бориса Яковлевича из рядов ВКП(б) исключить».

Такое заключение было неожиданным не только для Бориса, но и для всех присутствующих. Вместо обычных аплодисментов, которыми, как правило, всюду сопровождалось решение комиссии по чистке, оглашение данного протоко-

ла сперва вызвало полное молчание, а затем какие-то перешёптывания и переговоры. Помолчав несколько минут и так и не дождавшись положительной реакции на своё решение, Кузнецов произнёс:

– Члены партии, прошедшие чистку, могут подойти к секретарю комиссии и получить свои партбилеты, исключённые имеют право подать апелляции в городскую комиссию по чистке.

Услышав заявление о том, что собрание закрыто, Меднис бросился на сцену и начал, что-то горячо доказывать Кузнецову, но тот лишь отрицательно качал головой. После этого Меднис, видимо, не сдержался, выругался и сошёл в зал. Удивлённые и подавленные люди расходились по домам, зал опустел. Никто не думал, что Бориса Яковлевича Алёшкина, пользовавшегося авторитетом, уважением и даже любовью у коммунистов и вообще среди сотрудников, вот так вдруг возьмут и исключат. Нашлись и те, кто говорил примерно так:

– Исключили – значит за дело! Может Кузнецов-то нам всего и не прочитал, мало ли, что там ещё было. Может, всего-то и рассказывать нельзя. Зря не исключат!

Всегда ведь находятся такие провидцы, предполагающие за любым человеком самое худшее, что только может подсказать их воображение. Так, конечно, было и здесь. Все разошлись, а Борис остался сидеть в углу зала, ещё не вполне осмыслив, что же произошло. Он продолжал надеяться, что

это какое-то недоразумение, какая-то глупая шутка, вовсе к нему не относящаяся. Он был настолько уверен, убеждён в своей невинности перед партией, что даже не сразу понял слова Медниса и Новикова, подошедших к нему и предлагавших как можно скорее подать апелляцию в городскую комиссию по чистке. Меднис видел, какое состояние овладело его молодым другом, а он с самых первых дней возвращения Алёшкина из Москвы был частым его гостем. Видимо, он очень привязался к Борису, к Кате и их дочурке и с удовольствием коротал у них редкие свободные вечера. Он решил проводить Бориса домой.

Когда они пришли, Екатерина Петровна, весело встретив их, предложила скорее садиться ужинать и пить чай. Но тут она заметила вид своего мужа и сразу всё поняла:

– Исключили?! – воскликнула она.

Борис кивнул головой.

– Недоразумение, – сказал Меднис, – завтра Борис подаст апелляцию в горкомиссию и будет восстановлен. Пожалуйста, не волнуйтесь.

Он отказался от чая и оставил Алёшкиных одних. Акулины Григорьевны дома не было, а Вера и Элочка, как и в прошлом году, жили с детсадом на даче.

– Борька, да что же это такое? За что тебя исключили? Что ты такое наделал-то? – прижавшись к Борису и стараясь уместиться с ним вместе на одном кресле, спрашивала Катя.

– За Семёнова – вяло ответил он.

– За Семёнова?! – даже засмеялась Катя. – Какая ерунда, ты-то тут при чём? Что же, ты виноват в том, что разоблачил этого жулика, так что ли? Ну, тогда это действительно ерунда.

Она вскочила, приготовила постель, стала раздеваться и, помолчав несколько минут, продолжила:

– Раздевайся, ложись спать и плюнь на всё. Вот, я писала протоколы у Медниса. Да там такие дела открывались, что твой Семёнов – муха! И то никому ничего не было, самое большое – выговор. Перестань, Борька, не расстраивайся, восстановят. Спи.

Но, однако, Борис в эту ночь не спал, не мог уснуть. И не потому, что был взволнован исключением, его возмутил самый факт такой вопиющей несправедливости, такого невероятного, ничем не объяснимого, не совместимого, в его понятиях о коммунисте, поступка со стороны Кузнецова. Почему-то он был уверен, что именно Кузнецов настоял на его исключении и был инициатором этого решения. Между прочим, так и оказалось. Морозов впоследствии рассказывал, что он голосовал против этого решения, а второй член комиссии поддался влиянию Кузнецова.

Мысленно Борис ещё и ещё раз перебирал всю свою сознательную жизнь, считал все свои вольные или невольные преступления – ни одно из них на чистке не упоминалось (знаем о них сейчас только мы), и всё же приходил к выводу, что он был полезным членом партии, исключение его –

ошибка. Гораздо позже, обсуждая этот вопрос с Меднисом, Борис узнал, что Кузнецову было поручено разгромить руководство Тралового треста, который не справлялся с выполнением производственного плана. Новиков был рабочим, старым коммунистом – применить к нему самые строгие меры Кузнецов не решился. Алёшкин происходил из служащих, был ещё очень молодым членом партии, вот Кузнецов на нём и отыгрался.

Через несколько дней дело Бориса Яковлевича Алёшкина разбиралось на городской комиссии по чистке, куда он, по совету своих старших друзей, подал апелляцию буквально на следующий день после злосчастного собрания. Так уж случилось, что в день разбора его апелляции, председателем апелляционной комиссии снова был тот же Кузнецов. Конечно, разбирая жалобу на своё же решение, ему, как всякому порядочному коммунисту, следовало бы отказаться от её рассмотрения и передать дело другому председателю. Но он поступил не так – настоял на утверждении своего предыдущего решения. Разбор дела Алёшкина длился всего десять минут. Секретарь зачитал решение комиссии, по которому Борису не было задано ни одного вопроса, затем ему предложили выйти и подождать в соседней комнате. Сквозь закрытую дверь он слышал, как что-то зло и убеждённо говорил Кузнецов, затем какое-то робкое возражение одного из членов комиссии, затем опять раздражённый голос Кузнецова. Через несколько минут после этого в комнату, где сидел Бо-

рис, вышел секретарь и сказал:

– Плохо ваше дело, товарищ Алёшкин... Городская комиссия утвердила решение о вашем исключении, вынесенное местной комиссией. Если вы не согласны, можете подавать заявление в комиссию при обкоме партии. Срок подачи заявления – две недели.

Борис даже особенно не удивился и не огорчился вынесенному решению потому, что уж очень сильно он был потрясён всеми предыдущими событиями, или потому, что, увидев в комиссии Кузнецова, уже приготовился к самому худшему и, собственно, другого решения и не ждал.

В тресте продолжали втихомолку шушукаться и обсуждать непонятное решение комиссии, однако вслух никто ничего не говорил. Николай Александрович утешал Алёшкина надеждами на решение обкомовской комиссии, а Меднис негодовал, возмущался поведением Кузнецова и сетовал на то, что Борис поспешил с подачей апелляции в горком:

– И чёрт меня дернул советовать тебе, Борис, торопиться с апелляцией! – говорил он. – Не думал я, что очередь работать в городской комиссии выпадет на Кузнецова, не думал я также, что он возьмётся разбирать апелляцию на своё собственное решение. Вот уж, свинья так свинья! Ведь с завтрашнего дня председателем городской комиссии буду я, ну что бы на два-три дня задержаться с разбором твоего дела! Совсем другой результат бы был. Ну да ладно, пиши апелляцию в обком партии, обязательно укажи, что твоё дело два-

жды разбирал один и тот же человек. Я от себя тоже кое-что добавлю. Апелляцию давай мне, я её сам передам в обком.

Борис в этот же день написал новое подробное заявление и, зайдя в кабинет Новикова, где находился Меднис, передал ему. Затем он обратился к директору треста:

– Николай Александрович, – сказал он, – теперь, когда я, по сути дела, стал человеком беспартийным, мне неудобно оставаться твоим заместителем, очевидно, придётся кому-то передать мои дела. Ну, а меня можешь использовать на любой работе по своему усмотрению...

Меднис и Новиков переглянулись, и последний ответил:

– Мы ждали такого заявления от тебя и только что об этом говорили. Вот что я тебе скажу. Во-первых, мы, дирекция треста, не считаем решение о твоём исключении окончательным, а во-вторых, в здесь работают не только партийные люди. И у нас, как ты знаешь, один из заместителей директора, Иван Васильевич Машистов – человек беспартийный, поэтому мы считаем, да и не только мы, я говорил об этом в Востокрыбе и в обкоме, там придерживаются нашего мнения, что поскольку по службе, по работе мы тебя можем характеризовать только положительно, то нет никаких оснований освободить тебя от занимаемой должности. Продолжай работать, как работал. Так я говорю? – повернулся он к Меднису.

Тот согласно кивнул головой и, улыбнувшись Борису, подтвердил:

– Так-так. Не вешай, Борис, носа, а лучше старательнее работай, докажи, что обвинения, притянутые Кузнецовым, ничего не стоят. Между прочим, это будет влиять на решение комиссии при обкоме. Как я вижу, там разбор дела произойдёт не скоро, очевидно, не раньше, чем через три-четыре месяца, и чем лучше ты это время будешь работать, тем будет лучше, в первую очередь, для тебя же. Так что давай-ка берись по-прежнему за дела, тем более что мы сейчас на тебя думаем одно важное дело взвалить, – добавил он, посмотрев на Новикова.

– Видишь ли, Борис Яковлевич, – вмешался в разговор директор, мы должны передислоцировать управление Тралтреста в бухту Диомид. На этом настаивает управление Востокрыбы и секретарь Приморского обкома партии. Нужно сосредоточить управление траловым флотом в одном месте, и, конечно, лучше всего это сделать там, где имеется наша флотская база. Здание для нас, как ты знаешь, переоборудуется из старой казармы ещё с весны, но идёт это дело очень медленно. Ты должен будешь ускорить это переоборудование и постараться к 1 октября перебазировать наше управление в бухту Диомид. Причём это надо сделать так, чтобы на работе отделов треста и, конечно, на руководстве флотом это никак не отразилось. Продумай вопрос и о переселении, а на первое время – о доставке сотрудников из города к новому месту работы.

Весь следующий месяц Алёшкин почти не бывал дома.

Он проявил всю свою энергию, изобретательность и смекалку, чтобы выполнить возложенное на него задание. С неиссякаемым упорством он искал необходимые материалы, рабочих, буквально заездил нового начальника ОКС и начальника снабжения Вшивцева, но так или иначе, а в первых числах октября 1933 года Дальневосточный Траловый трест праздновал своё новоселье. Правда, пока ещё дело с жильём для сотрудников обстояло неважно, и не столько потому, что его невозможно было найти на мысе Чуркина, сколько потому, что большинство имело хорошие квартиры в городе и переселяться оттуда, естественно, не хотело.

В одной из недостроенных казарм, расположенных вблизи той, в которой разместилось управление треста, стараниями Алёшкина отделали несколько комнат. Их можно было использовать как общежитие для работников управления, вынужденных задерживаться в тресте допоздна.

В ноябре из Москвы пришло предписание ввести в командах тральщиков должности помощников капитана по политчасти, и, кроме того, ввести для всех членов команды судов и служащих треста специальную форму, как это было уже введено на траловом флоте в Мурманске. Для её пошива была уже отгружена соответствующая материя, поступили в трест и образцы формы. По этому новому статуту директор треста становился одновременно и командующим траловым флотом, поэтому его форма имела множество золотых нашивок на рукавах. Все его заместители получали звание

помощников командующего, количество нашивок у них было несколько меньшим. Форма эта выдавалась за деньги, но по государственной стоимости. Перед отделом снабжения, а, следовательно, и перед его шефом Борисом Алёшкиным встала задача своевременного изготовления формы для всего личного состава, поиск мастерских, оформление с ними договоров на пошив. Конечно, одновременно не должна была ослабевать работа и по обеспечению выполнения производственного плана.

Кстати сказать, этот 1933 год был значительно более успешным для тралового флота; до конца года оставалось более полутора месяцев, и имелись основания предполагать, что годовой план будет выполнен вовремя.

Личные дела Бориса Алёшкина продолжали оставаться без изменений. Как говорил Меднис, в обкоме очередь до разбора его апелляции ожидалась ещё не скоро. Катя весь этот период, кроме своей основной работы, была чрезвычайно загружена в комиссии по чистке, возглавляемой Меднисом, она продолжала вести сложную и кропотливую работу технического секретаря. Весь дом находился на руках Акулины Григорьевны. Девочки вернулись с дачи: Вера опять начала заниматься в техникуме, хотя и без большого желания, а Элочка пошла в свой детский сад. Ей уже исполнилось пять лет, и она, радуясь коротким встречам с папой и мамой, рассказывала им свои детские новости.

В январе совершенно неожиданно пришёл приказ из

Главрыбы: передать 15 тральщиков Военно-Морскому флоту. Специалисты, тралмейстеры, некоторые капитаны и желающие рыбаки откомандировывались в распоряжение Мурманского Тралового треста. Часть сотрудников аппарата треста подлежала сокращению, остальные должны были переехать вместе с дирекцией и оставшимися тральщиками на Камчатку, где организовался новый Дальневосточный Траловый трест. Срок выполнения приказа – первый квартал 1934 года. Приказ этот свалился как снег на голову и был непонятен не только работникам Тралового треста, но и управлению Востокрыбы, и даже обкому ВКП(б). На все запросы из Москвы поступил лишь один ответ за подписью наркома А. И. Микояна, что таково решение правительства, и оно должно быть выполнено в срок. В кулуарах треста знающие люди шёпотом говорили, что это решение приняли в связи с осложнением международной обстановки на Дальнем Востоке и в результате поездки по Приморью К. Е. Ворошилова.

Так или иначе, но перед многими работниками Тралтреста стала дилемма – ехать на Камчатку или увольняться. Большинство выбрали последнее. Этот же вопрос решал для себя Борис Яковлевич Алёшкин. После длительного обсуждения в своей семье и с друзьями постановили, что ему нужно уволиться. В этом решении сыграли большую роль и письма, получаемые Алёшкиными от Сердеевых, живших в это время в г. Армавире и настойчиво приглашавших их к се-

бе. Д. Я. Сердеев в это время работал вторым секретарём Армавирского горкома ВКП(б), а Людмила Петровна – учительницей в одной из школ. Они описывали преимущества южной природы и уговаривали Бориса и Катю переехать на Кавказ.

Как выяснилось впоследствии, на самом деле, им очень не хватало Акулины Григорьевны: оба их сына нуждались в постоянном присмотре, а сами они из-за занятости уделить им необходимого внимания не могли. Сердеевы понимали, что одна Акулина Григорьевна не поедет, а зная, что Борис и Катя – ребята работоспособные и смогут работать в любом месте, они и звали их всех вместе.

В то время выезд с Дальнего Востока был очень затруднён, особенно для работников такого масштаба, как Борис Алёшкин. Уехать можно было только по специальному разрешению обкома. Хотя фактически Алёшкин был всё ещё беспартийным, несомненно, такое разрешение было необходимо и ему. В результате длительных разговоров с Николаем Александровичем и Меднисом, Борис сумел убедить их в необходимости своего увольнения из треста и выезде с Дальнего Востока. Причём одним из основных аргументов, выдвинутых им, был тот, что ведь он, Борис Алёшкин, фактически не имеет никакой специальности, и что, пока ещё не ушло время, ему нужно обязательно учиться, чтобы иметь за плечами какие-нибудь прочные знания. Между прочим, это был не только предлог. После многократного обсуждения этого

вопроса с Катей и долгих самостоятельных раздумий, Борис пришёл к выводу, что ему необходимо получение какого-нибудь специального образования. Неважно, будет или нет восстановлен он в партии, специальность ему всё-таки нужна. В таком духе Борис и написал заявление в Востокрыбу, Новиков и Меднис наложили на него соответствующие резолюции. Сам Меднис лично договорился в обкоме ВКП(б) о выдаче разрешения Борису Алёшкину и его семье выехать с Дальнего Востока. Николай Александрович Новиков поставил только одно условие: чтобы Борис повременил с увольнением, а также и с выездом до тех пор, пока выделенные тральщики не будут сданы Военно-Морскому флоту. Надо сказать, что работники штаба ВМФ медлить с приёмкой судов не стали.

Мы знаем, что военный флот Дальнего Востока того времени был очень малочисленным, и получение полутора десятков почти новых, хотя и не специально военных, а лишь переоборудованных, кораблей для Морских сил Дальнего Востока было очень нужным делом. Пока суда принимались вместе с командами, и лишь впоследствии личный состав заменялся краснофлотцами. Поэтому передача тральщиков заняла очень немного времени. К середине февраля эта работа была закончена.

В начале марта Екатерине Петровне Алёшкиной удалось получить расчёт в своей конторе. К этому же времени оформилось увольнение и Бориса Яковлевича. Они ликвидирова-

ли все свои домашние вещи, продав их представителям организации, претендовавшей на квартиру. Были проданы даже все книги. Таким образом, их капитал к моменту отъезда вместе с полученной зарплатой и выходным пособием (трёхмесячным окладом), полученным Борисом в связи с увольнением по реорганизации учреждения, составил солидную сумму.

Приобретение железнодорожных билетов тоже оказалось делом длительным и сложным, но и этот вопрос, при помощи своего бывшего подчинённого Вшивцева, Алёшкину удалось решить сравнительно быстро. Билеты купили в мягкий вагон, заняли целое купе. Дорога предстояла длинная, ехать надо было девять дней до Москвы, а оттуда ещё до Армавира двое суток.

Отъезд пришёлся на 15 марта. Уезжали Борис, Катя, Акулина Григорьевна и Элочка. Вера оставалась в их квартире до окончания учебного года – такова была договорённость при продаже мебели. Впоследствии Вера планировала переехать в общежитие, а потом самостоятельно решить вопрос о том, где она будет жить. Вообще-то, конечно, и со стороны Акулины Григорьевны, и со стороны старших Алёшкиных было легкомысленно бросать девчонку, которой ещё не исполнилось и 16 лет, на произвол судьбы одну в таком городе, как Владивосток. Но Боря и Катя были ещё сами слишком молоды и беззаботны, а Акулина Григорьевна, находясь в полной материальной зависимости от них, стеснялась на-

стаивать на своём в этом вопросе.

После покупки билетов и продуктов на дорогу, при подсчёте оставшихся средств оказалось, что у них на руках 13 тысяч рублей. Оставив 500 рублей Вере, всё остальное они взяли с собой и надеялись, что, по крайней мере, до зимы смогут прожить на эти деньги. Ну, а за это время что-нибудь определится и со службой.

13 марта отъезжающие собрали всех близких знакомых и устроили маленький прощальный вечер, на нём не присутствовал только Меднис, который за два дня до этого был срочно вызван в ЦК для получения нового назначения. Утром 14 марта, когда у Алёшкиных все вещи были уложены, посыльный из треста принёс ему пакет, в котором находился вызов его в апелляционную комиссию по чистке при обкоме ВКП(б). Вызов был на 16 часов этого дня. Просидев в числе ожидавших разбора дела около получаса, Борис зашёл в комнату, где заседала комиссия. Сев на предложенный ему стул, он внимательно посмотрел на людей за столом, их было трое. Сбоку за отдельным столиком сидел четвёртый, очевидно, секретарь. Никого знакомого среди членов комиссии Борис не заметил, но обратил внимание, что все трое пожилых людей рассматривают его внимательно, спокойно и даже как бы с сочувствием. Это его приободрило, и он толково и внятно отвечал на многочисленные вопросы, задаваемые ему членами комиссии. Наконец, сидевший в центре, по-видимому, председатель, спросил:

– За что же тебя всё-таки исключили?

Борис, почти не задумываясь, ответил:

– Не знаю!

Тогда этот же товарищ задал новый вопрос:

– Ну а с этими мошенниками-то ты, что, был знаком? Дружил, в ресторанах бывал?

– Да нет, что вы, – возмутился Борис, – я вообще в ресторанах не бывал, а этих двоих только и видел, что на работе, когда они в конторе появлялись. Да мне и по работе-то с ними приходилось сталкиваться редко. Вот только при ревизии они ко мне зачастили.

– Да-а-а! – сказал председатель. – Ну, выйди, посиди там.

Алёшкин вышел. Сидевшие в комнате ожидания обратились к нему с вопросом:

– Ну как? Ну что?

– Не знаю... – неуверенно ответил он, и, отойдя к окну, закурил.

Не прошло и десяти минут, как секретарь вновь пригласил его. На этот раз садиться ему не предлагали, наоборот, председатель сам встал и сказал:

– Так вот, товарищ Алёшкин, апелляционная комиссия Приморского обкома ВКП(б) считает, что и низовая, и городская комиссия по чистке вынесли неправильное решение о твоём исключении, поэтому мы эти решения отменяем. Ну а за то, что, как отмечает комиссия, ты пытался вину с себя переложить на директора треста товарища Новикова, мы

объявляем тебе выговор. Партийный билет получишь через три дня в общем отделе обкома после утверждения нашего решения на бюро.

Увидев замешательство Алёшкина, председатель спросил:

– Ты что? Что-нибудь непонятно?

– Да нет, – смущённо ответил Борис, – всё понятно. Я почему-то был уверен, что вы правильно разберётесь в моём деле. Но я не знаю, как быть с партбилетом, ведь я завтра уезжаю с Дальнего Востока, я получил разрешение на выезд от обкома, у меня уже билеты на руках...

– Это осложняет дело. Ну да ладно, когда приедешь к новому месту жительства, напиши в обком на имя зав. общим отделом, и тебе вышлют твой билет. Ну, счастливо, до свидания, – и председатель протянул Борису руку, которую тот крепко пожал.

Домой он летел, не чуя от радости и счастья под собой ног. Конечно, все домочадцы и пришедшая их проводить знакомая были очень обрадованы благополучным, как все считали, завершением этого глупого дела и от души поздравляли Бориса.

15 марта 1934 года семья Алёшкиных заняла купе в пятом вагоне поезда № 2 и с нетерпением ожидала отправления его из Владивостока. Но и тут им ещё пришлось пережить одно испытание. Минут за десять до отправления поезда в вагон зашли работники НКВД и потребовали у всех пасса-

жиров документы на право выезда с Дальнего Востока. Довольно долго и придирчиво они проверяли документы Бориса Алёшкина, что заставило его и всю его семью пережить несколько неприятных минут. Наконец, старший из проверивших как бы с сожалением вернул документы и сказал:

– Ну что же, раз обком разрешил, езжайте. Есть же счастливые люди, учиться едут!..

А ещё через несколько минут звякнул станционный колокол, дунул в свисток кондуктор, ему откликнулся паровоз, вагон качнулся и здание владивостокского вокзала, а затем и станционные постройки, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее поплыли назад, в прошлое. Некоторые из отправлявшихся в путь никогда более не вернулись назад.

Борис и Катя вышли из купе, и, взявшись за руки, прислонились лбами к большому гладкому стеклу вагонного окна. Они с грустью глядели на пронесившиеся мимо здания города и думали о том, какая жизнь ждёт их впереди, как-то она сложится, что она им сулит. Их маленькая дочка вертелась между родителями, стараясь тоже заглянуть в окно, а старая бабушка уже хозяйничала в купе, размещая многочисленные пожитки семьи. Пожелаем нашим путешественникам счастливого пути и простимся с ними до следующей части.